

УПРАВЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПО ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОМЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«СОЮЗ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ»

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

МАТЕРИАЛЫ

I Международной научно-практической конференции,
посвященной Дню образования Следственного комитета
Республики Беларусь

Гомель, 20–21 сентября 2018 года

Гомель
ГГТУ им. П. О. Сухого
2018

УДК 343.1
ББК 67.410.211+67.410.212
П90

Редакционная коллегия:

*С. М. Паско, А. К. Балащенко, В. А. Брилёва, Д. В. Варфоломеев,
С. Л. Емельянов, С. А. Кузьмичёв, А. Э. Набатова,
И. М. Синица, И. И. Эсмантович*

П90 **Пути** совершенствования досудебного производства в уголовном процессе : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню образования Следств. ком. Респ. Беларусь, Гомель, 20–21 сент. 2018 г. / Упр. Следств. ком. Респ. Беларусь по Гом. обл., Гом. обл. обществ. об-ние «Союз следователей», Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: С. М. Паско [и др.]. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2018. – 272 с.

ISBN 978-985-535-382-0.

Рассмотрены актуальные вопросы досудебного производства по уголовным делам с позиций уголовного права и уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Особое внимание уделено совершенствованию подготовки кадров по направлению «Следственная деятельность».

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов вузов.

УДК 343.1
ББК 67.410.211+67.410.212

ISBN 978-985-535-382-0

© Оформление. Учреждение образования
«Гомельский государственный технический
университет имени П. О. Сухого», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Секция I ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

<i>Левская Л. А.</i> Изменения в досудебном производстве в условиях перехода от обвинительного процесса к следственно-розыскному	10
<i>Санюк Э. И.</i> Использование понятия личности преступника в контексте соблюдения принципа презумпции невиновности	13
<i>Сенькова Т. В.</i> Способы урегулирования (разрешения) уголовно-правового конфликта	15

Секция II АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

<i>Владыкина Т. А.</i> Реализация принципа законности в досудебном производстве по уголовному делу	19
<i>Воскресенский В. Р.</i> О некоторых мерах по укреплению международного взаимодействия в сфере борьбы с наркопреступностью	22
<i>Дмитрук Д. Г., Кузьмичёв С. А.</i> О состоянии и перспективах развития международного сотрудничества в сфере досудебного уголовного производства органов предварительного следствия Республики Беларусь и Российской Федерации	26
<i>Локтевич О. И.</i> О значении участия защитника подозреваемого (обвиняемого) в предварительном расследовании	28
<i>Родионова Ю. В., Мишенина А. А.</i> Актуальные вопросы применения преюдиции в уголовном судопроизводстве	32
<i>Самарин В. И.</i> Допустимость передачи иностранному государству осуществления уголовного преследования в отношении собственного гражданина	35

Секция III ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, СТРАНАХ СНГ И ЕВРОПЫ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

<i>Букато Л. Г., Сербун А. М.</i> О некоторых теоретических и практических аспектах процессуальной самостоятельности следователя	39
<i>Воробьёв Д. Н.</i> Пути совершенствования статуса начальника следственного подразделения в уголовном процессе Республики Беларусь	42
<i>Крупенькин С. С.</i> Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением лица, совершившего преступление, как один из институтов досудебного производства по уголовным делам	45
<i>Машинская Н. В.</i> Способы проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении по российскому уголовно-процессуальному законодательству	47
<i>Попов Е. М.</i> Проблемы уголовно-правовой квалификации и расследования подкупа участников профессиональных спортивных соревнований	50
<i>Рокач И. А.</i> О некоторых проблемах предварительного расследования служебной халатности	54
<i>Рябинина Т. К.</i> К вопросу о функциональной направленности деятельности следователя ..	57
<i>Цыкунова И. Н.</i> Участие защитника и представителя в собирании доказательств	61
<i>Шилко Ж. А.</i> Эффективность как составляющая оперативности расследования преступлений	63

Секция IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

<i>Алихаджиева И. С.</i> Виктимологические аспекты сексуальной эксплуатации мигрантов ...	67
<i>Ананич В. А.</i> Криминологическое обеспечение деятельности следователя	70

<i>Афонченко Т. П.</i> Проблемы применения превентивного надзора в контексте квалификации преступлений, предусмотренных статьями 421, 422 Уголовного кодекса Республики Беларусь	73
<i>Блохин А. С.</i> Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел по противодействию терроризму	76
<i>Воинов Д. О.</i> Совершенствование законодательства в сфере ответственности за изготовление или переработку наркотиков	79
<i>Емельянов С. Л.</i> К вопросу о привлечении к уголовной ответственности умершего обвиняемого	82
<i>Ильчук В. А.</i> О мерах по совершенствованию предупреждения незаконного оборота наркотиков	84
<i>Койта П. И.</i> Особенности квалификации преступления, связанного с нарушением правил несения пограничной службы или осуществления пограничного контроля	87
<i>Кондратенко Е. В.</i> Половые сношения и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста	89
<i>Конин В. В.</i> Контрабанда наркотических средств в современных условиях	91
<i>Коротич Е. А.</i> К вопросу закрепления ответственности за обращение человека в рабство или подневольное состояние	94
<i>Кухарёнок С. Г.</i> К вопросу об уголовной ответственности военнослужащих за служебный подлог	96
<i>Литвин М. Н., Афонченко Т. П.</i> О некоторых вопросах правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь	99
<i>Марчук В. В.</i> Практика прокурорского надзора за законностью принятых в досудебном производстве решений о правовой оценке признания деяния малозначительным	103
<i>Можсаева Л. Е., Можсаев А. С.</i> Хулиганство как административное правонарушение и преступление: сравнительный анализ	106
<i>Пантелеева Н. В., Козлова В. Д.</i> Эвтаназия: уголовно-правовой аспект	109
<i>Петранис Е. А.</i> Роды как повод, порождающий психотравмирующую ситуацию (статья 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь)	111
<i>Плоткина Л. Н., Бурлаков В. Н.</i> Психологический механизм формирования наркозависимости у лиц, совершивших преступление в сфере незаконного оборота наркотиков	113
<i>Политова А. С.</i> Состояние и динамика наркопреступности в Украине	116
<i>Португал М. Л.</i> Уголовно-правовая характеристика незаконной предпринимательской деятельности	119
<i>Семёнова Н. В.</i> К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних	122
<i>Синица И. М.</i> К вопросу об определении объекта убийства сотрудника органов внутренних дел	125
<i>Сыс С. В.</i> О дуалистической природе общественной опасности	128
<i>Харевич Д. Л.</i> О совершенствовании норм, определяющих крупные размеры аналогов и прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ	130
<i>Шиловский С. В.</i> Особенности законодательного закрепления категории способа совершения преступления в уголовных кодексах постсоветских стран	132
<i>Эсмантович И. И.</i> К вопросу о предупреждении коррупционных преступлений	134

Секция V

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

<i>Арпентьева М. Р.</i> Полиграфологические и профайлинговые дискуссии: проблемы достоверности	137
<i>Бахтеев Д. В.</i> О недостатках процесса криминалистической алгоритмизации и криминалистическом мышлении	140

Беломытцев Н. Н. Целевые кибератаки как способ совершения хищения путем использования компьютерной техники.....	143
Бочарова О. С. Направления развития средств защиты документов, удостоверяющих личность, и перспективные методы их проверки	147
Варавко Ю. В. Психофизиологическая экспертиза как средство доказывания в уголовном процессе Республики Беларусь.....	151
Гигевич А. И. Место и время как основные элементы обстановки криминального исчезновения граждан	154
Глинский Г. В. Теоретико-методологические основы расследования хищений, совершенных с использованием платежных карт.....	158
Григорович В. Л. О понятии и содержании экспертной методики	161
Губич М. В. Возможности использования экспертных систем при расследовании преступлений в сфере высоких технологий	164
Евдохова Л. Н. К вопросу судебной экспертизы потребительских свойств продовольственных товаров.....	167
Желобкович А. Г. Обстановка совершения мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости.....	169
Жук М. Г. К вопросу понятия криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в криминалистике: теоретический аспект	172
Климова Е. И., Климов Д. А. Поисковые признаки хищений, совершаемых путем злоупотребления служебными полномочиями	175
Костюкович Д. В. Оказание оперативными подразделениями органов внутренних дел содействия следователю при проведении следственных и иных процессуальных действий как форма процессуального взаимодействия.....	178
Кудрявцев Д. С. Этапы развития учения о преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь	181
Лозовский Д. Н. К вопросу о понятии и содержании термина «метод расследования преступлений»	183
Мотолько А. Ф. Аспекты информационно-аналитической работы в предварительном расследовании.....	186
Набатова А. Э. О перспективах использования информационных технологий в криминалистике.....	188
Панченя Д. Н. Ошибки в следственной практике на стадии назначения судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них.....	191
Петров В. И., Мурзич В. И. Имитация душевного расстройства в рамках судебно-психиатрической экспертизы.....	195
Резюк В. И. Хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями: актуальность частной криминалистической методики расследования	198
Руденко А. В. Криминалистическая теория причинности: вопросы теории и практики	201
Талалаев В. А. К вопросу о классификации способов сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.....	204
Хох А. Н. Перспективы автоматизации судебно-экспертных исследований объектов растительного происхождения.....	206
Чаплинский А. Н. О соотношении электронно-цифровых следов в криминалистике и электронных доказательств в уголовном процессе	209
Чванкин В. А., Поскребка А. Л. Развитие и современное состояние криминалистического исследования изделий, содержащих интеллектуальную собственность	211
Шруб М. П. Сексуальное насилие – актуальная проблема современной криминалистики.....	214
Causin V. Does trace evidence still have a place in modern forensic science?	218
Wójcikiewicz J., Białek I. “How old is she”? The mock witness paradigm in polish expert witness opinions	221

Секция VI

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Бородич С. В.</i> К вопросу о правовом регулировании применения специальных технических средств в исправительных учреждениях Министерства внутренних дел Республики Беларусь	224
<i>Веремеенко В. М., Кравец В. В.</i> Проблемы и перспективы развития защиты прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	226
<i>Зайцев В. П.</i> Изъятие документов как проблема взаимодействия подразделений по борьбе с экономическими преступлениями Министерства внутренних дел Республики Беларусь со следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь и меры по ее устранению	229
<i>Костюкович Э. П.</i> Кража транспортного средства как вид страхового мошенничества	231
<i>Тукало А. Н., Король С. В.</i> Социально-психологическая структура оперативно-розыскной деятельности и ее влияние на психологические стороны привлечения лиц к конфиденциальному сотрудничеству	233
<i>Усова Е. И.</i> Применение пресекательных мер сотрудниками правоохранительных органов	236
<i>Шаматульский И. А., Костючук Е. В.</i> Направления деятельности подразделений по наркоконтролю и противодействию торговле людьми в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков	239
<i>Якубель С. И.</i> О содержании понятия «раскрытие преступления»	242

Секция VII

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ
ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

<i>Брилёва В. А.</i> Инновационные технологии в образовательном процессе при подготовке кадров для Следственного комитета	245
<i>Гулис А. Л.</i> Роль гражданско-патриотического воспитания молодежи на современном этапе. Теория и практика совершенствования подготовки кадров для интересов Следственного комитета	248
<i>Злотников А. А.</i> Отношение к коррупции студентов специализации «Судебно-прокурорско-следственная деятельность» (по материалам социологического опроса)	250
<i>Каравая Е. М.</i> Применение проблемно-развивающих технологий при подготовке кадров для Следственного комитета	252
<i>Ковалёва Е. А.</i> Современные подходы к подготовке кадров для Следственного комитета	255
<i>Копыткова Н. В.</i> Практико-ориентированное обучение будущих сотрудников правоохранительных органов	259
<i>Краснобаева Л. А.</i> Проблема совершенствования подготовки кадров Следственного комитета Республики Беларусь	262
<i>Михайлов Д. И.</i> Критерии оценки качества магистерских диссертаций как инструмент повышения результативности второй ступени высшего образования работников следственных подразделений	264
<i>Пасовец Е. Ю., Пасовец В. Н.</i> FireQuestRassledovania	267
<i>Степаненко Е. В.</i> Некоторые аспекты реализации практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики (на примере учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)	269

Иван Данилович НОСКЕВИЧ,
*председатель Следственного комитета
Республики Беларусь
генерал-майор юстиции*

Уважаемые участники конференции!

Сердечно приветствую Вас и выражаю признательность за конструктивное сотрудничество и стремление всемерно активизировать общие усилия в борьбе с преступностью.

Проведение в г. Гомеле I Международной научно-практической конференции «Пути совершенствования досудебного производства в уголовном процессе», посвященной Дню образования Следственного комитета Республики Беларусь, – это прекрасная возможность консолидации усилий ученых и практиков, направленная на то, чтобы самые передовые идеи, рожденные в ходе содержательного обсуждения и плодотворной работы, нашли свое отражение в законодательстве и были реализованы в правоприменительной практике.

Радостно осознавать, что конференция является результатом тесного сотрудничества и взаимодействия управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области, учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» и Гомельского областного общественного объединения «Союз следователей», а география авторов представлена не только Республикой Беларусь, но и странами ближнего и дальнего зарубежья (Итальянской и Литовской республиками, Республикой Польша, Российской Федерацией, Украиной).

Уверен, что опубликованные материалы участников конференции вызовут острый интерес, а мощный потенциал белорусских и зарубежных ученых будет способствовать выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию досудебного уголовного производства.

Желаю всем участникам конференции продуктивной работы, а также реализации предложенных позитивных идей в правоприменительной практике!

Андрей Константинович БАЛАШЕНКО,
*председатель Гомельского областного
общественного объединения
«Союз следователей»*

Уважаемые друзья!

Гомельское областное общественное объединение «Союз следователей» представляет Вашему вниманию материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной Дню образования Следственного комитета Республики Беларусь.

Хотелось бы подчеркнуть, что относительно молодое общественное объединение, образованное 12 сентября 2017 г. и включающее в себя всех следователей Гомельской области, приняло активное участие в организации конференции. Практикующие сотрудники правоохранительных органов и ученые теоретики как Республики Беларусь, так и иностранных государств делятся своим опытом и знаниями о путях совершенствования досудебного уголовного производства.

Убежден, что подобная форма взаимодействия позволит вывести на новый уровень сотрудничество между профессорско-преподавательским составом и правоохранительными органами, объединяя таким образом науку и практику.

Полагаю, что инновационные предложения авторов будут способствовать не только повышению имиджа и профессионального уровня следователей, но и позволят внедрить в следственную практику современные достижения науки и техники, а также прогрессивные формы и методы организации предварительного следствия.

Желаю всем авторам конструктивного взаимодействия и успехов в дальнейшей деятельности!

Сергей Анатольевич ХАХОМОВ,
*ректор учреждения образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»,
доктор физико-математических наук,
доцент*

Уважаемые авторы и читатели!

Вашему вниманию предлагаются материалы I Международной научно-практической конференции «Пути совершенствования досудебного производства в уголовном процессе», посвященной Дню образования Следственного комитета Республики Беларусь и являющейся результатом плодотворного сотрудничества учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» и управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Следует отметить, что в XXI в. мировое сообщество вступило в новую фазу развития. Наряду с позитивными процессами мир сталкивается с различными рисками и угрозами. Новые формы приобретает преступность. В связи с этим необходимо направить усилия ученых и практиков на создание эффективных механизмов по обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Решению указанных выше проблем на досудебных стадиях уголовного процесса посвящены публикации авторов, вошедшие в сборник. На его страницах ученые и практики обсуждают актуальные вопросы уголовного права и процесса, криминологии, криминалистики и судебной экспертизы, оперативно-розыскной деятельности, образовательных технологий при подготовке кадров для правоохранительных органов. Несомненно, научная дискуссия, развернувшаяся на страницах издания, способна внести свою лепту в решение проблем правоохранительной деятельности.

Отрадно, что в ходе работы конференции с нами делятся опытом по досудебному производству ученые и практики из Италии, Польши, России, Украины. Участие зарубежных коллег способствует расширению международных связей и установлению отношений сотрудничества в решении вопросов уголовного производства.

Выражаем признательность всем авторам и надеемся на плодотворное сотрудничество, результатом которого станут серьезные исследования, обогащающие юридическую науку и полезные в практической работе.

СЕКЦИЯ I

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

УДК 34(091)

ИЗМЕНЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА К СЛЕДСТВЕННО-РОЗЫСКНОМУ

Л. А. Левская

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса учреждения
образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», кандидат исторических наук, доцент, Республика Беларусь*

Право представляет собой сложную систему норм. С момента своего возникновения оно включало как нормы регулятивные, так и охранительные. Однако изначально процесс по уголовным и гражданским делам осуществлялся одинаково, начинаясь с жалобы потерпевшего. Это было характерно не только для рабовладельческого, но и для раннефеодального права. Например, старинный обычай германцев требовал, чтобы формулирование обвинения, а также представление доказательств лежало на потерпевшем. (Такой процесс получил название обвинительный.) Исключение в варварских правах допускалось лишь для преступлений, существенным образом затрагивающим общий интерес (измена, бегство с поля боя и т. д.). Виновных в этих случаях наказывали по инициативе властей.

Следует отметить, что на начальном этапе развития процессуального права не существовало разделения на предварительное и судебное следствие. Так, в Древнем Риме, где обвинение перестало быть частным и перешло в руки государства, судьи сами производили дознания, сами выступали обвинителями и сами выносили приговор. С I в. здесь получили распространение должности платных доносчиков – обвинителей, которые инициировали возбуждение дела. А при префекте города (особенно при префекте стражи) возникли должности профессиональных следователей-полицейских. Дела о незначительных преступлениях решались в Риме практически немедленно. В расследовании же более тяжких обвинений основой уголовного судопроизводства стал проводимый следователем или судьей допрос (*inquisitio*), поэтому и весь процесс приобрел так называемый инквизиционный характер [1, с. 211]. Наиболее четко он проявляется в период домината.

При отсутствии в обвинительном процессе предварительного расследования судьи должны были ограничиваться доказательствами, которые представляли сами стороны. В то же время в некоторых странах достаточно рано стали появляться элементы нового, розыскного процесса. В частности, они имели место в Древнем Китае (в случае совершения преступления рабами) еще в царство Инь (предположительно XVIII–XII вв. до н. э.) и Западного Чжоу (1122–742 гг. до н. э.). А в средневековом Китае процесс уже в целом носит публично-розыскной характер. Причем чиновники, ответственные за поиск преступника, наказывались, если нарушали отведенный для этого срок, который составлял один месяц. Например, за просрочку в два месяца они получали 30 ударов палками [2, с. 359].

Закрепляются элементы розыскного процесса и в ранних источниках феодального права Японии. Дело возбуждалось тут по инициативе государства или заявлению частных лиц. Сущность предварительного расследования составляла многократная проверка материалов дела. При этом следователь сразу же арестовывал и обвиняемого, и обвинителя, а также задерживал доносчика. После первой проверки и установления истины невиновного отпускали. Для этого следователя обязывали оценивать как заявление (по пяти аспектам: как арестованный говорит, слушает, с каким выражением лица и т. д.), так и улики. В случае противоречий, подозрительных обстоятельств применялись пытки. По незначительным преступлениям следствие шло в сокращенном порядке, а по обвинению, например, в мятеже предусматривалось особое разыскание [1, с. 491].

Постепенно начали переходить по уголовным делам к следственному (розыскному) процессу и европейские суды. В XIII в. в Западной Европе повсеместно стал отменяться судебный поединок. Вместо этого предписывается пользоваться в качестве доказательства документами. Подготовка дела к рассмотрению осуществлялась особо уполномоченным на то судьей, который составлял соответствующий протокол.

Первоначально розыскная форма процесса утверждается в церковных судах, получив название римско-католической. Затем она распространяется и на светские. Во Франции, например, процесс утратил свой былой обвинительный характер сначала в сеньориальных судах при рассмотрении дел крестьян, где в XI в. стали применяться пытки. С XIII в. розыскная форма постепенно вводится в королевских судах, а также судах крупных феодалов. Однако до XV в. розыскной и обвинительный процессы существовали как бы параллельно. Только с отменой таких традиционных для обвинительного процесса видов доказательств, как ордалии и судебные поединки (форм проявления «суда божьего») обвинительная форма постепенно выходит из употребления. Окончательно розыскной процесс (именуемый первоначально экстраординарным) закрепляется во время абсолютизма путем издания ряда королевских актов, и прежде всего ордонанса 1498 г., эдикта 1539 г. и Большого уголовного ордонанса 1670 г.

Начинался такой процесс с дознания, в ходе которого необходимо было обнаружить и собрать информацию о преступлении и преступнике, доказательства виновности подозреваемого. Судебное дело возбуждалось на основании обвинения королевского прокурора, а также доносов и жалоб, содержание которых сохранялось в тайне и не было известно обвиняемому. После этого судебный следователь собирал письменные доказательства по делу, допрашивал свидетелей, проводил очные ставки. Все следственные действия фиксировались в письменном протоколе. Контроль за следствием, осуществляемым следственным судьей, производил прокурор.

При розыском процессе изначально подразумевалась виновность обвиняемого. «Царицей доказательств» стало считаться его признание. В практику вошли обязательные допросы под пыткой. Особенно жестко этого придерживались инквизиторы, боровшиеся против преступлений религиозного характера, и прежде всего против ереси. Для них целью обоснования обвинения было не выявление объективной истины, а стремление убедить обвиняемого признать себя виновным и раскаяться, а также формально соблюсти и внешне продемонстрировать законность всего происходящего. Так все свидетели являлись, по существу, свидетелями обвинения. Их имена, как и имена доносчиков, держались в тайне, и очные ставки с арестованным были запрещены. Хотя существовала возможность отвода свидетелей, единственной причиной для которого могла послужить личная вражда. В связи с этим перед началом следствия обвиняемому предлагали составить список его личных врагов, и

если среди них значилось имя доносчика или свидетеля, то их показания теряли силу. Однако арестованному об этом не сообщалось, и инквизиторы продолжали настаивать на обвинении даже, если выяснялось, что оно основывается на клевете или вымысле доносчиков. В то же время обвиняемый не мог выдвинуть свидетелей в свою защиту, так как инквизиция могла обвинить их в потворстве и соучастии ереси.

Решение же о предъявлении подозреваемому обвинения принимали эксперты-юристы (квалификаторы), которым направлялся собранный инквизиторами на предварительном следствии материал. Они стали назначаться в помощь инквизиторам с XIV в. и, как правило, тоже являлись церковниками. Получив положительное мнение квалификатора, инквизитор отдавал приказ об аресте подозреваемого. При допросе обвиняемому задавали десятки разных вопросов, часто не имеющих никакого отношения к делу, для того чтобы сбить с толку допрашиваемого, поймать его на противоречиях в показаниях и в конечном счете заставить признать за собой мелкие грехи и пороки, а затем, раздувая их, вынудить признать также и другие, более опасные «прегрешения». Умение вести допрос считалось главным достоинством инквизитора. Со временем их опыт стал обобщаться, и появились даже детальные инструкции или руководства для инквизиторов, в которых приводились различные варианты допросов.

В ходе допроса широко использовались пытки. Хотя указывалось, что они должны были быть «умеренными» по отношению к обвиняемому и применяться только однократно, инквизиторы, обходя эти требования, могли возобновить пытку по своему усмотрению, объявляя ее «незаконченной» или «прерванной». Для убеждения обвиняемого дать требуемые от него показания к нему в камеру подсаживали провокатора, который, прикидываясь доброжелателем, пытался заполучить новые улики против обвиняемого или убедить его сознаться. Инквизиторы могли также симулировать суд, надеясь, что после вынесения ложного смертного приговора жертва в порыве отчаяния «заговорит». Сроков, ограничивающих следствие, не существовало. Обвиняемый мог находиться в тюрьме до вынесения приговора годы и даже всю свою жизнь.

Розыскная форма процесса, как уже отмечалось, все активнее начала использоваться и при рассмотрении других категорий дел в светских судах. В этой связи особый интерес представляет свод права средневековой Германии «Каролина» (1532 г.), в котором были закреплены только уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы. Таким образом, уголовный процесс выделился как самостоятельный. Однако в нем еще черты следственно-розыскного (инквизиционного) сочетались с элементами обвинительного. В частности, у потерпевшего или другого истца сохранялось право на предъявление уголовного иска, а обвиняемый имел возможность оспорить его, доказать несостоятельность обвинения. В «Каролине» сохранялось процессуальное равенство вплоть до того, что если ответчика (обвиняемого) необходимо было взять под стражу, то вместе с ним под стражу брали и истца (обвинителя).

Сам процесс состоял из трех последовательных стадий: дознания, общего расследования и специального рассмотрения (расследования). На первой стадии в целях установления факта совершения преступления и подозреваемого в нем лица осуществлялся сбор информации о преступлении и предполагаемом преступнике. В ходе общего расследования происходил краткий допрос арестованного об обстоятельствах дела для уточнения некоторых данных о преступлении. На этой стадии действовал принцип предположительной невиновности допрашиваемого, который напоминает ныне существующую «презумпцию невиновности». Специальное расследование представляло собой подробный допрос обвиняемого и свидетелей, сбор доказательств

для окончательного изобличения и осуждения преступника и его сообщников. Это была определяющая стадия процесса [2, с. 335].

Таким образом, в эпоху Средневековья во многих странах совершается переход к следственно-розыскной форме процесса, которая легла в основу современного уголовного процесса. Исключение составляет Англия, где не было инквизиции и не получило широкого распространения римское право. Поэтому английский процесс сохранил и развивал состязательный момент, свойственный старинным германским судам.

Л и т е р а т у р а

1. Омельченко, О. А. Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. Т. 1 / О. А. Омельченко. – М. : Остожье, 1998. – 512 с.
2. Графский, В. Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов / В. Г. Графский. – М. : НОРМА, 2001. – 744 с.

УДК 343.1/.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

Э. И. Санюк

*аспирантка кафедры криминалистики юридического факультета
учреждения образования «Белорусский государственный университет», г. Минск*

Проблема личности преступника интересовала исследователей на протяжении многих столетий. Представления о понятии личности преступника изменялись исходя из представлений, характерных для уровня развития науки и общества конкретного периода истории. Однако, несмотря на значительный интерес ученых, проблема личности преступника является одной из наиболее спорных.

Актуальность и сложность разрешения данной проблемы кроется в многогранности и неоднозначности понятия, а также его междисциплинарном характере.

Наибольшее распространение изучение проблемы личности преступника (среди юридических наук) получило в криминологии и юридической психологии. Также данная проблема является немаловажной и в других юридических науках, в частности в криминалистике, уголовном праве, уголовном процессе, уголовно-исполнительном праве. Каждая отрасль знаний подходит к разрешению данной проблемы с позиции целей и задач, стоящих перед дисциплиной.

В работе будет рассмотрен вопрос о возможности применения понятия «личность преступника» в уголовно-правовой сфере в контексте соблюдения презумпции невиновности.

Следует отметить, что понятие личность преступника является обобщенным. В науке используются также смежные термины («лицо, совершившее преступление», «обвиняемый», «подозреваемый», «субъект преступления»).

Так, уголовное право касается вопросов личности преступника, однако понятие «личность преступника» употребляется редко. В теории уголовного права распространен термин «субъект преступления». В ряде публикаций Н. А. Бабий обращается к понятию личности преступника для выражения характеристики и признаков специального субъекта преступления. В тексте Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) также используется термин «личность виновного» (п. 6. ст. 3 УК РБ).

В уголовном процессе также важным является вопрос о личности преступника. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь употребляются термины «личность подозреваемого» и «личность обвиняемого» (ст. 89).

Уголовно-исполнительное право рассматривает личность преступника как личность осужденного. Так, понятие личности осужденного упоминается в ряде норм Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (п. 4 ст. 7; п. 5, 8 ст. 56).

В криминалистике для понятия личности преступника используется термин «личность преступника», который рассматривается как элемент криминалистической характеристики преступления, а также изучается как объект тактического воздействия.

Однако целесообразность применения термина «личность преступника» в ходе расследования оспаривается. Указывается на то, что данный термин противоречит презумпции невиновности, закрепленной в Конституции Республики Беларусь.

Так, ст. 26 Конституции Республики Беларусь гласит: «Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

Исследователи указывают на факт, что употребление термина «личность преступника» указывает на розыскной тип уголовного судопроизводства, т. к. правоохранительные органы, осуществляющие расследование преступления, предполагают виновность какого-либо лица, подозреваемого в совершении преступления, что недопустимо до момента постановления обвинительного приговора судом.

Следует отметить, что личное убеждение следователя или иного лица о виновности/невиновности конкретного лица не является нарушением презумпции невиновности, т. к. в данном случае выражение или наличие такого мнения не влияет на установление объективных предпосылок для изменения статуса лица (т. е. в данном случае на его осуждение). Кроме того, ст. 33 Конституции Республики Беларусь гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение, следовательно, вне зависимости от обстоятельств дела следователь или иное лицо имеют право на собственное мнение по данному вопросу.

Также следует подчеркнуть, что вне зависимости от личного убеждения следователя, иных лиц обвинительный приговор будет основан только на доказательствах, полученных в установленном законом порядке, поэтому убеждения, идущие в разрез с доказательствами, не будут иметь правового значения.

Исследуя противоречие термина «личность преступника» презумпции невиновности, ученые также ссылаются на факт, что данное лицо не является преступником до момента вынесения обвинительного приговора, а следовательно, применение термина «личность преступника» является некорректным.

Рассматривая данную точку зрения, следует отметить, что личность преступника рассматривается в данном контексте на индивидуальном уровне (т. е. применительно к конкретному уголовному делу) как в уголовном, так и уголовно-процессуальном праве. Следует согласиться с тем, что данный термин некорректно применять к конкретному человеку, подозреваемому/обвиняемому в совершении преступления, в случаях, когда изучению подлежит личность лица, предположительно совершившего преступление (до момента вынесения судом решения).

Однако с данным мнением можно не согласиться в части использования данного термина как элемента криминалистической характеристики преступления или изучения личности преступника как объекта моделирования при расследовании конкретного преступления, т. е. при использовании понятия на обобщенном уровне.

В процессе расследования преступления органы предварительного следствия изучают место преступления (происшествия), материальные следы, экспертные заключения и т. п. На основании собранных доказательств формируется криминалистически значимая информация, которая указывает на свойства личности преступника, т. е. характеристики лица, совершившего преступление. Процессуальный статус лиц (например, признание конкретного лица обвиняемым) не влияет на объективные данные о личности преступника, полученные в процессе расследования, а следовательно, характеризующие именно лицо, совершившее преступление (преступника), а не лицо с определенным процессуальным статусом.

Также считаем возможным использование данного термина применительно к групповому уровню. Выявление особенностей, характеристик, свойств личности преступника применительно к конкретной группе преступлений производится на основании изучения закономерностей по делам, приговоры которых вступили в силу. В данном случае мы изучаем характеристики признанных судом преступников, а следовательно, не можем говорить о нарушении презумпции невиновности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что само по себе употребление термина «личность преступника» при проведении исследований в уголовно-правовой сфере не является непосредственным нарушением презумпции невиновности. Употребление данного термина является некорректным лишь при изучении личности лица, совершившего преступление на индивидуальном уровне, в случаях, когда подлежит изучению личность лица, за которым закреплен процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона от 18 июля 2017 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; в ред. Закона от 8 янв. 2018 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. ; в ред. Закона от 9 янв. 2017 г. // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

УДК 344.65

СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ (РАЗРЕШЕНИЯ) УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

Т. В. Сенькова

*доцент кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, Республика Беларусь*

Юридический конфликт является разновидностью социального конфликта. В научной литературе и юридической практике не выработано единообразного понимания юридического конфликта. Ученые предлагают определения юридического конфликта, выделяют его признаки, структуру, виды, проводят разграничение с по-

нятием правонарушения, характеризуют способы его разрешения. Большинство ученых в качестве признаков юридического конфликта выделяют наличие субъектов права, обладающих определенным статусом, имеющих противоположные, несовместимые интересы, а также определенных процедур разрешения конфликта, в результате которых возникают правовые последствия. Под самим юридическим конфликтом в общем виде понимается столкновение противоположных интересов субъектов права с целью изменения своего статуса [1, с. 15].

Как правило, виды юридических конфликтов классифицируют по отраслям права. Для целей данного исследования интерес представляет именно уголовно-правовой конфликт, возникающий соответственно в сфере уголовно-правовых отношений, которые по природе своей всегда носят конфликтный характер. В вопросе сопоставления понятий *уголовно-правового конфликта и преступления* единого мнения среди ученых не выработано, а позиции варьируются от тождественности указанных понятий до их различия. Нам ближе точка зрения, согласно которой «уголовно-правовой конфликт не исчерпывается совершением преступления, поскольку любой конфликт предполагает наличие соответствующих процедур его решения. Кроме того, только лишь при условии максимальной нейтрализации негативных последствий преступления конфликтная ситуация может быть решена не по форме, а по содержанию» [2, с. 210].

Сущность уголовно-правового конфликта раскрывается через характеристику свойственных ему признаков. Приведем один из достаточно распространенных подходов в определении характерных черт уголовно-правового конфликта. Так уголовный конфликт возникает между физическим лицом и установленными государством нормами поведения. Предметом спора является виновное противоправное общественно опасное поведение, которое посягает на интересы другого лица, общества или государства. Таким образом, уголовно-правовой конфликт есть столкновение интересов между лицом, совершившим преступление, и государством, обществом, или частным лицом по поводу противоправного поведения [3, с. 81].

Не углубляясь в вопросы юридической конфликтологии, обратимся к сути урегулирования (разрешения) уголовно-правового конфликта. Безусловно, главной целью разрешения уголовно-правовых конфликтов является нивелирование негативных последствий преступления.

В научной литературе часто обращают внимание на необходимость отграничения двух понятий: *разрешение* и *урегулирование конфликта*. Первое представляет собой применение правовых норм и вынесение обязательного для сторон решения, основанного на фактических данных, законодательстве и правовых позициях сторон. Урегулирование конфликта базируется на выявлении взаимных интересов и достижении соглашения на условиях, удовлетворяющих обе стороны конфликта [4, с. 21].

Для разрешения уголовно-правового конфликта требуется восстановить, компенсировать или в иной форме защитить нарушенные преступлением блага, подвергнув субъекта, посягнувшего на них, соразмерной вине ответственности [1, с. 19]. Разрешение уголовно-правового конфликта предполагает целенаправленную деятельность компетентных органов по его устранению. При разрешении уголовно-правовых конфликтов используют следующие средства: назначение наказания либо иных мер уголовно-правового характера и применение поощрений [1, с. 22].

Привлечение лица, виновного в совершении преступления, к уголовной ответственности является наиболее распространенным способом разрешения уголовно-правового конфликта. В соответствии со ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) сущность уголовной ответственности выражается в осуждении от

имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с Кодексом. Уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Также уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда.

Конституция Республики Беларусь провозглашает: человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, что должно находить отражение и в отраслевом законодательстве. Но, как отмечается в юридической литературе, сама природа уголовного права не позволяет абсолютизировать частные начала, поэтому уголовное право, вынуждено балансировать между интересами личности и государства (общества). Необходимость поиска разрешения этой дилеммы в рамках уголовного права осознавалась учеными уже давно, как и понимание того, что наказание не единственное и даже не самое совершенное средство борьбы с преступлением [5, с. 134].

Наказание по-прежнему является важнейшим средством разрешения уголовно-правовых конфликтов. В соответствии со ст. 47 УК РБ наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Однако на сегодняшний день достаточно актуальна проблема эффективности наказания, достижения посредством его применения целей уголовной ответственности. В связи с этим уголовным законодательством предусмотрены так называемые *поощрительные меры*, которые призваны стимулировать позитивное поведение виновного лица. Так, в соответствии со ст. 46 УК РБ уголовная ответственность может быть реализована в осуждении с отсрочкой исполнения назначенного наказания, с условным неприменением назначенного наказания, без назначения наказания, с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера.

Метод поощрения в последнее время приобретает все большую популярность в сфере уголовного права. Принято считать, что лицо, попавшее в сферу влияния уголовного закона, вошедшее в уголовно-правовой конфликт, должно иметь возможность при соблюдении ряда условий разрешить его наиболее благоприятным для себя образом. Наличие поощрительных мер в уголовном законодательстве создает предпосылки для применения альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов [1, с. 23]. Данные средства предполагают применение нетрадиционных методов реакции на преступное деяние, когда оно не остается без последствий, но эти последствия наступают вне рамок классической уголовной юстиции, т. е. без уголовного преследования, уголовной ответственности и наказания [1, с. 24].

В Республике Беларусь отсутствует легальное определение термина *«альтернативное разрешение споров»*, а также не сформирован подход для причисления отдельных существующих способов разрешения споров к его видам. В правовой литературе предлагаются различные варианты решения данного вопроса [4, с. 20]. Тем не менее в уголовном законодательстве Республики Беларусь разновидностью альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта можно считать освобождение от уголовной ответственности, например, по основаниям, предусмотренным ст. 86, 87, 88, 88.1, 89 УК РБ, а именно: освобождение от уголовной ответственности с при-

влечением лица к административной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности, в связи с деятельным раскаянием, в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем, в связи с примирением с потерпевшим.

Некоторые российские ученые освобождение от уголовной ответственности относят к институту *компромисса* в уголовном праве [5, 6]. Данную позицию сложно поддержать, поскольку в основе применения компромиссных конструкций лежит согласие участников уголовно-правового конфликта, которое применительно к каждому случаю имеет свою форму выражения. В этом случае уголовно-правовой конфликт разрешается путем допускаемого законом обмена сторонами обоюдновыгодными уступками, что обуславливает изменения в форме и содержании уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 23]. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК РБ) к компромиссным (согласительным) процедурам можно отнести сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326 УПК РБ), ускоренное производство (гл. 47 УПК РБ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 49¹ УПК РБ).

Во всех этих процессуальных институтах уголовное преследование завершается официальным провозглашением виновности обвиняемого и назначением ему наказания. Поэтому здесь отсутствует освобождение не только от уголовной ответственности, но и от наказания [1, с. 24]. Не менее актуальным является вопрос о возможности применения *медиации* в сфере уголовного права в рамках концепции восстановительного правосудия. Сторонники восстановительного правосудия считают, что преступление следует рассматривать сквозь призму конфликта между подозреваемым (обвиняемым) в преступлении и жертвой [4, с. 123]. Включение института медиации в публично-правовую сферу представляется достаточно перспективным, тем более что правовые предпосылки для этого существуют.

Современной правовой тенденцией, в том числе и в сфере уголовного права является гуманизация и демократизация законодательства. Актуальные направления совершенствования уголовно-процессуальных средств урегулирования конфликтов способствуют не только развитию традиционных, но и альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, которые направлены на обеспечение прав и интересов граждан, достижение целей уголовной ответственности, повышение эффективности судопроизводства.

Литература

1. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе : учеб.-метод. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой. – Минск : Издат. центр БГУ, 2015. – 223 с.
2. Усатый, Г. Структура объекта уголовно-правового конфликта / Г. Усатый // Нац. юрид. журн.: теория и практика. – 2014. – С. 210–214.
3. Попаденко, Е. В. Альтернативные механизмы разрешения уголовно-правового конфликта / Е. В. Попаденко // Человек и общество: на рубеже тысячелетий : сб. науч. тр. / под общ. ред. О. И. Кирикова. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 81–87.
4. Основы альтернативного разрешения споров : пособие / В. И. Самарин [и др.] ; под ред. О. В. Мороза. – Минск : БГУ, 2016. – 223 с.
5. Попаденко, Е. В. Уголовно-правовая природа компромисса в борьбе с преступностью / Е. В. Попаденко // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2005. – С. 134–140.
6. Шестакова, Л. А. Компромиссные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: проблемы межсистемных и межотраслевых связей / Л. А. Шестакова // Уголов. юстиция. – 2013. – № 2 (2). – С. 60–63.

СЕКЦИЯ II

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

УДК 343.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Т. А. Владыкина

*судья в отставке, соискатель ученой степени доктора юридических наук
кафедры судебной деятельности Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Уральский
государственный юридический университет»,
кандидат юридических наук, Российская Федерация*

Право и закон – неизменные спутники государства. Без них немислимо его существование, гармоничное взаимодействие человека с государством и гражданским обществом. Вместе с тем аксиоматичным выглядит необходимость различения понятий «закон» и «законность». Законность дает возможность познать право с точки зрения его практического осуществления. Отсюда берут свое начало основные требования законности: верховенство закона и равенство всех перед ним, наличие механизмов реализации права, неотвратимости юридической ответственности за совершенное лицом противоправное деяние, устойчивость правопорядка. Многослойность содержания законности, сочетающей в себе помимо правовых также философские и этические аспекты, создает трудности в ее понимании. В то же время именно принцип законности при его правильной интерпретации позволяет охватить различные аспекты взаимодействия права – закона – государства – личности. В фундаменте такого подхода лежит провозглашенный в действующей Конституции Российской Федерации (ст. 2) приоритет человека, его прав и свобод, а также обязанность государства их признавать, соблюдать и защищать. В этих целях законодательно определяются уголовно-правовые запреты общественно опасных деяний и наказание за их нарушение, осуществляется уголовное преследование лиц, преступивших закон. Опираясь на собственный опыт судебной деятельности, подчеркнем: суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица. Вместе с тем это не препятствует суду по жалобе заинтересованных лиц производить оценку законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего уголовное преследование. Например, при оценке законности обжалуемого постановления о возбуждении уголовного дела судья проверяет, соблюден ли порядок вынесения данного решения, обладало ли должностное лицо, принявшее соответствующее решение, необходимыми полномочиями, имеются ли поводы и основание для возбуждения уголовного дела. К такой скрупулезности судью обязывают положения ст. 140; ч. 1 и 2 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), а также разъяснения, содержащиеся в п. 16 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ».

Наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключил необходимость выполнения им при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных УПК РФ (ст. 7, 11, 14, 16) мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Такие обязанности возлагаются на следователя и при решении вопросов о начале (продолжении) уголовного преследования в отношении конкретного лица и о его прекращении по соответствующему основанию. Значительный интерес представляет ситуация, сложившаяся с В. В. Ченским, задержанным по обвинению в совершении преступления в рамках уголовного дела, возбужденного по факту ДТП, повлекшего смерть человека, и помещенным в изолятор временного содержания, а впоследствии допрошенным в качестве свидетеля при том, что постановление о прекращении его уголовного преследования не выносилось. В удовлетворении жалобы В. В. Ченского, поданной в районный суд в порядке ст. 125 УПК РФ, о признании незаконным отказа следователя в вынесении постановления о прекращении его уголовного преследования было отказано. Как справедливо отметил Конституционный суд Российской Федерации, применительно к одному и тому же событию преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело, лицо не может одновременно находиться в статусе подозреваемого и свидетеля. Допросу лица в качестве свидетеля по уголовному делу, в котором это лицо имело статус подозреваемого, должно предшествовать процессуальное решение о прекращении его уголовного преследования; следователь не вправе допрашивать по одному и тому же делу, об одних и тех же событиях в качестве свидетеля лицо, чей статус подозреваемого не прекращен надлежащим процессуальным решением. Иное толкование уголовно-процессуальных норм приводит к нарушению прав человека, гарантируемых ст. 46, 49, 52, 53 Конституции Российской Федерации (определение от 21.11.2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского»). Иными словами, осуществлять уголовное преследование, не опираясь на органичное сочетание конституционно-правовых и уголовно-процессуальных норм, не только незаконно, но и бессмысленно. Без учета нематериальных благ, признанных государством универсальными ценностями (неприкосновенность личности, ее достоинство и т. п.), орган предварительного расследования не сможет обеспечить законность принимаемым им решений и доверие к ним граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Изложенное выше актуализирует еще один немаловажный момент. Не существует принципа уголовного судопроизводства, действующего автономно (и законность – не исключение); все принципы взаимосвязаны и дополняют друг друга. Магистральной линией современной российской уголовной юстиции, символизирующей уважительное отношение к человеческой личности, является презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), призванная предотвратить преждевременное и необоснованное обращение с человеком как с преступником. От того, насколько органы предварительного расследования, прокуратура, суд соблюдают это гуманистическое начало уголовного судопроизводства, во многом зависит состояние законности в государстве. Малейший отход от презумпции невиновности ведет к нарушению законности в уголовном судопроизводстве. Именно конституционное положение о презумпции невиновности определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия и обязывает суды неукоснительно соблюдать требования законодательства, предъявляемые к приговору (преамбула постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре»).

Постоянный контроль деятельности судов в этой сфере осуществляется Верховным судом Российской Федерации (см., например, постановление Президиума от 08.11.2017 г. № 191П17). Пристальное внимание соблюдению принципа презумпции невиновности в рамках досудебного производства по уголовному делу в национальных правовых порядках уделяется ЕСПЧ (см. постановления от 13.12.2016 г. по делу «Коломенский против Российской Федерации» (жалоба № 27297/07) от 20.09.2016 г. по делу «Зайцев против Российской Федерации» (жалоба № 24849/05) и др.).

Полагаем, что имеется резон в рассуждениях Л. В. Макогон о том, что принцип презумпции невиновности должен полноправно действовать в отношении лица, задержанного при совершении преступления, принудительно доставленного в правоохранительные органы до возбуждения уголовного дела, для чего целесообразно внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 14 УПК РФ [1, с. 10]. В качестве исходной формулы таких изменений возможно использовать ту, которая уже положительно зарекомендовала себя в конституционно-правовых нормах. Тем самым акцент сместится с «обвиняемого» на «каждого» («каждый считается невиновным...»). Отсюда целесообразным представляется рассмотрение вопроса о терминологической корректировке названия ст. 7 УПК РФ. Логичнее, на наш взгляд, было бы говорить о реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве, ибо при таком подходе в его объем включаются процессуальные действия, предшествующие возбуждению уголовного дела, которые также должны отвечать требованиям законности. Скажем, если нет оснований к задержанию лица в порядке ст. 91 УПК РФ, законно ли будет такое задержание? Риторическим представляется и вопрос о том, отвечают ли принципу законности действия и решения, принятые органами предварительного расследования в досудебном производстве по уголовному делу, осуществленные с нарушением принципа разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ). При наличии данных о своевременном обращении с заявлением, сообщением о преступлении потерпевшего Федеральный Закон Российской Федерации от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» распространяется на случаи длительности судопроизводства, когда принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, если позиция органов дознания, следствия, прокуратуры относительно наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела неоднократно менялась и (или) если впоследствии установлено, что отказ в возбуждении уголовного дела в период до истечения сроков давности уголовного преследования был незаконным, необоснованным. В целях правильного и единообразного применения норм данного закона Пленум Верховного суда Российской Федерации адресовал судам соответствующие разъяснения (постановление от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»). Заявлений такой проблематики поступает в суд значительное количество; часть из них (в рамках судебной ревизии по жалобам и (или) протестам) рассматривается Верховным судом Российской Федерации (см. апелляционные определения от 23.08.2016 г. № АПЛ16-299, от 01.09.2015 г. № АПЛ15-331, от 17.03.2015 г. № АПЛ15-61 и др.). Соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства контролируется Генеральной прокуратурой Российской Федерации и семью руководящими органами предварительного расследования (СК РФ, МВД РФ, МЧС РФ, ФССП РФ, ФСБ РФ, ФСКН РФ, ФТС РФ) в соответствии с указанием от 03.06.2015 г. № 275/36, 1/206, 2/5443, 195, 1-у, 21, 4, 1081 «Об организации проку-

рорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

Помимо оценки законности действий и решений уполномоченных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, следует учитывать и другое принципиально значимое проявление принципа законности в уголовном судопроизводстве – верховенство закона. Нормы ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 7 УПК РФ должны рассматриваться и применяться в системном единстве. Правило об обязательном соответствии положениям УПК РФ процессуальных норм, сформулированных в иных федеральных законах, препятствует применению не согласованных с принципами уголовного судопроизводства специальных процессуальных норм, содержащих новые правила, или, напротив, изъятия к общим нормам УПК РФ. Тем самым обеспечивается непротиворечивость уголовно-процессуального регулирования, законность в уголовном судопроизводстве (досудебном и судебном).

В целом следует отметить, что актуальность исследования принципа законности в досудебном производстве по уголовному делу определяется, во-первых, современным видением данного принципа, обеспечивающим приоритет прав и свобод человека в сфере уголовной юстиции, и, во-вторых, обусловленностью его реализации осуществлением иных принципов уголовного судопроизводства, содержание которых закономерно корректируется поступательным развитием уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макогон, Л. В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л. В. Макогон. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.

УДК 343.57:341.45

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПНОСТЬЮ

В. Р. Воскресенский

*оперуполномоченный отдела по наркоконтролю и противодействию торговле
людьми Фрунзенского районного управления внутренних дел г. Минска,
Республика Беларусь*

Наркопреступность в Республике Беларусь является актуальной проблемой, вызывающей такие социальные последствия, как ухудшение здоровья населения, снижение качества жизни общества и ряд других. Серьезным вызовом правоохранительной системе стало широкое распространение новых психоактивных веществ (курительных смесей и иных дизайнерских наркотиков) [1]. Большая часть данных наркотиков поступает из-за пределов нашей страны, крупными партиями, поэтому эффективные меры по снижению их количества на внутреннем наркорынке предполагают активизацию взаимодействия в сфере борьбы с наркопреступностью с зарубежными государствами [2, с. 35].

Правовую основу взаимодействия стран в борьбе с преступностью составляют международные конвенции Организации Объединенных Наций, соглашения в рам-

ках региональных объединений (Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности и др.), а также иные дву- и многосторонние договоры. Перечисленными соглашениями, договорами предусмотрен достаточно широкий спектр форм сотрудничества, например, оказание правовой помощи, проведение по запросу оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, предоставление криминально значимой информации и иные. Однако существуют и неиспользованные организационные возможности противодействия рассматриваемым явлениям.

Одна из таких мер – создание центра мониторинга и регулирования ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, включая их легальный оборот. Целью создания такого центра является отслеживание новых наркотиков, появляющихся в незаконном обороте как в Республике Беларусь, так и в других странах, для оперативной подготовки и внесения изменений в республиканский перечень наркотических средств и психотропных веществ, находящихся под контролем в Республике Беларусь [3, с. 85–86]. Своевременное выявление новых психоактивных веществ в соседних странах позволит с определенной степенью вероятности прогнозировать их появление через некоторое время в Республике Беларусь. Сотрудничество в форме обмена сведениями о новых наркотиках, появляющихся в незаконном обороте, предусмотрена в ряде дву- и многосторонних соглашений Республики Беларусь с зарубежными государствами, однако данная форма взаимодействия используется недостаточно. Помимо функции выявления новых психоактивных веществ, появляющихся на подпольном наркорынке, предлагаемый центр может выполнять и иные функции в сфере анализа и прогнозирования наркоситуации, легального оборота наркотиков, а также в вопросах гармонизации перечня с национальными перечнями других стран. Такие центры уже созданы и действуют за рубежом, например, Европейский центр мониторинга за наркотиками и наркоманией, Глобальная полицейская коммуникационная система Интерпола. Однако они не затрагивают вопросы легального оборота, что способствовало бы целеному регулированию вопросов в рассматриваемой сфере. В этой связи очевидна необходимость проработки организационных форм работы такого центра. Возможен ряд вариантов, например создание распределенной национальной сети сбора информации с включением в нее сотрудников компетентных правоохранительных органов либо создание международного центра на базе одного из межгосударственных образований – СНГ, ОДКБ, ЕАЭС.

Другой формой сотрудничества, на наш взгляд, недостаточно активно применяемой на практике, является обмен образцами наркотиков, изымаемых из незаконного оборота. Данная возможность предусмотрена рядом международных договоров, согласно которым с целью установления единого источника происхождения наркотиков, изымаемых из незаконного оборота, стороны могут передавать образцы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, изъятых из незаконного оборота, для проведения сравнительных криминалистических исследований, осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Перемещаемые образцы наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров освобождаются от таможенного досмотра при условии соблюдения положений, предусмотренных Соглашением о порядке передачи образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Представляется, что из полученных таким образом образцов наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров могут создаваться

коллекции наркотиков, которые могут использоваться всеми государствами-участниками. В этой связи в развитие высказанного выше предложения о создании международного центра нами предлагается возложить на него также функции по созданию и ведению указанной коллекции и проведению исследований по запросам компетентных органов государств-участников.

Определенные правовые противоречия в механизме совместного межгосударственного противодействия наркопреступности обусловлены различиями в национальных перечнях наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, что препятствует эффективной борьбе с незаконным оборотом наркотиков на территории отдельных государств. Например, при определении возможности перевозки наркотика физическим лицом в медицинских целях в пределах границ каждого государства используется внутреннее законодательство соответствующей страны, в том числе национальные перечни наркотиков. Так, в ст. 15 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» определен порядок ввоза и вывоза физическими лицами наркотических средств или психотропных веществ для личного применения по медицинским показаниям [4]. Однако наркотическое средство или психотропное вещество, разрешенное к использованию в медицинских целях в одном государстве, может быть запрещено в другом, т. к. перечни наркотиков различаются от страны к стране. В этой связи возможно возникновение ситуации, при которой лицо, правомерно вывозящее определенное наркосодержащее лекарство из одного государства, окажется правонарушителем в другом государстве, запрещающем его легальное использование. Особо актуальной данная проблема представляется в отношениях между странами постсоветского пространства, не имеющими таможенной границы и таможенного контроля друг с другом, в связи с чем незаконность ввоза и хранения наркотиков может быть выявлена правоохранительными органами через продолжительное время после въезда на территорию такого государства. В этой ситуации лицо, вероятнее всего, будет привлечено к ответственности, установленной законодательством государства ввоза наркотиков. Решение данной проблемы представляется в выработке соответствующего международного договора, утверждающего перечень запрещенных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, единый для государств-членов региональных экономических объединений, договорившихся об отмене таможенного контроля при перемещении товаров между своими территориями. Обязанности по актуализации данного перечня полагаем целесообразным возложить на описанный выше международный центр.

Перспективным направлением развития международного сотрудничества является более широкое применение такой меры, предусмотренной Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, как совместные расследования. В ст. 19 указанной конвенции предусмотрена возможность создания заинтересованными правоохранительными ведомствами взаимодействующих государств органов по проведению совместных расследований, действующих в каждом конкретном случае. С этой целью могут заключаться двусторонние или многосторонние соглашения или договоренности. Одной из форм реализации таких совместных расследований являются «зеркальные расследования», подразумевающие одновременное ведение в двух и более странах комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении одной и той же преступной группы, действующей на территориях задействованных в расследова-

нии стран. Использование указанной формы сотрудничества позволяет значительно снизить затраты времени и устранить правовые преграды, существующие в законодательстве разных стран, оперативно принимать необходимые меры по документированию, созданию доказательственной базы, задержанию, аресту, допросу причастных лиц и свидетелей, изобличать и привлекать к уголовной ответственности всех активных участников преступных групп независимо от их местонахождения [5]. На наш взгляд, более широкое использование «зеркальных расследований» при международном сотрудничестве в сфере борьбы с наркопреступностью позволит повысить его эффективность.

Проведенное рассмотрение позволяет выделить такие перспективные меры по укреплению взаимодействия государств в противодействии наркопреступности, как создание центра мониторинга и регулирования ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, который должен выполнять функции оповещения о новых психоактивных веществах, появляющихся на подпольном наркорынке, анализа и прогнозирования наркоситуации, гармонизации перечня наркотиков с национальными перечнями других стран, ведения коллекции изъятых наркотиков и проведения исследований по запросам компетентных органов стран-участниц. Полагаем необходимым принятие международного договора, утверждающего перечень запрещенных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, единый для государств-членов региональных экономических объединений, договорившихся об отмене таможенного контроля при перемещении товаров между своими территориями. Обязанности по актуализации данного перечня полагаем целесообразным возложить на описанный нами выше международный центр. Перспективным направлением усиления сотрудничества правоохранительных органов является более широкое использование «зеркальных расследований» в борьбе с транснациональной наркопреступностью.

Л и т е р а т у р а

1. Шилов, П. С. Противодействие незаконному обороту курительных смесей в Республике Беларусь / П. С. Шилов, Д. Л. Харевич // Сб. науч. работ студентов Респ. Беларусь «НИРС 2011» / редкол.: А. И. Жук (пред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2012. – С. 446–447.
2. Харевич, Д. Л. О совершенствовании норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду наркотиков / Д. Л. Харевич // Юстыцыя Беларусі. – 2015. – № 1. – С. 35–40.
3. Воробьев, О. А. О создании центра мониторинга в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / О. А. Воробьев, Д. Л. Харевич // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 5 июня 2015 г.) / редкол.: А. Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – С. 84–86.
4. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Харевич, Д. Л. «Зеркальные расследования» в практике деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь / Д. Л. Харевич // Актуальні проблеми протидії незаконному обігу наркотичних засобів та психотропних речовин у сучасних умовах : Наук. вісн. Юридичної академії Міністерства внутрішніх справ : Збірник наукових праць. – 2004. – Спеціальний випуск № 2. – С. 118–120.

УДК 341.45

**О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ
ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Д. Г. Дмитрук

*заместитель начальника международно-правового отдела
Следственного комитета Республики Беларусь, подполковник юстиции, г. Минск*

С. А. Кузьмичёв

*заместитель начальника отдела анализа практики и методического обеспечения
предварительного расследования управления Следственного комитета
Республики Беларусь по Гомельской области, подполковник юстиции*

Противодействие современным вызовам и угрозам, в первую очередь терроризму и экстремизму, борьба с коррупцией и организованной преступностью являются приоритетными направлениями государственной политики не только Республики Беларусь, но и стран ближнего и дальнего зарубежья.

Транснациональные преступления постепенно стирают грани между общественной, национальной и международной безопасностью, требуют совместных скоординированных усилий в борьбе с ними, обуславливают необходимость создания адекватных форм и способов межгосударственного взаимодействия.

Осуществление международного сотрудничества в сфере досудебного уголовного производства отнесено белорусским законодательством к одной из основных задач Следственного комитета Республики Беларусь [1].

Исполнение международных договоров Республики Беларусь и национального законодательства в области международной правовой помощи по уголовным делам имеет важнейшее значение для достижения целей уголовно-процессуального закона.

За время своего существования Следственный комитет Республики Беларусь обрел статус авторитетного и надежного субъекта международного сотрудничества, чему в значительной степени способствовала работа по включению ведомства в качестве компетентного органа в международные договоры Республики Беларусь в области противодействия преступности и заключению международных соглашений межведомственного характера.

Традиционно подавляющее большинство поручений белорусских следователей об оказании правовой помощи по уголовным делам направляется в страны Содружества Независимых Государств, в первую очередь в Российскую Федерацию, что обусловлено наличием общей протяженной границы, развитых экономических, торговых и культурных связей между нашими государствами, отсутствием языкового барьера.

Основным инструментом взаимодействия Следственного комитета Республики Беларусь с компетентными органами Российской Федерации является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. вместе с Протоколом к ней от 28 марта 1997 г. (Конвенция).

Согласно ст. 5 Конвенции компетентные учреждения юстиции Договаривающихся Сторон сносятся друг с другом через свои центральные, территориальные и другие органы, если только Конвенцией не установлен иной порядок сношений.

Сношения по вопросам исполнения процессуальных и иных действий, требующих санкции прокурора (суда), осуществляются органами прокуратуры в порядке, установленном генеральными прокурорами (прокурорами) Договаривающихся Сторон [2].

В связи с отсутствием в Российской Федерации вплоть до 2017 г. правового закрепления перечня компетентных органов поручения об оказании правовой помощи во всех случаях направлялись Следственным комитетом Республики Беларусь в Следственный комитет Российской Федерации через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

С момента начала своей деятельности Следственным комитетом Республики Беларусь последовательно отстаивалась позиция о необходимости определения на законодательном уровне центральных и территориальных органов Российской Федерации и Республики Беларусь, наделенных правом прямых контактов друг с другом при оказании правовой помощи по уголовным делам.

В апреле 2017 г. издан Указ Президента Российской Федерации, который определил Следственный комитет, МВД, ФСБ, Верховный суд и Генеральную прокуратуру в качестве центральных органов Российской Федерации при оказании правовой помощи по уголовным делам и предоставил полномочия их территориальным органам осуществлять непосредственные сношения с компетентными органами других государств-участников Конвенции [3].

По инициативе Следственного комитета Республики Беларусь в ноябре 2017 г. внесены изменения в Закон Республики Беларусь о ратификации Протокола к Конвенции, в соответствии с которыми управления Следственного комитета по областям и г. Минску наряду с центральным аппаратом ведомства получили полномочия на прямые контакты с зарубежными партнерами в рамках Конвенции [4].

В конце 2017 г. с учетом указанных изменений с коллегами из Следственного комитета Российской Федерации и Следственного департамента МВД России согласован порядок непосредственного взаимодействия.

Он сводится к тому, что уполномоченные территориальные следственные подразделения Беларуси и России взаимодействуют между собой напрямую в случаях, когда точно известно место проведения запрашиваемых процессуальных действий на территории конкретной административно-территориальной единицы запрашиваемой стороны, такие действия не требуют санкции прокурора (суда) и при исполнении поручения об оказании правовой помощи не предполагается присутствие представителей компетентных органов запрашивающей стороны.

В марте 2018 г. Председателем Следственного комитета Республики Беларусь в новой редакции подписан приказ «Об организации международного сотрудничества в сфере досудебного уголовного производства», который также закрепляет возможность непосредственных контактов управлений по областям и г. Минску с компетентными органами иностранных государств, в том числе Российской Федерации, при оказании правовой помощи по уголовным делам [5].

В территориальные следственные подразделения Следственного комитета Российской Федерации направляются поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам об убийствах, изнасилованиях, насильственных действиях сексуального характера, уклонении от мероприятий призыва на воинскую службу, уплаты таможенных платежей, сумм налогов и сборов, должностных преступлениях, о фактах безвестного исчезновения граждан и иных преступлениях.

Анализ поступающих материалов позволяет сделать вывод о том, что российскими органами предварительного следствия правовая помощь оказывается качественно и оперативно.

В ряде случаев именно полученные в ходе исполнения поручений об оказании правовой помощи материалы способствовали изобличению и привлечению к уголовной

ответственности виновных лиц, что свидетельствует о результативности непосредственного взаимодействия территориальных следственных подразделений двух стран.

По нашему глубокому убеждению, возможность непосредственного направления поручений об оказании правовой помощи положительно сказывается на сроках предварительного следствия, способствует оперативности при раскрытии и расследовании преступлений, позволяет максимально быстро собирать доказательства и устанавливать обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовных дел, защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Одновременно представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании в приграничных областях Беларуси и России постоянно действующих рабочих групп из числа представителей территориальных органов следственных комитетов двух стран.

Подобный формат двустороннего взаимодействия позволит оперативно разрешать вопросы исполнения поручений об оказании правовой помощи, обмена информацией, представляющей взаимный интерес, изучения передового опыта и различных аспектов следственной работы, проведения совместных мероприятий практической направленности (семинаров, учебно-методических сборов, круглых столов и т. д.), установления деловых контактов между следственными подразделениями двух стран.

Л и т е р а т у р а

1. О Следственном комитете Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-3 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 408-3). – 2017. – № 2/2499 (Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. – 2002. – № 3/296 (Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).
3. О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств-участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 янв. 1993 г. и Протокола к ней от 28 марта 1997 г. : Указ Президента Рос. Федерации от 17 апр. 2017 г. № 170. – 2017. – Режим доступа: [HTTP://WWW.GARANT.RU/PRODUCTS/IPO/PRIME/DOC/71557300](http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71557300). – Дата доступа: 18.05.2018.
4. О внесении изменения в Закон Республики Беларусь «О ратификации Протокола к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года» : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2017 г. № 61-3. – 2017. – № 2/2499 (Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).
5. Об организации международного сотрудничества в сфере досудебного уголовного производства : приказ Председателя Следств. ком. Респ. Беларусь от 3 марта 2018 г. № 47. – 2018 (Доступ из эталон. банка данных правовой информ. Респ. Беларусь).

УДК 343.98

О ЗНАЧЕНИИ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

О. И. Локтевич

*ведущий инспектор по организационно-кадровой работе
Ленинского районного отдела Следственного комитета
Республики Беларусь, г. Минск*

Участие защитника в процессе расследования преступлений оказывает определенное влияние на его ход и результаты. Вместе с тем также очевидно, что таковое влияние напрямую связано с ситуацией, которая сложилась по уголовному делу в

процессе расследования. Наиболее часто в практической деятельности встречаются ситуации отказа подозреваемого (обвиняемого) от услуг защитника, ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) и его защитник имеют стойкую установку на конфликт и бесконфликтные ситуации.

К сожалению, достаточно часто следователи расценивают участие защитника в процессе расследования как помеху в своей работе, препятствующую бесперебойному выпуску уголовных дел «по конвейеру», а не как помощь квалифицированного специалиста в области права, проверяющего на прочность доказательства, на которых строится обвинение.

С тем, что при честном и добросовестном осуществлении адвокатом-защитником своих прав и обязанностей следователи не должны видеть в них противников расследованию, соглашается большинство авторов [1, 2, 3]. Вместе с тем следователю, как профессиональному юристу, стоит понимать, что в любой ситуации участие защитника подозреваемого (обвиняемого) в предварительном расследовании важно и для самого следователя, поскольку способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, в том числе выяснению всех обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, а также имеющих значение для правильного разрешения дела и защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц.

Чаще всего это связано со следующими обстоятельствами:

1. Участие защитника создает благоприятные условия для установления всех обстоятельств уголовного дела. Активная позиция защитника побуждает следователя к поиску и последующему устранению причин, послуживших возникновению разногласий между ними. Ведь именно прислушиваясь к суждениям защитника и оценивая их, следователь получает возможность скорее прийти к правильным выводам и обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, не допустить возникновения противоречий по поводу конкретных доказательств [4, с. 18]. Адвокат, активно участвуя в выявлении обстоятельств, оправдывающих его подзащитного либо смягчающих ответственность, тем самым объективно помогает следствию и суду всесторонне и полно исследовать все обстоятельства уголовного дела [5, с. 80].

2. Зачастую участие защитника предоставляет возможность следователю не допустить (исправить) в ходе следствия ошибки, промахи в работе. Ошибки в ходе следствия могут быть допущены непреднамеренно, по незнанию, а могут быть связаны с целенаправленным отступлением от правил процесса, осуществляемым с определенной целью: либо упростить свою работу, либо достигнуть заранее определенного результата по итогам расследования. Стоит отметить, что если непреднамеренные ошибки чаще всего допускают молодые следователи либо следователи, не имеющие опыта расследования определенной категории уголовных дел, то ошибки, связанные с целенаправленным отступлением от правил процесса, допускаются в том числе опытными следователями. Например, в практической деятельности встречаются факты, когда следователи прибегают к упрощению процедуры ознакомления с уголовным делом, в том числе предоставляют материалы уголовного дела в неподшитом и пронумерованном виде, как того требует закон. Или, например, вовсе не предоставляют возможности потерпевшим знакомиться с материалами уголовного дела, ограничившись формальным уведомлением о его окончании.

Немаловажным является и выявление технических ошибок, особенно тех из них, которые тем или иным образом могут влиять на правильное уяснение содержания исходного процессуального документа. Например, при составлении протокола допроса из текста документа могут быть удалены данные, свидетельствующие о наличии смягчающих вину обстоятельств, в том числе тех, которые требуют дальнейшей следственной проверки. Стоит отметить, что в данном случае доказать, произошло ли удаление указанных данных случайным образом, непреднамеренно, ввиду компьютерной ошибки либо целенаправленно, с целью облегчить ход расследования и не проводить проверочных мероприятий, подтверждающих наличие либо отсутствие заявленных смягчающих вину доказательств, практически невозможно. Условиями, способствующими совершению ошибок в ходе предварительного следствия, В. И. Власов считает недостатки прокурорского надзора и недостаточное участие адвокатов в предварительном следствии [6, с. 120–123].

3. Защитник может обратить внимание на те обстоятельства по уголовному делу, которые следователь изначально не считал значимыми.

4. Участие защитника снижает вероятность того, что обвиняемый в суде будет ссылаться на то, что в отношении него применялось незаконное воздействие (физическое либо психическое) либо угроза такового [7, с. 185].

5. Зачастую защитник облегчает для следователя процесс получения характеризующей информации: о биографии, о моральном облике, психологических особенностях, образе жизни. Это необходимо следователю как для установления смягчающих вину обстоятельств, так и для выяснения причин и условий, способствовавших совершению преступления.

6. Участие защитника в следственных действиях целесообразно и полезно для установления доверительных отношений с подозреваемым, обвиняемым, оказывает им моральную и психологическую поддержку [8, с. 5–6].

7. Присутствие адвоката при проведении следственных действий страхует следователя от потенциальной возможности оспаривания в суде результатов его проведения.

8. Участие защитника в расследовании страхует следователя от ситуации, когда обвиняемый в суде заявит о непредоставлении ему возможности реализовать свое право на защиту (как правило, поясняют, что участие защитника не было обеспечено следователем, а подписи в протоколах разъяснения прав поставлены механически).

9. Встречаются ситуации, когда защитник фактически содействует обвинению, например, когда эффективная защита прав его доверителя невозможна иным путем, кроме как избличения другого подозреваемого по делу. Вместе с тем вопрос о соответствии нравственным принципам деятельности возможности адвоката фактически обвинять не своего подзащитного является дискуссионным [9, с. 157–159].

10. В целом наличие хорошо организованной профессиональной защиты делает работу стороны обвинения более высокоэффективной, поскольку, как справедливо отмечает по данному поводу Н. А. Колоколов, «многолетнее противостояние умным, хитрым, изворотливым преступникам, да и их высококвалифицированным защитникам делает из следователей, прокуроров профессионалов высшего класса, умело парирующих любой не основанный на доказательствах ход адвоката» [10, с. 63–64].

Таким образом, учитывая, что участие защитника дает следователю определенные потенциальные тактические преимущества, следователь должен направлять

усилия на то, чтобы убедить подозреваемого (обвиняемого) в необходимости участия в ходе расследования защитника для максимально полной реализации его прав. Вместе с тем важно помнить, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса «...Орган, ведущий уголовный процесс, не вправе рекомендовать кому бы то ни было приглашение определенного защитника». То есть рекомендации относительно участия в ходе предварительного расследования защитника должны носить общий характер.

Для того чтобы убедить подозреваемого (обвиняемого) в целесообразности участия защитника, следователем могут быть применены следующие тактические приемы:

– демонстрация положительных примеров из следственной и судебной практики, когда исключительно участие защитника позволило выявить обстоятельства, смягчающие ответственность лица;

– акцентирование внимания подозреваемого (обвиняемого) на сложность и запутанность обстоятельств уголовного дела, в связи с чем ему самому будет сложно разобраться;

– указание на потенциально большой объем материалов до следственной проверки и уголовного дела, что затруднит самостоятельное восприятие при ознакомлении;

– демонстрация процессуальных нюансов уголовного дела с целью акцентирования внимания на том, что защиту должны обеспечивать профессиональные юристы и иные.

Литература

1. Волкова, А. Г. Защитник в предварительном расследовании по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Г. Волкова ; Рос. тамож. акад. – М., 2002. – 30 с.
2. Третьяков, В. И. Участие защитника на предварительном следствии и в судебном производстве: процессуальные и тактические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Третьяков ; Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград, 1998. – 33 с.
3. Купрейченко, С. В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Купрейченко ; Моск. акад. экономики и права. – М., 2007. – 26 с.
4. Попов, А. И. Актуальные проблемы использования специальных знаний эксперта и специалиста в разрешении конфликтов и конфликтных ситуаций в ходе предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. И. Попов ; Калинингр. юрид. ин-т МВД России. – Калининград, 2009. – 21 с.
5. Макарова, З. В. Согласованность позиций адвоката и его подзащитного / З. В. Макарова // Вестн. Омск. ун-та. Серия «Право». – 2008. – № 1 (14). – С. 73–82.
6. Власов, В. И. Расследование преступлений: Проблемы качества / В. И. Власов. – Саратов : Сарат. ун-т, 1988. – 199 с.
7. Леви, А. А. О некоторых особенностях расследования преступления, осуществляемого с участием защитника / А. А. Леви, А. Х. Хусейнович // Общество и право. – 2012. – № 2 (39). – С. 181–186.
8. Милова, И. Е. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. Е. Милова ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 1998. – 17 с.
9. Горский, Г. Ф. Судебная этика / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1973. – 271 с.
10. Колоколов, Н. А. Теория уголовного процесса: состязательность : монография / Н. А. Колоколов [и др.] ; под ред. Н. А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – 368 с.

УДК 342.7:343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ю. В. Родионова

доцент кафедры уголовного процесса 4 факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат педагогических наук, майор юстиции

А. А. Мишенина

заведующий кафедрой уголовного процесса 4 факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Нижний Новгород) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», подполковник юстиции

Понятие «преюдиция» используется в любом судопроизводстве (уголовном, гражданском, арбитражном, административном). В Арбитражном процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах термин «преюдиция» не встречается, однако присутствуют понятия, близкие к слову «преюдиция» (ст. 61, 69 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации – ГПК РФ). Между тем нормы, которые наиболее близки к понятию «преюдиция», в названных кодексах есть. Преюдициальное правило звучит примерно так: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, не доказываются вновь при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. Уточним: речь идет об участии не только сторон спора, но и других заинтересованных в исходе дела лиц.

В уголовном судопроизводстве понятие «преюдиция» существует (ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – УПК РФ). Согласимся с определением, которое дал О. В. Левченко: «преюдиция – это юридическое правило, согласно которому вступивший в законную силу приговор (решение) одного суда (судьи), обязателен для другого, а поэтому исключается повторное рассмотрение одного и того же дела в целом или в части».

Статья 90 УПК РФ устанавливает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле (в редакции от 29 июня 2015 г. № 191-ФЗ).

Наиболее существенное значение по вопросу применения преюдиции в уголовном и гражданском судопроизводстве имеет позиция Конституционного суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко».

Смысл их обращения сводился к следующему (аналогичные ситуации часто встречаются по делам о налоговых преступлениях): положения ст. 90 УПК РФ не противоречат Конституции Российской Федерации, что означает:

1. Имеющими преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя, дознавателя по находящемуся в их производстве уголовному делу являются фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, т. е. когда в уголовном судопроизводстве рассматривается вопрос о правах и обязанностях того лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом.

2. Фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных нормами УПК РФ процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

3. Признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных нормами УПК РФ, и только в рамках уголовного судопроизводства.

4. Фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе.

В уголовном судопроизводстве презумпция невиновности диктует признание судом всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, пока они не опровергнуты стороной обвинения в требуемой законом процессуальной форме. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает определенный перечень подлежащих доказыванию и к оценке судом доказательств.

Также гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство исходит из того, что обстоятельства, на которые лицо, участвующее в деле, ссылается как на основание своих требований и возражений, должны быть доказаны самим этим лицом.

Общие правила распределения обязанности по доказыванию предусматривают освобождение от этого входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство относит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (ст. 61 ГПК РФ, ст. 90 УПК РФ). В данном основании для освобождения от доказывания проявляется преюдициальность как свойство законной силы судебных решений, общеобязательность и исполнимость которых в качестве различных судебных актов обусловлены ее привилегиями.

Как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы.

Так, по приговору мирового судьи судебного участка № 84 г. Омска от 22 марта 2010 г. Б. осужден по ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации к обязательным работам на срок 180 ч. Постановлением Советского районного суда г. Омска от 13 мая 2010 г., кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 17 июня 2010 г., постановлением президиума Омского областного суда от 26 ноября 2012 г. приговор оставлен без изменения.

Б. был осужден за злостное неисполнение служащим коммерческой организации (генеральный директор) вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствование его исполнению. Преступление, как указано в приговоре, было совершено в период с 6 октября по 16 декабря 2008 г.

В надзорной жалобе Б. просил отменить состоявшиеся в отношении него судебные решения и прекратить производство по делу, поскольку суд не учел положения ст. 90 УПК РФ, т. к. согласно решению суда, постановленному в порядке гражданского судопроизводства, в данный период времени обозначенной в приговоре должности он не занимал.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации все судебные постановления отменила, а уголовное дело в отношении Б. прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. к. решением Советского районного суда гор. Омска от 8 февраля 2010 г. было установлено, что с 10 октября 2008 г. по 14 января 2010 г. должность генерального директора занимал не Б., а другое лицо.

В обоснование своей позиции Судебная коллегия сослалась на мнение Конституционного суда Российской Федерации, изложенное в постановлении от 21.12.2011 г. № 30-П, в котором указывается, что признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

При этом Конституционный суд Российской Федерации определил установленные процессуальным законом пределы признания или отрицания преюдициального значения судебных решений, указав в постановлении, что в качестве единого способа опровержения преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств. Следовательно, как указал Конституционный суд Российской Федерации, следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств (включая доказательства, не рассматривавшиеся судом по гражданскому делу) в связи с возбуждением уголовного дела по данному факту.

В уголовно-правовых процедурах в связи с этим исследуется вопрос, не входивший в предмет доказывания по гражданскому делу, – о фальсификации доказательств именно как уголовно наказуемом деянии, в случае ее установления фальси-

фикация может явиться основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения по гражданскому делу. До тех пор пока в ходе уголовного судопроизводства факты фальсификации доказательств и виновности лица в этом преступлении не будут установлены на основе не вызывающих сомнения обстоятельств, решение по гражданскому делу должно толковаться в пользу лица. Это также связано с соблюдением конституционного принципа презумпции невиновности и связанных с этим особенностей доказывания в уголовном процессе, несмотря на наличие судебного акта, принятого в порядке гражданского судопроизводства.

Этот пример свидетельствует о правильности трактовок Конституционного суда Российской Федерации в ранее названном постановлении, обеспечивает баланс общеобязательной юридической силы любого судебного решения и возможности проверки его законности и обоснованности в целях исключения судебной ошибки и возможности ее исправления путем отмены судебного решения в специально установленных процедурах.

УДК 343.13+341.44

ДОПУСТИМОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ИНОСТРАННОМУ ГОСУДАРСТВУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ СОБСТВЕННОГО ГРАЖДАНИНА

В. И. Самарин

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

Для справедливого разрешения уголовного дела оптимальным является его расследование органами уголовного преследования и рассмотрение в суде по месту совершения преступления или месту причинения ущерба от него. Поэтому государства стремятся обеспечить присутствие субъекта преступного деяния в своей территориальной юрисдикции. Такое обеспечение достигается прежде всего применением предусмотренных законом мер пресечения. Если субъект преступления находится вне юрисдикции государства, то он может быть возвращен путем выдачи при достижении государствами соответствующей договоренности. Но в ряде случаев в выдаче лица может быть отказано. Подобный отказ по мотивам, например, угрозы применения смертной казни, не должен в обязательном порядке вести к безнаказанности лица, совершившего преступление. В этом случае начинает действовать вторая альтернатива сформулированного еще в римском праве принципа *aut dedere aut judicare*.

На практике иностранные государства изредка, но отказывают Республике Беларусь в выдаче граждан последней для осуществления уголовного преследования. В таких случаях закономерно предлагается передать материалы для уголовного преследования гражданина Беларуси в государство его нахождения. Возникает вопрос, правомерна ли такая передача уголовного преследования в отношении собственного гражданина?

Осуществление уголовного преследования как вид международной правовой помощи представляет собой согласованные передачу и прием от одного государства другому суверенного права по установлению факта и обстоятельств совершения преступления, лиц его совершивших и обеспечению применения к таким лицам наказания либо иных предусмотренных уголовным законом мер [1, с. 109].

Нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) не содержат оснований для отказа в передаче осуществления уголовного преследования

иностранному государству. Соответственно, учитывая отличие от нормы ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) (ст. 517 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызстана 2017 г.), говорящей о направлении материалов уголовного дела *исключительно* в отношении *иностранных граждан*, неправильно будет связывать возможность запроса органами уголовного преследования Республики Беларусь оказания данного вида международной правовой помощи с принадлежностью подозреваемого (обвиняемого) к гражданству определенного государства, а сама возможность такой передачи должна определяться больше законодательством запрашиваемого иностранного государства. Указанная норма УПК РФ, не предусматривающая возможность передачи осуществления уголовного преследования в отношении граждан данного государства, оправданно подвергается критике в научной литературе [2, с. 15–16, 20]. Хотя отдельными учеными предлагается изменить данную норму только для применения к лицам с двойным гражданством, одно из которых является российским [3, с. 297].

Исходя из своих целей, осуществление уголовного преследования по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, возможно при нахождении подозреваемого (обвиняемого) на территории иностранного государства.

Статья 10 Конституции Республики Беларусь *не позволяет* осуществить исключительно *выдачу* гражданина Республики Беларусь иностранному государству. В процессе выдачи лица для осуществления уголовного преследования обвиняемое в одном государстве лицо передается на основании просьбы этому государству другим для осуществления уголовного преследования. То есть Основной закон Беларуси запрещает государству при отсутствии соответствующего международного договора передавать гражданина из своей юрисдикции (из-под своей защиты), когда в уголовном преследовании больше заинтересовано именно такое иностранное государство (преступление совершено против его граждан, против интересов такого государства, ущерб возник на его территории и т. п.). Установленный запрет выдачи своих граждан имеет целью защиту их от возможного нарушения прав этих граждан в ходе следствия, судебного разбирательства и отбывания наказания в другом государстве. В процессе же осуществления уголовного преследования как вида международной правовой помощи лицо уже находится в иностранной юрисдикции, оно скорее всего добровольно согласилось быть во власти иного суверена, покинув пределы государства гражданства на основании права, закрепленного в ст. 30 Конституции Республики Беларусь, а наше государство передает лишь свое право уголовно преследовать и судить такое лицо на основании материалов (доказательств), собранных и передаваемых органами уголовного преследования, которым Беларусь доверяет, гарантируя защиту своему гражданину и за рубежом (ч. 1 ст. 10 Конституции Республики Беларусь). Такая защита предполагает принятие мер против нарушения прав собственных граждан в иностранном государстве, ведь даже выдача, основанная на конституционно допустимом международном договоре, не лишает гражданина такой защиты [4, с. 264, 269]. Из данных умозаключений можно констатировать, что в передаче осуществления уголовного преследования в отношении собственных граждан следует отказать, если есть веские основания полагать, что в иностранном государстве могут быть нарушены права таких граждан, гарантированные Основным законом нашей страны (например, его могут подвергнуть унижающему его достоинство обращению или наказанию).

Для эффективности передачи уголовного преследования запрашиваемое иностранное государство должно обладать юрисдикцией в отношении преступления,

совершенного иностранным гражданином вне пределов его территории. Данная предпосылка схожа с отмеченной во мнении генерального адвоката по рассмотренному в рамках предварительной процедуры на основании запроса Верховного суда Латвии судом Европейского союза делу № С-182/15 (экстрадиционное дело гражданина Эстонии А. Петрухина). При этом адвокат отметил, что ряд государств-членов Европейского союза не имеют юрисдикции для осуждения иностранного гражданина, совершившего преступление на территории иного государства, и граждане первого государства не являются потерпевшими по такому делу [5]. На уровне органов ООН отмечается, что во избежание возникновения убежищ государствам, осуществляющим уголовное преследование в отношении граждан других государств, важно осуществлять его так же строго, как в отношении собственных граждан [6, р. 4].

Стоит иметь в виду, что некоторые международные договоры Республики Беларусь указывают на обязанность договаривающегося государства осуществлять уголовное преследование лишь против собственных граждан, подозреваемых (обвиняемых) в том, что они совершили преступление на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны (ч. 1 ст. 72 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., ч. 1 ст. 57 Договора между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г. и др.).

Однако такие положения международных договоров не препятствуют на основании ч. 5 ст. 1 УПК РБ передавать осуществление уголовного преследования иностранному государству в отношении лиц, не являющихся гражданами последнего, на основании принципа взаимности.

Абзац второй ч. 1 ст. 91 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. в противовес своей предшественнице прямо предусматривает возможность передачи осуществления уголовного преследования и в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, находящихся на территории договаривающегося государства, в случаях отказа в их выдаче. При этом под такими иностранными гражданами должны пониматься и граждане запрашивающего государства, которые являются иностранными для запрашиваемого государства.

В этом контексте видится интересной позиция казахстанского законодателя, который подчеркивает субсидиарный характер передачи осуществления уголовного преследования по отношению к выдаче лица без ссылки на гражданство последнего (ч. 2 ст. 596 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана): «уголовное дело может быть передано иностранному государству при условии, что выдача лица (экстрадиция), подлежащего привлечению к уголовной ответственности, невозможна или в выдаче (экстрадиции) данного лица Республике Казахстан отказано».

Необходимо помнить, что осуществление уголовного преследования на территории иностранного государства по просьбе органа уголовного преследования Республики Беларусь может осуществляться в случае, если в Беларуси уже было возбуждено уголовное дело (так как должны быть представлены его материалы), но по нему еще не было вынесено окончательное решение (приговор суда, постановление о прекращении предварительного расследования и т. п.).

Таким образом, в исследуемой ситуации можем столкнуться с отсутствием у иностранного государства права судить гражданина Республики Беларусь, а не с запретом передачи осуществления уголовного преследования в отношении собственного гражданина (ошибочно выводимого из запрета выдачи такого лица иностранному государству).

Противное утверждение (отрицание допустимости передачи Республикой Беларусь иностранному государству осуществления уголовного преследования в отношении собственных граждан) позволяло бы гражданам Республики Беларусь избегать наказания за свои преступления, что вело бы к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом (ст. 22 Конституции Республики Беларусь) и уголовно-правового принципа неотвратимости ответственности (ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь), создавая необоснованное преимущество для скрывшегося перед иными соотечественниками.

Литература

1. Самарин, В. И. Международная правовая помощь по уголовным делам: уголовно-процессуальный аспект / В. И. Самарин, А. А. Данилевич. – Минск : БГУ, 2009. – 127 с.
2. Клевцов, К. К. Передача уголовного преследования (судопроизводства) как один из способов привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации / К. К. Клевцов // *Вопр. рос. и междунар. права.* – 2016. – № 4. – С. 12–24.
3. Быкова, Е. В. Передача уголовного преследования (судопроизводства): правовое регулирование и некоторые проблемы / Е. В. Быкова, Т. А. Решетникова, В. С. Выскуб // *Б-ка криминалиста.* – 2015. – № 3. – С. 295–308.
4. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Т. 1 / И. И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – 1224 с.
5. Tiesas spriedums (virspalāta) lieta C-182/15 par lūgumu sniegt prejudiciālu nolēmumu, ko Augstākā tiesa (Latvija) tiesvedībā par izdošanas procedūru attiecībā uz Aleksej Petruhhin // *InfoCuria – Case-law of the Court of Justice.* – Адрес доступа: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-182/15>.
6. Report on the meeting of the Working Group on International Cooperation held in Vienna on 20 and 21 October 2010 // *Conference of the Parties to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime.* – Адрес доступа: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/2010_CTOC_COP_WG3/CTOC_COP_WG3_2010_1_E.pdf. – 6 p.

СЕКЦИЯ III
ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ
БЕЛАРУСЬ, СТРАНАХ СНГ И ЕВРОПЫ:
ДОСТИЖЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

УДК 343.1

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Л. Г. Букато

доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, г. Минск

А. М. Сербун

заместитель начальника управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом Республики Беларусь, г. Минск

Концепцией судебно-правовой реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХІІ, предусматривалась реформа предварительного следствия, которая должна была «привести к созданию независимого Следственного комитета, расширить процессуальную самостоятельность следователя и повысить его правовой и социальный статус». В развитие данной идеи в названном документе была закреплена и еще одна – освобождение прокуратуры «от несвойственных ей функций в области <...> руководства предварительным следствием» [1]. Предполагалось, что образование Следственного комитета Республики Беларусь, который «должен стать единственным органом предварительного следствия в республике», станет решающим шагом в реализации таких идей.

По свидетельству ученых-процессуалистов и практических работников, создание Следственного комитета Республики Беларусь, объединившего следственные аппараты системы органов прокуратуры, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля и подразделения предварительного расследования системы органов внутренних дел, и последующие в связи с этим изменения процессуального законодательства привели к повышению процессуальной самостоятельности следователей, урегулировав порядок их взаимоотношений с начальниками следственных подразделений и прокурорами. Вместе с тем анализ законодательства и практики его применения показывает, что некоторые вопросы по-прежнему требуют своего уяснения и разъяснения. Так, требует более четкой регламентации:

1) право прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, давать указания следователю;

2) право прокурора выносить требование начальнику следственного подразделения об устранении нарушений законодательства, допущенных следователем в ходе предварительного следствия (п. 11 ч. 5 ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – УПК РБ) [2];

3) форма реагирования следователя на указания прокурора и начальника следственного подразделения в случае несогласия с ними;

4) право прокурора, осуществляющего надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия, лично производить отдельные следственные и другие процессуальные действия (п. 3 ч. 5 ст. 34 УПК РБ).

Действующая редакция УПК предоставляет прокурору право давать следователю обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий только в двух случаях (п. 15 ч. 5 ст. 34 УПК РБ):

1) при возврате уголовного дела следователю для производства дополнительно предварительного расследования (п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК РБ);

2) при отмене постановления о прекращении предварительного расследования.

Из данных нормативных предписаний следует, что обязательные для исполнения указания могут даваться прокурором только по уголовному делу, поступившему от следователя, с постановлением о передаче дела прокурору для направления в суд и при реализации прокурором надзорных полномочий при отмене постановления следователя о прекращении предварительного расследования.

Вместе с тем следует отметить, что основными задачами уголовного процесса, определенными ч. 1 ст. 7 УПК РБ, являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных. В соответствии со ст. 25 УПК РБ прокурор осуществляет надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях, в ходе предварительного расследования, при этом прокурор обязан на всех стадиях уголовного процесса своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Так, п. 5 ч. 5 ст. 34 УПК РБ закреплено право прокурора отменять незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора, начальника следственного подразделения, следователя (за исключением указанных в ч. 5 ст. 35 и ч. 6 ст. 38 УПК РБ), а также не соответствующие закону указания нижестоящего прокурора. В данном структурном элементе не предусматривается право прокурора, в случае реализации закрепленного в пункте полномочия, дать должностным лицам, включая следователя, какие-либо указания. Однако на практике по-прежнему сохраняется сложившийся до создания Следственного комитета Республики Беларусь подход – при реализации надзорного полномочия, указанного в п. 5 ч. 5 ст. 34 УПК РБ, прокурор дает следователю указания о производстве по уголовным делам и материалам следственных и других процессуальных действий. Необходимость дачи прокурором таких указаний вызвана реализацией положений ст. 25 УПК РБ, а обязанность выполнения их следователем, несмотря на отсутствие прямого указания в УПК, – требований ч. 1 ст. 7 УПК РБ.

Кроме того, складывающаяся таким образом практика может быть приведена в согласие с уголовно-процессуальным законом в случае более активного использования прокурорами, наряду с указаниями, предоставленного им полномочия выносить начальнику следственного подразделения требование об устранении нарушений законодательства, допущенных следователем в ходе предварительного следствия. Некоторые процессуалисты полагают, что «место, которое ранее в арсенале процессуальных полномочий прокурора занимали указания, теперь занято таким процессуальным полномочием» [3, с. 174], т. к. по своей сути требование сходно с указанием,

ранее являвшимся средством прокурорского реагирования на нарушение законности в деятельности следователей с целью устранения таких нарушений.

Вместе с тем следует отметить, что указания прокурора и требование, вынесенное в соответствии с п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК РБ, по своей природе совершенно разные процессуальные документы. Указание прокурора – это перечень необходимых следственных и иных процессуальных действий, которые следует выполнить следователю для реализации закрепленных в ч. 1 ст. 18 УПК РБ положений относительно возложения на орган уголовного преследования обязанности принимать все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела. Невыполнение следователем каких-либо следственных и других процессуальных действий, перечисленных в указаниях, является нарушением вышеуказанных положений УПК РБ. Требование же, в свою очередь, – это акт прокурорского реагирования на допущенные органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем нарушения законодательства в ходе дознания, предварительного следствия. При этом существенным является то, что требование, содержащее указания о производстве следственных действий, не обязательно для исполнения, т. к. в соответствии с п. 46.1 ст. 6 УПК РБ требование прокурора – обязательное к *рассмотрению* письменное требование начальнику следственного подразделения, начальнику органа дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия.

Другие трудности в практическом применении данной нормы могут быть вызваны тем, что УПК РБ не только допускает логическую ошибку в определении термина «требование», усложняющую толкование, но и не регламентирует форму и содержание данного документа.

Обращаясь к вопросу о форме реагирования следователя на указания прокурора и начальника следственного подразделения в случае несогласия с ними, необходимо сравнить различные по своему содержанию предписания ч. 4 ст. 35 и ч. 4 ст. 36 УПК РБ.

В ч. 4 ст. 35 УПК РБ говорится о праве следователя, в случае его несогласия с полученными указаниями начальника следственного подразделения, представить дело вышестоящему начальнику следственного подразделения с письменным изложением своих *возражений*, а в ч. 4 ст. 36 УПК РБ – *об обжаловании* указаний начальника следственного подразделения о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения и изложении *возражений* вышестоящему прокурору в случае несогласия с данными им указаниями.

При этом следователь вправе представить вышестоящему начальнику следственного подразделения *возражения* на любые указания начальника следственного подразделения, данные в соответствии с ч. 4 ст. 35 УПК РБ, и следователю не предоставлено право приостанавливать их исполнение. Однако исключением в данной ситуации являются регламентированные ч. 4 ст. 36 УПК РБ случаи обжалования следователем вышестоящему начальнику следственного подразделения указаний ограниченного перечня, с соответствующим предоставлением следователю права приостановления их исполнения.

Также следует отметить, что ч. 4 ст. 36 УПК РБ регламентирован порядок обжалования следователем вышестоящему прокурору не всех указаний прокурора, а только тех, которые даны в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК РБ.

Пунктом 3 ч. 5 ст. 34 УПК РБ прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия, предоставлено право лично производить отдельные следственные и другие процессуальные дейст-

вия. При этом данное право прокурора с момента создания Следственного комитета Республики Беларусь ограничено лишь возможностью производить данные действия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, только *при санкционировании применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста*. При этом анализ ст. 126 УПК РБ показывает, что при санкционировании меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор вправе лично производить не весь перечень следственных и других процессуальных действий, а лишь отдельные из них. Так, прокурору в необходимых случаях предоставлено право лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого это право вменено в обязанность.

Несмотря на то что уголовно-процессуальным законом прямо не регламентированы права прокурора на производство следственных и иных процессуальных действий при санкционировании применения меры пресечения в виде домашнего ареста, ч. 3 ст. 125 УПК РБ определено, что основания и порядок применения в качестве меры пресечения домашнего ареста, установления и продления его срока, отмены регулируются соответствующими нормами УПК РБ, относящимися к мере пресечения в виде заключения под стражу. В этой связи при санкционировании применения меры пресечения в виде домашнего ареста прокурору в необходимых случаях также предоставлено право лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого это право вменено в обязанность.

Литература

1. О Концепции судебно-правовой реформы : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь от 23 апр. 1992 г. № 1611-ХП // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Мухудинова, Н. Р. Указания прокурора в российском уголовном судопроизводстве / Н. Р. Мухудинова, В. В. Крысин // Вестн. Морд. ун-та. – 2009. – № 4. – С. 171–175.

УДК 343.1

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТАТУСА НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. Н. Воробьёв

*заместитель начальника Главного следственного управления –
начальник управления по расследованию преступлений в финансово-кредитной
сфере центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь,
полковник юстиции, г. Минск*

Действующая редакция ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) определяет начальника следственного подразделения (начальник, начальник следствия, начальник подразделения) как соответствующих должностных лиц Следственного комитета и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (Председатель Следственного комитета Республики Беларусь, начальник следственного управления, начальник следственного отдела или отделе-

ния, а также иного подразделения органа предварительного следствия, в ведении которого находятся вопросы предварительного следствия, и их заместители).

При создании в 2011 г. Следственного комитета Республики Беларусь (Следственный комитет) в результате реформы уголовно-процессуального законодательства функции и права начальника следствия существенно расширились за счет частичной передачи полномочий прокурора и введения новых ранее не свойственных прав.

Динамика статистических данных об основных показателях работы следственных подразделений за пять лет существования Следственного комитета свидетельствует об улучшении качества следствия, что в том числе обусловлено и повышением статуса начальника следственного подразделения, улучшением процессуального руководства и контроля за расследованием. Несмотря на имеющиеся в уголовном процессе дублирование функций субъектов осуществления уголовного преследования, неполноту законодательного регулирования полномочий начальника следствия, в целом уголовно-процессуальное законодательство Беларуси по сравнению с аналогичными нормами в законодательстве других стран соответствует реалиям настоящего времени.

Вместе с тем жизнь не стоит на месте. Развитие общества и государства требует дальнейшей проработки путей возможного реформирования уголовного процесса с учетом информатизации общества, в целях оптимизации функций субъектов уголовного преследования, обеспечения, неукоснительного соблюдения и защиты прав участников уголовного процесса. При этом изменение статуса начальника следственного подразделения возможно только с одновременной корректировкой полномочий других субъектов, определением их процессуальной иерархии.

В настоящее время процессуальным руководителем предварительного следствия признается начальник подразделения, законом определена его первостепенная роль в обеспечении процессуального руководства и контроля за расследованием уголовных дел следователем. Однако это не означает, что он оказался в статусе выше прокурора. В реформированной системе предварительного расследования прокурору отводятся главенствующие функции направления уголовных дел в суд, санкционирования процессуальных действий, а также реагирования на допущенные органами предварительного следствия нарушения уголовно-процессуального закона.

В уголовном процессе Беларуси еще не произошло окончательное отделение функций предъявления обвинения и принятия окончательного решения при производстве по уголовным делам. Для примера, в Уголовно-процессуальном кодексе Франции необходимость отделения таких полномочий и их независимость друг от друга четко оговорены.

Таким образом, одним из направлений реформирования процессуального статуса субъектов, осуществляющих уголовное преследование, может быть дальнейшее укрепление их иерархии, окончательное разделение функций, упразднение дублирующихся полномочий.

Закреплением повышенного статуса начальника следственного подразделения и следователя может являться поэтапный отказ от предоставления органам дознания права на возбуждение уголовного дела.

Дальнейшего оформления требует принцип процессуальной самостоятельности следователя, а соответственно, и роли его начальника. Целесообразно регламентировать пределы вмешательства начальника следственного подразделения в следственный процесс, осуществляемый следователем, определить перечень следственных действий, которые начальник не вправе производить при участии в производстве

предварительного следствия без принятия дела к своему производству (п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК РФ).

Основной же вопрос реформирования статуса начальника следствия зависит от дальнейшего изменения полномочий надзирающего прокурора. Одним из обязательных направлений совершенствования института прокурора в уголовно-процессуальном законодательстве является поэтапный переход к судебному санкционированию процессуальных действий, затрагивающих либо ограничивающих конституционные права граждан. В качестве предложения на первоначальном этапе можно было бы ограничиться передачей в компетенцию суда права санкционирования мер пресечения, а в последующем, после адаптации судебной и следственной системы, осуществить переход на судебное санкционирование в полном объеме.

Передача полномочий по даче санкции на проведение процессуальных действий и принятие процессуальных решений позволит не только уменьшить вмешательство прокурора в ход расследования, но еще больше повысит роль соответствующего начальника следственного подразделения и его ответственность за полноту и объективность расследования.

Безусловно, в полномочиях прокурора останется направление уголовных дел в суд. Однако изъятие функций санкционирования освободит его от своеобразной «зависимости» в принятии окончательного решения с учетом ранее данных им санкций на заключение под стражу. Небезосновательны суждения о том, что прокурор не заинтересован в прекращении производства по делу, если до этого им была дана санкция на заключение под стражу лица.

Введение института судебного санкционирования снизит количество поступающих жалоб как прокурору, так и начальнику следственного подразделения, поскольку такие жалобы не относятся к их компетенции (п. 10 ч. 5 ст. 34 и п. 11 ч. 2 ст. 35 УПК РФ). При таких изменениях в полномочиях прокурора по надзору за следствием останется право на вмешательство в ход расследования и реагирование в связи с нарушением следователем законности, а также на принятие окончательных процессуальных решений по уголовному делу, что соответствует целям и задачам органов прокуратуры.

С целью окончательного отделения функций предъявления обвинения и принятия итогового решения по уголовному делу возможна передача в исключительные полномочия прокурора права на принятие всех окончательных решений предварительного расследования с изъятием таких прав у следователя и начальника следственного подразделения. Предварительное расследование в такой ситуации будет заканчиваться следователем путем вынесения постановления о направлении дела прокурору, который в свою очередь будет решать, имеются ли основания для направления дела в суд либо производство по нему подлежит прекращению.

Права начальника следствия в таком случае несколько уменьшатся, однако будут полностью соотноситься с его задачами процессуального руководителя и контролера. Не исключается в такой ситуации и передача органов предварительного следствия в систему органов юстиции.

Среди правоприменителей высказываются мнения о возможном, через определенный промежуток времени, возврате к ранее действовавшей форме процессуального руководства расследованием прокурором и сокращения в связи с этим функций начальника следственного подразделения по аналогии с начальником органа дознания. Однако необходимо отметить, что предоставленные начальникам полномочия в результате выделения органов предварительного следствия в самостоятельный единый субъект являются достаточными для реализации ими задач в уголовном процессе.

Практический опыт автора статьи показывает, что после расширения компетенции начальников следствия такие права реализуются ими в большинстве случаев взвешенно для обеспечения законности, объективности и полноты расследования. Нецелесообразность возвращения полномочий начальника следственного подразделения в сферу прокурорского надзора отмечалась и Верховным судом Республики Беларусь.

Опираясь на уголовно-процессуальное законодательство зарубежных стран (Польша и др.), в которых понятие начальника следственного подразделения либо его аналога отсутствует, высказываются мнения о целесообразности полного упразднения такого института и разделения его полномочий между органом дознания, следователем и прокурором. Реформирование досудебного производства в таком направлении возможно, но потребует заимствования и ряда других особенностей уголовного процесса таких стран, а также частичной адаптации процесса стран с общей системой права.

Совершенствуя институт предварительного следствия, белорусский законодатель избрал стратегию планомерного и поступательного изменения функций, прав и обязанностей субъектов уголовного преследования. Представляется, что и дальнейшее реформирование института предварительного следствия и связанных с ним институтов (прокурорского надзора и дознания) следует проводить комплексно, поэтапно, предварительно определив стратегические цели и модельную структуру досудебного уголовного производства.

Л и т е р а т у р а

1. Борико, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – Минск : Тесей, 2005. – 320 с.
2. Зайцева, Л. Первая «пятилетка» нового УПК Республики Беларусь: успехи, недостатки и планы на будущее / Л. Зайцева // Юстиция Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 25–30.
3. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л. И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2005. – 352 с.
4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2014. – 1230 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

УДК 343.14

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПОЗИТИВНЫМ ПОСТКРИМИНАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК ОДИН ИЗ ИНСТИТУТОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

С. С. Крупенькин

*ведущий специалист управления Следственного комитета Республики Беларусь
по Гомельской области*

Современные задачи противодействия преступности предполагают универсальность и системность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершающих преступления. Кризис традиционной уголовно-правовой концепции «преступление – ответственность – наказание», не позволившей предотвратить значительный рост преступности, обусловил поиск новых идей и подходов по внедрению в практику

различных мер уголовно-правового воздействия на виновных в совершении преступлений, вплоть до освобождения от уголовной ответственности.

В современном уголовном законодательстве заключены две концептуальные идеи – это обеспечение повышенной гарантии охраны безопасности человека, общества и государства от преступных посягательств и гуманизация мер уголовно-правового воздействия на виновных в совершении преступлений, правильное соотношение между которыми достигается на основе оптимальной дифференциации и индивидуализации этих мер с учетом принципов справедливости, гуманизма и экономии репрессии.

Социально полезное постпреступное (посткриминальное) поведение объективно указывает на отрицательное отношение лица к совершенному деянию, что является свидетельством уменьшения общественной опасности личности преступника. Поэтому не случайно для стимулирования позитивного поведения в ст. 88 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Деятельное раскаяние как форма проявления посткриминального поведения является осознанным и эффективным механизмом правомерного поведения лица после совершения преступления. Оно имеет большое значение не только для социализации субъектов, выявления и расследования преступлений, но и для реализации принципов справедливости, объективности, полноты и всесторонности рассмотрения уголовных дел в суде.

Основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда) является установленное Главой государства положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, свидетельствующее о его раскаянии в совершении преступления и возможности его исправления без привлечения к уголовной ответственности.

От уголовной ответственности в соответствии со ст. 88.1 УК РБ могут быть освобождены только лица, обвиняемые в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (в силу ст. 12 УК РБ за совершение такого преступления грозит наказание свыше шести лет лишения свободы), повлекшего причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо существенного вреда государственным или общественным интересам.

В настоящее время в уголовном законодательстве нашей страны прослеживается устойчивая тенденция к гуманизации закона и экономии уголовной репрессии. Подтверждением тому может служить расширение института освобождения от уголовной ответственности, а также практикой его применения в связи с реализацией положений Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672.

При применении ст. 89 УК РБ не имеет существенного значение деятельное раскаяние виновного лица, которое заключается в активном поведении виновного лица, выраженном в виде явки с повинной или в форме активных действий по предотвращению, ликвидации, возмещению причиненного вреда, способствованию раскрытию преступления, изобличению других соучастников, розыска имущества, добытого преступным путем.

Нормы института освобождения от уголовной ответственности относятся к нормам, поощряющим (стимулирующим) положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, направленное на предотвращение либо заглаживание причиненного преступлением вреда, а также способствующим его соци-

альной переориентации. Данный институт обладает выраженной спецификой и отличием от смежных институтов уголовного права, таких как прекращение уголовной ответственности, освобождение от наказания, случаев, когда лицо не подлежит уголовной ответственности.

Применение в уголовном судопроизводстве правового института деятельного раскаяния в преступлении как разновидности поощрительных норм права позволяет правоохранительным органам с учетом позитивного постпреступного поведения лиц, совершивших преступления, дифференцированно решать вопрос об их уголовной ответственности или о значительном смягчении наказания, добиваться большей результативности в раскрытии преступлений, снижения рецидива, сокращения материальных затрат государства на уголовное судопроизводство.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, и поиск способов его обеспечения является одним из актуальных направлений уголовной и уголовно-процессуальной политики Республики Беларусь и справедливо оценивается исследователями данного вопроса как «крупнейшая социальная проблема современности».

На сегодняшний день содержание понятия «примирение с потерпевшим» не раскрывается ни в законодательстве, ни в теории уголовного права. Данное обстоятельство является препятствием для уяснения правоприменителями сути рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности и причиной высокой роли субъективности в определении условий примирения.

УДК 343.132.5

СПОСОБЫ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О СОВЕРШЕННОМ ИЛИ ГОТОВЯЩЕМСЯ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Н. В. Машинская

*заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент, г. Архангельск, Российская Федерация*

Обращение к теме заявленной проблематики обусловлено оживленными дискуссиями теоретиков и правоприменителей относительно практического значения имеющих в российском уголовно-процессуальном законе способов проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении (способы проверки сообщений) в стадии возбуждения уголовного дела.

В распоряжении российского следователя (под следователем также понимается дознаватель) имеются восемь способов проверки сообщения о преступлении, перечисленные в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), однако их значительная часть заслуживает критики.

Так, одним из самых задействованных правоприменительной практикой способов проверки является получение объяснений. Для отечественного уголовного процесса указанное проверочное мероприятие не является новым. В качестве такового оно было предусмотрено ст. 109 УПК РСФСР. В первоначальной редакции УПК РФ законодатель не считал необходимым указывать его в качестве способа проверки, но по сложившейся правоприменительной практике, он продолжал широко применяться. После внесения изменений в УПК РФ Федеративного Закона (ФЗ) от 4 марта 2013 г. уполномоченные лица вновь получили правовую возможность использовать

получение объяснения в качестве проверочного мероприятия. Вместе с тем следует заметить, что ни в УПК РСФСР, ни в действующем УПК РФ не раскрывается понятие и содержание рассматриваемого способа, а также не конкретизируется круг лиц, от которых может быть получено объяснение. Отсутствие законодательной регламентации порождает дискуссии относительно цели и основания применения рассматриваемого способа, а также круга лиц, от которых может быть получено объяснение. Среди прочих особого внимания заслуживают рассуждения В. И. Зажицкого. Обратившись к толковому словарю, автор сформулировал вывод о том, что лексическое значение слова «объяснение» не вполне согласуется с целью и основанием его проведения [2, с. 28–31]. Объяснение – это устное или письменное изложение в оправдание чего-нибудь, в признании в чем-нибудь [4, с. 354]. «С учетом этого объяснение следует считать универсальным способом получения сведений только от лиц, причастных к каким-либо предосудительным поступкам или действиям, в том числе и в случае причастности их к совершению преступления. Если же гражданин не совершал таких действий, то обращение к нему с просьбой дать объяснения нелогично, никому и ничего он объяснять не должен» [2, с. 28–31]. Следовательно, объяснение следует считать способом проверки в отношении лиц, причастных к совершению преступления. В остальных случаях правильнее было бы проводить опрос, а не принимать объяснение.

Отдельного рассмотрения заслуживает и такой способ проверки, как получение образцов для сравнительного исследования, регламентированный ст. 202 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 названной нормы следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Таким образом, законодатель связывает целесообразность проведения рассматриваемого действия, во-первых, с необходимостью проведения сравнительного исследования, а во-вторых, с участием лиц, обладающих соответствующим процессуальным статусом. Эти обстоятельства, а также расположение рассматриваемой статьи в гл. 27 УПК РФ, регламентирующей производство судебной экспертизы, позволяет сформулировать вывод о том, что получение образцов для сравнительного исследования – составная часть судебной экспертизы. Однако в редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ получение образцов для сравнительного исследования указано обособленно. Следовательно, законодатель относит его к самостоятельному способу проверки сообщения о преступлении. В этой связи заслуживает внимания вывод о том, что законодатель не указал, кем, для каких целей и в каком порядке оно должно быть осуществлено. Ввиду этого однозначно ответить на вопрос о том, может ли данное процессуальное действие служить самостоятельным способом проверки сообщения о преступлении, будет довольно сложно [2, с. 28–31]. Думается, что получение образцов для сравнительного исследования в стадии возбуждения уголовного дела возможно только как оперативно-розыскное мероприятие, предусмотренное п. 3 ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» («Об ОРД»). Такой порядок согласуется не только с задачами оперативно-розыскной деятельности, среди которых выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), но и позволяет при наличии образцов в рамках рассматриваемой деятельности осуществить исследование предметов и документов. По этой же причине исследование предметов и документов следует проводить по правилам оперативно-розыскной деятельности. В действующем УПК РФ отсутствует такое процессуальное действие, как исследование предметов и документов, поэтому не вполне понятно, каким образом следователь (дознатель) должен его осуществить. В таких случаях реализуется непроцессуальное обращение следователя (дознателя) к

специалистам экспертно-криминалистических центров. В то же время исследование предметов и документов предусмотрено п. 5 ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об ОРД». Таким образом, получение образцов для сравнительного исследования и исследование предметов и документов необходимо проводить только как оперативно-розыскное мероприятие, что вполне может быть реализовано в стадии возбуждения уголовного дела и исключит необходимость производства с целью проверки сообщения о преступлении производства судебной экспертизы.

Отнесение законодателем производства судебной экспертизы и освидетельствования к способам проверки сообщения о совершенном преступлении представляется не вполне обоснованным. Согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ может быть проведено освидетельствование подозреваемого, потерпевшего, обвиняемого, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Таким образом, освидетельствуемыми могут стать только перечисленные участники уголовного судопроизводства. Аналогичным образом обстоит дело и с производством судебной экспертизы. Из анализа ст. 195 УПК РФ следует, что, признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление и знакомит с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, которые они вправе реализовывать. То есть ознакомление участников уголовного судопроизводства является частью следственного действия, без которого оно не может состояться. Однако в стадии возбуждения уголовного дела отсутствуют какие-либо участники процесса, что обуславливает невозможность производства освидетельствования и судебной экспертизы с целью проведения проверки. Кроме того, вполне обоснованным представляется суждение о том, что исследования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела в отличие от экспертиз имеют преимущества в оперативности их проведения и преследования лишь одной цели: получения данных, указывающих на признаки преступления. В этой связи следует поддержать тех авторов, которые считают, что наиболее продуктивным на данном этапе уголовного процесса является проведение специалистом исследования, а не экспертом судебной экспертизы [1, с. 4–13; 3, с. 37–42].

Еще одним способом проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении является изъятие предметов и документов в порядке, установленном УПК РФ. Как правило, изъятые предметы и документы впоследствии приобретают статус вещественных доказательств по уголовному делу. Доказательственное значение предметов и документов обусловило ряд требований, предъявляемых к процедуре изъятия. Необходимым условием признания такого доказательства допустимым является наличие в материалах уголовного дела сведений о том, каким образом тот или иной документ, предмет был получен. Исходя из цели производства следственных действий, на получение предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, направлены: осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ), обыск (ст. 182 УПК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ). Среди перечисленных следственных действий лишь осмотр места происшествия допускается в стадии возбуждения уголовного дела. Однако об этом имеется специальное указание законодателя в ч. 2 ст. 176 УПК РФ. Что касается остальных следственных действий, то их производство возможно только после возбуждения уголовного дела, что исключает получение предметов и документов таким способом в начальной стадии процесса. В этой связи представляется излишним указывать в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на возможность «изъятия предметов и доку-

ментов по правилам, предусмотренным УПК РФ» в качестве способа проверки сообщения о преступлении. Наиболее приемлемым в указанном случае является порядок, предусмотренный п. 2 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД», который предписывает возможность изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностным лицом, осуществляющим оперативно-розыскное мероприятие. При изъятии предметов и документов составляется протокол в соответствии с требованиями ст. 166 УПК РФ, что обеспечит надлежащую фиксацию.

На основе изложенного можно заключить, что современные способы проверки сообщений о совершенном или готовящемся преступлении российского уголовно-процессуального законодательства в стадии возбуждения уголовного дела нуждаются в конкретизации. Представляется, что надлежащими способами проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении являются: 1) опрос и получение объяснений; 2) истребование документов и предметов; 3) изъятие документов и предметов; 4) осмотр места происшествия; 5) производство документальных проверок и ревизий; 6) проведение исследований документов, предметов и трупов и 7) дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Литература

1. Белкин, А. Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства – шаг вперед или возврат на прошлые позиции? / А. Р. Белкин // Уголов. судопроизводство. – 2013. – № 3. – С. 4–13.
2. Зажицкий, В. И. Дополнения к ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ: плюсы и минусы / В. И. Зажицкий // Рос. юстиция. – 2013. – № 11. – С. 28–31.
3. Калюжный, А. Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования / А. Н. Калюжный, В. Н. Чаплыгин // Lexrussica. – 2015. – № 7. – С. 37–42.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1987. – С. 354.

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДКУПА УЧАСТНИКОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Е. М. Попов

*следователь по особо важным делам Главного управления
по расследованию преступлений в сфере организованной преступности и коррупции
центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь,
магистр юридических наук, г. Минск*

В течение XX в. спорт трансформировался из не контролируемой государством сферы жизни общества в один из объектов правового регулирования с динамично развивающимся регламентирующим законодательством. Активная роль государства изначально была обусловлена стремлением обеспечить безопасность при проведении соревнований. Однако появление в спорте значительных финансовых потоков лишь усилило необходимость его правового регулирования. Слова президента Соединенных Штатов Америки Д. Кеннеди: «Престиж нации по-настоящему определяют две вещи: полет на Луну и золотые олимпийские медали» [1] стали свидетель-

ством превращения спорта в социальный институт, имеющий значение как для внутренней, так и для внешней политики государства.

Спорт стал одним из важнейших направлений деятельности Республики Беларусь. Статья 45 Конституции Республики Беларусь определяет физическую культуру и спорт в качестве важного фактора, способствующего реализации основополагающего права граждан на охрану здоровья. Согласно Закону Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» спорт является одной из основных сфер внутренней политики Республики Беларусь.

Единственным относящимся к сфере спорта деянием, за которое на территории Республики Беларусь и Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность, является подкуп участников спортивного соревнования (ст. 253 Уголовного кодекса Республики Беларусь – УК РБ; ст. 184 Уголовного кодекса Российской Федерации – УК РФ). Общественная опасность указанного преступления заключается, среди прочего, в деформировании общественного сознания: изменении представления о спорте как своего рода символе государства на мнение о его коррумпированности. Социологическими исследованиями установлено, что важнейшим требованием общественности к спортивным отношениям является честная спортивная борьба (62,1 % опрошенных мужчин, 63,5 % женщин) [1]. Указанное мнение нашло свое нормативное закрепление в Международной хартии физического воспитания и спорта, принятой на двадцатой сессии Организации Объединенных Наций 21 ноября 1978 г. В соответствии с указанной хартией государствам следует прилагать все усилия для защиты ценностей справедливой игры и соревнования.

Вместе с тем следственная и судебная практика сталкиваются с трудностями, вызванными отсутствием должного правового закрепления преступлений в спорте и существованием некриминализованных, но явно общественно опасных посягательств с наступлением негативных последствий.

Отсутствие достаточного внимания к вопросам, связанным с применением уголовной ответственности в спорте, прямо и крайне негативно влияет на эффективность деятельности органов уголовного преследования в данной сфере.

В период с 1997 по 2018 г. в производстве органов уголовного преследования Российской Федерации находилось не менее семи уголовных дел, возбужденных по ст. 184 УК РФ [2]. В Республике Беларусь итоговые решения приняты по двум уголовным делам, возбужденным по ст. 253 УК РБ. Из указанного перечня дел лишь одно было передано прокурору для направления в суд. В 2017 г. впервые в суверенной истории Республики Беларусь вынесен и вступил в законную силу обвинительный приговор в отношении 15 лиц, совершивших серию преступлений, предусмотренных ст. 253 УК РБ [3].

В ходе производства по указанному уголовному делу нашел свое практическое подтверждение вывод об отсутствии должной проработки темы квалификации подобных преступлений. При этом мнения, изложенные в различных источниках, носили противоречивый характер.

В отдельных научных трудах отмечается, что к субъектам указанного преступления (в преломлении спортивных соревнований) относятся лишь профессиональные спортсмены, тренеры и судьи [4]. Профессиональным является спортсмен, для которого занятие профессиональным спортом является основным видом деятельности, осуществляющий деятельность на основании трудового, гражданско-правового договора или в качестве индивидуального предпринимателя и получающий заработ-

ную плату и (или) вознаграждение (доход) за спортивную подготовку, участие в спортивных соревнованиях и достигнутые спортивные результаты [5].

Указанное мнение, являясь применимым к отдельным видам спорта, где в профессиональных соревнованиях выступают лишь профессиональные спортсмены, не может быть использовано, в частности, для соревнований, проводимых под эгидой Ассоциации «Белорусская федерация футбола» (АБФФ). Так, первая лига чемпионата Республики Беларусь по футболу является профессиональным спортивным соревнованием, однако в составах команд могут выступать до пяти спортсменов-любителей [6]. Также регламентирующими документами АБФФ не закреплены требования к обязательному профессиональному статусу всех представителей тренерского штаба. Вместе с тем указанные лица являются участниками профессионального спортивного соревнования и имеют непосредственную возможность оказать влияние на его результаты.

Исходя из содержания ст. 253 УК РБ, субъектом названного преступления является участник профессионального спортивного соревнования, но не обязательно спортсмен-профессионал.

На основании изложенного в ходе предварительного следствия был сделан вывод о наличии состава преступления в действиях участников профессионального спортивного соревнования – спортсменов, тренеров и судей, не имеющих статуса профессионала. Генеральная прокуратура Республики Беларусь и суд согласились с обоснованностью указанного вывода.

Вместе с тем следует констатировать спорность использования в ст. 253 УК РБ самого термина «профессиональное спортивное соревнование» ввиду того, что требованием к участникам отдельных дисциплин (например, фигурное катание) Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы, а равно чемпионатов государств является отсутствие профессионального статуса [7]. При этом подкуп участников приведенных спортивных соревнований имеет не меньшую общественную опасность, чем, к примеру, подкуп футболиста, выступающего в чемпионате Республики Беларусь. Указанный правовой пробел неизбежно влечет значительное увеличение рисков подкупа в приведенных спортивных дисциплинах.

В этой связи целесообразно ввести в ст. 253 УК РБ термин «официальное спортивное мероприятие», которое определено Законом Республики Беларусь «О физической культуре и спорте» как спортивное мероприятие, проводимое в соответствии с республиканскими и местными календарными планами проведения спортивных мероприятий, календарными планами проведения спортивных мероприятий по техническим, авиационным, военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта, которые формируются по видам спорта, признанным в Республике Беларусь.

В методической литературе также отсутствует должное осмысление субъективной стороны названного преступления. Ученые приходят к единому мнению о том, что участник профессионального спортивного соревнования, получающий незаконное денежное вознаграждение, может быть признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 253 УК РБ лишь при наличии у него прямого умысла. Однако в изученных источниках не конкретизировалось, по отношению к чему у подкупаемого должен наличествовать прямой умысел. При квалификации действий фигурантов уголовного дела орган уголовного преследования исходил из того, что умыслом подкупаемого должно охватываться лишь осознание того, что денежные средства ему передаются за оказание незаконного влияния на результат соревнования. Стремление совершить во время соревнования действия, направленные на дос-

тижение негативного результата, либо отсутствие такого стремления не оказывают влияния на оценку действий лица.

Например, футболист П. пояснил, что до начала матча ему предложили денежное вознаграждение за обеспечение поражения его команды. В ходе матча играл как обычно, стремился к победе. Но его команда проиграла. После матча получил денежное вознаграждение за достижение указанного результата.

Футболист Г. заявил, что ему предложили денежное вознаграждение за обеспечение поражения его команды. В ходе матча действовал не в полную силу, играл слабее, чем обычно, что послужило одной из причин проигрыша его команды. За оказание незаконного влияния на результат матча получил денежные средства.

Учитывая, что и П., и Г. осознавали, что денежные средства передаются им исключительно за обеспечение проигрыша в матче, указанным футболистам предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 253 УК РБ.

Таким образом, следствием сделан вывод о том, что для привлечения к уголовной ответственности по указанной статье не имеет значения, собирались ли спортсмены в действительности совершить какие-либо действия, направленные на достижение негативного результата. Важным является осознание незаконности передаваемого им вознаграждения. При оценке объективной стороны преступления органом предварительного расследования также выявлен ряд проблемных вопросов.

Так, футболист Ж. получил информацию о том, что ряд игроков его команды за денежное вознаграждение окажут незаконное влияние на результат матча (проиграют в первом тайме, но выиграют по результатам матча). Однако Ж. вознаграждения не получил и получать не планировал. Вместе с тем он сделал ставку на достижение соответствующего результата в матче. В ходе игры Ж. умышленно совершил ряд ошибок, предопределивших проигрыш его командой первого тайма.

Таким образом, футболист фактически не получает от стороннего лица денежные средства за обеспечение незаконного влияния на результат матча. По сути, он подкупает сам себя, используя предусмотренную законодательством возможность получения вознаграждения посредством выигрыша по ставке. Но своей корыстной цели спортсмен достигает недозволенным методом – посредством нарушения как регламентирующих актов АБФФ, так и условий своего контракта, предписывающего футболисту делать все возможное для достижения победы в матче.

В настоящее время, исходя из содержания ст. 253 УК РБ, привлечение такого спортсмена к уголовной ответственности не представляется возможным, несмотря на то, что его действия несут явную общественную опасность.

На основании изложенного объектом криминализации ст. 253 УК РБ целесообразно определить получение денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера спортсменом, спортивным судьей, тренером, руководителем команды или организатором официальных спортивных мероприятий, организатором или членом жюри зрелищного коммерческого конкурса за оказание влияния на результаты официального спортивного мероприятия или конкурса, либо осуществление указанными лицами ставки на официальное спортивное мероприятие либо конкурс со своим участием, либо предоставление такого вознаграждения.

Л и т е р а т у р а

1. Спирев, М. В. Основания криминализации правоотношений в сфере спорта и международный опыт борьбы с преступностью в сфере спорта: практический анализ / М. В. Спирев // Спорт: экономика, право, управление. – 2007. – № 2.

2. Дворецкий, М. Ю. Уголовная ответственность за подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: проблемы теории и практики применения / М. Ю. Дворецкий // Вестн. Тамб. гос. ун-та. – 2011. – № 4 (96).
3. Уголовное дело № 16128310014, приговор № 1-425/2017 / Архив суда Первомайского р-на г. Минска за 2017 г.
4. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Разд. VIII : Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Гл. 25 : Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 221–261-1) (А. И. Лукашов) (по состоянию на 31.08.2015 г.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 125-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Регламент чемпионата Республики Беларусь по футболу 2016 г. // Регламентирующие документы Ассоциации «Белорусская федерация футбола» сезона 2016 года. – Минск, 2016.
7. ISU Constitution and General Regulations: Любительский статус. – Режим доступа: <http://www.fsonline.ru/index.php/ru/pravila/skaters/52-eligibility>. – Дата доступа: 06.05.2018.

УДК 343.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ

И. А. Рокач

старший следователь Центрального районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь, магистр юридических наук, г. Минск

В ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) установлено понятие служебной халатности, под которой понимается это неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекшие по неосторожности смерть человека либо иные тяжкие последствия, либо незаконные отчуждение или уничтожение государственного имущества, повлекшие причинение ущерба в особо крупном размере, в том числе при его разгосударствлении или приватизации. Данное положение является одним из наиболее показательных примеров правовых норм, содержащих в себе массу пробелов и неясностей. Данное уголовно-наказуемое деяние является преступлением против интересов службы, совершаемое людьми по неосторожности, и, следовательно, любое должностное лицо может стать его субъектом.

При изучении понятия служебной халатности, содержащегося в ст. 428 УК РБ, даже на первый взгляд усматривается определенное количество пробелов, которые способны коренным образом повлиять на решение суда по уголовному делу и дальнейшую судьбу обвиняемого.

Одним из самых противоречивых элементов состава служебной халатности является ее объективная сторона, состоящая из общественно-опасного деяния, общественно-опасных последствий и причинно-следственной связи между ними. Совершение служебной халатности, как общественно-опасного деяния, возможно как в форме бездействия, так и в форме действия: неисполнение должностным лицом своих обязанностей совершается только бездействием, а ненадлежащее исполнение своих обязанностей возможно как путем действия, так и бездействия [2]. Общественно-опасным деянием является неисполнение или ненадлежащее исполнение

именно служебных обязанностей, поэтому в ходе предварительного следствия, решая вопрос о наличии состава преступления в действиях должностного лица, необходимо точно установить круг, объем и сферу его служебных полномочий. Однако в белорусском законодательстве понятия «служебные полномочия» не содержится, и можно предположить, что к служебным полномочиям законодатель относит трудовые обязанности должностного лица, содержащиеся в соответствующей документации: должностные инструкции, трудовой договор (контракт) и дополнительные соглашения к нему, специальные нормативные правовые акты. Однако органу предварительного расследования без четкого понимания и закрепления сути служебных обязанностей невозможно определить, неисполнение каких именно служебных обязанностей составляет объективную сторону служебной халатности.

Ответственность за служебную халатность наступает только в том случае, если должностное лицо не только должно, но и имело реальную возможность исполнить свои служебные обязанности. Например, органом уголовного преследования гражданин П. обвинялся в ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей вследствие небрежного отношения к службе, что повлекло по неосторожности смерть человека: гражданин С., являющийся подчиненным Б., работая в должности прораба ДСУ и являясь должностным лицом, ответственным за производство работ по реконструкции автодороги, не приостановил работу при возникновении опасности для жизни и здоровья людей, когда автомашина-самосвал оборвала электрические провода, что является нарушением должностной инструкции прораба. Суд признал С. невиновным и оправдал его по ст. 428 УК РБ за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку было установлено, что ДСУ не получало необходимого разрешения на производство работ в охранной линии электропередачи. Согласно ситуационному плану, выданному П. при реконструкции указанного участка дороги, линия передач, которая была оборвана, обозначена как линия с проводами радио, нарушение целостности которых не может причинить вреда здоровью граждан. Таким образом, обвиняемый не был ознакомлен с тем, что данная линия является линией электропередачи, и не прошел соответствующий инструктаж; на месте производства работ отсутствовали представители организации, эксплуатирующей эту линию, т. е. надлежало выполнить служебные обязанности П. не мог [1].

Следует отметить, что это не единственный случай вынесения оправдательного приговора судом в отношении обвиняемого в служебной халатности в связи с отсутствием четких рамок служебных полномочий. И с проблемой определения границ служебных полномочий следователи в своей служебной деятельности сталкиваются регулярно.

К примеру, также должностное лицо не может обвиняться в непринятии мер, которые не входили в круг его служебных полномочий, поскольку неверные действия работника без опыта работы в той или иной отрасли, поставленного руководством в ненадлежащие условия работы, не могут стать основанием для привлечения работника к уголовной ответственности за служебную халатность. Например, Ш. обвинялась в том, что халатно относилась к служебным обязанностям, в результате чего допустила недостачу материальных ценностей. Данное обвинение не является обоснованным в связи с тем, что Ш. не имела опыта работы в данной сфере, специального обучения не проходила и руководство предприятия не обеспечило ей необходимые условия работы, а также у нее отсутствовало свое рабочее место и специальное помещение для хранения документов. Шкафы, где Ш. хранила продукцию, были недоброкачественными, а в помещении, в котором они находились, в отсутст-

вие Ш. и без ее ведома, заходили другие работники предприятия, а Ш. по неопытности актов в этих случаях не составляла [1].

Поскольку установление круга, характера и сути служебных полномочий должностного лица является обязанностью правоохранительных органов и суда в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по делам о служебной халатности, то оправдательные приговоры по уголовным делам, возбужденным по ст. 428 УК РФ, являются напоминаниями законодателю о том, что необходимо внести изменения в устаревающее и недоработанное законодательство.

Краткий экскурс в историю показывает, что попытка определения границ служебных полномочий имела в советском законодательстве – п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 30.03.1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» гласит, что в соответствии с законом должностным злоупотреблением могут быть признаны такие действия должностного лица, которые вытекли из его служебных полномочий и были связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми это лицо наделено в силу занимаемой должности [3]. Исходя из данной формулировки, можно сделать вывод, что здесь служебные полномочия – это полномочия должностных лиц, которые связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми эти лица наделены в силу занимаемой должности. Однако впоследствии данное постановление утратило юридическую силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», которое не содержит подобной формулировки.

Обращаясь к следственной практике российских следователей, следует отметить следующее: если белорусский законодатель установил относительно единый подход к расследованию коррупционных преступлений, определив в качестве признака состава преступления наличие служебных полномочий у должностного лица, то российский законодатель пошел по иному пути, добавив к признакам состава преступления не только наличие служебных полномочий у должностного лица, а также наличие служебного положения, тем самым разъединив, казалось, одинаковые понятия. Данные понятия законодательно не проработаны, и использование лицом своего служебного положения во многих составах преступлений является квалифицирующим признаком, а в некоторых составах образует само преступное деяние. В последнем случае для правильной квалификации преступления необходимо разграничивать понятия «служебные полномочия» и «служебное положение», поскольку это может привести к допущению ошибок в судебно-следственной практике в силу существования двух конкурирующих подходов [4, с. 27].

К примеру, Верховный суд Российской Федерации 27.02.2008 г. вынес определение № 11-Д08-1 по надзорной жалобе осужденного по ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) гражданина К. о пересмотре приговора Верховного суда Республики Татарстан от 5 марта 2007 г., в котором указал, что квалификация преступных действий гражданина К. дважды по ч. 1 ст. 285 УК РФ как злоупотребление должностными полномочиями, т. е. использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, совершенное из корыстной заинтересованности и повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, суд при описании преступных деяний гражданина К. указал в приговоре круг его служебных полномочий, однако при этом установил, что им было совершено злоупотребление не конкретными служебными полномочиями, а служебным по-

ложением [5]. В связи с этим Верховный суд квалифицировал действия гражданина К. по ч. 1 ст. 168 УК РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует отметить необходимость раскрытия понятия «служебные обязанности» и его дальнейшего закрепления в юридической форме, поскольку с проблемой определения круга служебных полномочий регулярно сталкиваются в служебной деятельности белорусские следователи. Наиболее рациональным способом внесения указанной поправки является внесение изменений либо в ст. 4 УК РБ, либо в существующую редакцию постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы» от 24.09.2009 г.

Л и т е р а т у р а

1. Добродей, А. И. Служебная халатность / А. И. Добродей // Бусел – информационный портал. – 2004. – Режим доступа: <http://busel.org/texts/cat5vx/id5zwofox.htm>. – Дата доступа: 17.04.2018.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь от 24 сент. 2009 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.
3. О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге : постановление Пленума Верхов. суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 // КонсультантПлюс. Россия / КонсультантПлюс. – М., 2018.
4. О рассмотрении надзорной жалобы осужденного о пересмотре приговора Верховного суда Республики Татарстан от 05 марта 2007 г. : надзор. определение Верхов. суда Рос. Федерации от 27 февр. 2008 г. № 11-Д08-1 // КонсультантПлюс. Россия / КонсультантПлюс. – М., 2017.
5. Романова, В. В. К вопросу о соотношении понятий «служебные полномочия» и «служебное положение» / В. В. Романова // Криминалист. – 2016. – № 2. – С. 27–28.

УДК 343.102

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Т. К. Рябинина

*заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет»,
кандидат юридических наук, профессор, г. Курск, Российская Федерация*

Вот уже много лет российское уголовное судопроизводство подвергается нескончаемым реформам, истоки которых заложены в официальном документе «Концепция судебной реформы в Российской Федерации» [1], вдохновившем законодателя на кардинальные изменения уголовно-процессуального закона, в том числе касающиеся правового регулирования досудебного производства и статуса лиц, его осуществляющих. На сегодняшний день вряд ли можно найти более обсуждаемый в юридическом сообществе вопрос, чем проблема реформирования досудебного производства. Причем его обсуждение идет сразу по нескольким направлениям: о возможности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела; о функциях, осуществляемых органами дознания и следствия; об отделении дознания от предварительного следствия; о создании единого следственного комитета; о возвращении института судебного следователя или введении фигуры следственного судьи; о функциях прокурора в уголовном судопроизводстве; о более рациональном распределении полно-

мочий между прокурором и руководителем следственного органа. При этом многочисленные предложения по реформированию этой стадии процесса никак не складываются в стройную систему ввиду того, что они порой слишком разноплановы и затрагивают сразу несколько «болевых точек» досудебного производства [2, с. 199].

Внимание именно к этому этапу уголовного судопроизводства обусловлено, наряду с другими факторами, влияющими на его реформирование, и расширением составительных начал в уголовно-процессуальной сфере. Существует мнение о том, что законодатель не всегда выдерживает линию о разделении функций между сторонами, возложив на органы предварительного расследования наряду с функцией уголовного преследования и осуществление функции защиты, предоставив им полномочия по сбору оправдательных доказательств, и функцию разрешения уголовного дела, предоставив право на прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, что равнозначно постановлению оправдательного приговора [3, с. 96–97; 4, с. 46; 5, с. 280].

С другой стороны, законодатель, провозгласив на конституционном уровне правило об осуществлении уголовного судопроизводства на составительных началах, сузил его проявление в досудебном производстве. Какие пути решения такой коллизии? По этому поводу в юридической литературе уже долгое время идет острая дискуссия о функции, осуществляемой следователем – уголовного преследования или всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств совершенного преступления и предварительного разрешения дела, и, соответственно, о том, какой орган должен осуществлять предварительное следствие – специально созданный следственный орган, объединяющий в себе все нынешние органы следствия и относящийся к органам исполнительной власти, или орган судебной власти [6, с. 17–21].

Для этого надо четко представлять, какую функцию осуществляет следователь. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) отнес следователя к стороне обвинения, при этом отстранив в 2007 г., насколько возможно, его от прокурора, возглавлявшего сторону обвинения и долгое время считавшегося «хозяином» досудебного производства. Некоторые авторы видят в таком реформировании положительные шаги законодателя по обособлению предварительного следствия от прокурорского надзора [7, с. 9–11], т. е. приданию статусу следователя большей независимости.

Однако такое регулирование правового статуса следователя представляется противоречивым. Если следователь выполняет функцию уголовного преследования, то он должен ее осуществлять совместно с прокурором и сокращение полномочий прокурора по отношению к нему выглядит непродуманным шагом. Следователь-обвинитель не может быть независим ни от прокурора, ни от руководителя следственного органа. Более того, считаем, что в таком случае законодателю следовало бы более четко урегулировать полномочия каждого из них, скоординировав их деятельность, имеющую единую направленность. При таком подходе вполне разумным и рациональным видится создание единого Следственного комитета, который, независимо от того, при Правительстве РФ или Президенте РФ он будет состоять, относиться будет к органам исполнительной власти. Но может ли орган исполнительной власти быть независимым от этой власти, в частности от прокурора? Поэтому, принимая робкие попытки законодателя поставить следователя на более высокий, независимый, пьедестал, лишив его прокурорской опеки, нельзя принять совершенно не согласующуюся ни с принципом разделения властей, ни с принципом составительности предложенную регламентацию положения следователя как субъекта обвинения. При таком варианте следовало бы вернуть прокурору те полномочия, которые спо-

собствовали бы эффективному надзору прокурора за законностью производства предварительного следствия.

Более того, при такой конструкции в целях укрепления состязательных начал надо существенным образом усилить защиту, чтобы она могла эффективно противостоять многочисленным представителям обвинительной власти – прокурору, руководителю следственного органа, органу дознания, дознавателю и, конечно же, следователю [5, с. 281]. Однако предложение о введении в российский уголовный процесс параллельного адвокатского расследования [8] не нашло отклика ни у законодателя, ни у практиков, ни у большинства ученых, в связи с чем следует искать другие пути укрепления позиций стороны защиты.

Другой вариант – оставить осуществление функции обвинения за прокурором и органами дознания, а следователю придать статус судебного следователя или следственного судьи, наделив его функцией предварительного разрешения уголовного дела с предоставлением полномочий в условиях независимости и объективности собирать и исследовать доказательства без всякого «обвинительного» или «оправдательного» уклона [5, с. 281]. Споры по этому поводу ведутся уже несколько лет [9, с. 315–322].

Положение о тесной взаимосвязи предварительного и судебного следствия глубоко развивается в современной уголовно-процессуальной теории. Так, А. И. Трусов отмечает, что наши нынешние следователи, являясь органами прокурорско-полицейских структур, осуществляют отнюдь не предварительное судебное, но фактически прокурорско-полицейское расследование, в отличие от судебных следователей XIX в., которые считались и по своему правовому статусу действительно являлись судебными деятелями, для чего им стремились обеспечить процессуальную независимость и самостоятельность, практически такую же, как и судье [10, с. 62–63]. В развитие этой же мысли Ю. Деришев пишет, что по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном тождестве их назначения, в связи с чем предварительное следствие есть функция юстиции, а следователь должен рассматриваться как ее представитель и находиться при суде. Любое иное построение следственного аппарата так или иначе ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов ведомств, которые он представляет [11, с. 82].

Сторонники данной точки зрения ссылаются на положительный опыт функционирования института в дореволюционный период, когда была обеспечена процессуальная самостоятельность следователя, что способствовало освобождению предварительного следствия от обвинительного уклона и обеспечению прав личности в досудебном производстве. Однако представление о том, что институт судебного следователя позволит решить проблемы досудебного производства – заблуждение, о чем свидетельствует опять же исторический опыт его функционирования до революции. Основными дефектами являлись: 1) двойное подчинение судебного следователя – процессуальный надзор за его деятельностью осуществлял прокурор, который одновременно являлся чиновником Министерства юстиции, а судебный контроль – окружной суд и судебная палата; 2) господство «розыскных начал» в предварительном следствии, что проявлялось, прежде всего, в многофункциональности деятельности следователя. Он реализовал функцию обвинения («обнаружение виновных»), осуществлял полномочия, имманентно присущие суду, – применение мер процессуального принуждения, формальные допросы и т. п.; 3) отсутствие у судебного следователя организационных и материальных возможностей для осуществления своей деятельности, так как полиция ему не подчинялась, а специальной судебной поли-

ции создано не было [12, с. 162]. Несмотря на принадлежность следователя судебному ведомству, предварительное следствие было самым «узким местом» уголовного судопроизводства; положение судебного следователя было столь же двойственным, как и положение следователя советского и современного периодов, и иначе как инквизиционным дореволюционное предварительное следствие современники не называли [13, с. 25–26].

В Концепции была также высказана идея о введении фигуры следственного судьи, который должен осуществлять исключительно функцию судебного контроля за законностью проведения предварительного следствия. Однако по поводу таких предложений разгорелась острая дискуссия, разделившая ученых на два лагеря – сторонников и противников введения института следственного судьи. Ярким примером противоборства в этом вопросе является научная полемика между А. В. Смирновым и Л. В. Головкин [14, с. 200–213].

Таким образом, до настоящего времени стоящая перед российскими процессуалистами и законодателем задача по пересмотру всей концепции реформирования досудебного производства и созданию следственного органа совершенно иного образца, подведомственного такой властной структуре, чтобы при этом следователь, будучи независим в своей деятельности, расследовал бы дела всесторонне, полно и объективно – не решена.

Литература

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
2. Рябинина, Т. К. К вопросу о концепции реформирования предварительного расследования / Т. К. Рябинина // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитар. серия. Юриспруденция. – 2014. – № 11/2 (122). – С. 199–205.
3. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М., 1946. – 511 с.
4. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России / Б. Т. Безлепкин. – М.: Велби, 2003. – 480 с.
5. Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Велби, 2003. – 720 с.
6. Рябинина, Т. К. Следственный комитет или судебный следователь? / Т. К. Рябинина // Уголов. судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 17–21.
7. Гуськова, А. П. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России / А. П. Гуськова // Рос. судья. – 2008. – № 4. – С. 9–11.
8. Мартынич, Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования / Е. Г. Мартынич – М.: Юнити, 2009. – 173 с.
9. Рябинина, Т. К. Спорные вопросы введения института следственного судьи в российский уголовный процесс / Т. К. Рябинина // Б-ка криминалиста. – 2016. – № 5. – С. 315–322.
10. Трусов, А. И. Уголовный процесс в системе разделения властей / А. И. Трусов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1994. – № 5. – С. 54–63.
11. Деришев, Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования / Ю. Деришев // Уголов. право. – 2005. – № 1. – С. 81–83.
12. Верещагина, А. В. Нужна ли реформа предварительного следствия? / А. В. Верещагина // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 160–168.
13. Верещагина, А. В. Новеллы Уголовно-процессуального кодекса РФ: концептуальный аспект / А. В. Верещагина // Журн. рос. права. – 2003. – № 10. – С. 24–30.
14. Рябинина, Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? / Т. К. Рябинина // Lex Russica (Науч. тр. Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина). – 2017. – № 12 (133). – С. 200–213.

УДК 343.14(476)

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА И ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

И. Н. Цыкунова

*доцент кафедры уголовного права и процесса учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

В соответствии с ч. 1 ст. 44 действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) защитником в уголовном процессе является лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным УПК, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь, а равно осуществляет защиту прав и законных интересов умершего подозреваемого, обвиняемого. Как правило, в качестве защитников в уголовном процессе участвуют адвокаты.

Представителями потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика являются лица, которые уполномочены указанными участниками уголовного процесса представлять их интересы при производстве по уголовному делу и в отношении которых орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании их представителями (ч. 1 ст. 58 УПК РБ). В качестве представителей могут быть признаны и допущены к участию в деле адвокаты, близкие родственники, члены семьи, иные лица.

В любом случае согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» основной задачей адвоката независимо от его процессуального положения (защитник подозреваемого, обвиняемого или представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) является оказание на профессиональной основе юридической помощи клиентам в целях осуществления и защиты их прав, свобод и интересов.

Собирание доказательств – первый структурный элемент уголовно-процессуального доказывания, представляющий совокупность действий, направленных на обнаружение, получение и процессуальное закрепление доказательств. В процессе доказывания по уголовным делам принимают участие государственные органы и лица, которые играют свою определенную роль. В юридической литературе их принято называть субъектами доказывания, если: а) доказывание служит для них средством выполнения процессуальных функций или средством защиты (осуществления) своих прав и законных интересов; б) доказывание играет существенную роль в выполнении их функций, а не представляет собой эпизодическую деятельность.

Эти органы и лица делятся на две группы. Первая группа – органы и должностные лица, обладающие государственно-властными полномочиями, которые осуществляют свои функции «путем производства следственных и судебных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств; обоснования и мотивировки сделанных выводов; принятия соответствующих решений». Вторая группа – участники уголовного процесса, которые «осуществляют свои права путем представления доказательств; участия в действиях по собиранию и исследованию доказательств; заявления ходатайств об истребовании доказательств; дачи показаний и объяснений; обсуждения собранных по делу данных во время судебных прений» [1, с. 138–139].

Таким образом, защитник подозреваемого, обвиняемого и представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика являются субъектами до-

казывания второй группы, т. е. принимают участие в действиях по собиранию и исследованию доказательств, но не являются субъектами собирания доказательств.

По мнению профессора С. А. Шейфера, деятельность защитника нельзя трактовать как собирание доказательств, прежде всего потому, что в ней отсутствует определяющий признак этого элемента доказывания – преобразование полученной информации и придание ей надлежащей процессуальной формы, т. е. формирование доказательств. Будучи лишенным возможности применения наиболее эффективных познавательных средств – следственных действий, защитник не в состоянии формировать доказательства, как это делают органы уголовного преследования [2, с. 19].

Из изложенного выше следует, что защитник и представитель представляют предметы и документы, которые могут быть по решению органа уголовного преследования и суда приобщены в качестве доказательств. Часть 4 ст. 103 УПК РФ, допуская возможность представления доказательств участниками уголовного процесса (в том числе защитником и представителем), а также любыми физическими и юридическими лицами, не устанавливает процессуального порядка фиксации хода и результатов этого действия. Теория и практика также не выработали специальных процессуальных правил представления доказательств. Колесникова О. В. предлагает «процессуальной формой фиксации результатов представления доказательств признать протокол, в котором необходимо отражать факт добровольной передачи представляемых объектов и их индивидуальные признаки; предусмотреть в ч. 4 ст. 103 УПК РФ обязанность органа, ведущего уголовный процесс, составлять с соблюдением требований УПК РФ протокол о принятии представленных предметов и (или) документов» [3, с. 6, 16].

Признание того, что защитник и представитель не собирают доказательства, вместе с тем не означает, что они исключены из процесса доказывания. Уголовно-процессуальный закон не дает оснований для такого вывода. Защитник и представитель являются самостоятельными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Их правовое положение по действующему законодательству позволяет им участвовать в процессе доказывания, исходя из своих процессуальных интересов. И защитник, и представитель наделены правом представлять доказательства (п. 9 ч. 1 ст. 48; п. 4 ч. 1 ст. 59; ч. 3, 4 ст. 103 УПК РФ), участвовать в производстве следственных и других процессуальных действий (один из способов собирания доказательств), проводимых с участием защищаемого или представляемого участника уголовного процесса, (п. 4 ч. 1 ст. 48; п. 2 ч. 1 ст. 59 УПК РФ), заявлять ходатайства (п. 8 ч. 1 ст. 48; п. 5 ч. 1 ст. 59 УПК РФ), подавать жалобы (п. 16 ч. 1 ст. 48; п. 13 ч. 1 ст. 59 УПК РФ), в том числе связанные с участием в доказывании. В судебном разбирательстве они пользуются равными правами на представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях (ст. 292 УПК РФ).

Вместе с тем, анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет прийти к выводу о разном объеме прав защитника и представителя, обеспечивающих их участие в действиях по собиранию и исследованию доказательств.

Наиболее широкие полномочия предоставлены защитнику подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с ч. 3 ст. 103 УПК РФ защитник вправе не только представлять доказательства, но и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний.

При судебном разбирательстве уголовного дела судом первой инстанции согласно ч. 1 ст. 295 УПК РФ защитник обвиняемого представляет доказательства,

участвует в исследовании доказательств, излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих ответственность обвиняемого или оправдывающих его, о применении уголовного закона и назначении наказания, а также по другим вопросам, возникающим в судебном разбирательстве.

Положений, определяющих участие представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика в собирании и исследовании сведений, предметов, документов, которые могут стать доказательствами по уголовному делу, в УПК не содержится.

Заметим, ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» закрепляет право адвоката, независимо от того, выступает он в качестве представителя или защитника, самостоятельно собирать и представлять сведения, касающиеся обстоятельств дела; запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, у государственных органов и иных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии; запрашивать с согласия клиента мнения специалистов для решения вопросов, возникших в связи с оказанием юридической помощи и требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и других сферах деятельности.

Непонятно, почему УПК РБ, предоставляя возможность участвовать в собирании доказательств защитнику, не наделил таким же правом адвоката, участвующего в уголовном деле на стороне обвинения в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Представляется, что в целях обеспечения равных возможностей стороны обвинения и стороны защиты участвовать в собирании доказательств в ч. 3 ст. 103 УПК РБ необходимо закрепить аналогичные права адвоката – защитника и адвоката – представителя представлять доказательства и собирать сведения, запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии, запрашивать мнения специалистов для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний.

Л и т е р а т у р а

1. Уголовный процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 1979. – 544 с.
2. Хазова, И. Понятие собирания доказательств в уголовном процессе / И. Хазова // Нижегород. адвокат. – 2012. – № 10. – С. 18–19.
3. Колесникова, О. В. Собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О. В. Колесникова. – Минск, 2016. – 24 с.

УДК 343.13

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОПЕРАТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ж. А. Шилко

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних
дел Республики Беларусь»*

Согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» первоочередной задачей Следственного комитета является «всестороннее, полное, объективное и оперативное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством» [2].

Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден [1].

На первый взгляд, задача уголовного процесса по защите личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений нашла свое отражение и в вышеуказанном законе Республики Беларусь. В то же время этимологические значения слов «быстрота» и «оперативность» не синонимичны. Обобщенное значение термина «быстрота» представляет собой лишь темп деятельности, высокую скорость и стремительность, а вот значение термина «оперативность» заключается в быстродействии, с одной стороны, и в эффективности, действенности, результативности, с другой [9]. То есть, рассматривая быстроту расследования как средство достижения целей уголовного процесса с точки зрения эффективности, необходимо подразумевать проведение расследования уголовных дел в минимально возможные сроки, с затратой минимальных ресурсов (материально-технических, человеческих), при условии соблюдения регламентированной действующим законодательством уголовно-процессуальной формы и достижение, в конечном итоге, намеченных целей.

Как показывает изучение опыта работы подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, вопросы оперативности расследования преступлений находятся под пристальным вниманием руководства ведущего правоохранительного ведомства страны. Так, согласно приказу Председателя Следственного комитета Республики Беларусь от 08.04.2016 г. № 56 «О методике оценки эффективности следственной работы подразделений Следственного комитета Республики Беларусь по статистическим показателям», эффективность следственной работы по направлению оперативности расследования преступлений оценивается, наряду с другими показателями, на основе статистических показателей удельного веса уголовных дел, оконченных в срок до одного месяца, к числу всех уголовных дел, расследование по которым окончено. К числу таких дел, со всей очевидностью, относятся и уголовные дела, оконченные в порядке ускоренного производства, поскольку установленный УПК порядок досудебного производства, предусматривающий возможность проведения ускоренного производства, в полной мере соответствует предъявляемым требованиям оперативности расследования преступлений.

Рассматривая проблемы процессуального обеспечения эффективности уголовного процесса в работе следственных подразделений республики, хочется особо подчеркнуть в этом роль ускоренного производства, при этом коснуться вопроса о понятии и критериях такой эффективности применительно к случаям осуществления ускоренного производства.

Эффективность уголовного процесса, как представляется в самом общем плане, можно определить как возможность достижения поставленной цели (совокупности задач) при наименьших затратах сил и средств. Полагаем, что в этой связи основным критерием эффективности ускоренного производства как уголовно-процессуального института, можно признать достижение наиболее рациональным способом поставленных перед уголовным процессом задач при неукоснительном соблюдении законности с минимальными затратами времени, человеческой энергии и материальных средств [4, с. 6].

К числу иных критериев эффективности уголовного процесса при ускоренном производстве можно также отнести:

- возможность реагирования на все поводы к возбуждению уголовного дела о преступлениях, относящихся к категориям менее тяжких и не представляющих большой общественной опасности;

- достижение целей уголовного процесса в рамках данной уголовно-процессуальной формы;

- обеспечение регулятивного воздействия на общественные отношения, связанные с производством по уголовному делу;

- качество досудебной и судебной деятельности при ускоренном производстве обеспечивается соответствующими процессуальными гарантиями;

- удовлетворение чувства социальной справедливости, как общественного, так и индивидуального, причем в максимально сокращенные сроки;

- уголовный процесс в форме ускоренного производства в состоянии разумно разрешить объективно существующее противоречие между интересами достижения цели уголовного процесса и необходимостью обеспечения прав и свобод граждан, оказавшихся к нему прикосновенными.

Кроме этого понимание сущности быстроты уголовного процесса в уголовно-процессуальной науке происходит посредством ее соотношения с требованием процессуальной экономии. Под процессуальной экономией одни ученые понимают необходимость наиболее полного и целесообразного использования установленных законом средств [8, с. 206]; другие считают, что это понятие должно включать и указание на необходимость установления в самом законе наиболее рациональных процессуальных средств (процедур) достижения задач уголовного процесса [5, с. 56]; третьи авторы возводят процессуальную экономию в ранг процессуальных принципов [6, с. 14]. Таким образом, требование процессуальной экономии не является самостоятельным специфическим принципом и имеет такую же силу, как и в любой другой сфере деятельности. Представляется, что требование процессуальной экономии вытекает из требования быстроты процесса, является производным от него [5, с. 77]. Так, П. Ф. Пашкевич считает, что «эффективное осуществление уголовного процесса достигается только тогда, когда все его цели – и ближайшие, и конечные – реализованы с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, с меньшими экономическими затратами, в наиболее короткий срок». [7, с. 14]. По мнению же М. С. Строговича, никакого принципа или требования процессуальной экономии не существует: процессуальный порядок должен быть построен рационально, включать те средства, которые опираются на достижения процессуальной науки и обобщают опыт работы правоохранительных органов [10, с. 51].

Таким образом, можно обобщить, что чем с меньшими затратами труда достигается быстрое и полное исследование обстоятельств совершенных преступлений, изобличение и привлечение виновных к уголовной ответственности, тем эффективнее (результативнее, рациональнее), а следовательно, и оперативнее следует считать уголовное производство, в качестве которого и предлагается рассматривать ускоренное производство.

Вместе с тем полагаем недопустимым рассматривать экономичность как основной показатель эффективности уголовного процесса, т. к. решающее значение имеет не объем различных затрат, а социально-политический аспект ее деятельности, в частности, соблюдение законности. Однако государству не безразлично, каким количеством людей и материальных затрат или, иначе говоря, какой ценой, с какими материальными издержками, решаются те или иные вопросы охраны законности и

борьбы с правонарушениями. Государство стремится достичь как можно более значительных результатов при наименьшей затрате средств [3, с. 15], оно не может постоянно выделять для этого неограниченное количество ресурсов. С этим нельзя не считаться, и поэтому необходимо расходовать имеющиеся силы и средства наиболее рационально, эффективно, не допуская излишеств [6, с. 15]. Что касается материальных затрат, то, по нашему мнению, при рассмотрении проблемы эффективности уголовно-процессуальной деятельности, с учетом кризисных экономических затруднений, которые в определенной степени проявляются в нашей стране в настоящее время, они должны рассматриваться как постоянный критерий.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что на эффективности уголовного процесса отрицательно сказывается значительный срок расследования, особенно по делам, не представляющим большой общественной опасности и менее тяжким. Длительное «нерагирование» на них может восприниматься как безнаказанность. Реализация требования быстроты расследования способствует также достижению целей уголовного наказания – с общей и специальной превенции [11]. Мы убеждены, чем менее тяжкое преступление совершено, тем быстрее должна последовать реакция на его совершение. Быстрота расследования как эффективное средство достижения целей уголовного процесса предполагает проведение расследования уголовных дел в минимально возможные сроки с тем, чтобы приблизить момент принятия судом окончательного решения по делу ко времени совершения преступления.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О Следственном комитете Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-3 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Бибило, В. Н. Социально-правовые основы правосудия по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Бибило ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 1995. – 32 с.
4. Власова, Н. А. Досудебное и упрощенное производство: время реформ / Н. А. Власова // Юрид. консультант. – 2000. – № 5. – С. 4–6.
5. Гуляев, А. П. Быстрота уголовного судопроизводства / А. П. Гуляев // Вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. ст. / под ред. В. Н. Кудрявцева. – М., 1974. – № 18. – С. 66–83.
6. Данилевич, А. А. Ускоренное производство в уголовном процессе Республики Беларусь / А. А. Данилевич, В. В. Шпак. – Минск : БГУ, 2007. – 109 с.
7. Пашкевич, П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П. Ф. Пашкевич. – М. : Юрид. лит., 1984. – 175 с.
8. Порубов, Н. И. Научная организация труда следователя / Н. И. Порубов. – Минск : Выш. шк., 1970. – 264 с.
9. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. – Режим доступа: http://www.slovoonline.ru/slovar_efremova. – Дата доступа: 14.05.2018.
10. Строгович, М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М. С. Строгович // Социалист. законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
11. Шпак, В. В. Соотношение быстроты, процессуальной экономии и эффективности уголовного процесса / В. В. Шпак // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – С. 214–217.

СЕКЦИЯ IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 340.611.4

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ МИГРАНТОВ

И. С. Алихаджиева

*доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва*

Одним из глобальных феноменов современности становится миграция. В России как активном субъекте миграционного обмена увеличение масштабов притока на ее территорию иностранных граждан способствовало, с одной стороны, росту преступности со стороны мигрантов с криминализацией обширных сфер экономики, с другой – повышению уровня преступной деятельности в отношении иностранцев и лиц без гражданства.

На фоне интенсивности миграционных процессов с растущим нелегальным сегментом мигранты выступают категорией лиц, подверженных высокому риску виктимизации. Исследование мигрантов как жертв преступлений – одна из актуальных задач криминологии, поскольку личность потерпевшего-мигранта мало изучена в виктимологическом аспекте, а в сфере научных интересов отечественных специалистов остается их преступность. Нет фундаментальных работ, предметом которых являются состояние, структура и динамика преступности против мигрантов; комплекс причин, способствующих данным преступлениям, и их обусловленность; личность жертв, перемещенных с мест своего постоянного проживания; уголовно-правовые и другие меры криминологической профилактики. За последние несколько лет в периодических изданиях опубликованы несколько научных статей и разделов монографий, посвященных вопросам виктимности жертв-мигрантов, претерпевших криминальное насилие [1, с. 36–41; 2, с. 39–41; 3, с. 77–82], а также мерам виктимологической защиты не граждан [4, с. 225–227].

Виктимологические аспекты миграционных процессов не исследуются российской криминологической наукой в том числе и потому, что до 2014 г. полная база статистических данных с указанием государственно-правового статуса жертвы отсутствовала. Статистический учет состояния преступности этой группы потерпевших ведется по раскрытым, а не зарегистрированным преступлениям, позволяющим анализировать состояние криминальной виктимности мигрантов, что затрудняет виктимологическое измерение криминального поведения против рассматриваемой категории лиц. На территории Российской Федерации большие потоки приезжих остаются вне контроля государственных структур [5, с. 103], а потому преступность в отношении иностранных граждан отличается повышенной латентностью.

Анализ уголовной статистики преступлений в отношении иностранных граждан в масштабе страны показывает, что в общем количестве зарегистрированных преступлений их удельный вес не является значительным и в среднем составляет

около 0,6 % [6]. Между тем обеспокоенность вызывает взаимосвязь и обусловленность преступности иностранных граждан и против них. Как справедливо отметила В. И. Коваленко, «виктимность мигрантов (правовая безграмотность, незнание языка, социальная незащищенность и т. п.) приводит к их уязвимости, совершению в отношении них преступлений – от мошенничества и вымогательства до нарушения их прав и свобод или физического уничтожения. «Жертвы», не имея четкого правового статуса, зачастую лишившись места работы и проживания, средств к существованию, документов, удостоверяющих личность и право пребывания на территории Российской Федерации, возможности вернуться на родину, стремясь избежать контактов с правоохранительными органами, оказываются в положении маргиналов и становятся на путь совершения преступлений» [7, с. 27].

Сравнение статистических показателей за тринадцать лет – с 2005 по 2014 г. – показало волнообразный характер криминальной виктимности мигрантов. По данным Генеральной прокуратуры России, за указанный период, начиная с 2006 г., преступность против них характеризовалась резким увеличением, пик которого пришелся на 2007 г., и в дальнейшем снижением количества этого вида преступности до 2011 г. Так, общее количество этих преступлений (тыс.) распределилось, соответственно: 13,3; 15,6; 15,9; 15,2; 14,9; 12,4; 11,4; 12,4; 13,2; 14. Количество преступлений, совершенных в 2017 г. в отношении иностранцев и лиц без гражданства, уменьшилось на 6,3 % (14,6 тыс) [8]. В 2016 г. этот показатель составлял 15 660 преступлений, что на 9,4 % меньше, чем в 2015 г. [9, с. 17].

В доктрине уголовного права система преступных посягательств в сфере незаконной миграции не разработана. Учеными предлагается разная классификация преступных посягательств. Так, одну из групп составляют преступления, объективная сторона которых непосредственно связана с процессами миграции («Торговля людьми» (ст. 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), «Вовлечение в занятие проституцией» (ст. 240 УК РФ), «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» (ст. 242.1 УК РФ) [10, с. 25–26].

Изучение следственной практики по преступлениям против мигрантов, среди которых основная доля – иностранные граждане из стран СНГ, показывает, что иностранцы и лица без гражданства становятся жертвами вовлечения в занятие проституцией и торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации. Виктимологическая характеристика позволила выявить мигрантов-жертв преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией. По материалам уголовных дел, *первую категорию потерпевших* составляют иностранцы-студенты высших и средних учебных заведений России, владеющие русским языком, которые становятся объектом криминального воздействия. Так, по приговору Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан осуждена ФИО-2, которая, будучи руководителем организованной группы, подыскивала и вовлекала «иностранцев женского пола, преимущественно негроидной расы, для занятия проституцией, путем уговоров и обещания высокого вознаграждения (платы), комфортных условий работы и отсутствия проблем с правоохранительными органами, с целью удовлетворения сексуальных услуг неограниченному количеству лиц мужского пола на территории г. Уфы Республики Башкортостан». Как установил суд, подсудимая, будучи осведомлена о материальных трудностях двух потерпевших-студенток из Республики Нигерия, вовлекла их в занятие проституцией [11].

Ко *второй группе жертв* относятся малообразованные мигранты, приехавшие в Россию на заработки, и (или) утратившие документы и, соответственно, легальный статус, испытывающие материальные трудности, чем пользуются вербовщики в про-

ституцию. При этом фигурантами уголовных дел о вовлечении в занятие проституцией становятся иностранные граждане, совершившие преступные деяния против своих соотечественников. Например, по приговору Центрального районного суда г. Читы установлено, что граждане КНР – Л. Ч. и его супруга У. Х. – вовлекали в занятие проституцией девушек – гражданок КНР. На территории Китайской Народной Республики У. Х. склоняла девушек к платному оказанию секс-услуг в России под прикрытием деятельности массажного салона в здании гостиницы «Монблан» [12].

В *третью группу* входят потерпевшие-граждане России, ставшие незаконными мигрантами на территории иностранных государств. Типичным примером сексуальной эксплуатации служит дело, по которому вынесен приговор Автозаводского районного суда Нижнего Новгорода в отношении членов организованной группы, которые занимались торговлей людьми в форме вербовки с последующим вовлечением в занятие проституцией российских девушек в Испании. Н. и Б. подыскивали женщин, желающих получить работу за границей, путем обещаний получения высокого заработка. Для согласившихся Н. оформляла туристические визы с правом въезда на территорию стран Европейского союза, подписавших Шенгенское соглашение. При этом сотрудники турфирм для предоставления в дипломатические учреждения иностранных государств с целью получения визы изготавливали поддельные справки от несуществующих коммерческих организаций, в которых содержались сведения о заработной плате и месте работы завербованных женщин. С целью оплаты оформления визы, приобретения путевок и оплаты авиабилетов Н. направляла денежные переводы сотрудникам туристических фирм. После отправки потерпевших в Испанию для удержания завербованных женщин Н. требовала отработать понесенные расходы посредством оказания платных сексуальных услуг. Находясь в зависимом положении, не желая сообщать своим родственникам о сложившейся ситуации, жертвы, а их оказалось двенадцать, занимались проституцией [13].

Таким образом, незаконная миграция – одна из существующих детерминант преступности, и в то же время прибыльных сфер, наиболее подверженных криминальному воздействию. Несмотря на то, что в Российской Федерации среди жертв доля мигрантов не высока, а в течение последних пяти лет наблюдается положительная тенденция – снижение общего количества потерпевших-мигрантов, показатели виктимности указанной социальной группы, как и преступность иностранцев, должны учитываться в профилактической деятельности правоохранительных органов. Рост масштабов миграции способствует возрастанию виктимологической опасности для незаконных мигрантов, что требует специальных исследований в рамках частной теории виктимологии, изучающей не граждан – жертв преступлений.

Л и т е р а т у р а

1. Кабанов, П. А. Статистическое измерение криминальной виктимности мигрантов в современной России / П. А. Кабанов // Виктимология. – 2017. – № 1 (11). – С. 36–41.
2. Пилюгина, Ю. Г. Социальная миграция как фактор криминогенной виктимизации населения / Ю. Г. Пилюгина // Евраз. союз ученых. – 2015. – № 5/6. – С. 39–41.
3. Пойман, П. Мигранты из стран СНГ как жертвы организованной преступности в Чехии – упущение чешской миграционной политики / П. Пойман // Вестн. Северо-Кавказ. гуманитар. ин-та. – 2014. – № 1. – С. 77–82.
4. Репецкая, А. Л. Виктимологическая защита иностранных трудовых мигрантов от преступлений, связанных с торговлей людьми / А. Л. Репецкая // Рос. криминол. взгляд. – 2013. – № 2. – С. 225–227.

5. Урда М. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за нарушение режима перемещения физических лиц через Государственную границу Российской Федерации / М. Н. Урда // Уголов. право. – 2017. – № 2. – С. 102–109.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе, за январь–декабрь 2017 года // М-во внутр. дел Рос. Федерации : [2018]. – Режим доступа: <https://mvd.ru>. – Дата доступа: 05.04.2018.
7. Коваленко, В. В. К вопросу о предупреждении миграционной преступности и виктимности мигрантов // Виктимология. – 2015. – № 1. – С. 24–28.
8. В России снизилось число преступлений, совершенных иностранцами // [2018]. – Режим доступа: <https://ria.ru/incidents/20180129/1513541992.html>. – Дата доступа: 14.04.2018.
9. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года : стат. сб. – М. : ГИАЦ МВД Рос. Федерации, 2017. – 25 с.
10. Левченко, О. П. Раскрытие и расследование преступлений, связанных с незаконной миграцией : учеб.-метод. пособие / О. П. Левченко, Ф. П. Портнов. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 320 с.
11. Уголовное дело № 1-260/2015 / Архив Киров. район. суда г. Уфы Респ. Башкортостан за 2015 г.
12. Уголовное дело № 1-269/2012 / Архив Центр. район. суда г. Читы за 2012 г.
13. Уголовное дело № 1-10/2011 / Архив Автозавод. район. суда г. Ниж. Новгорода за 2011 г.

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В. А. Ананич

профессор кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, г. Минск

Ключевой фигурой в расследование совершенного преступления является следователь. Как это следует из Уголовно-процессуального закона (ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь – УПК РБ), в его качестве выступает должностное лицо Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности, осуществляющее в пределах своей компетенции предварительное следствие.

Рассматривая деятельность следователя, специалисты традиционно акцентируют внимание на ее уголовно-процессуальных, криминалистических и уголовно-правовых аспектах. Это и понятно, уголовно-процессуальный закон, надлежащее криминалистическое обеспечение расследования совершенного преступления, его правильная квалификация следователем являются основными условиями успешного изобличения преступника и привлечения его к уголовной ответственности.

Как показали результаты проведенных исследований криминологической лабораторией Академии МВД, в практике следственной работы имеет место недооценка криминологического знания, использование которого связывают лишь с выявлением следователем, в ходе расследования, причин и условий преступления и подготовкой представления в различные инстанции об их устранении. Между тем в деятельности следователя важны не только криминологические знания о причинах преступности, но и о других компонентах, ее характеризующих – преступности в целом, ее отдельных видах, конкретных деяниях, личности преступника и потерпевшего, механизме индивидуального преступного поведения, системе предупреждения преступности.

Через призму социальной, поисковой, реконструктивной, коммуникативной, организационной, удостоверительной сторон деятельности следователя рассмотрим возможности расширения использования криминологических знаний о преступности, всех ее элементах при осуществлении им функции предварительного расследования.

Первая охватывает политический аспект деятельности следователя, который контрастно виден на примере расследования экономических и коррупционных преступлений. Расследуя деяния подобного характера, следователь реализует политическую волю руководства страны в бескомпромиссной борьбе с такими посягательствами и иными опасными деяниями, независимо от должностного положения и заслуг лиц, совершивших преступления. Все это усиливает веру граждан в торжество закона и справедливость, мобилизует их на строгое соблюдение правопорядка. В практике подразделений Следственного комитета Беларуси много примеров успешного расследования таких преступлений в различных секторах экономики, банковской системе, ЖКХ, здравоохранении, образовании, торговле, сфере услуг и др. В настоящее время наращиваются усилия всех органов уголовного преследования на этом направлении. Все это дает основание для вывода о максимальной реализации следователями такого среза социальной стороны деятельности как политический.

В отличие от политического аспекта социальной стороны деятельности следователя, такой ее аспект, как правовая пропаганда, реализуется следователем не в полной мере. Следователи в настоящее время как бы «выключены» из этого процесса. Они редко выступают в СМИ, трудовых коллективах с разъяснениями положений отраслей криминального законодательства, о причинах и условиях преступлений, о мерах их предупреждения. А разъяснения по конкретным делам в СМИ представителями пресс-служб следствия по конкретным уголовным делам не несут необходимой информации, малоэффективны. Положение усугубляется и тем, что в Законе Республике Беларусь о Следственном комитете Республики Беларусь от 13 июня 2012 г. нет задачи, обязывающей его сотрудников осуществлять правовую пропаганду.

Указанный перекоп в осуществлении социальной функции возможно устранить двумя способами – правовым и организационным. В этих целях дополнить правовую основу положением о проведении подразделениями и сотрудниками Следственного комитета различных профилактических мероприятий, и не только по результатам расследования преступлений, но и в плановом порядке. А также осуществлять планирование разъяснительной работы, разработку тематики лекций и бесед, налаживание взаимодействия со СМИ, использование Интернета и др.

Поисковая сторона деятельности следователя состоит в собирании исходной информации, необходимой для решения задач по расследованию уголовного дела. В ее рамках осуществляется поиск, обнаружение изменений, вызванных действиями преступника, изъятие следов, вещественных доказательств. Как нам представляется, в этой стороне деятельности следователя ощущается дефицит криминологической информации о личности преступника различного типа – несовершеннолетнего, рецидивиста, коррупционера, корыстного, насильственного, неосторожного и др. Например, кража, совершенная подростком в условиях неочевидности, судя по похищенным предметам, а это могут быть сладости, способу совершения, например, кража из газетного киоска, позволяет в качестве подозреваемого рассматривать лицо данного возраста. Аналогичным образом следует оценивать и кражи, совершаемые женщинами, наркоманами, а также другими представителями маргинального слоя. В частности, кражи дорогостоящих зеркал бокового вида из автомобилей в Минске совершаются, как правило, наркоманами в целях реализации и получения средств для покупки наркотиков.

Решение проблемы оснащения следователя фундаментальными криминологическими знаниями о личности преступника нам видится в подготовке для них криминологических портретов различных их типов. Например, мужчины и женщины, несовершеннолетнего и лица молодежного возраста, рецидивиста, насильственного, корыстного, неосторожного преступника и др. Указанные портреты должны содержать максимум нужной следователю информации. В этой связи предлагается разработанная членами указанной лаборатории пятиблочная модель личности преступника. 1 блок – социально-демографические характеристики, 2 блок – социальные роли и статусы, 3 блок – уголовно-правовые и криминологические признаки, 4 блок – нравственно-психологические свойства, качества, 5 блок – психофизиологические. Причем количество всех параметров, качеств, свойств и их оттенков должно составлять около 200, что позволит сформировать у следователя образ лица, совершившего преступление в условиях неочевидности.

Характеристики моделей определенных типов преступников, наряду с другой информацией, полученной от граждан, обнаруженными следами и вещественными доказательствами, позволяют следователю в рамках реконструктивной стороны деятельности осуществить ее анализ и выдвинуть версии. На основе собранной в ходе реконструкции события преступления информации следователь составляет план расследования по уголовному делу.

Наглядным примером такой реконструкции следует рассматривать решение вопроса следователями по особо важным делам Прокуратуры СССР о взяточничестве должностных лиц рыбной отрасли по так называемому уголовному делу «Океан». Посредством анализа документов было выявлено, что в один год объемы лососевой икры для переработки и направления в торговую сеть «Океан» были распределены непропорционально, например, в Таджикистан 200 кг, Латвию 300 кг, Литву 250 кг, а в Грузию – 30 т. Следующим шагом следователей было установление должностного лица, которое могло принять решение о таком распределении дефицитного продукта и на каких условиях.

Информация о личности преступника особенно важна в коммуникативной стороне деятельности следователя, особенно при допросах, очных ставках. Располагая сведениями о личности подозреваемого, обвиняемого, особенностях его качеств, свойств, следователь может построить хороший план допроса и выработать тактику, технологию применения при его проведении различных психологических и педагогических приемов. В практике следственной работы, научных трудах утвердилась точка зрения о том, что от налаживания контакта с допрашиваемым зависят результаты всего расследования, установления истины по делу.

Если вести речь об организационной стороне деятельности следователя, то здесь следует принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, следователь является организатором расследования, которое осуществляется им индивидуально, а в отдельных случаях и коллективно. Относительно работающих в группе своих коллег, которые должны ему помогать, у следователя в идеале не должно быть проблем. Однако реалии таковы, что в расследовании участвуют и представители соответствующих служб МВД, КГБ и других ведомств, в зависимости от сфер совершения преступления. Соответственно, к следователю предъявляются высокие требования к его профессионализму, организаторским способностям, опыту, что не всегда имеется. А подтверждением такого положения является раскрываемость преступлений, которая оставляет желать лучшего. Следовательно, есть необходимость усиления статуса следователя путем развития его организаторских качеств, юридической подготовки, путем самообразования, развития лидерских качеств, оснащения опытом индивидуального и коллективного расследования уголовных дел.

Что касается удостоверительной стороны деятельности следователя, состоящей в приведении добытой им информации в специальную, предусмотренную законом форму (протокол осмотра места происшествия, допроса и др.), то здесь следует указать на необходимость наличия высокого профессионализма у следователя. Зачастую, как показывает следственная практика, от качества осмотра места происшествия, выявления, обнаружения доказательств зависит успех расследования преступления, особенно совершенного в условиях неочевидности. В то же время в материалах уголовных дел ощущается дефицит информации о личности преступника, условиях его жизни на различных этапах, его окружении, тех обстоятельствах, которые затрудняли его социализацию, способствовали деформации его личностных качеств и формированию криминальной мотивации. Решение указанной проблемы нам видится в усилении криминологической подготовки следователей посредством повышения квалификации, служебной подготовки, самообразования.

Мы коснулись лишь отдельных аспектов криминологического обеспечения деятельности следователя. Несомненно, что данная проблема намного шире и многограннее и требует пристального внимания ученых и практиков.

УДК 343.27

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО НАДЗОРА В КОНТЕКСТЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 421, 422 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. П. Афонченко

*доцент кафедры уголовного права и процесса
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

Уголовным кодексом Республики Беларусь (УК РБ) предусмотрена возможность осуществления после освобождения от отбывания наказания превентивного надзора (ст. 80 УК РБ) в отношении лиц, нуждающихся в дополнительном контрольно-надзорном воздействии (режимно-ограничительном и исправительном) в силу различных факторов, связанных с их предшествующим криминальным поведением [1].

Одним из последствий ненадлежащего исполнения либо нарушения требований превентивного надзора является актуализированная в ст. 421, 422 УК РБ угроза привлечения поднадзорного лица к уголовной ответственности. При этом для квалификации указанных деяний имеет значение выяснение вопросов, связанных с установлением и прекращением надзора. Наиболее спорные моменты, возникающие в связи с решением указанных вопросов в практике правоприменительной деятельности, нашли свое отражение в положениях Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре» от 21 декабря 2017 г. № 4 (постановление) [2]. В то же время детальное изучение указанного акта позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на его дальнейшее совершенствование.

Так, п. 7 постановления нуждается в некотором уточнении. В частности, фразу «В то же время за лицом, допустившим особо опасный рецидив, превентивный надзор подлежит установлению до снятия судимости» целесообразно продолжить:

«В связи с этим нет необходимости в отношении указанной категории осужденных при установлении превентивного надзора определять его срок» (подобное часто встречается в судебной практике).

Пункт 10 постановления освещает вопрос о приостановлении превентивного надзора, однако не содержит, фактически, детальных указаний в зависимости от оснований приостановления, которых в действующем УК РБ закреплено несколько:

- 1) осуждение лица к наказанию в виде ограничения свободы;
- 2) осуждение лица к наказанию в виде ареста;
- 3) направление лица в лечебно-трудовой профилакторий.

Ввиду отсутствия детальных разъяснений при буквальном толковании положений постановления образуются периоды времени, когда поднадзорный еще не находится в исправительном учреждении, арестном доме, лечебно-трудовом профилактории, но и требованиям превентивного надзора уже может не подчиняться. На наш взгляд, момент приостановления превентивного надзора зависит от особенностей каждого из оснований. Так, осуждение лица к наказанию в виде ограничения свободы согласно положениям ч. 3 ст. 55 УК РБ, может осуществляться как с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ), так и, с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия у лица постоянного места жительства, – без направления в ИУОТ. По смыслу закона, приостановление надзора в случае осуждения к ограничению свободы имеет место именно в случае направления лица в ИУОТ, где осужденный будет находиться без охраны, но под надзором, испытывая более серьезные правоограничения по сравнению с обусловленным превентивным надзором. По общему правилу (ч. 1 ст. 45 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, – УИК РБ), осужденные следуют к месту отбывания наказания самостоятельно за счет государства, и в подобном случае превентивный надзор приостанавливается со дня прибытия такого лица в ИУОТ, когда осужденный уже вынужден подчиняться Правилам внутреннего распорядка ИУОТ [3]. До этого момента он находится в режиме подчинения требованиям и правилам превентивного надзора со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Это тем более важно, поскольку согласно ч. 2 ст. 45 УИК РБ с момента получения предписания уголовно-исполнительной инспекции до выезда к месту отбывания наказания может пройти до трех дней. Более того, далеко не все осужденные стремятся получить своевременно предписание о выезде, а некоторые и вовсе уклоняются от его получения. Как известно, с учетом ряда обстоятельств (личности осужденного, места расположения ИУОТ) осужденный может доставляться к месту отбывания наказания под конвоем либо в сопровождении. Факт нахождения под конвоем (в сопровождении) упраздняет необходимость реализации в отношении осужденного мер, обусловленных превентивным надзором, который, соответственно, приостанавливается с момента помещения лица под конвой (сопровождение), когда осужденный находится под постоянным надзором.

Осуждение к ограничению свободы без направления в ИУОТ, на наш взгляд, не только не препятствует, но и вполне может сопровождаться усиленным вариантом режима осуждения в виде превентивного надзора, т. е. в подобном варианте надзор не приостанавливается.

Осуждение к наказанию в виде ареста сопровождается согласно ст. 59 УИК РБ строгими условиями изоляции. На осужденных распространяются условия содержания, установленные для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на общем режиме в тюрьме. Подобные требования исключают осуществление превентивного надзора, который приостанавливается с момента взятия лица под стражу в

зале суда после оглашения обвинительного приговора, которым лицу назначено наказание в виде ареста.

Согласно ст. 10 Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» доставку граждан в лечебно-трудовые профилактории осуществляют территориальные органы внутренних дел [4]. В этих целях гражданин может быть задержан на срок до трех суток с помещением его в изолятор временного содержания на основании вступившего в законную силу решения суда о его направлении в *лечебно-трудовой профилакторий*. С момента подобного задержания приостанавливается осуществление за лицом превентивного надзора. Если в задержании и помещении в изолятор временного содержания необходимости не возникло, то приостановление надзора осуществляется с момента помещения лица под конвой сотрудников территориального органа внутренних дел, осуществляющих его доставку в лечебно-трудовой профилакторий.

Пункты 11 и 12 рассматриваемого постановления разъясняют общие вопросы прекращения превентивного надзора судом на соответствующих основаниях. При этом представляется возможным дополнить данные пункты исходя из следующих соображений. В случае установления превентивного надзора на определенный срок истечение срока, на который он был назначен судом, аннулирует правовой режим превентивного надзора независимо от того, принималось или не принималось по этому вопросу соответствующее решение суда. Такой вывод следует из буквального толкования п. 1 ч. 11 ст. 80 УК РБ, где прямо сказано, что «...превентивный надзор прекращается по истечении срока, на который он был установлен, если превентивный надзор не был продлен судом в соответствии с настоящим Кодексом и иными законодательными актами Республики Беларусь». Что касается досрочного прекращения надзора, то также следует дополнительно указать: «При этом превентивный надзор за лицом, допустившим особо опасный рецидив, может быть прекращен судом в связи со снятием судимости по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 98 УК РБ, а также до снятия судимости, но не ранее как по истечении трех лет после отбытия наказания в виде лишения свободы. При этом следует учитывать, что превентивный надзор в отношении осужденного, допустившего особо опасный рецидив, может быть вновь установлен до снятия судимости, если в этом возникнет необходимость».

Кроме вышеизложенного, постановление не проводит дифференциации оснований продления и повторного установления превентивного надзора в связи с истечением срока его осуществления, на который он был установлен судом, или в связи с его досрочным прекращением. Представление о продлении срока превентивного надзора целесообразно направлять в суд за месяц до истечения предыдущего срока (в настоящее время подобный срок не установлен). Представляется, что срок продленного превентивного надзора исчисляется не со дня принятия по данному вопросу решения суда, а продолжает вновь исчисляться со дня окончания ранее установленного срока превентивного надзора. При этом в практике правоприменительной деятельности возникает ситуация, когда при наличии оснований для продления надзора и намерений соответствующего надзирающего органа продлить срок надзора, последний не осуществил своевременно процедурные и правовые вопросы по суду о его продлении. Вот здесь следует однозначно сказать, что продление срока превентивного надзора после его прекращения в связи с истечением его срока недопустимо. В этом случае следует решать проблему посредством повторного установления превентивного надзора, что возможно лишь при наличии оснований, указанных в п. 2 ч. 4 ст. 80 УК РБ.

Полагаем, что указанные уточнения текста постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О практике применения судами законодательства о пре-

вентивном надзоре» будут способствовать более точному и единообразному применению норм УК РБ в практике правоприменительной деятельности.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; по состоянию на 18 июля 2017 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О практике применения судами законодательства о превентивном надзоре : постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 4 // Офиц. Интернет-портал Верховного суда Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/8ca69acc9ec545b9.html/. – Дата доступа: 01.04.2018.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-3 : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. ; по сост. на 9 янв. 2017 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 104-3 ; по состоянию на 16 июня 2014 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 323.28

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

А. С. Блохин

*начальник отдела внутренних дел администрации Железнодорожного районного
отдела внутренних дел г. Витебска, полковник милиции, Республика Беларусь*

Явление терроризма весьма динамично, постоянно приобретает новые черты и характеристики (наступательность, высокая техническая оснащенность, изощренность и жестокость), это не позволяет специалистам дать универсальное определение терроризма. В отечественной юридической литературе под терроризмом (от лат. *terror* – страх, ужас) понимается использование насилия или угрозы его применения по отношению к определенным лицам, группам, различным объектам в целях достижения политического, идеологического, религиозного, экономического и какого-либо другого результата, выгодного террористам. Но опять же, гибкость и разновидности данного явления не позволяют создать универсальное определение [1, с. 22].

Каждое из существующих определений может быть применимо в той или иной ситуации, но, принимая во внимание цели и задачи борьбы органов внутренних дел с терроризмом, а также современную правовую базу этой борьбы, можно прийти к выводу, что главными составляющими определения терроризма должны быть мотив и цель. Именно эти составляющие позволяют отделить терроризм от общеуголовной преступности и указать на его главный отличительный признак – создание определенного социально-психологического или политического климата.

Правовую основу противодействия терроризму в нашей стране составляют Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК РБ), Законы Республики Беларусь от 3 января 2002 г. «О борьбе с терроризмом», от 24 июня 2002 г. «О чрезвычайном положении», от 4 января 2007 г. «О противодействии экстремизму» и другие законы, нормативные правовые акты Президента

Республики Беларусь, в частности, Указ Президента Республики Беларусь от 23.02.2012 г. «Об утверждении Положения о государственной системе реагирования на акты терроризма и массовые беспорядки» с дополнениями и изменениями от 16.02.2015 г., нормативные правовые акты Правительства нашей республики (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25.07.2013 г. № 658 «Об утверждении Концепции борьбы с терроризмом в Республике Беларусь»), а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других органов государственной власти, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры.

Действующее законодательство нашей республики в данной части во многом формировалось на основе международного. Беларусь не оставалась в стороне от происходящих процессов, выстраивая политику борьбы с терроризмом на принципах законности, приоритета мер по предупреждению терроризма, сочетания гласных и негласных методов борьбы с терроризмом. Все перечисленные, а также и иные принципы нашли свое отражение в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. «О борьбе с терроризмом».

В этом же Законе определено понятие термина «терроризм» – это социально-политическое криминальное явление, представляющее собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствования политической или иной общественной деятельности, провокации международных осложнений или войны, устрашения населения, дестабилизации общественного порядка. Статья 3 вышеуказанного Закона к акту терроризма относит такие преступные деяния, как совершение в целях терроризма взрыва, поджога, затопления, а также насилие в отношении государственного или общественного деятеля, представителя иностранного государства или международной организации, захват или удержание их в качестве заложника, похищение или лишение их свободы либо их убийство, общеопасным способом, либо создающим опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий; захват или удержание людей в качестве заложников, похищение или лишение их свободы, их убийство; применение объектов использования атомной энергии, использование радиоактивных веществ или ядерных материалов, сильнодействующих, токсичных химических или биологических веществ; уничтожение, повреждение, захват, удержание, блокирование зданий, сооружений, путей или средств сообщения, в том числе средств железнодорожного, водного, воздушного, магистрального, трубопроводного транспорта, средств связи, иных коммуникаций и объектов (оборудования); повреждения информационных систем, систем управления, создание условий для аварий и катастроф техногенного характера [2, с. 2].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь как возможное проявление терроризма предусмотрен акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124). На примере этой статьи можно увидеть процесс интеграции нашей республики в международное правовое поле в части освобождения от ответственности лица, участвовавшего в приготовлении к деяниям, предусмотренным данной статьей, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом предотвратило акт терроризма в отношении представителей иностранного государства или международной организации, путем добавления соответствующего примечания к данной статье в редакции Закона Республики Беларусь от 26.10.2012 г. № 453-З. Нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 125, единственная не претерпевшая никаких изменений с

момента принятия Уголовного кодекса в 1999 г., за исключением изменения верхнего предела санкции с двенадцати до тринадцати лет лишения свободы). Акт международного терроризма (ст. 126 УК РБ), акт терроризма (ст. 289 УК РБ), угроза совершением акта терроризма (ст. 290 УК РБ), финансирование террористической деятельности (ст. 290¹ УК РБ), содействие террористической деятельности (ст. 290² УК РБ), прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности (ст. 290³ УК РБ), создание организации для осуществления террористической деятельности или участие в ней (ст. 290⁴ УК РБ), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 290⁵ УК РБ), захват заложника (ст. 291 УК РБ), захват зданий и сооружений (ст. 292 УК РБ), угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна (ст. 311 УК РБ), акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359 УК РБ) [3].

В целях консолидации усилий и повышения эффективности деятельности государственных органов и иных организаций, граждан Республики Беларусь по обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь, защите ее национальных интересов Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В главе 4 данной Концепции к основным угрозам национальной безопасности нашей республики отнесены подготовка или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве Республики Беларусь, использование ее территории либо воздушного пространства террористическими организациями и группами против иных государств.

Основным документом, непосредственно регламентирующим деятельность уполномоченных на то органов по противодействию терроризму в нашей республике является Положение «О государственной системе реагирования на акты терроризма и массовые беспорядки», утвержденное Указом Президента Республики Беларусь 23 февраля 2012 г., а также внесшие дополнения и изменения в данный правовой акт Указом Президента Республики Беларусь от 16.02.2015 г.

Указанными правовыми актами Президента Республики Беларусь определен порядок функционирования государственной системы реагирования на акты терроризма. Им установлено, что система эта состоит из сил и средств государственных органов и иных государственных организаций, являющихся субъектами борьбы с терроризмом, и обеспечивает скоординированные планирование и реализацию ими мер по профилактике, выявлению и пресечению актов терроризма, деятельности террористических организаций, незаконных вооруженных формирований, минимизации их последствий, за исключением случаев признания в соответствии с законодательством террористической деятельности основанием для введения военного положения.

Следует отметить, что до принятия данного нормативного правового акта деятельность соответствующих государственных органов в данной сфере регламентировалась Положением «О государственной системе реагирования на акты терроризма и другие экстремистские действия», утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 13 октября 2008 г.

В соответствии с данным Положением 19 января 2009 г. Министерством внутренних дел Республики Беларусь принято Постановление «Об организации деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь в целях обеспечения функционирования государственной системы реагирования на акты терроризма и другие экстремистские действия».

Сделать однозначный вывод о том, что подписание Президентом 23.02.2012 г. Указа фактически отменило действие данного постановления, не представляется возможным в связи с тем, что изучение этих документов показало, что хоть в них и содержатся уже совершенно разные классификации уровней угрозы, но в Указе Президента речь ведется об уровнях угрозы терроризма, а в постановлении МВД об уровнях угрозы экстремизма. В самом Указе Президента 2012 г. отсутствует информация о том, что он отменяет действие Указа 2008 г.

Возможное принятие на современном этапе правового акта, основанного на положениях Указов Президента Республики Беларусь от 23.02.2012 г. «Об утверждении Положения о государственной системе реагирования на акты терроризма и массовые беспорядки» с дополнениями и изменениями от 16.02.2015 г., вносившего дополнения и изменения в Закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. «О борьбе с терроризмом» и отменяющего постановление министерства внутренних дел от 19.01.2009 г., позволило бы устранить имеющийся пробел в законодательстве, о котором указывалось выше, и четко регламентировать деятельность органов внутренних дел нашей республики по противодействию терроризму.

Л и т е р а т у р а

1. Терроризм как угроза национальной безопасности Республики Беларусь : материалы межвед. науч.-практ. конф., Минск., 25 февр. 2002 г. – Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2002.
2. О борьбе с терроризмом : Закон Респ. Беларусь от 3 янв. 2002 г. № 77-3 (в ред. от 24.12.2007 г.) // Нац. реестр прав. актов Респ. Беларусь, 05.01.2002 г., № 2/825.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. от 20.12.2007 г.) ; принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; в ред. Закона от 18 июля 2017 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь, 15.10.1999 г. № 76, 2/50.

УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕРАБОТКУ НАРКОТИКОВ

Д. О. Воинов

*оперуполномоченный отдела по наркоконтролю и противодействию торговле
людьми Партизанского районного управления внутренних дел г. Минска,
Республика Беларусь*

Несмотря на интенсивные законотворческие и правоприменительные меры по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (далее – наркотики), принимаемые в Республике Беларусь, наркопреступность по-прежнему является одним из распространенных видов противоправных деяний. Так, в 2017 г. в Республике Беларусь совершено почти 5,4 тыс. таких преступлений, уровень преступности в данной сфере составил 56,6 деяний на 100 тыс. человек. Высокой остается распространенность каннабиноидов, новых психоактивных веществ (дизайнерских наркотиков, курительных смесей, спайсов) [1; 2; 3, с. 14, 18, 22–24]. Одним из направлений борьбы с наркопреступностью является совершенствование законодательства в данной сфере. Проведенный анализ указывает, что в данной сфере имеется ряд перспективных аспектов.

В Республике Беларусь уголовная ответственность за незаконные изготовление или переработку наркотиков установлена в ст. 328 Уголовного кодекса Республики

Беларусь (УК РБ). В ч. 1 и 2 п. 8 постановления Пленума Верховного суда (Постановление ПВС) Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ст. 327–334 УК РБ)» под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов понимаются умышленные действия, направленные на получение из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ одного или нескольких готовых к использованию и потреблению наркотических средств или психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; под незаконной переработкой указанных средств и веществ – умышленные действия, направленные на рафинирование (очистку от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо на повышение концентрации наркотического средства, психотропного вещества или их аналога. При этом в ч. 3 п. 8 указанного Постановления ПВС содержится разъяснение о том, что незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов надлежит квалифицировать как оконченное преступление с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ.

В российском законодательстве использован другой подход относительно момента признания изготовления или переработки оконченными преступлениями. Так, согласно п. 11 Постановления ПВС Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» ответственность по ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконное изготовление или незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта как за оконченное преступление наступает с момента получения в значительном размере готовых к использованию и употреблению этих средств или веществ либо в случае повышения их концентрации в препарате путем рафинирования или смешивания.

Проанализируем, как указанные подходы отражаются на практике привлечения к уголовной ответственности участников незаконного наркооборота. На практике в ситуации, когда действия лица, осуществляющего изготовление или переработку наркотика, пресекаются сотрудниками правоохранительного органа до их окончания, возможно данным лицом выдвигание защитной версии о том, что его действия были направлены на получение вещества, не являющегося наркотическим средством, психотропным веществом, их прекурсором либо аналогом. При отсутствии личного в виде готового наркотика, изъятого у злоумышленника, доказать его вину будет сложно, что с высокой степенью вероятности приведет к его уклонению от привлечения к уголовной ответственности. В этой связи разъяснение, содержащееся в Постановлении ПВС Российской Федерации, более определенно указывает правоприменителям на необходимую последовательность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а также требуемый объем улик для достижения благоприятной судебной перспективы уголовного дела. В этой связи считаем, что незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов следует рассматривать как оконченное

преступление с момента получения наркотического средства, психотропного вещества либо их аналога.

Необходимыми компонентами для изготовления синтетических наркотиков являются определенные химические вещества, а также лабораторное оборудование. Для многих стран мира данная проблема остро встала еще в 80-х гг. прошлого столетия, она была во многом решена с принятием Конвенции ООН 1988 г. «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». В п. 1 (а) IV ст. 3 данной Конвенции содержится требование принятия каждой Стороной мер по признанию уголовными преступлениями согласно своему законодательству совершаемые преднамеренно изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Запрет на незаконный оборот веществ, указанных в Таблице I и Таблице II Конвенции ООН 1988 г. (прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ), был введен в статьи УК Беларуси 1999 г. Однако данная мера носит неполный характер, поскольку другая необходимая составляющая, требуемая для подпольного изготовления наркотиков – лабораторное оборудование, не было запрещено к обороту. Хочется отметить, что ст. 330 УК РБ предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, в диспозиции которой указаны такие действия, как нарушение правил производства, переработки, хранения, учета, отпуска, реализации, распределения, перевозки, пересылки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем, совершенное лицом, обязанным соблюдать указанные правила, повлекшее по неосторожности утрату или расхищение названных средств, веществ или предметов. Как видно, субъект данного преступления специальный, форма вины – неосторожная, и оно совершается в рамках осуществления законного оборота наркотических средств и психотропных веществ. К предмету преступления отнесены инструменты или оборудование, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем. К таким инструментам или оборудованию исследователи относят заводские и кустарно изготовленные машины и приспособления для таблетирования или ампулирования веществ; автоматические и ручные мешалки субстанций, веществ (не отнесенные к изделиям, входящим в кухонные наборы); полуфабрикаты, пустые ампулы, шприц-тюбики и разных объемов капсулы; приспособления для маркировки ампул, шприц-тюбиков, капсул; устройства кустарные или заводские для охлаждения жидкостей при экстракции и перегонке (не относятся бытовые холодильники), а также устройства для экстракции и перегонки; устройства для фильтрации жидкостей под вакуумом [4; 5, с. 457–458]. В 2015 г. в ч. 4 ст. 328 УК РБ внесены изменения, согласно которым изготовление или переработка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с использованием лабораторной посуды или лабораторного оборудования, предназначенных для химического синтеза, признаются квалифицирующим обстоятельством и влекут повышенную уголовную ответственность. Однако данная мера носит неполный характер, поскольку оборот лабораторного оборудования для изготовления наркотиков не был криминализован как таковой, а ответственность предусмотрена лишь при его использовании для изготовления наркотиков [6, с. 95].

Исходя из этого можно заметить, что согласно УК РБ деятельность лиц и организаций, которые оказывают посреднические услуги в форме изготовления или поставки таких инструментов или оборудования и непосредственно не занимаются изготовлением наркотиков, остается ненаказуемой. Между тем такая деятельность может наносить огромный ущерб, поскольку налаженная подпольная лаборатория может в течение непродолжительного времени произвести партию наркотиков, которая удовлетворит незаконный спрос на них в течение нескольких лет [4, с. 48–49].

В связи с возросшей опасностью широкого распространения деятельности подпольных лабораторий по производству наркотиков, представляется необходимым ввести запрет на оборот инструментов или оборудования для изготовления наркотиков, дополнив ст. 327 и 328 УК РБ таким предметом преступления, как «инструменты и оборудование, используемые для изготовления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов», и издать нормативный правовой акт, устанавливающий перечень инструментов и оборудования, которые могут использоваться для изготовления наркотиков, включив в него указанные выше наименования.

Литература

1. Обзор наркоситуации в республике за 2017 год / М-во внутр. дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=254653>. – Дата доступа: 06.05.2018.
2. Шилов, П. С. Противодействие незаконному обороту курительных смесей в Республике Беларусь / П. С. Шилов, Д. Л. Харевич // Сб. науч. работ студентов Респ. Беларусь «НИРС 2011» / редкол.: А. И. Жук (пред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2012. – С. 446–447.
3. Пособие по профилактике потребления психоактивных веществ : учеб. пособие / П. Кук [и др.]. – Минск : Белсэнс, 2006. – 112 с.
4. Харевич, Д. Л. О введении уголовной ответственности за незаконный оборот инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ / Д. Л. Харевич // Юстыцыя Беларусі. – 2006. – № 6. – С. 47–49.
5. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е. А. Авраменко [и др.] ; под ред. В. А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2012. – 734 с.
6. Бахур, О. И. Гармонизация норм уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза об ответственности за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / О. И. Бахур // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 91–97.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УМЕРШЕГО ОБВИНЯЕМОГО

С. Л. Емельянов

*заведующий кафедрой уголовного права и процесса
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

В соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК РБ) Законом от 18 июля 2017 г. № 53-З, был нормативно закреплён порядок производства по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого.

Принятию указанного закона предшествовала широкая дискуссия среди практикующих юристов и ученых-правоведов по вопросу возможности, необходимости и оправданности правового регулирования рассматриваемого вида уголовно-процессуальной деятельности. В ходе данной дискуссии высказывались неоднозначные суждения с опорой на заслуживающие внимания аргументы. Аналогичная дискуссия развернулась и в Российской Федерации. При этом отметим, что 14 июля 2011 г. Конституционный суд РФ, рассмотрев обращения граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко, признал не соответствующими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в той мере, в какой эти положения позволяют прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) без согласия его близких родственников. Во исполнение постановления Конституционного суда Российской Федерации Правительством Российской Федерации был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности)». Однако до сих пор соответствующие изменения в УПК РФ внесены не были, что свидетельствует об отсутствии консенсуса по данному вопросу.

Не ставя перед собой цель анализа всего спектра мнений по проблеме привлечения к уголовной ответственности умершего обвиняемого, мы считаем необходимым акцентировать внимание на следующих ее аспектах.

Основанием для внесения изменений и дополнений в УПК РБ послужило Заключение Конституционного суда Республики Беларусь от 12.06.2014 г. № 3-928/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь пункта 7 части 1 статьи 29 и п. 1 ч. 1 ст. 303 УПК РБ». В нем, в частности, отмечается, что Конституционный суд считает, что нормы уголовно-процессуального закона в той части, в которой они допускают указание на виновность в совершении преступления гражданина без вынесения обвинительного приговора суда, не закрепляя при этом положений о проверке законности и обоснованности уголовного преследования умершего лица с участием его близких родственников в судебном порядке, исключают возможность реабилитации умершего гражданина для защиты его достоинства и чести. Законодателю же следует предусмотреть в УПК РБ положения, устанавливающие право близких родственников заявлять требования о необходимости продолжения уголовного процесса с целью возможной реабилитации умершего, закрепляющие правовой статус данных участников уголовного процесса, в том числе их права и обязанности, а также особенности производства предварительного расследования и судебного разбирательства в случае смерти подозреваемого или обвиняемого.

На основе анализа вышеуказанного Заключения Конституционного суда можно прийти к выводу, что им не ставится под сомнение правомерность прекращения производства по уголовному делу в отношении умершего, за исключением случаев, когда продолжение данного производства согласно п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ необходимо для реабилитации умершего. Причем достаточно очевидно, на наш взгляд, цель дальнейшего производства, которую изначально, до внесения изменений в УПК, определил законодатель, а впоследствии подтвердил Конституционный суд, а именно: возможная реабилитация обвиняемого. Тем не менее законодатель впоследствии коренным образом пересмотрел ранее существовавший процессуальный порядок принятия решения по указанной категории дел: если в соответствии со старой редакцией УПК РБ окончательное решение в отношении умершего обвиняемого при доказан-

ности его виновности в совершении преступления состояло в прекращении производства в отношении него, то сейчас должен выноситься обвинительный приговор без назначения наказания при условии подачи близкими родственниками умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого либо их законными представителями заявления о несогласии с прекращением производства по уголовному делу. Тем самым, с нашей точки зрения, абсолютно нивелируется подлинная суть рассматриваемого института. Причем вышеуказанные лица, добиваясь реабилитации умершего обвиняемого, могут невольно спровоцировать усугубление его положения, поскольку он может быть признан виновным в совершении преступления и, соответственно, иметь судимость. При прекращении же производства такие негативные последствия не наступают, и умерший обвиняемый не будет считаться преступником.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в связи со смертью обвиняемого автоматически теряется его общественная опасность. При этом нужно учитывать, что в силу ст. 87 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, либо менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что вследствие изменения обстановки это лицо перестало быть общественно опасным. Однако ч. 4 ст. 356 УПК РБ содержит императивное требование, согласно которому суд должен постановить обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту его вынесения наступила смерть обвиняемого. Таким образом, между указанными нормами возникает коллизия. Кроме того, коллизия обнаруживается и при сопоставлении ч. 4 ст. 356 УПК РБ и п. 2 ч. 2 ст. 355 УПК РБ, поскольку данный пункт предполагает возможность вынесения обвинительного приговора с применением только тех иных мер уголовной ответственности, которые предусмотрены ст. 77–79 УК РБ.

Вышеизложенное свидетельствует о неудачном, как мы считаем, законодательном решении, состоящем в закреплении новеллы об обязанности суда выносить обвинительный приговор без назначения наказания в отношении умершего обвиняемого при признании доказанным факта совершения им преступления.

Резюмируя, мы предлагаем пересмотреть новый порядок принятия решения по рассматриваемой категории уголовных дел. Необходимо вернуться к прежнему правовому регулированию данной деятельности суда, т. е. предусмотреть право суда т. е. в зависимости от доказанности виновности умершего обвиняемого вынести либо оправдательный приговор, либо определение (постановление) о прекращении производства по уголовному делу в отношении умершего в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ.

УДК 343.976

О МЕРАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

В. А. Ильчук

оперуполномоченный отдела уголовного розыска

Ленинского районного отдела внутренних дел г. Бреста, Республика Беларусь

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, являются многоаспектными во всем мире и продолжают сохранять высокую актуальность [1]. Не явля-

ется исключением и Республика Беларусь, в последние годы столкнувшаяся с резким ухудшением криминогенной ситуации, обусловленной широким распространением синтетических каннабиноидов [2]. Несмотря на некоторое снижение остроты рассматриваемой проблемы, обстановка в сфере наркопреступности остается сложной. В 2017 г. в Республике Беларусь органами внутренних дел выявлено около 5,4 тыс. преступлений, связанных с наркотиками, из них 2,6 тыс. связаны со сбытом. Из незаконного оборота изъято более 700 кг наркотических средств и около 30 кг психотропных веществ. Пресечена деятельность пяти подпольных нарколабораторий, выявлено 32 помещения, специально приспособленные и оборудованные для выращивания наркосодержащих растений. В рамках проводимой работы по пресечению распространения психоактивных веществ с использованием глобальной компьютерной сети Интернет за истекший период текущего года установлено 11 интернет-сайтов, на базе которых функционировали 49 интернет-магазинов, занимающихся распространением психоактивных веществ [3]. Приведенные цифры показывают, что наркопреступность создает существенную угрозу здоровью населения, негативно влияет на правопорядок.

Государством принимается немало мер для предупреждения незаконных оборота и потребления наркотиков. В Республике Беларусь создана и функционирует многоуровневая система предупреждения наркотизма. Исследователи отмечают присущий ей крен в сторону уголовно-правовых – репрессивных мер. В то же время наиболее устойчивые положительные результаты в сфере предупреждения преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, могут достигаться только за счет функционирования государственной системы профилактики наркотизма, основу которой должны составлять превентивные меры, в реализацию которых включены все органы государственной власти, местного самоуправления, общественные и религиозные объединения. Снижение спроса на наркотики в обществе возможно лишь в результате совместных усилий правоохранительных органов, учреждений образования и здравоохранения, частного и общественного сектора, общественности [4, с. 5; 5, с. 189]. Эффективная профилактика правонарушений среди несовершеннолетних предполагает комплекс мероприятий социально-педагогического и медико-педагогического характера, направленных на оздоровление среды, лечение и коррекцию поведения несовершеннолетних правонарушителей, совершенствование системы образования и воспитания подрастающего поколения, оздоровление ближайшего окружения детей и подростков и прежде всего условий их семейного воспитания [6, с. 27–29].

Проблема невысокого удельного веса общекриминологической составляющей предупреждения наркотизма осложняется недостаточной эффективностью проводимых профилактических мероприятий, требующих существенного совершенствования. Перед субъектами, осуществляющими профилактику наркотизма, актуально стоит проблема выработки действенных практических рекомендаций. Отмеченные моменты обуславливают необходимость более глубокого исследования всех аспектов данной проблемы и разработки на этой основе комплекса мер социально-экономического, правового характера и иных, направленных на предупреждение преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков [7, с. 37].

В научной литературе выделяется ряд факторов, способных повысить эффективность мер предупреждения незаконного наркопотребления. Наиболее важными среди них выступают заинтересованность, ответственное отношение и сотрудничество школы, семьи, общественности, специалистов в области профилактики, органов внутренних дел и здравоохранения, представителей правительственных и общественных учреждений, частного капитала, СМИ, их осведомленность и компетент-

ность. Меры предупреждения должны охватывать различные сферы общества: учреждения образования, производство, местное сообщество, семью и др. Эффективная профилактическая работа не может быть нацелена лишь на группы риска, ее необходимо адресовать самым широким слоям населения. При этом должны применяться разносторонние подходы к организации работы (распространение информации, формирование жизненно важных навыков, изменение отношений и т. д.), предусматривающие включение профилактической работы в более широкую деятельность по улучшению общего благосостояния и снижению уровня преступности. Действенной может стать лишь долгосрочная профилактика, начинающаяся с детского возраста и заканчивающаяся не раньше наступления совершеннолетия [4, с. 28].

Немаловажным является наличие научно обоснованных в соответствии с социально-культурными особенностями и адаптированных к конкретной территории рекомендаций по проведению профилактических мероприятий. Наиболее часто допускаемой ошибкой проводимых бесед, лекций о вреде потребления наркотиков является ориентация на запугивание аудитории, а не на психическое и физическое здоровье населения, повышение качества жизни и иные общечеловеческие ценности. Помимо общепрофилактических мер, важную роль должно играть внедрение системы личностно-ориентированной профилактики, основанной на соответствующей материальной базе, обеспеченной специалистами, имеющими высококачественную подготовку. Факторами предупреждения наркотизма среди молодежи являются обучение родителей и привлечение их к профилактике, вовлечение самих подростков и молодых людей в профилактическую деятельность [4, с. 29].

Рассматривая конкретные меры по совершенствованию предупреждения незаконного оборота и потребления наркотиков, отметим значительную роль антинаркотической пропаганды в сети Интернет. В этой связи в качестве своевременных можно отметить инициативу Министерства внутренних дел по созданию интерактивного информационного ресурса romogut.by, направленного на оказание помощи наркозависимым и профилактику наркомании среди подростков, а также проекта #наркоконтроль на интернет-портале perexvat.bel, направленного на оказание помощи со стороны людей, занимающих активную гражданскую позицию [3].

Важнейшим направлением профилактики является борьба с распространением информации, популяризирующей употребление наркотиков. Наряду с мерами уголовно-правового воздействия, борьбу с пропагандой наркотиков необходимо осуществлять и посредством проведения активной антинаркотической пропаганды и соответствующего воспитания. Необходимо создавать произведения культуры, искусства и кинематографии, формирующие негативное отношение в обществе к наркомании и связанным с ней правонарушениям, принимать меры по исключению сцен употребления наркотиков из кинофильмов, произведений литературы и других видов искусства. Необходимо значительно активизировать мероприятия по организации действенной государственной поддержки массовых видов спорта и созданию условий для вовлечения детей и подростков в систематические занятия физической культурой и спортом по месту жительства [5, с. 192]. Представляется, что реализация отмеченных предложений позволит повысить эффективность предупреждения незаконного оборота наркотиков.

Л и т е р а т у р а

1. Харевич, Д. Л. Наркоситуация в Беларуси и в мире: сравнительный анализ / Д. Л. Харевич // Юстыця Беларусі. – 2005. – № 9. – С. 49–51.

2. Шилов, П. С. Противодействие незаконному обороту курительных смесей в Республике Беларусь / П. С. Шилов, Д. Л. Харевич // Сб. науч. работ студентов Респ. Беларусь «НИРС 2011» / редкол.: А. И. Жук (пред.) [и др.]. – Минск : Издат. центр БГУ, 2012. – С. 446–447.
3. Обзор наркоситуации в республике за 2017 год / М-во внутр. дел. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=254653>. – Дата доступа: 09.05.2018.
4. Пособие по профилактике потребления психоактивных веществ / П. Кук [и др.]. – Минск, 2006. – 112 с.
5. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В. А. Ананич [и др.]; под общ. ред. В. А. Ананича. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 385 с.
6. Шабанов, В. Б. Социальная работа с несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы (организационно-правовые аспекты) : монография / В. Б. Шабанов, А. Л. Сантасов, Е. О. Лукьянчук ; под ред. В. Б. Шабанова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 87 с.
7. Легенченко, Н. А. Некоторые особенности исследования криминологической характеристики преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков / Н. А. Легенченко // Проблемы совершенствования деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров : тез. докл. межведомств. науч.-практ. конф., Минск, 22 окт. 2010 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – С. 34–37.

УДК 355/359(075)

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ НЕСЕНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ИЛИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНОГО КОНТРОЛЯ

П. И. Койта

*начальник сектора управления собственной безопасности Государственного
пограничного комитета Республики Беларусь, г. Минск*

Наряду с организационными и воспитательными мерами в поддержании правопорядка в органах пограничной службы Республики Беларусь немаловажное значение имеют и средства уголовно-правового воздействия. Так, нарушение правил несения пограничной службы и осуществления пограничного контроля, в силу присущей данным нарушениям общественной опасности, влекут уголовную ответственность по ст. 453 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (УК РБ) [1].

Данная уголовно-правовая норма трансформировалась параллельно с развитием белорусского уголовного законодательства. Так, формальный состав части первой, который был в ст. 245 УК РБ (1960 г.) и в ст. 453 УК РБ (1999 г.), в 2015 г. стал формально-материальным. В настоящее время нарушение правил несения пограничной службы или осуществления пограничного контроля лицом, входящим в состав наряда по охране Государственной границы Республики Беларусь, влечет уголовную ответственность лишь при условии создания такими действиями реальной угрозы наступления последствий, для предупреждения которых назначен данный наряд, либо повлекшее такие последствия. Существовавший ранее формальный состав существенно затруднял квалификацию и осложнял отграничение нарушения, являющегося преступлением, от дисциплинарного проступка.

Наиболее распространенными нарушениями правил несения пограничной службы и осуществления пограничного контроля являются самовольное прекращение исполнения службы, отвлечение от службы иными занятиями, невнимательность, непринятие мер к пресечению правонарушений на государственной границе, несообщение о замеченном нарушителе, ведение переговоров или обмен предметами с гражданами сопредельного

государства и др. В качестве обязательного признака объективной стороны части первой статьи является причинная связь между допущенным нарушением и реальной угрозой наступления последствий, для предупреждения которых назначен пограничный наряд. Подобный признак объективной стороны присущ исключительно рассматриваемому составу преступления и не характерен для иных статей Особенной части УК РБ. В то же время критерии определения реальности существующей угрозы в законодательстве отсутствуют, что является основной причиной субъективизма при квалификации. Например, можно ли квалифицировать как уголовно-наказуемое нарушение невыход пограничного наряда к назначенному месту несения службы, когда не установлено, что в период, когда он должен был выполнять свои обязанности, нарушений законодательства о государственной границе не только не допущено, но и отсутствуют сведения, что они в принципе планировались. В настоящее время в правоприменительной практике органов пограничной службы Республики Беларусь подобные нарушения квалифицируются как дисциплинарный проступок, хотя угроза наступления негативных последствий при указанных обстоятельствах несомненно имеется, но она является потенциальной. Реальность же такой угрозы связана с действиями конкретного лица либо иными событиями, которые существуют в действительности, а их наступление и вредные последствия напрямую связаны с нарушением, допущенным пограничным нарядом и очевидны.

В качестве тяжких последствий, указанных в части второй, следует признавать вторжение на территорию Республики Беларусь незаконного вооруженного формирования, нападение на пограничную заставу, пропуск через границу оружия или иных предметов контрабанды, гибель людей и т. п. [2].

Диспозиция ст. 453 УК РБ бланкетная, нормативными правовыми актами в которых содержатся понятия «пограничная служба» и «осуществление пограничного контроля», правилами их осуществления являются Закон Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419 «О Государственной границе Республики Беларусь», Инструкция о порядке охраны Государственной границы Республики Беларусь пограничным нарядом и Устав о порядке охраны Государственной границы Республики Беларусь в пунктах пропуска [3].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом или небрежностью, отношение к последствиям характеризуется умышленной или неосторожной виной.

Субъект преступления специальный – военнослужащий органов пограничной службы Республики Беларусь, входящий в состав наряда по охране Государственной границы Республики Беларусь и получивший приказ на охрану Государственной границы Республики Беларусь.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419 «О Государственной границе Республики Беларусь» участие в охране Государственной границы Республики Беларусь принимают и иные государственные органы в соответствии с их компетенцией. На регулярной основе участие в охране государственной границы, в том числе и в составе пограничных нарядов, принимают военнослужащие Вооруженных Сил Республики Беларусь и Внутренних войск МВД Республики Беларусь, а сотрудники таможенных органов с 2019 г. в отдельных пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь фактически заменяют пограничников и будут в полном объеме осуществлять мероприятия пограничного контроля в отношении граждан, пересекающих государственную границу. При этом в соответствии с примечанием к гл. 37 УК РБ субъектом рассматриваемого преступления кроме военнослужащего органов пограничной службы Республики Беларусь, может являться только военнослужащий Вооруженных Сил Республики Беларусь или Внутренних войск МВД Республики Беларусь, т. к. только на данных лиц распространяется статус военнослужащего. Действия же сотрудников таможенных органов, органов внутренних дел и иных государственных органов при наруше-

нии ими правил несения пограничной службы и осуществления пограничного контроля должны квалифицироваться по признакам преступлений, предусмотренных гл. 35 УК РБ «Преступления против интересов службы».

В то же время существующие нормы об уголовной ответственности за нарушение правил несения пограничной службы и осуществления пограничного контроля (ст. 453 УК РБ), превышение и злоупотребление служебными полномочиями, бездействие власти (ст. 455 УК РБ) не позволяют привлечь к ответственности лицо, не участвующее в несении пограничной службы либо не относящееся к категории должностных лиц, но владеющее информацией об организации охраны государственной границы и неправомерно передающее ее третьим лицам.

Например, любой военнослужащий органов пограничной службы, до получения приказа на охрану государственной границы либо не исполняющий в данный момент обязанности в пограничном наряде, с учетом осуществляемой им служебной деятельности владеет информацией о расстановке пограничных нарядов, функционировании технических средств охраны границы и т. д. При этом, даже в случае доказанного факта передачи ими такой информации посторонним лицам, в том числе имеющим цель ее использовать для совершения правонарушений на Государственной границе, привлечь военнослужащего к иной, кроме дисциплинарной, ответственности, при отсутствии сведений о совершении должностного преступления на практике невозможно.

По нашему мнению, адекватной мерой реагирования на подобные факты явилось бы введение уголовной ответственности за разглашение информации об организации охраны государственной границы, что с нашей точки зрения, может быть реализовано путем дополнения УК РБ статьей следующего содержания: «Умышленное разглашение сведений об организации охраны государственной границы лицом, которому эти сведения стали известны в связи с его служебной деятельностью, создавшее реальную угрозу нарушения законодательства Республики Беларусь о Государственной границе, либо повлекшее такое нарушение при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 373, 374, 375 и 453 настоящего Кодекса».

Л и т е р а т у р а

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Нк9900275>. – Дата доступа: 12.04.2018.
2. Уголовная ответственность за воинские преступления (военно-уголовное законодательство Республики Беларусь) : учеб.-практ. пособие / В. В. Лосев ; под общ. ред. В. С. Яловича. – Минск : Техноложия, 2002. – 141 с.
3. О Государственной границе Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 419-З ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 янв. 2015 г. – Режим доступа: <http://gpk.gov.by/zakonodatelstvo/laws/20219/>. – Дата доступа: 12.04.2018.

УДК 343.546

ПОЛОВЫЕ СНОШЕНИЯ И ИНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА С ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Е. В. Кондратенко

*старший следователь Добрушского районного отдела
Следственного комитета Республики Беларусь, старший лейтенант юстиции*

Преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, представляют собой преступные действия сексуального характера, которые могут осуществляться с применением насилия или угрозами, так и без применения насилия.

Особое внимание заслуживают преступления ненасильственного характера, в ходе расследования которых необходимо всесторонне исследовать личность потерпевшего и подозреваемого лица.

На наш взгляд, диспозиция ст. 168 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) требует внесения в нее изменений с учетом происходящих в обществе перемен, отражающихся на нормах морали и нравственности.

Чтобы привести действующее законодательство в соответствие с сегодняшними представлениями об общественной опасности деяний, совершаемых в половой сфере, необходимо внести изменения в ст. 168 УК РБ.

Так, предлагаем внести в ст. 168 УК РБ следующие изменения:

1) диспозицию ч. 1 ст. 168 изложить в следующей редакции: «Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершаемые лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим шестнадцатилетнего возраста и заведомо не достигшим половой зрелости, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 настоящего Кодекса...»;

2) часть 2 ст. 168 изложить в следующей редакции: «Половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершаемые лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим четырнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 настоящего Кодекса...»;

3) существующую сегодня ч. 2 ст. 168 преобразовать в ч. 3 ст. 168 УК РБ и изложить в следующей редакции: «Действия, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные настоящей статьей, ст. 166 или 167 настоящего Кодекса, либо лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию, содержанию, обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо группой лиц...»;

4) также необходимо внести примечание к данной статье следующего содержания: «Лицо, впервые совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 или 2 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности за данное деяние, если будет установлено, что это лицо и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)». При этом в случае заключения брака до момента обнаружения предусмотренного ст. 168 УК РБ деяния исключить проведение проверок по факту вступления в половую связь с лицом, не достигшим шестнадцати (четырнадцати) лет, если отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК РБ;

5) необходимо разработать методические рекомендации, в которых будут четко указаны понятие половой зрелости и обязательность проведения комплексной судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы для удостоверения факта половой зрелости лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, являются одним из наиболее опасных и распространенных преступлений против подростков. Но при этом необходимо объективно подходить к вопросу возбуждения дел данной категории, особенно в случаях совершения ненасильственных деяний, тщательно исследовав все обстоятельства дела, личности и взаимоотношения вовлеченных лиц. Кроме того, необходимо стремиться предотвратить рост подобных преступлений, для чего следует выполнять в полном объеме все профилактические мероприятия в работе с несовершеннолетними.

УДК 343.98

КОНТРАБАНДА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В. В. Конин

*доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург*

Наркотизация населения в современном мире представляет собою крайне опасное явление для будущего цивилизации, учитывая целевую аудиторию потребления наркотических средств. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, причиняют вред жизни и здоровью не только конкретному потребителю, но и создают негативные последствия как для окружающих, так и для будущего поколения, и тем самым создают реальную угрозу нации. Контрабанда наркотических средств с использованием современных технологий – интернета и криптовалют повышает уровень сложности в выявлении и раскрытии преступлений, установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств за последние годы достаточно хорошо исследована, что подтверждается многочисленными научными публикациями [1, с. 3–175; 2, с. 19–28].

Одним из способов поступления наркотических средств в Российскую Федерацию выступает контрабанда, которая является составной частью незаконного оборота наркотических средств.

Исследуя вопросы контрабанды наркотических веществ на территорию Российской Федерации, Я. Комисарова и А. Шитов, достаточно подробно рассмотрели личность типичного преступника, занимающегося контрабандой наркотических средств и психотропных веществ на территорию Российской Федерации [3, с. 7–10].

В то же время, как показывает практика, криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств и личности преступника нуждается в уточнении и дополнении, с учетом современных условий. Рассмотрим это на конкретном примере.

3 февраля 2018 г. Московским районным судом г. Санкт-Петербурга был вынесен обвинительный приговор в отношении гр-на Г., который был признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4].

В данном случае интерес вызвали следующие элементы криминалистической характеристики контрабанды наркотических средств:

– личность лица, совершившего преступление: как было установлено в ходе предварительного следствия и подтверждено в судебном заседании, Г. воспитывался в полной семье, которую можно отнести к среднему классу, хорошо учился в школе, имея склонность к точным наукам, занимал призовые места на всероссийских школьных олимпиадах по математике и физике, неоднократно путешествовал с родителями и самостоятельно по европейским странам, неплохо владеет иностранным языком, принимал участие в общественной деятельности, успешно закончил высшее техническое учебное заведение. За время учебы зарекомендовал себя как талантливый программист, имеющий склонность к научной деятельности. После окончания вуза работал программистом в организации, занимающейся разработкой новых технологий в сфере программирования. Спиртные напитки не употреблял, не курил. На одной из дискотек в ночном клубе новый случайный знакомый предложил попробовать так называемые «марки» – небольшие кусочки бумаги с нанесенным на них

наркотическим средством LCD-25 (d-лизергид). Впоследствии в ходе судебного разбирательства Г. пояснил, что он обнаружил, что употребление в небольших количествах вышеуказанного наркотического средства повышало работоспособность и позволяло выполнить достаточно большой объем работы без отдыха. Таким образом, он стал эпизодически употреблять наркотическое средство LCD-25 (d-лизергид);

– способ совершения преступления: работая программистом, Г. располагал определенным количеством криптовалюты – биткоинов, которые он создал самостоятельно. Не желая приобретать наркотическое средство у случайных лиц, Г. решил приобрести наркотическое средство LCD-25 (d-лизергид) посредством анонимной интернет-сети DarkNet (Темная сеть), и с этой целью оформил на свое имя заказ на наркотическое средство LCD-25 (d-лизергид), желая приобрести его для личного пользования.

Особое внимание необходимо обратить на анонимную компьютерную интернет-сеть DarkNet. Как справедливо отметил Р. Дремлюга, в указанной сети можно найти все – от оружия до наркотиков. Данная подсеть состоит из интернет-сайтов, которые недоступны с помощью стандартных поисковых систем, таких как Google, Yandex, Rambler. Информация о DarkNet, как правило, недоступна для интернет-сообщества и намеренно спрятана от пользователей обычной сети Интернет (Clearnet – чистая сеть). Пользователей интернет-сети DarkNet практически невозможно отследить в силу организации данной сети, т. е. невозможно отследить место и юрисдикцию, в которой находятся участники данной сети [5, с. 37–38].

Оплата заказанных Г. наркотических средств производилась при помощи пиринговой платежной системы, с использованием криптовалюты «биткоин» в эквиваленте стоимости наркотического средства. Биткоин – ничем не обеспеченная платежная единица электронной платежной системы, основанной на математических вычислениях, и представляет из себя просто записи в специальной базе данных. Количество биткоинов изначально ограничено, и его можно купить либо создать (добыть). Процесс создания биткоина (добычи) называется майнингом.

Оплата какого-либо товара или услуги биткоинами, в отличие от традиционной системы оплаты с использованием банковской системы, не оставляет следов, не позволяет установить участников сделки, отследить пути прохождения средств оплаты. Таким образом, достигается достаточно высокая степень конспирации, делающая на современном этапе и при существующих подходах к раскрытию и расследованию данного рода преступлений невозможным установить основные звенья преступной цепи, а именно – сбытчика наркотического средства, место, где наркотическое средство было произведено и организатора (либо организаторов) преступления. Поскольку преступление носит международный характер, это повышает не только его опасность, но и добавляет существенную сложность в расследовании;

– способ доставки наркотического средства в Российскую Федерацию: заказанное Г. наркотическое средство LCD-25 (d-лизергид) было направлено в адрес заказчика двумя международными почтовыми отправлениями под видом легальных международных почтовых отправлений. Страной отправления, согласно указанных на конверте обратных адресов, значилась Республика Польша. Как пояснил Г., он, делая заказ, не знал, из какой страны придет заказанное наркотическое средство. В ходе расследования по уголовному делу конкретный отправитель международных почтовых отправлений с вложенным наркотическим средством LCD-25 (d-лизергид) установлен не был.

В данном случае не сработала связка оперативный работник (выявленное преступление) – следователь (возбужденное уголовное дело по факту контрабанды нар-

котических средств) – прокурор (как субъект международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства). Следователь и сотрудники оперативных аппаратов правоохранительных органов, ссылаясь на международный характер преступления и, соответственно, на повышенную сложность в расследовании, ограничились тем, что Г., являвшийся конечным звеном в цепи контрабанды наркотических средств, признал свою вину в совершенном преступлении, оказывал содействие в расследовании, уголовное дело по его обвинению было расследовано в достаточно короткий срок и направлено в суд для рассмотрения по существу, а прокурор не считал необходимым выходить на уровень международного сотрудничества.

Фактом, существенно осложняющим борьбу с преступлениями, носящими международный характер, является то обстоятельство, что, несмотря на то что российским специальным службам о существовании интернет-сети DarkNet давно известно как о лидере по распространению наркотических средств и психотропных веществ, указанная интернет-сеть до сих пор остается «черной дырой», которая не позволяет предотвращать либо поставить под контроль совершаемые посредством этой сети преступления.

Таким образом, на основе анализа материалов уголовного дела следует сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств и сильнодействующих веществ должна быть уточнена и дополнена в части характеристики лица, совершившего преступление, в части использования анонимной интернет-сети DarkNet (Темная сеть) для совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, в части оплаты заказанного наркотического средства посредством пиринговой платежной системы с использованием криптовалюты «биткоин», в части доставки наркотического средства на территорию Российской Федерации под видом обычного международного почтового отправления, в части необходимости оперативного реагирования и подключения иностранных (в том числе международных) правоохранительных органов к проверке информации о возможных соучастниках контрабанды наркотических средств.

Подобное дополнение криминалистической характеристики контрабанды наркотических средств позволит в определенной мере устранить дефицит исходной информации на этапе доследственной проверки при выявлении преступления и на первоначальном этапе расследования.

Л и т е р а т у р а

1. Безруких, Е. С. Особенности взаимодействия следователя и оперативного работника на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. С. Безруких. – Калининград, 2003. – 219 с.
2. Психоактивные вещества синтетического происхождения как предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: некоторые аспекты противодействия их распространению / О. П. Грибунов [и др.] // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та М-ва внутр. дел России. – 2015. – № 4 (75). – С. 19–27.
3. Комиссарова, Я. В. К вопросу о личности типичного преступника, осуществляющего контрабанду наркотических средств и психотропных веществ / Я. В. Комиссарова, А. А. Шитова // Рос. следователь. – 2017. – № 7. – С. 7–10.
4. Уголовное дело № 1-127/2018 по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 229¹, ч. 1 ст. 229¹ УК РФ / Архив Моск. район. суда г. Санкт-Петербурга.
5. Дремлюга, Р. И. Незаконный оборот наркотиков в DarkNet: угрозы и вызовы правоохранителю / Р. И. Дремлюга // Наркоконтроль. – 2017. – № 2 (47). – С. 37–40.

УДК 343.43

К ВОПРОСУ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОБРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РАБСТВО ИЛИ ПОДНЕВОЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Е. А. Коротич

*доцент кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, Республика Беларусь*

Проблема создания надлежащих правовых оснований для противодействия рабству, подневольному состоянию, различным формам эксплуатации человека находится в центре внимания отдельных государств и мирового сообщества в целом достаточно давно. По словам специалистов в области международного права, именно рабство стало «первой проблемой в области прав человека, вызвавшей серьезную международную обеспокоенность» [1, с. 27]. И хотя первые международные правовые акты, непосредственно запрещающие указанные архаичные формы отношения к человеку, были приняты лишь в XX в. (Конвенция о рабстве 1926 г., Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и обычаев, сходных с рабством, 1956 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и др.), контуры сотрудничества государств в сфере противодействия рабству, подневольному состоянию, работорговле были обозначены еще в XIX в.

Несмотря на предпринимаемые как на международном, так и на внутригосударственном уровнях меры по искоренению и противодействию рабству, подневольному состоянию, эти формы противоправного обращения с человеком, к сожалению, не вошли в архив истории и в настоящее время. Более того, по данным ООН, на пороге XXI в. в мире насчитывалось более 200 млн человек [1, с. 29], оказавшихся в состоянии рабства и подвергшихся той или иной форме эксплуатации. Безусловно, указанная цифра не является результатом строгого статистического обобщения, что объясняется и высоким уровнем латентности исследуемого явления, и множественностью субъектов такого обобщения, и, наконец, отсутствием в международном праве строгих критериев демаркации рабства и сопряженных с ним явлений. Тем не менее сообщения средств массовой информации, а также результаты специальных исследований, проводимых как учеными, так и неправительственными организациями, определенно указывают на то, что число лиц, оказавшихся в состоянии рабства, подвергшихся той или иной форме эксплуатации, является достаточным, чтобы заключить о тенденции «архаизации и деградации трудовых и в целом всех общественных отношений» [2, с. 64].

В контексте сказанного видится не случайным появление в 2008 г. в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) ст. 181¹, предусматривающей ответственность за использование рабского труда. Помимо собственно трудовой эксплуатации лиц, оказавшихся в состоянии рабства, содержанием противоправности данного преступления охватываются и иные формы незаконного принуждения человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством, на что непосредственно указывает формулировка ч. 1 ст. 181¹ УК РБ («иная форма эксплуатации человека»), а также содержание понятия «эксплуатация» в примечании к ст. 181 УК РБ.

Признавая рациональность реализованного в ст. 181¹ УК РБ подхода, следует тем не менее обратить внимание на некоторую логическую непоследовательность законодательного решения в данной области. Для того чтобы использовать труд человека, находящегося в рабском (подневольном) состоянии, необходимо создать такого рода состояние, т. е. обратить потерпевшего в рабство. Примечательно, что в уголовно-правовой доктрине (отечественной и зарубежной) неоднократно высказывалось суждение о целесообразности закрепления в отдельной норме УК ответственности за обращение человека в рабство или подневольное состояние. Опыт криминализации данного деяния известен и уголовному законодательству ряда зарубежных государств (ст. 140 УК Аргентины, § 225 УК Норвегии, ч. 2 § 104 УК Австрии).

Как показывают данные СМИ, способом завладения человеком в целях его эксплуатации в ряде случаев является совершение действий, связанных с торговлей людьми или похищением человека, которые криминализированы уголовным законом Республики Беларусь в качестве самостоятельных посягательств на личную свободу (ст. 181, 182 УК РБ). Однако, как представляется, связь указанных преступлений с обращением человека в рабство или подневольное состояние, равно как и удержанием потерпевшего в таком состоянии, весьма опосредованная и не позволяет охватить все возможные способы «порабощения» человека. Определенный интерес представляет точка зрения российских ученых Л. Л. Кругликова и Е. А. Кисловой, по мнению которых обращение человека в рабство, являющееся «первичным звеном» в «цепочке работорговли», целесообразно рассматривать в качестве «относительно самостоятельной формы преступления» [3, с. 121, 120].

Поскольку совершение указанного выше деяния, как правило, не является самоцелью поведения виновного лица, оно лишь создает необходимые условия для незаконного использования потерпевшего в целях извлечения выгоды (эксплуатации человека), можно заключить о наличии тесной связи между обращением человека в рабство или подневольное состояние и его последующей эксплуатацией, в связи с чем представляется более рациональным обе формы противоправного поведения предусмотреть в рамках единого уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 181¹ УК РБ.

Вместе с тем следует учитывать, что в практическом отношении способом обращения человека в рабство или подневольное состояние в некоторых случаях, действительно, может быть совершение преступлений, предусмотренных ст. 181 и 182 УК РБ. В контексте сказанного для исключения возможной конкуренции признаков предлагаемого уголовно-правового запрета с признаками торговли людьми и похищения человека видится целесообразным исключить из сферы действия ч. 1 ст. 181¹ УК РБ те деяния, которые содержат признаки преступлений, предусмотренных ст. 181 и 182 УК РБ.

Следует отметить, что предлагаемый к закреплению в диспозиции ч. 1 ст. 181¹ УК РБ негативный признак должен относиться исключительно к определению сущности такого деяния, как обращение человека в рабство или подневольное состояние: он позволит акцентировать внимание правоприменителя на то, что действием ст. 181¹ УК РБ охватываются любые иные, нежели торговля людьми или похищение человека, способы поставления лица в состояние рабства или подневольное положение.

Помимо дополнения ст. 181¹ УК РБ указанной формой совершения преступления, видится целесообразным конкретизировать содержание таких понятий, как рабство и подневольное состояние, например, в специальном акте официального судебного толкования. Основой для такого рода конкретизации может служить международно-правовое понимание признаков указанных явлений, зарубежный законодательный опыт, а также эмпирические данные (сообщения средств массовой

информации, материалы уголовных дел), обобщение которых позволяет предложить следующее определение названных явлений:

а) *рабство* представляет собой состояние человека, в отношении которого осуществляются все или некоторые правомочия, присущие праву собственности, и который, пребывая в полной зависимости от другого лица, лишается возможности свободного перемещения и подвергается различным формам эксплуатации;

б) *подневольное состояние* – это зависимое положение человека, который в силу долговой кабалы, крепостного состояния либо применения к нему иных институтов и обычаев, сходных с рабством, вынужден безвозмездно или за незначительное вознаграждение выполнять работу (оказывать услугу), не являющуюся предметом его свободного выбора и средством удовлетворения его личных (индивидуально значимых) потребностей и интересов.

Литература

1. Матвеева, Т. Рабство в XXI веке / Т. Матвеева // Междунар. жизнь. – 2002. – № 2. – С. 27–37.
2. Тринчук, В. М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. М. Тринчук. – Омск, 2006. – 224 л.
3. Кислова, Е. А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Кислова. – М., 2005. – 170 л.

УДК 343.3/7

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА СЛУЖЕБНЫЙ ПОДЛОГ

С. Г. Кухарёнок

*начальник отдела по расследованию преступлений против собственности
следственного управления Следственного комитета
Республики Беларусь по Минской области, подполковник юстиции*

Уголовная ответственность лиц, на которых распространяется статус военнослужащего, за воинские должностные преступления: злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий, умышленное бездействие власти – предусмотрена ст. 455 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ).

В то же время диспозиция ст. 455 УК РБ не содержит такой вид военнo-должностного преступления, как служебный подлог, аналогичный предусмотренному в диспозиции ст. 427 УК РБ.

По мнению В. В. Лосева, необходимо разграничивать такие должностные преступления, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, а равно превышение их (ст. 455 УК) и служебный подлог (ст. 427 УК РБ). Если все действия должностного лица заключались лишь во внесении заведомо ложных сведений и записей в официальные документы либо подделке документов, либо составлении и выдаче заведомо ложных документов, и при этом оно действовало из корыстной или иной личной заинтересованности, содеянное квалифицируется только как служебный подлог по ст. 427 УК РБ [1, с. 16–17].

А. В. Барков считает, что «поскольку служебный подлог не предусмотрен в гл. 37 УК как самостоятельное воинское преступление, то применению подлежит общая норма – ст. 427» [2, с. 1021].

Аналогичных подходов придерживались и в теории советского уголовного права. Так, Е. М. Самойлов указывал, что «если действия (бездействие) воинского должностного лица подпадают под признаки иного должностного преступления, предусмотренного специальной статьей Уголовного кодекса, либо под признаки другого преступления, совершенного с противоправным использованием служебного положения (получение взятки, должностной подлог, хищение путем злоупотребления служебным положением и т. п.), ответственность наступает на общих основаниях, и содеянное должно квалифицироваться не по ст. 24 Закона (ст. 260 Уголовного кодекса РСФСР), а по соответствующей статье Уголовного кодекса, предусматривающей это преступление» [3, с. 133]. В данном случае автором имелся в виду Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления».

Поддерживая точку зрения вышеуказанных ученых и исследователей, приходится констатировать, что на практике действия военнослужащих, совершивших служебный подлог, не повлекший общественно опасных последствий, перечисленных в диспозиции ст. 455 УК РБ, квалифицировать по ст. 427 УК РБ не представляется возможным, поскольку в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК РБ)» субъектом преступлений, предусмотренных (ст. 424–428 УК РБ), совершенных в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, могут быть только должностные лица, не относящиеся к категории военнослужащих, а также военнообязанных во время прохождения сборов.

Возникшая с учетом указанного разъяснения Пленума Верховного суда Республики Беларусь коллизия норм уголовного закона и сложившаяся в связи с этим правоприменительная практика фактически позволяют избегать привлечения к уголовной ответственности за совершение служебного подлога в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должностных лиц, на которых распространяется статус военнослужащего, что противоречит принципам уголовного закона и уголовной ответственности. Кроме того, это создает условия для сокрытия в войсках преступлений иных категорий (хищений, преступлений против порядка пользования военным имуществом, халатного отношения к службе и др.), подрывает установленный порядок прохождения воинской службы и, в частности, правильную деятельность органов военного управления.

Необходимо отметить, что действовавшая до внесения соответствующих изменений (до 4 августа 2009 г.) редакция ст. 455 УК РБ позволяла привлекать военнослужащих (должностных лиц), совершивших служебный подлог, к уголовной ответственности по ч. 1 названной статьи УК РБ, квалифицируя данное преступление как злоупотребление служебными полномочиями, при условии, если такое деяние совершалось систематически, либо из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, либо по мотивам расовой или национальной вражды или розни.

С учетом внесенных Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности» в ч. 1 ст. 455 УК РБ изменений и дополнений, для наличия в действиях указанных должностных лиц, совершивших служебный подлог, состава злоупотребления служебными полномочиями необходимо, чтобы они повлекли наступление вредных последствий: причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Актуальность изложенной проблемы привлечения к уголовной ответственности военнослужащих за совершение служебного подлога обусловлена тем, что следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь, специализирующимися на расследовании преступлений против порядка исполнения воинской службы, принимаются к производству уголовные дела в отношении военнослужащих – должностных лиц, совершавших служебные подлоги с целью сокрытия недостачи денежных средств или военного имущества, образовавшейся в той или иной воинской части в результате хищения либо умышленного или халатного нарушения ими финансовой дисциплины, т. е. из корыстной и иной личной заинтересованности. Однако имеющаяся в связи с несовершенством законодательства конкуренция норм УК РБ и вышеназванного постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь не позволяет привлекать данных лиц к уголовной ответственности по ст. 427 УК РБ за совершение служебного подлога.

Так, тот же В. В. Лосев, отмечая отдельные недостатки криминализации воинских преступлений начальников и должностных лиц против интересов службы, констатирует, что «для военнослужащих – начальников и должностных лиц – служебный подлог, даже совершенный из корыстной или иной личной заинтересованности, квалифицируется сейчас не как преступление, а как дисциплинарный проступок» [4, с. 39].

Приговором Минского межгарнизонного военного суда от 7 июня 2013 г. майор С. осужден по ч. 3 ст. 210 УК РБ к наказанию в виде лишения свободы сроком на четыре года в исправительной колонии в условиях усиленного режима с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью, сроком на пять лет. С. признан виновным в том, что он, занимая должность начальника финансовой службы одной из воинских частей, в период с февраля по 10 июня 2011 г. путем злоупотребления своими служебными полномочиями совершил хищение из кассы воинской части наличных денежных средств в крупном размере, в сумме 9 784 800 р. (здесь и далее суммы денежных средств указаны до деноминации национальной валюты).

Данное уголовное дело находилось в производстве следователя следственного управления УСК Республики Беларусь по Минской области. В ходе его расследования было установлено, что помимо совершения указанного хищения денежных средств в крупном размере майор С. в сентябре 2012 г., с целью сокрытия недостачи в сумме 7 634 490 р., образовавшейся в кассе воинской части вследствие допущенного им нарушения финансовой дисциплины, внес в официальный документ – сводную ведомость № 299 – заведомо ложные сведения о якобы произведенных им выдачах денежного довольствия (наличных денежных средств) двум военнослужащим части, собственноручно учинив вместо них подписи об их получении. Однако обвинение С. по ч. 1 ст. 427 УК РБ по этому факту служебного подлога не предъявлялось в связи с наличием указанного разъяснения Пленума Верховного суда Республики Беларусь [5].

С учетом изложенного, по нашему мнению, в постановление Пленума Верховного суда от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК РБ)» необходимо внести изменения, изложив п. 10 в следующей редакции: «Обратить внимание судов, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 424–426, 428 УК РБ, совершенных в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, могут быть только должностные лица, не относящиеся к категории военнослужащих, а также военнообязанных во время прохождения сборов».

Данные изменения будут способствовать правильному и единообразному применению уголовного законодательства в ходе расследования и при рассмотрении

уголовных дел о преступлениях против интересов службы, а также позволят привлекать должностных лиц, на которых распространяется статус военнослужащего, совершивших служебный подлог, к уголовной ответственности по ст. 427 УК РБ.

Л и т е р а т у р а

1. Уголовная ответственность за воинские преступления (военно-уголовное законодательство Республики Беларусь) : учеб.-практ. пособие / В. В. Лосев ; под общ. ред. В. С. Яловики. – Минск : Тэхналогія, 2002. – 141 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
3. Закон об уголовной ответственности за воинские преступления : коммент. / под ред. А. Г. Горного. – М. : Юрид. лит., 1986. – 160 с.
4. Лосев, В. В. Воинские преступления начальников и должностных лиц против интересов службы: недостатки криминализации и пути их устранения / В. В. Лосев // Законность и правопорядок. – 2017. – № 4. – С. 36–41.
5. Уголовное дело № 12036350005 /Архив Минск. город. суда за 2013–2014 гг.

УДК 343.27

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 243 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

М. Н. Литвин

*начальник отдела процессуального контроля организационно-инспекторского
управления Департамента финансовых расследований Комитета
государственного контроля Республики Беларусь, г. Минск*

Т. П. Афонченко

*доцент кафедры уголовного права и процесса учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Эффективное функционирование социально ориентированного государства и решение лежащих на нем задач невозможно без систематического пополнения бюджета, в первую очередь за счет поступлений, связанных с уплатой налогов и иных установленных законодательством сборов.

К настоящему времени в Республике Беларусь наработана довольно обширная практика выявления преступлений, предусмотренных ст. 243 («Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов») Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ), расследования и рассмотрения в судах уголовных дел о таких преступлениях [1]. Так, согласно сведениям, имеющимся в распоряжении Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, всеми органами уголовного преследования в совокупности в 2017 г. выявлено 412 преступлений рассматриваемой категории (для сравнения, в 2014 г. – 343, 2015 – 485, 2016 – 482). Подавляющее большинство преступлений, направленных на уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (94–95 %) выявлено органами финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [2]. Вместе с тем до настоящего времени в практике правоприменительной деятельности не выработано единых подходов к ре-

шению отдельных проблем квалификации преступлений, подпадающих под действие ст. 243 УК РБ, наиболее актуальными из которых являются единообразное и точное определение момента, определяющего факт начала уклонения от уплаты сумм налогов, сборов и создающего основания для привлечения виновного к ответственности, а также установление (расчет) размера ущерба, причиненного рассматриваемым деянием. Зачастую именно определение названного момента имеет решающее значение не только для правильной квалификации действий обвиняемого по соответствующей части ст. 243 УК РБ, но также существенно влияет на принятие решения о наличии (отсутствии) в его действиях признаков состава преступления в целом.

Так, вызывает дискуссии вопрос об окончании преступного деяния, при решении которого рядом следственных подразделений практикуется следующий подход: моментом окончания преступления признается день представления налоговой декларации (расчета) за соответствующий отчетный период, в котором имели место действия, направленные на уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (например: принятие к учету фиктивных первичных учетных документов, искажение сведений о величине налоговой базы и т. п.) либо день истечения срока представления налоговой декларации (расчета) за соответствующий отчетный период (в случае уклонения от представления названных документов). Ориентируясь на указанные даты определяется также размер базовой величины, подлежащий применению для целей определения размера причиненного преступлением ущерба.

Вместе с тем существует также мнение о том, что моментом окончания преступления, связанного с уклонением от уплаты сумм налогов, сборов, признается день истечения срока подачи налоговой декларации (расчета) за соответствующий налоговый период, и на эту же дату следует определять подлежащий применению размер базовой величины.

Отметим, что согласно примечанию к ст. 243 УК РБ, ответственность по ч. 1 указанной статьи наступает в случае причинения ущерба на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, по ч. 2 той же статьи – в две тысячи пятьсот и более раз превышающую размер такой базовой величины.

В соответствии с положениями ст. 12 УК РБ преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 243 УК РБ относится к категории менее тяжких, а предусмотренное ч. 2 той же статьи – к категории тяжких.

С научно-теоретической точки зрения, уклонение от уплаты сумм налогов, сборов – преступление длящееся, характеризующееся возникновением преступного состояния. Как отмечается в литературе, длящееся преступление начинается с совершения какого-либо преступного действия или с акта преступного бездействия и оканчивается вследствие действия самого лица, направленного на прекращение преступного состояния (например, уплата сумм налогов, сборов) или возникновения ситуации, препятствующей дальнейшему совершению преступления (выявление факта преступления и привлечение лица к ответственности), или вследствие отпадения обязанности, невыполнение которой образует данное преступление (например, вследствие изменения действующего законодательства) [3, с. 103, 222]. Исходя из этого, концептуально более верным представляется говорить не столько об окончании преступления, сколько о моменте возникновения преступного состояния, т. е. о наличии правового и фактического оснований, позволяющих привлечь виновного к ответственности.

Тем не менее окончательной ясности в данном вопросе не позволило достичь и принятие Пленумом Верховного суда Республики Беларусь постановления

от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК РБ)». Так, п. 4 указанного акта определяет, что преступление, предусмотренное ст. 243 УК РБ, признается оконченным со дня фактической неуплаты сумм налога, сбора за соответствующий налоговый период в срок, установленный налоговым законодательством [4].

Представляется целесообразным предпринять попытку на основе анализа положений налогового законодательства более детально разобраться в данном вопросе и высказать на предмет его разрешения авторскую точку зрения.

Диспозиция ст. 243 УК РБ содержит четыре альтернативных способа совершения преступления: сокрытие налоговой базы; умышленное занижение налоговой базы; уклонение от представления налоговой декларации (расчета); внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений.

Установление любого из закрепленных в диспозиции статьи способов позволяет констатировать наличие объективной стороны состава рассматриваемого преступления.

Первые два из указанных способов представляют собой манипулирование сведениями о налоговой базе, определение которой дано в ч. 1 ст. 41 Налогового кодекса Республики Беларусь (НК РБ) [5]. Так, согласно ч. 1 ст. 41 НК РБ налоговая база представляет собой стоимостную, физическую или иную характеристику объекта налогообложения. Налоговая база устанавливается применительно к каждому налогу, сбору (пошлине).

При этом следует иметь в виду, что в ч. 1 ст. 42 НК РБ определено, что под налоговым периодом понимается календарный год или иной период времени, определяемый применительно к каждому конкретному налогу, сбору (пошлине), по окончании которого определяется налоговая база и исчисляется сумма этого налога, сбора (пошлины). Налоговый период может состоять из нескольких отчетных периодов. Согласно ст. 108 и 143 НК РБ налоговым периодом по налогу на добавленную стоимость (НДС) и по налогу на прибыль признается календарный год, отчетным – календарный месяц или календарный квартал. Иными словами, понятие налоговой базы, согласно положениям НК РБ, неразрывно связано с понятием налогового периода. Величина налоговой базы определяется по итогам налогового периода. Из изложенного выше следует вывод, что уклонение от уплаты сумм налогов, сборов путем сокрытия или умышленного занижения налоговой базы может считаться оконченным только по истечении соответствующего налогового периода. Вместе с тем два других указанных в диспозиции ст. 243 УК РБ способа совершения рассматриваемого преступления связаны с уклонением от представления налоговой декларации (расчета) либо с внесением в нее заведомо ложных сведений. Следует отметить, что уклониться от уплаты сумм налогов, сборов путем сокрытия и занижения налоговой базы невозможно без умышленного уклонения от представления налоговой декларации (расчета) либо внесения в нее заведомо ложных сведений.

Частью 2 ст. 42 НК РБ определено, что на плательщиков (иных обязанных лиц) может возлагаться обязанность по исчислению и уплате налога до начала либо в течение налогового, отчетного периодов. Подпунктом 1.4 п. 1 ст. 22 НК РБ установлена обязанность плательщика в порядке и случаях, установленных законодательством, представлять налоговые декларации (расчеты) и другие документы, сведения, необходимые для исчисления, уплаты и взыскания налогов, сборов.

По общему правилу, установленному в ч. 2 ст. 63 НК РБ, налоговая декларация (расчет) представляется каждым плательщиком (иным обязанным лицом), по каждому налогу, сбору (пошлине), в отношении которых он признан плательщиком, и при

наличии объектов налогообложения в налоговом периоде, если иное не установлено НК РБ или иными актами налогового законодательства.

По налогам, сборам, исчисляемым нарастающим итогом с начала налогового периода (*в том числе по налогу на добавленную стоимость и по налогу на прибыль*), налоговая декларация (расчет) представляется за отчетный период, в котором возник объект налогообложения, а также за все последующие отчетные периоды этого налогового периода, если иное не установлено налоговым законодательством. Кроме того, ч. 3 п. 1 ст. 42 НК РБ установлено, что под отчетным периодом (*за исключением единого налога*) понимается период времени, по результатам которого плательщики обязаны представить в налоговый орган налоговые декларации (расчеты) и (или) другие документы и сведения, необходимые для исчисления и уплаты налогов, сборов.

Статьями 108 и 143 НК РБ установлена обязанность по представлению в налоговый орган налоговых деклараций (расчетов) по указанным выше НДС и налогу на прибыль не позднее 20-го числа месяца, следующего за отчетным, а также уплатить соответствующий налог не позднее 22-го числа этого месяца.

При этом следует учитывать, что диспозиция ст. 243 УК РБ содержит в первую очередь указание на уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, которое представляет собой совершение комплекса взаимосвязанных умышленных действий (бездействия), составляющих суть любого из четырех вышеуказанных способов, с субъективной стороны объединенных конечной целью неуплаты в соответствующий бюджет конкретного налога (сбора). По справедливому утверждению А. Лукашова, активные формы уклонения от уплаты сумм налогов, сборов выражаются в сокрытии налоговой базы; в занижении налоговой базы; во внесении заведомо ложных сведений в налоговую декларацию (расчет). В форме бездействия преступление может быть совершено путем уклонения от представления налоговой декларации (расчета) [6, с. 643–644].

Таким образом, непосредственно уклонение от уплаты налогов, сборов совершается в конкретный отчетный период, когда у лица возникла обязанность уплатить данные суммы. Причем представление деклараций (расчетов) за последующие отчетные периоды с данными нарастающим итогом и итоговой декларацией за налоговый период образует сокрытие совершенного преступления. Из изложенного выше, с учетом требований ч. 3 ст. 11 УК РБ, следует, что моментом возникновения преступного состояния, позволяющего привлечь виновного к уголовной ответственности по ст. 243 УК, надлежит считать *дату истечения срока уплаты соответствующего налога* за конкретный отчетный период, в котором лицо уклонилось от уплаты налогов, сборов. С учетом указанной даты следует определять размер причиненного преступлением ущерба.

Л и т е р а т у р а

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; по состоянию на 18 июля 2017 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Статистические сведения о количестве преступлений, выявленных в Республике Беларусь // Архив Департамента финансовых расследований Ком. гос. контроля Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. А. Бабий [и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.
4. О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК) : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь,

- 26 марта 2015 г. № 1 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. ; одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. ; по состоянию на 18 окт. 2016 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Лукашов, А. Комментарий к статье 243 / А. Лукашов // Науч.-практ. комментарий к Уголов. кодексу Респ. Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

УДК 343.2

**ПРАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ
ПРИНЯТЫХ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕШЕНИЙ
О ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ПРИЗНАНИЯ ДЕЯНИЯ
МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ**

В. В. Марчук

*директор государственного учреждения «Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

Казалось бы, содержание ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) понятно, но, как показывает практика прокурорского надзора по соблюдению законодательства о признании деяния малозначительным, возникают определенные трудности в реализации этой нормы. В определенной степени это связано с критериями определения деяния в качестве малозначительного, которые обусловлены оценочным понятием «существенный вред». Здесь для правоприменителя возникает определенный вопрос, связанный с пределами допустимого усмотрения при оценке существенности вреда. При решении данного вопроса важно обращать внимание на те интересы, права, которые затрагивались в результате совершенного деяния.

Существует вопрос о том, применительно ли ко всем деяниям, ответственность за которые предусмотрена в УК РБ, правомерно ставить вопрос о малозначительности деяния. Правоприменительная практика показывает, что по некоторым категориям дел положения ч. 4 ст. 11 УК РБ не могут быть реализованы. Так в п. 20 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» указано: «Если же будет установлено, что под видом подарка передавалась взятка за использование должностным лицом своих служебных полномочий в интересах лица, вручившего подарок, то содеянное квалифицируется как взяточничество независимо от стоимости предмета взятки». Вместе с тем следует заметить, что уголовный закон таких ограничений не содержит.

Изучение материалов о прекращении уголовных дел по факту признания деяния малозначительным показывает, что во многих случаях выводы по своему содержанию весьма неопределенны. Обычно это проявляется в случаях, когда не было установлено лицо, совершившее соответствующее деяние. При отсутствии данных о подлинном намерении «неустановленного лица» оснований для однозначного вывода о том, что отсутствовал существенный вред, в таких случаях нет. Однако ситуа-

ция неопределенности в таких случаях трактуется в практике в пользу признания содеянного малозначительным.

Существует вопрос и по оценке ситуаций, когда объективно вред был причинен незначительный при наличии обстоятельств, которые в соответствующей статье УК РБ обозначены в качестве квалифицирующих. Это касается, прежде всего, хищений, когда они совершаются повторно, группой лиц либо с проникновением в жилище.

В практике по-разному решается этот вопрос. В частности, возбуждаются уголовные дела при наличии указанных квалифицирующих обстоятельств, несмотря на то что ущерб был незначительным. Возможно, органы предварительного расследования здесь руководствуются положением ч. 4 примечаний к гл. 24 УК РБ о том, что хищение у физического лица не признается мелким на сумму до двух базовых величин, если оно было совершено группой лиц или было сопряжено с проникновением в жилище. Да, согласно закону критерий о двух базовых величинах, проводящий демаркационную линию между уголовной и административной ответственностью, в таких случаях не действует. Но тем не менее и при наличии той же группы лиц вред может быть объективно и субъективно причинен небольшой, иногда просто мизерный.

В уголовно-правовой доктрине некоторые авторы высказали мнение о том, что такие деяния следует признавать малозначительными. Более того, в целях формирования единообразной практики было предложено непосредственно в уголовный закон ввести следующее законодательное суждение: «При оценке деяния малозначительным квалифицирующие признаки составов преступлений, предусмотренных в Особенной части настоящего Кодекса, значения не имеют» [1, с. 65; 2, с. 58–59]. Представляется, что так однозначно решать этот вопрос нет оснований. Дело в том, что указанные обстоятельства, отягчающие ответственность, разные по своему содержанию. К примеру, повторность. Даже если лицо имело судимость и совершает малозначительное деяние, то оно не может лежать в основе признания или непризнания деяния малозначительным, поскольку повторность является характеристикой личности правонарушителя, т. е. деятеля, а не деяния.

Вместе с тем если кража совершена в соисполнительстве, т. е. группой лиц, и вред причинен незначительный и не было намерения похитить много, то положения ч. 4 ст. 11 УК РБ должны применяться. И это подтверждает правоприменительная практика.

Ситуация меняется, если идет речь о краже, сопряженной с проникновением в жилище. Данное преступление по своей структуре является составным, двухобъектным. Помимо отношений собственности, затрагивается конституционная гарантия неприкосновенности жилища. И дело здесь даже не в том, что соответствующее лицо не стремится причинить значительный ущерб собственнику, а в том, что оно без разрешения владельца жилища сознательно вошло в это пространство. И это есть вред существенный.

В этой же плоскости стоит вопрос и об оценке существенного вреда с позиции субъективного критерия оценки деяния в качестве малозначительного. Практика прокурорского надзора показала, что в республике в последнее время по-разному решается вопрос о квалификации похищения мобильных телефонов, стоимость которых составляет свыше двух, но не более десяти базовых величин, находившегося у потерпевшего по договору финансовой аренды, т. е. когда право собственности сохранялось за юридическим лицом, передавшего этот телефон на условиях указанного договора. В одних случаях возбуждались уголовные дела за покушение на хищение имущества физического лица, в других содеянное признавалось административным правонарушением.

Возможно, кто-то отрицает общепринятую в доктрине уголовного права теорию фактических ошибок. Однако ч. 5 ст. 3, ч. 1 ст. 21 и ч. 2 ст. 22 УК РБ никто не отменял. И рассматриваемый вопрос следует решать, строго руководствуясь принципом субъективного вменения. Содеянное должно оцениваться по направленности умысла. Если собственником имущества является юридическое лицо, а похититель считал, что оно принадлежит гражданину, то в соответствии с направленностью его умысла содеянное следует квалифицировать как покушение на соответствующее уголовно-наказуемое хищение. Однако если имущество находилось у гражданина, но похититель считал, что оно является собственностью юридического лица, то содеянное необходимо оценивать как административное правонарушение – мелкое хищение.

Определенные вопросы признания деяния малозначительным возникают и при реализации норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ). Практика прекращения уголовных дел в ситуации признания деяния малозначительным показывает, что в соответствующем уголовно-процессуальном документе в качестве основания прекращения уголовного дела, как правило, указывают на п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК РБ. Но такой подход вызывает сомнения. В таких случаях есть основания констатировать состав преступления. Часть 4 ст. 11 УК РБ гласит: «Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению».

В УПК РБ есть отдельное реабилитирующее основание – «за отсутствием общественно опасного деяния» (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РБ). Заметим, не «события» (как было в ст. 5 УПК РБ 1960 г.), а общественно опасного деяния. Состав преступления связан с признаком уголовной противоправности. И нужно разделять состав преступления как характеристику уголовной противоправности и общественную опасность как самостоятельный признак преступления. Поэтому когда мы говорим о малозначительности, то речь идет о соотношении с общественной опасностью деяния.

Законодательное положение о малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК РБ) с очевидностью показывает, что уголовная противоправность далеко не всегда является «юридическим выражением общественной опасности». То, что запрещено уголовным законом, не всегда может быть признано общественно опасным и, следовательно, быть преступлением. В конкретной правовой ситуации отсутствие у деяния общественной опасности нейтрализует уголовную противоправность [3, с. 32].

Литература

- 1 Саркисова, Э. А. Критерии оценки малозначительного деяния / Э. А. Саркисова // Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего деятельность органов внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. ВШМ МВД РСФСР. – М., 1991. – С. 56–65.
2. Ковальчук, А. В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления / А. В. Ковальчук. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 118 с.
3. Марчук, В. В. Методологические основы квалификации преступления : монография / В. В. Марчук. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 440 с.

УДК 343.593

ХУЛИГАНСТВО КАК АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Л. Е. Можяева

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь

А. С. Можяев

студент 4 курса заочного факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь

Хулиганские действия влекут за собой административную либо уголовную ответственность. В первом случае имеет место состав мелкого хулиганства. Мелкое хулиганство является одним из наиболее распространенных административных правонарушений против общественного порядка. В 2017 г. было совершено 92,6 тыс. случаев мелкого хулиганства [1], что составляет 2,4 % от общего количества выявленных административных правонарушений.

Исходя из диспозиции ст. 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП РБ), под мелким хулиганством следует понимать оскорбительное приставание к гражданам и другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу [14].

Таким образом, мелкое хулиганство – это такое действие, которое характеризуется совокупностью следующих признаков:

- нарушение общественного порядка (некоторые его разновидности указаны в самой статье – оскорбительное приставание к гражданам, нарушение деятельности организаций или спокойствия граждан и другие умышленные действия);
- явное неуважение к обществу.

Относительно других умышленных действий, нарушающих общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающихся в явном неуважении к обществу, необходимо отметить, что подобная формулировка допускает расширенное толкование данного признака мелкого хулиганства.

По признаку других умышленных действий как мелкое хулиганство в правоприменительной практике были квалифицированы следующие деяния: несанкционированное использование петард в местах жилой застройки и скопления граждан; уничтожение и повреждение процессуальных документов лицом, в отношении которого велся административный процесс; умышленное толкание граждан; нудизм; вступление в половую связь на виду у проходящих мимо граждан; действия лица, требовавшего повышения заработной платы работников организации у нанимателя, выразившиеся в баррикадировании дверей кабинета директора организации и разбрасывании листовок с подобными призывами; действия гражданина, умышленно мешающего правомерно осуществляемой видеосъемке; переворачивание мусорных бачков, пачканье дверей, выброс из окна многоэтажного дома посторонних предметов (бутылки, мусорные пакеты и др.); выгул лошадей в зонах отдыха и т. д. Исчерпывающий перечень хулиганских действий сформулировать невозможно ввиду постоянного возникновения новых форм хулиганских проявлений.

Другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан, в обязательном порядке должны выражаться в явном неуважении к обществу. Признак явного неуважения к обществу свойственен и хулиганству как уголовному преступлению. В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства Пленум Верховного суда Республики Беларусь постановил, что явное неуважение к обществу характеризуется заведомым пренебрежением виновным общепринятыми нормами поведения в обществе, активным противопоставлением своей личности интересам общества или отдельных лиц [2, п. 3 ч. 2].

От мелкого хулиганства следует отличать уголовно наказуемое хулиганство, предусмотренное ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ). Данная статья содержит три состава хулиганства: хулиганство (ч. 1) или простое хулиганство, злостное хулиганство (ч. 2) и особо злостное хулиганство (ч. 3). В Республике Беларусь в 2017 г. было выявлено 4 146 случаев хулиганства [1], что составляет 4,8 % от числа зарегистрированных в 2017 г. преступлений.

Хулиганство как преступление представляет собой умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества, либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом [3].

Общими признаками мелкого и уголовно наказуемого хулиганства являются:

- посягательство на общественный порядок;
- проявление явного неуважения к обществу;
- хулиганский мотив.

Таким образом, по форме совершаемых отдельных действий мелкое хулиганство схоже с уголовно наказуемым. Однако их следует различать по специальным признакам.

Прежде всего при мелком хулиганстве отсутствует применение насилия или угрозы его применения либо уничтожение или повреждение чужого имущества. При уголовно наказуемом хулиганстве данные признаки являются обязательными. Ни один из подобных признаков не присущ мелкому хулиганству, которое может выражаться в применении насилия в виде удержания, заграживания выхода из общественного транспортного средства или ином ограничении свободы передвижения другого лица. Данный вид правонарушений не связан с грубым причинением вреда здоровью, законным правам интересам человека с исключительным цинизмом, либо уничтожением или повреждением чужого имущества [4, с. 21]. Поэтому если при совершении хулиганских действий, виновным причинены телесные повреждения или повреждено чужое имущество, подобные действия подлежат квалифицировать исключительно по ч. 1 ст. 339 УК РБ.

Не исключено совершение мелкого хулиганства действиями, направленными на нарушение общественного порядка и являющимися по своему характеру грубыми. Грубое нарушение общественного порядка может выражаться в совершении таких действий, которые повлекли срыв массового мероприятия, временное прекращение нормальной деятельности учреждения, предприятия, общественного транспорта и т. п., а также причинение вреда здоровью, законным правам и интересам человека. Эти деяния могут проявляться в длительном и упорно не прекращающемся нарушении общественного спокойствия, уничтожении или повреждении имущества, избивании потерпевших [2, ч. 1 п. 3]. То есть грубым нарушением общественного порядка признаются лишь такие действия, которые причиняют существенный вред общест-

венному порядку, здоровью, нравственности, законным правам и интересам человека, деятельности предприятий и учреждений.

Вместе с тем грубое нарушение общественного порядка расценивается исключительно как мелкое хулиганство, если отсутствует применение насилия или угроза его применения или уничтожение либо повреждение чужого имущества.

В то же время не являются мелким хулиганством действия, грубо нарушающие общественный порядок и по своему характеру отличающиеся исключительным цинизмом. В 2003 г. в диспозицию ч. 1 ст. 339 УК РФ внесены соответствующие изменения: признак исключительного цинизма получил основание для его самостоятельной квалификации как уголовно наказуемого деяния вне зависимости от того, имеется ли при этом насилие (угроза его применения), или повреждение (уничтожение) имущества. С этого времени действия виновного, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, отличающиеся по своему содержанию одним исключительным цинизмом, составляют состав хулиганства, преследуемого в уголовном порядке.

Исключительный цинизм в составе хулиганства – это проявление в действиях, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, крайне презрительного отношения к основным нравственным ценностям общества. Исключительным цинизмом, в частности, может быть признано проявление бесстыдства, издевательства над больными, престарелыми, лицами, находящимися в беспомощном состоянии, совершение хулиганских действий в условиях общественного или стихийного бедствия, надругательство над обычаями, традициями и т. п. [2, п. 7].

Объектом мелкого хулиганства и хулиганства как уголовного преступления являются общественные отношения, составляющие в своей совокупности общественный порядок. Одинаковым является и субъект – физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Субъективная сторона мелкого хулиганства и хулиганства характеризуется наличием умысла. Очевидно, что выразить явное неуважение к обществу, нарушая общественный порядок, можно только умышленно. Неосторожное проявление такого уважения практически немыслимо.

Мелкое хулиганство относится к числу так называемых «формальных» составов. Совершенные действия включают в себя состав оконченного правонарушения независимо от того, вызвали ли они какие-нибудь дальнейшие последствия или нет. Данное административное правонарушение совершается только с прямым умыслом.

Хулиганство как уголовное преступление может иметь как формальный, так и материальный состав. Для хулиганства с формальным составом характерен только прямой умысел, а с материальным составом – как прямой, так и косвенный умысел.

Признаком субъективной стороны мелкого хулиганства и уголовно-наказуемого хулиганства является мотив действия виновного (побуждения) – хулиганские побуждения. Именно наличие хулиганских побуждений позволяет отграничить мелкое хулиганство от оскорбления и других схожих административных правонарушений, а хулиганство – от схожих уголовных преступлений (умышленное причинение легкого или менее тяжкого телесного повреждения, умышленное уничтожение либо повреждение имущества).

Понятие хулиганского мотива раскрывается в ч. 11 ст. 4 УК РФ: «Под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития» [3]. Другими словами, хулиганские побужде-

ния – это различного рода мотивы, выражающие демонстративное пренебрежение к обществу, людям, нормам поведения.

Л и т е р а т у р а

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163>. – Дата доступа: 20.05.2018.
2. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 // Нац. интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.05.2018.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобрен Советом Респ. Беларусь 24 июня 1999 г. // Нац. Интернет-портал Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 20.05.2018.
4. Крамник, А. Административная ответственность за правонарушения против общественного порядка и нравственности / А. Крамник // Юстыцыя Беларусі. – 2008. – № 9. – С. 17–22.

УДК 343.6(476)

ЭВТАНАЗИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н. В. Пантелеева

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

В. Д. Козлова

*студентка 2 курса факультета экономики и права учреждения образования
«Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
Республика Беларусь*

На протяжении многих веков данная тема активно обсуждается медицинскими работниками, философами, священниками и юристами. Меняется общество, а значит, меняются взгляды на жизнь и современные проблемы. Однако до сих пор человечество не пришло к однозначной оценке проблемы эвтаназии. Термин «эвтаназия» ввел английский философ Фрэнсис Бэкон (от греч. *euthanasia*, *eu* – хорошо, *thanatos* – смерть) в XVI в. Для проведения уголовно-правовой оценки данной проблемы следует правильно обусловить эвтаназию.

Эвтаназия – практика прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием, испытывающего невыносимые страдания [5]. Целью эвтаназии является избавление больного от мучительных страданий посредством его умышленного умерщвления. Термин эвтаназия существует множество веков, но правоведы не могут найти правового объяснения указанному явлению. Однако, проанализировав различные источники, можно сделать вывод, что все юристы сходятся в одном: эвтаназия есть умышленное причинение смерти больному. Видимо, большинство авторов согласны с тем, что цель эвтаназии – прекращение страданий, и на этом сходство мнений заканчивается.

Проведя анализ общественных отношений по легализации эвтаназии, можно утверждать, что они состоят из следующих элементов:

1. Субъекта отношений.
2. Содержание.
3. Предмет, по поводу которого осуществляется отношение.

В системе общественных отношений можно выделить три категории индивидуальных субъектов:

1. Неизлечимо больное лицо (по настоянию которого применяется эвтаназия).
2. Медицинский работник, применяющий эвтаназию (специальный субъект).
3. Иное лицо, применяющее эвтаназию (общий субъект).

Содержание общественных отношений по мотиву совершения эвтаназии составляют активные и пассивные формы взаимодействия лица, выражающего просьбу, и лица, ее удовлетворяющего, т. е. выражается в нарушении одним участником социальных возможностей другой стороны.

Форма взаимодействия сторон строго определяется уголовным законодательством Республики Беларусь. Если рассматривать эвтаназию с объективной стороны, то это разновидность причинения смерти другому человеку. В связи с этим обязательными признаками объективной стороны эвтаназии являются:

1. Деяние (действие или бездействие), направленное на прекращении жизни безнадежного больного.
2. Преступное последствие.
3. Причинная связь между деянием и наступлением смерти потерпевшего.

Если рассматривать субъективную сторону действий, то эвтаназия характеризуется прямым умыслом. Лицо предвидит при этом возможность или неизбежность наступления смерти безнадежного больного и желает ее наступления. Обязательным признаком субъективной стороны данного состава преступления является мотив сострадания. Главными мотивами пациентов, обращающихся с просьбой об эвтаназии, выступает боль, потеря интереса к жизни и стремление умереть достойным образом. Мотив и цель выступают обязательными признаками субъективной стороны состава убийства по просьбе потерпевшего и, соответственно, оказывают решающее значение на квалификацию содеянного.

Однако на практике проблема заключается не только в трудностях установления мотива сострадания, но и самом содержании понятия сострадания и его применимости к убийству. *Сострадание* – один из социальных аспектов эмпатии, формализованная форма выражения своего состояния по поводу переживаний другого человека [4].

Отношения к эвтаназии часто находятся в рамках правового проблемного поля. Предписание о праве человека на жизнь гарантировано государством и содержится в конституциях практически всех стран мира, в нашей стране это ст. 24 Конституции Республики Беларусь, а также – ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, в частности отношения к ней определены в ст. 31 Республики Беларусь «О здравоохранении».

Эвтаназия как юридический факт представляет собой не «реализацию права на жизнь», а преступление. В то же время в уголовно-правовой сфере возникает проблема надлежащей правовой оценки причинения смерти по мотиву сострадания. Во-первых, сложности обусловлены наличием возможности корыстной заинтересованности родственников и коррупционной направленностью врача, что существенным образом влияет на квалификацию деяния. Во-вторых, возникают проблемы отграничения, так называемой пассивной эвтаназии от составов, предусмотренных ч. 1 ст. 161 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) – для врача; ст. 159 УК РБ – для родственников. Соответственно, по действующему уголовному законодательству Республики Беларусь правовая оценка проведения эвтаназии может быть расценена как особо тяжкое преступление: п. 12 ч. 2 ст. 139 УК РБ [3].

Современное законодательство исходит из того, что каждый имеет право на жизнь. Человеческая жизнь, как нам представляется, это высшая ценность общества. Данное право предусматривает возможность свободно распоряжаться своей жизнью.

В литературе широко используется термин «умышленное лишение жизни», соответствующий действующему законодательству, и в котором подчеркиваются особенности как объективных, так и субъективных признаков данного преступного деяния. Разумеется, если квалифицировать эвтаназию как убийство по мотиву сострадания, необходимо учитывать такие факторы, как медицинские показания, согласие потерпевшего/близких родственников, объективность соответствующих данных.

Мы считаем, что понятие эвтаназии требует законодательного закрепления в современном уголовном законе Республики Беларусь. Следовательно, необходимо выделить эвтаназию в отдельную статью УК РБ, в которой будет предусмотрена ответственность за соответствующее деяние. Но при этом квалификация по данной статье будет лишь при сочетании ряда признаков, отличных от простого убийства. Также стоит отметить, что эвтаназию должно осуществлять незаинтересованное лицо. Поэтому в контексте данной статьи следует предусмотреть ответственность лица, совершившего эвтаназию с целью получения выгоды. Наказание за причинение убийства по мотиву сострадания в ситуации, когда применяется эвтаназия, должно соответствовать содеянному.

Л и т е р а т у р а

1. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : Минск, 26 мая 1995 г. – Минск : Амалфея, 2017. – 28 с.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 8 янв. 2018 г.). – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 304 с.
4. Википедия /. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 14.05.2018.
5. Академик /. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 13.05.2018.

УДК 343.622

РОДЫ КАК ПОВОД, ПОРОЖДАЮЩИЙ ПСИХОТРАВМИРУЮЩУЮ СИТУАЦИЮ (СТАТЬЯ 140 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Е. А. Петранис

*старший участковый инспектор инспекции по делам несовершеннолетних
отдела внутренних дел Могилевского райисполкома, Республика Беларусь*

При квалификации действий виновного по ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ), обязательным признаком объективной стороны является обстановка совершения преступления «в условиях психотравмирующей ситуации», который устанавливает, что виновная сторона страдает психическим расстройством, не исключающем вменяемости, вызванным различными формами психозов или некоторыми другими расстройствами.

Дело в том, что врачи определяют период психотравмирующей ситуации месячным сроком после родов, акушеры – недельным, а судебные медики – суточным. Юристы, комментирующие закон, либо вообще обходят данный вопрос, либо толкуют его так же неопределенно, что затрудняет правильную квалификацию действий виновной женщины.

Вследствие этого психическому здоровью матери, лишившей жизни своего ребенка во время родов или непосредственно после них, следует уделять большое значение. В медицине установлено, что женщина в процессе родов не может рассматриваться как полностью отдающая себе отчет в своих действиях либо полностью владеющая собой [1, с. 88]. Как отмечает М. К. Анианц, именно психическое и физическое состояние женщины в период родов, ослабляющее ее способность руководить своими действиями, является основной причиной признания детоубийства менее опасным видом убийства [2, с. 129]. По мнению Н. И. Загородникова, помимо значительной физической боли, беременность и роды оказывают воздействие и на психику женщины. Роды являются таким процессом, который глубоко потрясает весь организм женщины [3, с. 158]. Скробанский К. К. утверждает, что чаще всего генерационные психозы (психозы, зависящие главным образом от беременности, родов, пуэрперального или лактационного периода) наблюдаются в послеродовом периоде (80 %), затем в период лактации (10 %) и очень редко (3 %) во время беременности [4, с. 216]. Также он отмечает тот факт, что в выраженных случаях возбуждения в период родов женщина может дойти до самых невероятных поступков и даже до самоубийства.

Однако существует и полярная точка зрения, например, Б. С. Сарычев считает, что психическое и физическое состояние женщины не является основным смягчающим обстоятельством, т. к. оно, как правило, не может быть ни причиной детоубийства, ни обстоятельством, обуславливающим смягчение ответственности за это преступление; оно служит лишь благоприятной почвой для отрицательных моральных побуждений матери-убийцы, которые в силу их обусловленности пережитками прошлого в сознании женщины вызывают более снисходительное отношение к виновной [5, с. 109–110].

Следует отметить правильность и справедливость высказывания Ю. М. Антоняна, который считает, что «сталкиваясь с жестокостью, мы готовы для собственного душевного комфорта списать ее на патологию психики. Однако объективные исследования показывают, что это далеко не всегда возможно» [6, с. 121]. Бородин С. В., проведя определенные исследования, считает, что далеко не всякое детоубийство совершается при данных смягчающих обстоятельствах [7, с. 47]. Неоднозначную позицию в рамках рассматриваемого вопроса занимает М. К. Анианц, отмечая, что «процесс родов существенно отражается на всем организме женщины, в том числе и на ее психике. Медицинской наукой и практикой подтверждено, что в процессе родов женщина нередко не вполне отдает себе отчет в своих действиях, в определенной степени утрачивает контроль над собственным поведением, что в ее психике часто имеются некоторые отклонения от нормы. Усилие мер охраны материнства, квалифицированное медицинское обслуживание беременных женщин, в том числе в процессе родов, – все это создает условия для улучшения состояния женщины-роженицы, но не устраняет полностью указанных особенностей» [2, с. 129].

Большое значение для характеристики состава детоубийства имеет такой признак, как место родов. Именно оно зачастую становится местом совершения преступления. При рассмотрении данного вопроса следует иметь в виду, что в больничных условиях создается обстановка, в которых мать, даже при расстройстве психики, оказывается лишенной возможности причинить вред ребенку. Отсутствие же посторонней помощи в момент родов может выступить одним из провоцирующих факторов при формировании мотива и умысла на убийство ребенка. Загородников Н. И. отмечает, что болезненное состояние при родах может дать отрицательные последствия в виде детоубийства в случаях, когда роды происходят не в стационарном лечебном учреждении и без медицинской помощи [3, с. 159]. По мнению Л. И. Глухаревой, женщины, желающие избавиться от ребенка, чаще всего рожают тайно, без помощи посторонних лиц. Тайные роды без соответствующих мер родовспоможения остав-

ляют, как правило, глубокий отпечаток на общем состоянии роженицы. В одних случаях под влиянием обстановки родов у виновной матери может появиться внезапное намерение избавиться от ребенка как причины ее физических и моральных страданий, в других – процесс родов помогает матери укрепиться в преступном намерении. Подобная обстановка родов играет роль одного из провоцирующих факторов, ведущих к возникновению психической нестабильности в этот период [8, с. 34].

Как отмечено выше, квалификация содеянного во многом зависит от правильного определения психофизического состояния, в котором роженица находилась в момент совершения преступления. Характерно, что во всех случаях убийства матерью новорожденного ребенка непосредственно после родов суд автоматически квалифицировал действия обвиняемых как убийство при смягчающих обстоятельствах, формально определяя условия психотравмирующей ситуации. Данное решение, на наш взгляд, не является обоснованным, т. к. чрезмерно лояльное отношение судебной системы к данной проблеме способно привести к необратимым криминальным и моральным последствиям в дальнейшем, утрате ценности детской жизни, обесцениванию института материнства.

Л и т е р а т у р а

1. Шаргородский, М. Д. Преступления против жизни и здоровья / М. Д. Шаргородский ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во, 1947. – 512 с.
2. Анианц, М. К. Ответственность за преступление против жизни по действующему законодательству союзных республик / М. К. Анианц. – М. : Юрид. лит., 1964. – 212 с.
3. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Госюриздат, 1961. – 278 с.
4. Скробанский, К. К. Учебник акушерства / К. К. Скробанский. – СПб. : Ленингр. отд-ние Медгиза, 2-я тип. ОГИЗа, 1946. – 386 с.
5. Сарачев, Б. С. Преступления против жизни / Б. С. Сарачев ; науч. ред. С. В. Бородин. – Ашхабад, 1978. – 268 с.
6. Антонян, Ю. М. Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. – М. : Наука, 1991. – 248 с.
7. Бородин, С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по русскому праву / С. В. Бородин. – М. : Юрист, 1994. – 216 с.
8. Глухарева, Л. И. Уголовная ответственность за детоубийство / Л. И. Глухарева. – М. : БЮЗИ, 1984. – 57 с.

УДК 343.918

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НАРКОЗАВИСИМОСТИ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Л. Н. Плоткина

*доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена, кандидат психологических наук, Российская Федерация*

В. Н. Бурлаков

*профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор юридических наук, Российская Федерация*

С середины XX в. проблема зависимости от наркотиков стала привлекать все большее внимание общества и институтов здоровья в связи с тем, что в наше время она стала гораздо серьезней, чем в начале прошлого века, т. к. появилось огромное количество синтетических препаратов, формирующих в более короткие сроки зависимость.

Механизмы возникновения наркозависимости подвергаются изучению со стороны ряда дисциплин. В медицине принято говорить в первую очередь о наличии врожденной предрасположенности к зависимости и механизмах взаимодействия психоактивных веществ с медиаторами головного мозга. Социология делает акцент на социальных факторах: преступное социальное окружение, нищета и др. Юриспруденция рассматривает данные механизмы в аспекте предотвращения правонарушений. Психология же ставит вопрос о наличии психологических причин возникновения зависимости, которые связаны с особенностями личности и ее развития [1].

Говорить о полной изученности психологических механизмов формирования наркотической зависимости нельзя, однако существует целый ряд положений, теоретических построений и исследований, которые способствуют пониманию феномена наркомании.

Большой вклад в изучение этой проблемы внесли психоаналитически ориентированные исследователи. Основное внимание они уделяют бессознательному и его влиянию на личность, его роли в формировании зависимого, или аддиктивного поведения. Важно обратить внимание на то, что психоаналитики не делают глубоких различий между химическими (алкоголизм, наркомания и т. п.) и эмоциональными (трудоголизм, сексоголизм, анорексия и т. п.) зависимостями. Они предполагают, что глубинные механизмы их формирования одинаковы [2].

С точки зрения психоанализа зависимость – это латентный суицид, т. е. это попытка покончить с собой, растянутая во времени. Психоактивное вещество используется как средство самоуничтожения. Сам же суицид – это попытка ухода от болезни, психоза или стремление преодолеть внутренние противоречия. Огромное внимание уделяется раннему развитию как основе выбора именно такого способа решения личностных проблем. При этом либо говорят о преобладании влечения к смерти в личности аддикта (неофрейдизм), либо о разрушенном, потерянном или несформированном объекте (школа объектных отношений). Однако в обоих случаях особый акцент делается на развитии индивида на первом году жизни и его фиксации на оральной стадии.

Еще одно направление в психологии, уделяющее огромное внимание зависимости, – это семейная психотерапия. С точки зрения адептов данной ветви психологии обстановка в семье и стиль семейных отношений могут стать определяющими при ее формировании [3]. Анализ стилей воспитания, подвижности границ современной семьи, коммуникации в семье, семейных ролей позволяют сделать предположения о факторах риска развития нервно-психических заболеваний, зависимостей и т. п. Также отмечается цикличность процессов в семье, формирование «порочных кругов», когда дети, выросшие в семье с неблагоприятными условиями, сами создают такую же семью [4]. Исследования, сделанные в рамках этого подхода, позволяют понять, почему в семьях зависимых дети часто сами начинают злоупотреблять психоактивными веществами.

Также следует обратить внимание на характеристику, которую отмечают исследователи, что при формировании наркотической зависимости большое значение имеют личностные качества человека. Одна из индивидуальных особенностей, имеющая большое значение по отношению к приему наркотиков, – это поиск ощущений или потребность в различных, новых, сложных ощущениях и переживаниях и способность подвергаться физическому и социальному риску ради поиска этих ощущений [5]. По мнению исследователей, существует четыре разных аспекта поиска ощущений: поиск возбуждения приключений, потребность в новом опыте, рас-

тормаживание и скука восприятия. Поиск ощущений является одним из источников различия в восприятии наркотика разными людьми, также он отражает высокую степень чувствительности человека к приятным эффектам наркотиков [6].

В процессе формирования наркомании важную роль играет подкрепление научения. Паттерн поведения наркомана не является аномальным, хотя он явно причиняет себе вред. Здесь работает схема с неподходящим способом подкрепления, а именно – наркотическим веществом. Эффектом подкрепления объясняется, например, более частое внутривенное употребление героина, чем курение опиума, которое менее опасно, более приятно, но не так мгновенно действует. Подкрепление формирует целые паттерны поведения, необходимые для получения наркотика. Данный механизм поведения формируется в онтогенезе во многом в результате современной системы обучения и воспитания. Наркотик помогает боязливым освободиться от страха и неуверенности. Это позитивное воздействие повышает потребность в наркотиках, стремление к их повторному приему, в то же время оно приводит к отказу от фрустрированных неудачных социальных действий.

Последние годы в нашем обществе происходят очень резкие изменения. Одной из тенденций в изменяющихся условиях выступает рост распространения наркотиков средствами IT-технологий (сети Интернет). За последние пять лет продавцы наркотиков полностью переориентировались на продажи в сети, а портрет типичного наркодилера изменился – от взрослого уголовника до хорошо образованного молодого человека из благополучной семьи. Также на протяжении ряда лет наблюдается стремительное увеличение числа сайтов пронаркотического содержания в сети Интернет. «Мы фактически переходим в новую эру, в новую реальность наркосбыта: в настоящий момент весь наркотрафик фактически ушел в Интернет», – так охарактеризовал современную ситуацию заместитель прокурора г. Казани М. Долгов.

Беспокоит и то, что в качестве рядовых распространителей-закладчиков в наркобизнес все чаще вовлекаются несовершеннолетние. Молодому человеку говорят: «Ничего не будет, ты просто положишь, сфотографируешь и потом отошлешь куда надо. Доказать невозможно, выявить невозможно». И сегодня молодежь, обеспеченная планшетами, телефонами, часто воспринимает это как сетевую игру [7].

В рассмотрении вопроса о формировании психологических механизмов наркотической зависимости наиболее острой проблемой, по мнению психологов, считается развитие интернет-зависимости, где одна зависимость подкрепляет другую. Мы столкнулись с новой формой зависимости – интернет-наркозависимостью.

Психологи бьют тревогу и сравнивают феномен интернет-зависимости не иначе как с пристрастием к алкоголю и наркотикам. Следует также подчеркнуть, что проводимые исследования на тему интернет-зависимости показывают, что при длительном и неконтролируемом нахождении в сети происходят изменения в состоянии сознания и в функционировании головного мозга [8].

Люди, проводящие много времени в интернете, могут столкнуться с абстинентным синдромом сродни тому, который испытывают наркозависимые. Это доказали итальянские ученые из университетов Суонси и Милана.

Подводя итог в ходе анализа психологических механизмов формирования наркозависимости, необходимо акцентировать внимание на следующих замечаниях:

– длительное пребывание в сети Интернет параллельно во взаимной связи с возрастом пользователя составляет большой риск для его психического и физического развития. Именно эта категория пользователей выступает наиболее доступной для наркодельцов, которые в принципе свободно могут использовать данную интернет-

аудиторию в собственных целях. Это один из весомых аргументов в пользу необходимости обеспечения мер по безопасности детей и подростков в сети интернет;

– профилактика наркомании и наркопреступлений не может быть эффективной без учета психологического механизма формирования интернетнаркозависимости.

Литература

1. Психологические и физиологические аспекты наркотической зависимости и учет личности наркомана при расследовании преступлений // 2018. URL. – Режим доступа: http://theoldtree.ru/gosudarstvo_i_pravo/psixologicheskie_i_fiziologicheskie.php. – Дата доступа: 11.03.2018.
2. Фрейд, З. Статьи о кокаине / З. Фрейд. – Режим доступа: <https://profilib.net/chtenie/22351/zigmund-freyd-freyd-stati-o-kokaine.php>. – Дата доступа: 15.02.2018.
3. Эйдемиллер, Э. Г. Методы семейной диагностики и психотерапии : метод. пособие / Э. Г. Эйдемиллер. – М. : Фолиум, 1996. – 45 с.
4. Терентьева, А. В. Особенности развития ребенка в алкогольной семье и возможности реабилитационной работы / А. В. Терентьева // Семейная психология и семейная терапия. – 1998. – № 3. – С. 90–95.
5. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя, 1998. – 480 с.
6. Шпаков, А. О. Иллюзия рая / А. О. Шпакова. – СПб. : Татьяна, 1999. – 368 с.
7. Новая эра наркобизнеса: «дурь» через интернет от группировщиков с планшетами // 2018. URL. – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/5_79848.htm. – Дата доступа: 29.03.2018.
8. Причины и последствия интернет-зависимости // 2018 URL. – Режим доступа: <http://netaddiction.ru/30>. – Дата доступа: 08.03.2018.

УДК 343.9

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

А. С. Политова

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз факультета № 1 Донецкого юридического института Министерства внутренних дел Украины, кандидат юридических наук, г. Кривой Рог

К числу наиболее острых, глобальных, опасных и трудно решаемых во всем мире социальных проблем, которые в последнее время волнуют мировое сообщество, ставят под угрозу здоровье людей, следует отнести наркоманию и СПИД. Последствия этих негативных явлений достигли угрожающих масштабов. В настоящее время распространение наркотических средств, наркомании и наркобизнеса не сдерживают даже самые строгие законы, не останавливают границы государств. Наркотики с завидной легкостью преодолевают любые препятствия, настойчиво «расползаются», «захватывая» значительные территории, «выискивая» все новые и новые жертвы.

Как отмечает А. Волошук, по данным ООН, сейчас в мире насчитывается 200 млн потребителей наркотиков. Ежегодный доход от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров составляет от 55 до 400 млрд долл., что составляет не менее 8 % мирового валового продукта [1, с. 190]. Также ученый считает, что незаконный оборот наркотиков оказывает негативное влияние на окружающую среду. Так, незаконное производство коки влечет обезлесения значительных территорий тропических лесов Амазонки. Чтобы привлечь внимание всего общества к проблеме незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, весь мир каждый год 26 июня отмечает День борьбы с наркоманией [1, с. 190].

Проблема борьбы с наркоманией не является новой для научного сообщества. Данной пробелмой занимались многие зарубежные и украинские ученые, среди которых Ю. Антонян, А. Бандурко, В. Борисов, И. Богатырева, М. Вербенский, В. Голино, А. Гурова, Н. Гуторов, И. Даньшина, А. Джужа, А. Долгова, В. Емельянов, В. Женунтий, А. Закалюк, А. Кальман, И. Карпец, В. Коваленко, О. Колб, Я. Кондратьев, М. Корниенко, А. Костенко, В. Кудрявцева, О. Литвак, А. Литвинов, В. Лунеев, А. Мартыненко, Н. Мельник, В. Охотник, А. Музыка, Д. Никифорчук, С. Овчинский, А. Савченко, С. Слинко, В. Тимошенко, В. Трубников, П. Фрис, М. Хруппа, А. Ярмиш, Х. Ярмак и др.

В то же время значительное количество научных разработок ведущих ученых по противодействию наркопреступности не позволили разрешить многих проблем, выработать эффективные направления противодействия ему. Поэтому целью нашего доклада является изучение современного состояния наркопреступности в Украине и определение уровня эффективности противодействия этому «фоновому явлению».

Правовой основой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в Украине являются ст. 305–320 Уголовного кодекса (УК) Украины, Законы Украины «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах», «О мерах противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров и злоупотреблению ими», Перечень наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также Таблицы небольших, крупных и особо крупных размеров наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, находящихся в незаконном обороте, которые утверждаются специально уполномоченным органом исполнительной власти в сфере охраны здоровья.

Говоря о криминологической ситуации в сфере противодействия наркопреступности в Украине, следует отметить, что она находится на самом «дне». Об этом свидетельствуют не только публикации в средствах массовой информации на протяжении последних двух лет, но и статистические данные Департамента полиции Украины по противодействию наркопреступности (рис. 1).

Рис. 1. Результаты работы полиции за 12 месяцев 2017 г. по противодействию наркопреступности

Однако о ситуации в Украине в целом нельзя говорить лишь исходя из показателей за 12 месяцев 2017 г. По официальной статистике Генеральной прокуратуры Украины (без учета данных АР Крым и г. Севастополь, а также Донецкой и Луганской областей), в Едином реестре досудебных расследований зарегистрировано 25 908 уголовных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров. Статистика Генеральной прокуратуры указывает на длительную тенденцию к уменьшению этих правонарушений (33 982 – в 2013 г., 30 494 – в 2014). Также наблюдается уменьшение доли этих правонарушений в общем объеме преступлений, зарегистрированных Генеральной прокуратурой Украины (563 560 – в 2013 г., 529 139 – в 2014 и 565 182 – в 2015). По сравнению с 2014 г., уменьшение общего количества правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков составило 15 %.

Что касается 2016 г., то на этом направлении деятельности было выявлено 23 029 уголовных правонарушений, в то время когда в 2015 г. – 25 908. Вместе с тем почти в пять раз больше по уравниванию с 2013 г. снизился и показатель выявления незаконного производства, изготовления, приобретения, хранения, перевозки или пересылки наркотических средств. Так, если в 2016 г. выявлено всего 2 293 таких случаев, то в 2015 г. – 6 614, в 2014 – 8 412, а в 2013 – 9 430, в разы больше чем в прошлые годы. Также в 2016 г. было зафиксировано 460 случаев организации наркопритонов и возбуждено 309 уголовных дел за контрабанду наркотических средств, 176 из которых передано в суд.

Не изменилась ситуация и в 2017 г. За этот год органами противодействия наркопреступности Национальной полиции Украины выявлено более 28 000 фактов незаконного оборота наркотиков, задокументировано 4 448 фактов сбыта наркотических средств и психотропных веществ. Уничтожено 588 наркопритонов, 51 международный канал прибытия наркотиков и 113 нарколабораторий.

Говоря о количестве совершенных уголовных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, нельзя не отметить такой факт, что не все преступления этой группы распространены на территории Украины. Так, например, в 2016 г. на территории Одесской, Николаевской и Херсонской области, по данным Департамента полиции Украины по противодействию наркопреступности, в Единый реестр досудебных расследований было внесено 244 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в частности: 155 – за хранение наркотических веществ (ст. 309 УК); 29 – за незаконные посевы наркосодержащих растений (ст. 310 УК); 21 – за сбыт наркотиков (ст. 307 УК); 11 – за нарушение правил оборота наркотических веществ и психотропных веществ (ст. 320 УК); 11 – за содержание нарколаборатории (ст. 313 УК); 7 – связанных с оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 321 УК); 6 – за незаконный оборот прекурсоров (ст. 311 УК); 4 – за содержание притонов (ст. 317 УК) [2].

Но это данные всего лишь по трем регионам Украины. Что же касается Украины в целом, из наиболее распространенных наркопреступлений, то в 2013 г. было зарегистрировано по ст. 307 УК 9 144 преступления, по ст. 309 УК – 18 485, по ст. 310 УК – 17 774; в 2014 г. зарегистрировано по ст. 307 УК 8 264 преступления, по ст. 309 УК – 16 715, по ст. 310 УК – 2 012; в 2015 г. зарегистрировано по ст. 307 УК 6 390 преступлений, по ст. 309 УК – 14 788, по ст. 310 УК – 1 633; в 2016 г. зарегистрировано по ст. 307 УК 1 982 преступления, по ст. 309 УК – 17 275, по ст. 310 УК – 1 765.

Приведенные нами показатели не отражают реального уровня этого вида преступности. Более того, в Стратегии государственной политики в отношении наркотиков на период до 2020 г. указано, что на протяжении последних десяти лет распро-

странение наркомании и наркопреступности в Украине стало одной из острых общественных проблем, нерешение которой приводит к причинению вреда здоровью человека, а также является угрозой национальной безопасности государства.

Можно также отметить, что высокая латентность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, в частности, контрабанда наркотических средств, может быть обусловлена и событиями, происходящими на Востоке Украины.

Подтверждением тому, что данное «фоновое явление» имеет высокую латентность, являются данные Государственной судебной администрации Украины, согласно которым всего осуждено по данной категории преступлений в 2013 г. 18 250 лиц, в 2014 – 13 825, в 2015 – 11 434, в 2016 г. – 9 118.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод: преступления в сфере незаконного оборота наркотиков имеют высокий уровень латентности, что обусловлено их скрытым характером, а также проблемами правоохранительных органов, для которых характерен низкий профессиональный уровень и распространение коррупции.

Литература

1. Волощук, А. М. Основні підходи, на яких базується політика держав щодо нелегального обігу наркотиків / А. М. Волощук // Південноукраїнський правничий часопис. – 2013. – № 2. – С. 190–193.
2. Показатели полиции в борьбе с наркотиками на юге Украины крайне низки. – Режим доступа: <https://prawwwda.com/kriticheskii-vzglyad/pokazateli-policii-v-borbe-s-narkotikami-na-yuge-ukraini-kraine-nizki/>. – Дата доступа 18.07.2017

УДК 343.79

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. Л. Португал

*аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, г. Минск*

Экономические реформы последних десятилетий привели к развитию в Республике Беларусь частной собственности и свободы предпринимательства. Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Но ввиду отсутствия благоприятной экономической почвы, достаточных правовых гарантий для нормального протекания возрожденных экономических процессов и иных факторов одним из результатов экономических реформ стал резкий рост экономической преступности, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности.

Согласно ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Согласно ч. 1 ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ), незаконная предпринимательская деятельность – это та деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной либо осуществляется без регистрации в установленном законодательными актами порядке или без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно.

В формулировке данной статьи можно выделить несколько ключевых моментов.

Во-первых, незаконная предпринимательская деятельность – это та деятельность, само осуществление которой запрещено. К примеру, нельзя осуществлять продажу определенного перечня товаров без надлежащих сертификатов и подтверждения качественных стандартов.

Во-вторых, незаконная предпринимательская деятельность – это деятельность тех субъектов, которые не прошли государственную регистрацию в установленном законом порядке. Здесь необходимо понимать, что конструкция ч. 1 ст. 233 УК РБ требует не только анализа данной правовой нормы, но и знания множества других нормативов правовых актов. Так, согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», любой субъект хозяйствования (будь то индивидуальный предприниматель или юридическое лицо в любой организационно-правовой форме) подлежат обязательной регистрации и включению в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В том случае если какой-либо субъект осуществляет предпринимательскую деятельность (т. е. систематически получает прибыль) без такой регистрации, это незаконная предпринимательская деятельность и при условии получения дохода в крупном размере влечет уголовную ответственность.

В-третьих, незаконная предпринимательская деятельность – это деятельность, которая осуществляется без специального разрешения (лицензии). Здесь также необходимо анализировать не только саму статью Уголовного кодекса, но и такой нормативный правовой акт, как Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». Данным Указом определяется перечень видов деятельности, на осуществление которых требуется лицензия (специальное разрешение). Так, в данный перечень входит, к примеру, банковская деятельность, ветеринарная деятельность, деятельность в области вещания и т. д.

Часть 1 ст. 233 УК РБ дает определение такого явления, как незаконная предпринимательская деятельность, однако сама ст. 233 состоит из трех частей и примечания. Вторая и третья части предусматривают определенные квалифицирующие признаки преступления, например, совершение незаконной предпринимательской деятельности лицом, ранее судимым за данное преступление, и т. д.

В последнее время ст. 233 УК РБ была дополнена таким квалифицирующим признаком, как привлечение денежных средств, электронных денег или иного имущества граждан, если выплата дохода или возврат денежных средств, электронных денег или иного имущества осуществляются полностью или частично за счет привлеченных денежных средств, электронных денег или иного имущества других граждан.

Данный признак является новым в УК РБ, однако уже был апробирован судебной практикой.

Так как одним из ключевых моментов данной статьи является сумма ущерба, фактически вышеупомянутый признак означает, что при определении суммы ущерба не могут быть учтены средства, которые были вложены самим предпринимателем. Имеет значение лишь сумма привлеченных средств граждан [3].

Непосредственным объектом данного преступления выступает установленный государством порядок осуществления предпринимательской деятельности.

С объективной стороны незаконная предпринимательская деятельность представлена в трех формах, являющихся альтернативными: предпринимательская деятельность, которая в соответствии с законодательными актами является запрещенной; предпринимательская деятельность, которая осуществляется без регистрации в установленном законодательными актами порядке; предпринимательская деятельность, которая осуществляется без специального разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно [5].

Необходимо отметить, что ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность наступает не только в случае отсутствия специального разрешения (лицензии), но и когда действие лицензии просрочено, приостановлено либо когда предприниматель лишен ее; при осуществлении деятельности, не указанной в специальном разрешении (лицензии).

С субъективной стороны преступление характеризуется умышленной формой вины и может быть совершено только с прямым умыслом. Виновный сознает общественно опасный характер своих действий по осуществлению предпринимательской деятельности без регистрации либо без специального разрешения (лицензии), предвидит наступление последствий в виде извлечения соответствующего дохода и желает их наступления [4, с. 492].

В соответствии с п. 5 постановления № 6 Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» действия лиц, которые сами не занимаются незаконной предпринимательской деятельностью, однако умышленно оказывают виновному содействие в ее осуществлении, следует квалифицировать как соучастие в незаконной предпринимательской деятельности по соответствующим частям ст. 16 и ст. 233 УК РБ.

Субъектами рассматриваемого преступления могут являться граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие 16-летнего возраста, а также должностные лица юридического лица независимо от формы собственности [4, с. 493].

Однако сложным и дискуссионным остается вопрос о социальной опасности незаконной предпринимательской деятельности. Наличие в диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 233 УК РБ криминообразующего признака «получение дохода в крупном размере» и «получение дохода в особо крупном размере» говорит о том, что наступление ответственности поставлено в зависимость от эффективности и успешности осуществления предпринимательской деятельности. Такой подход в условиях рыночной экономики представляется бесспорным.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, воздействие на общественные отношения средствами и методами уголовного права есть крайняя, исключительная мера государственной реакции на наиболее опасное отклоняющееся поведение, установление уголовно-правового запрета в сфере экономических общественных отношений допустимо лишь в тех случаях, когда то или иное экономическое поведение в силу своей исключительной опасности не может быть подвергнуто воздействию иных, более мягких, правовых средств: их применение будет явно недостаточно, неэффективно и несправедливо.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. ; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. ; в ред. Закона Респ. Бела-

- речь от 09.01.2017 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
  3. Незаконная предпринимательская деятельность. – Режим доступа: <http://minskadvocate.by/publications/nezakonnaya-predprinimatelskaya-deyatelnost>. – Дата доступа: 19.04.2018.
  4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
  5. Правовой анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 233 УК Республики Беларусь «незаконная предпринимательская деятельность». – Режим доступа: <http://www.rka.by/blogs/pravovoy-analiz-priznakov-sostava>. – Дата доступа: 19.04.2018.
  6. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.915

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Н. В. Семёнова

*главный инспектор группы по работе с обращениями граждан управления
Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области,
капитан юстиции*

Преступность несовершеннолетних во всем мире является одной из самых актуальных социальных проблем, которая имеет свои отличительные черты, что обусловлено психологией несовершеннолетних, степенью их развития, способностью реально оценивать происходящие события. Именно это и повлияло на необходимость тщательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних, отличающихся от общих правил и начал уголовной ответственности и наказания.

В соответствии с уголовным законом Республики Беларусь под несовершеннолетними понимаются лица в возрасте от 14 до 18 лет [1]. Этот возраст характеризуется глубокой физиологической и психологической перестройкой организма, ростом физических и интеллектуальных сил и возможностей. Во взаимосвязи с изменением положения в обществе (усилением и углублением учебно-трудовой деятельности, расширением круга социальных контактов и обязанностей, обогащением жизненного опыта) развивается интеллект, умение анализировать и обобщать окружающие явления, способность предвидеть возможные последствия поступков, формируются волевые качества. Поведение из определяемого внешними факторами (ситуация, требования родителей) все больше превращается во внутренне регулируемый процесс, обусловленный мировоззрением, нравственными убеждениями, системой социальных ценностей. В то же время по уровню интеллектуального и волевого развития несовершеннолетние уступают взрослым. Именно это и оказывает влияние на характер и мотивы совершаемых ими поступков.

В этом возрасте несовершеннолетний, с одной стороны, достигает определенного уровня социализации, но с другой – происходит дальнейшая социализация его личности (продолжается или завершается обучение в школе или в колледже, происходит уяснение своего места в обществе, накапливается опыт межличностных отношений). В зависимости от индивидуальных особенностей этот процесс у разных лиц

проходит неодинаково. На этом этапе развития подросток уже не удовлетворен пассивной ролью опекаемого ребенка, но еще не созрел для ответственных ролей взрослого и его тяга к самоутверждению часто принимает стихийные формы [2].

Для такого возраста, как правило, характерны излишняя категоричность суждений, вспыльчивость, неуравновешенность, неспособность оценить ситуацию с учетом всех обстоятельств, у большинства отсутствует чувство меры, долга, представление о дозволенном, порядочном и непорядочном. Жизненные потребности у подростков чаще всего примитивные, материальные желания преобладают над духовными. Мотивация значительной части преступлений подростков связана с боязнью «уронить себя в глазах» других лиц, в первую очередь своих сверстников в силу того, что для несовершеннолетних особое значение имеет мнение лиц из ближайшего окружения, а также следование тем нормам поведения, которые выработаны в той группе, где большую часть своего времени проводит подросток.

Причиной совершения преступлений лицами в возрасте до 18 лет нередко является алкогольное опьянение. Если алкоголь облегчает общение между людьми, то для несовершеннолетних такое свойство алкоголя становится особенно значимым: в силу недостаточности социального опыта, робости некоторые пытаются с помощью алкоголя приобрести большую уверенность в себе, преодолеть чувство собственной неполноценности. Посредством злоупотребления алкоголем подростки демонстрируют свою принадлежность к миру взрослых [3].

Именно исходя из степени социальной зрелости несовершеннолетних, законодатель двояко подходит к установлению их ответственности в зависимости от достижения определенного возраста. Установление определенного минимального возраста уголовной ответственности связано с физиологическим процессом формирования способностей лиц понимать характер совершаемых ими действий, их общественную опасность и значение, а также руководить ими. Такая особенность появляется у лиц в определенном возрасте, когда развитие умственных способностей приобретает определенный уровень и лица обладают некоторыми знаниями, навыками, определенным общественным опытом. Свойство оценивать и сознавать социальную значимость своего поведения появляется несколько позже, чем возможность осознавать фактическую сторону того или иного действия, явления или процесса. Способность осознавать общественно опасный характер своих действий является предпосылкой для признания лиц нести уголовную ответственность за совершенные ими общественно опасные деяния. Как правило, несовершеннолетние, достигшие 16-летнего возраста, обладают уровнем сознания, позволяющим им отдавать отчет в своих действиях и руководить ими [3]. Вместе с тем опасность некоторых преступлений очевидна и в более раннем возрасте, поэтому законодатель установил еще и специальный возраст 14 лет.

Учитывая психологические особенности поведения несовершеннолетних, выделен специальный раздел «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет», что свидетельствует о приверженности практике зарубежного уголовного законодательства, одобренной ООН: Минимальным стандартным правилам, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних – «Пекинские правила», 1985 [4].

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних можно определить как исключительные, по сравнению с установленными для взрослых нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, правила о видах применяемых к ним мер воздействия, их содержании, об основаниях назна-

чения, порядке и условиях исполнения, о порядке и условиях освобождения от уголовной ответственности и отбывания наказания, а также о сроках давности и погашения судимости.

Вместе с тем раздел V Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ), предусматривающий особенности ответственности подростков, не содержит такие институты, как осуждение с отсрочкой исполнения наказания и осуждение с условным неприменением наказания. Применение указанных мер к несовершеннолетним не запрещено уголовным законодательством, однако законодателем, за исключением возможности применения за совершение тяжких преступлений, не предусмотрены существенные особенности, касающиеся в первую очередь оснований и условий их назначения, круга и характера обязанностей, возлагаемых на несовершеннолетних в период срока отсрочки исполнения наказания или в период испытательного срока при осуждении с условным неприменением наказания, правовых последствий применения указанных мер уголовной ответственности.

Следует обратить особое внимание на важность и специфику уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, что объясняется значимостью последствий уголовно-правового воздействия на психическое состояние несовершеннолетнего и в целом на дальнейшую судьбу подростка. Именно поэтому видится целесообразным внедрение таких процедур при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних, совершивших не представляющее большой общественной опасности либо менее тяжкое преступление, как примирение с потерпевшим и реабилитация (восстановление) нормальной жизнедеятельности подростка. Работу с подростками по примирению и реабилитации должны проводить специальные социальные службы, деятельность которых основана на применении методов досудебной социально-психологической реабилитации. Только после определенной работы с такими детьми органы правосудия могут принимать решение о прекращении либо о проведении судебного производства по уголовному делу. Это позволит избежать обвинительного приговора, а если это невозможно, то принять во внимание при постановлении обвинительного приговора рекомендации и результаты проведения таких процедур.

Кроме того, следует обратить внимание на создание специализированных институтов, которые будут осуществлять работу с несовершеннолетними. Так, в ст. 28 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей закреплена норма о возможности создания на территории государства специализированных судов либо специализированных коллегий при общих судах, специализированных судей, рассматривающих исключительно дела о преступлениях несовершеннолетних [5]. Однако до настоящего времени такие институты не действуют. Такая практика не соответствует международным актам и прежде всего Конвенции о правах ребенка, которая ориентирует государство на создание специальных органов и учреждений, имеющих непосредственное отношение к детям, которые признаются виновными в совершении преступления [6].

Создание специализированных судов позволит в каждом конкретном случае более глубоко проанализировать обстоятельства дела, учесть личность подростка, выяснить причины совершения им преступления, решить в первую очередь вопрос о возможности и целесообразности применения принудительных мер воспитательного характера, назначить такое наказание, которое будет достаточно эффективным и для исправления самого преступника, и для цели общей превенции, и для восстановления социальной справедливости.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 22 июня 1999 г. ; с изм. и доп. по состоянию на 1 июля 2016 г. – 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>. – Дата доступа – 01.06.2018.
2. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М. : Наука и техника, 1972. – 142 с.
3. Грунтова, И. О. Несовершеннолетние в Республике Беларусь: основы правового положения, правовой защиты и ответственности : науч.-практ. коммент. к законодательству и другим норматив. актам о несовершеннолетних / И. О. Грунтова. – Минск : Тесей, 1999. – 567 с.
4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией Генер. Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 дек. 1985 г. № 40/33 // Электрон. фонд правовой и нормативно-техн. информ. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901739166>. – Дата доступа: 01.06.2018.
5. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. ; одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. ; с изм. и доп. по состоянию на 22 дек. 2016 г. – № 139-З. – 2018. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/-document/?guid=3871&p0=hk0600139>. – Дата доступа: 01.06.2018.
6. Гулякевич, Д. Л. Международно-правовые подходы к ответственности несовершеннолетних: способы их реализации в уголовном законодательстве Республики Беларусь и других государств / Д. Л. Гулякевич // Весн. Канстытуц. суда Рэсп. Беларусь. – 2003. – № 1. – С. 25–27.

УДК 343.31

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТА УБИЙСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

И. М. Синица

*доцент кафедры уголовного права и процесса учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, Республика Беларусь*

Преступления против порядка управления (гл. 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь – УК РБ) – умышленные общественно опасные деяния, посягающие на установленный порядок функционирования государственных органов. Общественная опасность преступлений против порядка управления обусловлена нарушением управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, что отражается на их авторитете, и причинением ущерба законным правам и интересам граждан.

Из указанных в гл. 33 УК РБ преступлений наиболее тяжким является убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка, предусмотренное ст. 362. Состав данного преступления является двуобъектным. Наряду с основным объектом посягательства, который и определяет сегодня место данной нормы в системе Особенной части УК РБ, в нем присутствует дополнительный непосредственный объект – жизнь сотрудника органов внутренних дел.

Таким образом, законодатель считает основным объектом рассматриваемого преступления общественные отношения, в которых реализуется механизм государственного управления, обеспечивающий охрану общественного порядка.

Следует отметить, что без определения объекта уголовно-правовой охраны (т. е. объекта преступления) невозможно определить сущность преступного деяния, в том числе содержание и признаки других элементов состава преступления. В этом

проявляется значение точного определения тех общественных отношений, на которые посягает преступник.

В общем смысле объект преступления – это то, на что направлено преступное деяние, чему причиняет наибольший вред. Структура действующего УК РБ, в котором преступления сгруппированы по разделам и главам с учетом различной сравнительной значимости охраняемых уголовным правом объектов, отражает систему ценностей, принятых обществом и закрепленных в Конституции Республики Беларусь. Именно это позволяет нам считать позицию законодателя относительно места, предусмотренного ст. 362 УК РБ в уголовном законе, спорной. На наш взгляд, интересы органов власти и управления не могут быть более значимыми, чем жизнь человека, в том числе осуществляющего по роду своей деятельности те или иные властные, управленческие или правоохранительные функции. Оговоримся, что это относится к тем ситуациям, когда не затронута безопасность государства в целом.

Убийство, т. е. противоправное умышленное лишение жизни другого человека (ст. 139 УК РБ) – это осознанное стремление лишить другого человека жизни (прямой умысел) либо сознательное допущение или безразличное отношение к смерти лица в результате своих действий при достижении иной цели (косвенный умысел). Закрепленная в УК РБ формулировка убийства говорит о том, что по своей сути оно является особым наиболее опасным преступлением против человека, его природной и социальной сущности [1, с. 171].

На наш взгляд, жизнь человека должна рассматриваться в качестве основного объекта преступления и, соответственно, определять место нормы, предусматривающей такое общественно опасное деяние, в системе Особенной части УК РБ. Соответственно, основным объектом деяния, предусмотренного ст. 362 УК РБ, должна признаваться жизнь сотрудника органов внутренних дел, а общественные отношения, в которых реализуется механизм управления, обеспечивающий охрану общественного порядка, – дополнительным объектом. Очевидно, что интересы органов управления не могут быть выше по своей значимости жизни сотрудника органов внутренних дел.

На основании этого считаем необходимым отказаться от специального состава – убийства сотрудника органов внутренних дел (ст. 362 УК РБ). Ответственность за такое деяние должна наступать в рамках общего состава, основным объектом которого является жизнь, т. е. убийства (ст. 139 УК РБ).

Пункт 10 ч. 2 ст. 139 УК РБ предусматривает ответственность за убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга, что, по сути, сопоставимо с убийством сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка.

На наш взгляд, следует исключить ст. 362 из УК РБ, одновременно изложив п. 10 ч. 2 ст. 139 УК РБ в следующей редакции:

«10) лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга, либо сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка».

Тем самым будут четко определены основной и дополнительный объекты данного преступления.

Санкция ч. 2 ст. 139 УК РБ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет, или пожизненного заключения, или смертной казни (при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 12 ч. 2 ст. 139 УК РБ, – с конфискацией имущества или без конфискации). Таким образом, мини-

мум наказания в виде лишения свободы за убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка составит 8 лет, а не 10, как предусмотрено ст. 362 УК РФ. В остальном санкции за убийства, предусмотренные данными статьями, равноценны.

Можно ли считать такое «облегчение» ответственности за убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка справедливым? На наш взгляд, да. Убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности предполагает квалификацию по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК РФ деяния лица, совершившего посягательство на жизнь судьи, следователя, иных сотрудников правоохранительных органов в связи с их служебной деятельностью, что представляет собой не меньшую общественную опасность, чем убийство сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка.

Кроме того, убийство в связи с выполнением потерпевшим служебных обязанностей, не связанных с охраной общественного порядка, либо убийство в связи с деятельностью по охране общественного порядка, но иных лиц (например, добровольного дружинника) в настоящее время квалифицируется по п. 10 ч. 2 ст. 139 УК РФ (убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга).

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то, к примеру, по Уголовному кодексу Франции 1992 г. убийство судьи, присяжного заседателя, адвоката, нотариуса, должностного лица системы правосудия или любого другого лица, обладающего государственной властью, или лица, выполняющего обязанности по государственной службе, при исполнении или в связи с исполнением ими таких функций или обязанностей, если это положение потерпевшего очевидно или известно исполнителю, отнесено к убийству при отягчающих обстоятельствах и наказывается пожизненным заключением (ст. 221⁴) [2, с. 69].

Уголовные кодексы (УК) ряда штатов Америки к тяжкому убийству первой степени относят случаи умышленного лишения жизни определенных лиц, в том числе: президента и других государственных деятелей, служащих правоохранительных органов. Так, согласно § 125.27 УК штата Нью-Йорк 1967 г. «лицо виновно в тяжком убийстве первой степени, если ...потерпевшим был служащий полиции, который был убит в ходе выполнения им своих служебных обязанностей, и обвиняемый знал или должен был разумно полагать, что потерпевший являлся служащим полиции; или потерпевшим был служащий исправительного заведения штата или местного значения, который был убит в ходе выполнения им своих служебных обязанностей, и обвиняемый знал или должен был разумно полагать, что потерпевший являлся таким служащим. Эти убийства являются фелонией класса А-I и наказываются пожизненным тюремным заключением» [2, с. 70].

Таким образом, предусмотренные ч. 2 ст. 139 УК РФ квалифицирующие признаки, усугубляющие ответственность за убийство, сопоставимы с ним по общественной опасности. Более того, включение в их число убийства сотрудника органов внутренних дел в связи с выполнением им обязанностей по охране общественного порядка даст возможность вменять виновному лицу соответствующие квалифицирующие признаки (например, совершение убийства общеопасным способом (п. 5 ч. 2 ст. 139) или совершение его с особой жестокостью (п. 5 ч. 2 ст. 139)), не прибегая к ст. 64 УК РФ.

Жизнь человека следует законодательно определить в качестве основного непосредственного объекта рассматриваемого посягательства, развивая тот принцип о

приоритетной охране человека, его прав и свобод, который заложен в Конституции Республики Беларусь.

Литература

1. Бабичев, А. Г. Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства / А. Г. Бабичев, Б. В. Сидоров // Вестн. экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 167–174.
2. Диваева, И. Р. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, сотрудника правоохранительного органа, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, и их место в системе Особенной части УК РФ / И. Р. Диваева, Т. Н. Нуркаева // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. – 2014. – № 5. – С. 68–70.

УДК 343.2

О ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

С. В. Сыс

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Республика Беларусь*

Общественная опасность является одним из основных, материальных, признаков преступления. Согласно существующим подходам в уголовно-правовой науке отсутствие у деяния признака общественной опасности автоматически лишает возможности рассматривать его в качестве преступного. В этой связи представляется необходимым рассмотреть природу общественной опасности.

Говоря об общественной опасности, можно отметить, что она является видом опасности вообще. С точки зрения лексикологии, общественная опасность представляет собой вид опасности, который несет некую угрозу обществу. Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет опасность как возможность, угрозу чего-нибудь очень плохого, какого-нибудь несчастья. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова определяет опасность как возможность, угрозу бедствия, катастрофы, чего-нибудь нежелательного [1]. Такое толкование опасности позволяет рассматривать ее как субъективную категорию. Данный тезис свидетельствует о том, что общественная опасность указывает на возможность наступления в будущем каких-то неблагоприятных, негативных явлений, событий, обстоятельств. Указанные возможные будущие события, явления, обстоятельства заранее воспринимаются с негативной оценкой, хотя вероятность возникновения этих явлений, событий, обстоятельств весьма неопределенна. Таким образом, если говорить об общественной опасности деяния с субъективной точки зрения, то данная категория может быть применима лишь к будущим событиям, а если какое-то негативное явление, событие или обстоятельство уже существует, то нет никаких оснований говорить об опасности его возникновения.

С другой стороны, опасность – категория объективная. Нельзя отрицать тот факт, что в природе или в социальном мире реально существуют определенные явления, которые в своей совокупности при обычном развитии причинно-следственных связей приводят к реальной возможности наступления нежелательных последствий. Субъективный аспект опасности, который наиболее ярко выражен в законе, есть всего лишь отражение в сознании познающего субъекта объективно су-

шествующей реальной возможностью, заложенной в совокупности определенных обстоятельств. В таком плане рассматриваемый аспект общественной опасности есть своеобразная форма так называемого «опережающего отражения» как результат экстраполяции людьми предшествующего социального опыта и прогностической функции процесса мышления. Но опасность как реальная возможность объективна, ибо в ней заложены все необходимые условия для ее реализации, для превращения в действительность [2, с. 41]. Как писал В. С. Прохоров, общественная опасность «объективна, во-первых, потому, что является не результатом чьей-либо произвольной оценки (законодательной или судебной), а объективно существующей реальностью, которая может быть правильно познана и, следовательно, оценена. Она, во-вторых, объективна в том смысле, что в основе общественной опасности преступления, определяемой в итоге всеми, в том числе и субъективными, компонентами поступка человека, всегда лежит его строго объективное свойство – вступать в противоречие с существующими отношениями между людьми, иначе говоря, причинять им вред. Категория общественной опасности выражает весь тот ущерб, который причиняется обществу, ущерб, не зависящий от социальных и нравственных качеств лица, его причинившего, и вины» [3]. Исходя из закрепленной в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) задачи способствовать предупреждению преступных посягательств, воспитания граждан в духе соблюдения законодательства, а также того, что УК РБ не допускает аналогию закона и аналогию права, можно сказать, что в нем в большей степени заложен именно субъективный аспект общественной опасности. Это означает, что УК РБ направлен на предупреждение общественно опасных явлений, событий, обстоятельств, т. е. того, чего на данный момент нет, но есть возможность появления в будущем. Эти предполагаемые события, которые могут произойти в будущем, уже оценены законодателем как общественно опасные, что основано на предшествующем социальном опыте, а потому уже сегодня они признаны опасными и за их наступление установлена ответственность. Однако нельзя утверждать, что УК РБ игнорирует объективный аспект общественной опасности. Дело в том, что данный аспект не так ярко выражен, но он буквально пронизывает весь УК РБ. Именно объективная сторона общественной опасности показывает, в каких сферах жизни общества есть реальные предпосылки наступления негативных событий или явлений. Исходя из этого законодатель криминализировал те или иные деяния для того, чтобы предотвратить возможность их наступления. Уголовный кодекс Республики Беларусь прямо не указывает на предпосылки совершения уголовно наказуемых деяний, которые имеют место быть, но очерчивает сферы, которые он охраняет и в которых такие предпосылки возможны. Круг таких сфер вытекает из того, что охраняет УК: мир и безопасность человечества, человек, права и свободы человека, собственность, права юридических лиц, природная среда, общественные и государственные интересы, конституционный строй Республики Беларусь, установленный правопорядок.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что общественная опасность, являясь необходимым, одним из основных, признаком преступления, влечет необходимость осознания ее природы. Осознание природы общественной опасности позволяет говорить о том, что общественная опасность имеет объективную и субъективную сторону. При этом представляется, что объективная сторона общественной опасности является базовой, т. к. она позволяет определить, в каких сферах возможно совершение преступлений, какие существуют объективные явления, обстоятельства, события, которые могут послужить предпосылками совершения преступления. Такие предпосылки должны нести вполне реальную угрозу соверше-

ния преступления, что подтверждается предыдущим социальным опытом. Имея определенный социальный опыт, зная о возможных последствиях, законодатель закрепляет ответственность в уголовном законе за совершение возможных преступлений. Таким образом, в этом проявляется субъективная сторона общественной опасности.

Литература

1. ПоискСлов.com. – Режим доступа: <http://poiskslov.com/>. – Дата доступа: 20.04.2018.
2. Ляпунов, Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права : учеб. пособие / Ю. И. Ляпунов. – М. : ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.
3. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность / В. С. Прохоров // Диссер.com.ua. – Режим доступа: <http://lawdiss.org.ua/books/a1169.doc.html>. – Дата доступа: 03.05.2018.

УДК 342.9

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ
КРУПНЫЕ РАЗМЕРЫ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Д. Л. Харевич

*доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

В ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) предусмотрена ответственность за незаконный оборот аналогов наркотических средств, психотропных веществ (аналоги) в крупном размере. Их крупный размер установлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2000 г. № 1785 [1]. Величина крупного размера аналогов названных веществ определяется на основании указанного постановления Совета Министров по веществу, аналогом которого они являются. Данное вещество указывается экспертом в заключении об отнесении химического вещества к аналогу. Впоследствии согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» (Закон «О наркотиках») эта информация размещается Министерством внутренних дел Республики Беларусь на своем официальном сайте в глобальной компьютерной сети Интернет, а затем в течение полугода химические вещества, отнесенные к аналогам, включаются в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (Республиканский перечень) [2]. Однако в течение последнего времени действия по включению новых веществ в Республиканский перечень не сопровождаются установлением количественных оценок новых наркотических средств и психотропных веществ в указанном выше постановлении Совета Министров. В результате данной несогласованности количество веществ, в отношении которых не установлен крупный размер, существенно возросло за последние годы. Так, количественные оценки определены в отношении 253 веществ (последний раз дополнения и изменения в них вносились в октябре 2012 г.), в то время как Республиканский перечень насчитывает почти 700 контролируемых веществ: разница между указанными перечнями составляет почти три раза, или более 400 позиций. Вследствие указанных пробелов размер наказания, назначаемого лицам, виновным в незаконном обороте веществ, в отношении которых не установлены количественные оценки, может в некоторых случаях быть установлен судом ниже наказания за действия, совер-

шенные в отношении сходных с ними по структуре и психоактивному воздействию веществ, для которых количественные оценки определены.

Несовершенна и конструкция норм указанного постановления Совета Министров. В соответствии со ст. 1 Закона «О наркотиках» аналоги наркотических средств, психотропных веществ – химические вещества, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах одного или нескольких атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах, установленный Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. Аналоги не включены в Республиканский перечень. Согласно использованной нормотворческой технике количественные оценки вещества, внесенного в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2000 г. № 1785 «Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, обнаруживаемых в незаконном обороте, с их количественными оценками», распространяются и на его аналоги. Однако в результате применения описанного выше механизма вновь выявленное психоактивное вещество остается в статусе аналога не более чем полгода и после включения в Республиканский перечень приобретает статус наркотического средства и психотропного вещества. С данного момента на него перестают распространяться количественные оценки, установленные постановлением Совета Министров, что и вызвало указанный выше резкий рост веществ, не имеющих данных оценок. Вследствие этого возможно возникновение ситуации, когда после внесения аналога в Республиканский перечень ответственность за незаконные действия с ним снизится: вместо ч. 3 ст. 328 УК РБ они будут оцениваться как совершенные в соответствии с ч. 2 указанной статьи в связи с отсутствием квалифицирующего признака «в крупном размере».

Полагаем, что отмеченные недостатки необходимо устранить. Наряду с очевидной необходимостью активизации работы по определению количественных оценок психоактивных веществ, возможной дополнительной мерой может являться включение норм о количественных оценках веществ в Республиканский перечень, что позволит синхронизировать два существующих в настоящее время нормативных правовых акта. В развитие данного предложения считаем необходимым дополнить примечание 3 к ст. 327 УК РБ нормой о том, что крупный размер наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов определяется на основании Республиканского перечня.

Другим правовым пробелом в части установления крупных размеров веществ, находящихся под государственным контролем, является отсутствие в ч. 3 ст. 328 УК РБ среди предметов преступления, изготовление которых осуществляется в крупных размерах, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. Данное положение представляется не вполне последовательным, поскольку в ст. 328 УК РБ прекурсоры имеют такой же статус, как и иные предметы рассматриваемого преступления (наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги). Данная ситуация не способствует дифференциации уголовного наказания в зависимости от общественной опасности преступления и может стимулировать расширение деятельности крупных нелегальных производств, осуществляющих изготовление и переработку прекурсоров в крупных размерах на последних стадиях их преобразования в наркотики. В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 328 УК РБ, а также установить количественные оценки прекурсоров и закрепить их нормативно.

Литература

1. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, обнаруживаемых в незаконном обороте, с их количественными оценками : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 24 нояб. 2000 г. № 1785 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах : Закон Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.01

**ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
КАТЕГОРИИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН**

С. В. Шиловский

*следователь по особо важным делам следственного отдела
по Октябрьскому округу города Архангельск следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области
и Ненецкому автономному округу; доцент кафедры уголовного права и процесса
Высшей школы экономики управления и права Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук*

Анализируя законодательство бывших республик Советского Союза, мы видим, что уголовное законодательство этих стран, претерпев изменения, подчас весьма значительные, все же смогло сохранить основные системные элементы, преемственность и логику развития, заложенные социалистическим уголовным правом. Несмотря на критику системы социалистического уголовного права, несомненным ее преимуществом в части использования категории способа совершения преступления является попытка ухода от казуистичности, свойственной странам романо-германской системы права, создание универсальных категорий способов совершения преступления, которые охватывают ряд однотипных деяний, учет общеотягчающих способов совершения преступления, существенно повышающих общественную опасность содеянного, закрепленных в Общей части, даже в случае отсутствия прямого указания на них в статье Особенной части.

В связи с этим представляется уместным рассматривать законодательство бывших советских республик: Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии [1] в их системе, выделив то общее, что объединяет уголовное законодательство данных стран в части использования категории способа совершения преступления, отметить единые тенденции развития, а также имеющиеся особенности уголовного законодательства отдельных стран.

Уголовные кодексы (УК) всех рассматриваемых стран объединяет общая структура, включающая в себя Общую и Особенную части. Анализ Общих частей уголовных кодексов рассматриваемых стран показал, что способ совершения преступления не предусмотрен в качестве смягчающего обстоятельства ни в одной из них. Обратная ситуация складывается со способом совершения преступления как обстоятельством, отягчающим ответственность, которое последовательно и системно представлено в рассматриваемых нами уголовных кодексах постсоветских

стран, при этом в большинстве своем данные положения аналогичны положениям отечественного законодательства, но имеются и особенности [2]. Так, некоторые страны (Азербайджан, Беларусь, Таджикистан, Узбекистан, Украина) не выделяют «простую» группу лиц как отягчающее обстоятельство, а УК Латвии и Эстонии вообще не дифференцируют групповой способ совершения преступления, указывая в качестве отягчающего обстоятельства преступления его совершение группой лиц. Схожим образом данный вопрос решен в УК Молдовы, который определяет данное отягчающее обстоятельство как «совершение преступления в любой форме соучастия». К особо жестокому способу совершения преступления ряд стран добавляют другие признаки: издевательство (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Таджикистан, Эстония), мучения для потерпевшего (Казахстан, Таджикистан), садизм (Казахстан), истязания (Азербайджан), пытки (Литва). Данное обстоятельство нельзя признать, на наш взгляд, удачным, поскольку понятие «особой жестокости» уже включает в себя все эти признаки, и их дополнительное выделение лишь вносит путаницу в понятийный аппарат. То же относится и к общепасному способу совершения преступления, который помимо указанной формулировки, используемой большинством рассматриваемых нами стран, описывается так же, как совершение преступления средствами, представляющими повышенную социальную опасность (Молдова), опасным способом с использованием взрывных устройств, взрывчатых веществ или оружия (Литва), что ведет к неоправданному расширению сферы действия данного отягчающего обстоятельства за счет учета только общепасных средств без учета обстановки их применения.

В УК Грузии в отличие от других рассматриваемых стран не выделяются конкретные виды отягчающих обстоятельств. Так, в ст. 53 УК Грузии, посвященной общим началам назначения наказания, законодатель определил, что при назначении наказания суд учитывают смягчающие и отягчающие ответственность виновного обстоятельства, при этом в числе прочего учитываются вид, способ и противоправные последствия осуществления деяния. Данный подход, на наш взгляд, не оправдан, поскольку размывает границы смягчающих и отягчающих обстоятельств, оставляя слишком большой круг вопросов на усмотрение правоприменителя, что, надо полагать, не способствует единообразию судебной практики.

Примечательно наличие законодательного разъяснения некоторых конкретных способов совершения преступления в двух из рассматриваемых нами уголовных кодексах. Так, в УК Узбекистана в восьмом разделе, посвященном правовому значению терминов, имеется разъяснение о том, что следует понимать под общепасным способом: «Поджог, взрыв, затопление и другие способы, которые грозят человеческими жертвами либо причинением материального ущерба». В ст. 4 УК Беларуси определено следующее: «Под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части настоящего Кодекса, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой... Под общепасным способом понимается способ совершения преступления, характеризующийся большой разрушительной силой или иным образом создающий опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий (взрыв, поджог, затопление и др.)». Конечно, данные разъяснения не содержат дефиниции самого понятия «способ совершения преступления», однако, несмотря на спорность приведенных определений, их противоречивость и мизерность на фоне общего количества способов совершения преступления, требующих законодательного разъяснения, следует признать, что это значимый шаг в сторону придания законодательной определенности категории способа совершения преступления.

Из всех анализируемых нами уголовных кодексов двенадцати стран ближнего зарубежья нами был установлен лишь один состав неосторожного преступления, предусмотренного ст. 145 УК Эстонии, имеющий указание на способ совершения преступления: «Уничтожение или повреждение общепасным способом чужого имущества, совершенные по неосторожности, в случае причинения крупного материального ущерба или иных тяжких последствий...». Поскольку данный состав служит единственным примером подобного указания, т. к. он противоречит как общей логике использования категории способа совершения преступления, так и логике самого УК Эстонии, прослеживающейся в других составах преступления, считаем, что в данном случае имеет место сбой законодательной техники Эстонии. На наш взгляд, более правильным было бы изложить данный состав в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное в результате неосторожного обращения с огнем или источниками повышенной опасности, в случае причинения крупного материального ущерба или иных тяжких последствий...».

Таким образом, в результате анализа законодательств Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии можно сделать следующие выводы:

1. Способ совершения преступления широко представлен в качестве «обстоятельства» обстоятельства в Общей части уголовных кодексов указанных постсоветских стран, при этом отсутствует в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность.

2. Дефиниция способа совершения преступления отсутствует в Общих частях уголовных кодексов, но в некоторых из них встречаются законодательные разъяснения отдельных способов совершения преступления.

3. Анализируемые уголовные кодексы содержат схожий перечень унифицированных способов совершения преступления Особенной части, при этом указание на него содержится только в умышленных преступлениях (за исключением единственного состава преступления в УК Эстонии, являющегося, на наш взгляд, сбоем эстонского законодательства).

Л и т е р а т у р а

1. Приводятся ссылки на тексты уголовных кодексов зарубежных стран, размещенные в базе данных НП «Центр научно-правовых инициатив Н. А. Лопашенко»: – Режим доступа: <http://crimpravo.ru/page/zak-uk>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 22.02.2018).
2. См. подр. об этом: Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории) / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – С. 18–24.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И. И. Эсмантович

*декан юридического факультета учреждения образования «Гомельский
государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат исторических наук, доцент, Республика Беларусь*

Непримиримая борьба с коррупцией – принципиальная государственная позиция Республики Беларусь. Коррупция представляет одну из самых больших социальных угроз, поскольку оказывает непосредственное влияние и на государственные

устой, и на общественные ценности, подрывает веру в справедливость и целесообразность принимаемых решений. По масштабам распространенности коррупции делают вывод о наличии политических, экономических и социальных рисков.

Особая опасность коррупции требует системного подхода к решению задач по ее снижению. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь одним из основных национальных интересов в политической сфере является эффективное противодействие коррупции [1]. Закон Республики Беларусь о борьбе с коррупцией 2015 г. также направлен на осуществление научно обоснованной, последовательной и системной деятельности институтов государства (его органов) и гражданского общества (общественные организации, СМИ и др.) по профилактике и сокращению негативного влияния коррупции, устранение причин и условий, способствующих ее возникновению [2].

Законом введен запрет на трудоустройство в качестве государственных служащих работников, ранее совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление против интересов службы либо сопряженное с использованием должностным лицом своих служебных полномочий. Ограничен прием на работу в государственные органы лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам. Введен гражданско-правовой механизм изъятия по решению суда имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы.

Таким образом, выполняются требования Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции о принципах приема на работу и прохождения службы гражданских служащих:

- эффективность и прозрачность, безупречность работы, справедливость и способности;
- надлежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей, которые считаются особенно уязвимыми с точки зрения коррупции;
- выплата надлежащего вознаграждения и установление справедливых окладов с учетом уровня экономического развития;
- выработка четких критериев к кандидатам и выборам на публичные должности [3].

В целях противодействия коррупционным проявлениям в органах прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности созданы специальные подразделения по борьбе с коррупцией.

Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 г. № 644 уточнены функции постоянно действующего Координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, призванного координировать правоохрнительную деятельность государственных органов. На основании анализа состояния и динамики преступности Координационное совещание вырабатывает согласованных оперативно-тактических и организационных мер по нейтрализации негативных изменений криминогенной ситуации, оценивает эффективность правоохрнительной деятельности государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией [4].

Повысить эффективность противодействия коррупции в значительной степени способно участие общественности. По данным исследования информационно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, практически половина населения (47 %) считает, что коррупция присутствует в белорусском обществе, вместе с тем среди респондентов преобладает негативное отношение к коррупции: 74 % считают, что это недопустимое явление, с которым надо решительно бороться [5].

Именно поэтому Программой по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг. поставлена задача по расширению участия общественных организаций, политических партий и граждан в реализации мер по предупреждению коррупции [6].

Общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией в соответствии с Законом 2015 г. может осуществляться гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями в формах участия в общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией, в деятельности комиссий по противодействию коррупции, в проведении социологических опросов и др.

Так, общественному обсуждению подвергались проекты Закона о борьбе с коррупцией, Декрета «О развитии предпринимательства и исключении излишних требований, предъявляемых к бизнесу», Указа «О совершенствовании контрольной и надзорной деятельности».

Однако, по мнению Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь, общественный контроль в сфере борьбы с коррупцией осуществляется недостаточно активно, что связывается, в том числе, с практическим отсутствием механизма реализации права на получение вознаграждения лицам, способствующим выявлению коррупции [7].

Правовое регулирование вопросов борьбы с коррупцией в Республике Беларусь носит комплексный характер. Вместе с тем необходимо расширить правовое просвещение гражданского общества по противодействию коррупции, разъяснению вопросов применения антикоррупционного законодательства, что позволит заинтересовать и привлекать большее граждан, общественных организаций к совместным действиям с государственными органами по предупреждению коррупционных проявлений, сформирует нетерпимость к ним.

Правовое просвещение необходимо и для выработки правильного поведения каждого гражданина при встрече с представителями госаппарата. От непосредственного участия самих граждан зависит очень многое. Каждый гражданин должен четко знать правила поведения при общении со служащим органа власти и управления, ставить перед собой четкие и реальные задачи и, таким образом, не способствовать коррупции.

В настоящее время в Республике Беларусь сформирована строгая система по противодействию коррупции в обществе и государстве, предпринят ряд практических и организационных мер, принимаются меры также и по совершенствованию права и приведению его в соответствие с международными нормами. Данные социологических исследований также свидетельствуют о том, что меры, предпринимаемые государством по борьбе с коррупцией, оцениваются населением положительно и являются эффективными.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276.
2. О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 г. № 305-3 // Режим доступа: Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Дата доступа: 01.06.2018.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции : Конвенция от 31.10.2003 г. // Режим доступа: СПИ «Бизнес-Инфо». – Дата доступа: 01.06.2018.
4. Положение о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией : Указ Президента Респ. Беларусь от 17.12.2007 г. № 644 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 304.
5. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь // Режим доступа: <http://iac.gov.by/>. – Дата доступа: 01.06.2018.
6. Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 гг. : утв. Решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией от 26.05.2017 № 16 // Режим доступа: <https://nedoika.schools.by/pages/programma-po-borbe-s-prestupnostju-i-korruptsiej-na-2017-2019-gody>. – Дата доступа: 01.06.2018.
7. О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 05.02.2016 г. № 101 // Режим доступа: Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Дата доступа: 01.06.2018.

СЕКЦИЯ V
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ
И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 159.98:343.9

**ПОЛИГРАФОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРОФАЙЛИНГОВЫЕ ДИСКУССИИ:
ПРОБЛЕМЫ ДОСТОВЕРНОСТИ**

М. Р. Арпентьева

*доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии
естествознания (РАЕ), профессор кафедры психологии развития и образования,
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского*

Технологизация и информатизация криминального профилирования и верификации – две наиболее актуальные тенденции криминального профилирования. Последнее начинает занимать все большее место в досудебном и судебном расследовании преступлений, верификации показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших и т. д. Технологизация и информатизация этого процесса способствуют его стандартизации и верификации по отношению к научным моделям, нормативам и по отношению к диагностируемой реальности как таковой. Современный мир, а с ним и мир правовой, интенсивно меняются. В юстицию входят новые доктрины, концепции, технологии и методики. Многие из них относятся к процессам поиска и доказательства вины подозреваемых, оценке ложности и правдивости показаний и т. д. [4]. Современная криминалистика в процессе досудебного и судебного расследований все больше обращается к психологическим и психофизиологическим технологиям, суммированным под названиями профилирование, верификация, полиграфологическая и, шире, судебно-психологическая экспертиза, а также медиация, посредничество, психологическая реабилитация и развитие [3, 4, 12, 13]. Однако, как бы ни был высок интерес, скепсиса и осторожности в позиции правоохранительной системы к психологическим методикам и технологиям не меньше. И дело не только в том, что психологические подходы и технологии не всегда научно прочно обоснованы: юстиция сама не имеет прочных научных оснований. Дело в том, что психология представляет конкурирующий с юстицией взгляд на проблему «истины»: в психологии истиной является и то, что субъективно, в юриспруденции – истинно то, что доказано (с помощью логических и фактических доказательств). «Психологика» хотя и исследуется и используется сотрудниками правоохранительных структур (и обслуживающих совместно с ними интересы государственного монолита психиатрических и здравоохранительных структур), но исследуется и используется в крайне усеченном, не отрефлексированном виде: «закон – что дышло», – гласит старая русская пословица, вполне отображающая суть отношения юстиции и ее сотрудников к миру и обоснованности тех или иных суждений о нем [1, 2, 9].

В рамках решаемых судебно-психофизиологической экспертизой экспертных задач первостепенные требования к валидности и надежности экспертных исследований обусловлены необходимостью первичного исследования специфики высших

психических функций гнозиса, когнитивно-мнестической и эмоционально-волевой деятельности носителя идеальной следовой информации для диагностики потенциальной способности и актуальной возможности к адекватному отображению окружающей действительности в момент конкретного события, сохранению идеальных следов события и передаче сведений, известных носителю, непосредственно или опосредованно. Формирование и совершенствование методологии, концепций, технологий и методик судебно-психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) способности подэкспертного давать показания в российской и зарубежной судебной психологии дают возможность сформулировать несколько принципиальных условий эффективной и продуктивной экспертной практики [3, 4, 6]. Выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и т. д.) точно и полно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, имеющие большее или меньшее значение для расследования дела, давать о них более или менее развернутые и полноценные показания, а также вычленение влияющих на эти феномены факторов позволяет достигать высокого качества и обоснованности экспертных заключений [7, 8, 10]. В соответствии с методическими рекомендациями ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ и ФМИЦПН им. В. П. Сербского Минздрава РФ потенциальная способность определяется «нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков» [5, с. 4; 16]. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях.

В дальнейшем, алгоритм экспертного исследования должен строиться с учетом специфики поведенческого статуса и мотивационных компонентов коммуникации подэкспертного [4], а именно решать задачи исследования психодинамических признаков наличия либо отсутствия инсценировки в части сообщения идеальной следовой информации, а также решать задачи дифференциации между когнициями (информация, полученная вне ситуации, имеющей значение по уголовному делу) подэкспертного и реальными энграммами памяти (нейрофизиологическое отражение информации конкретного внешнего события, представленное в сознании человека как образ этого события). Под инсценировкой понимается осознанная, намеренная симуляция определенных обстоятельств, переживаний, поведенческих и речевых моделей в виде фальсификации и (или) сокрытия идеальной следовой информации.

Вопрос достоверности показаний при наличии потенциальной способности подэкспертного к даче полноценных показаний – второй важнейший момент экспертизы [11]. У. Ундойчу принадлежит гипотеза о качественных различиях показаний, основанных (правдивых, реальных) и не основанных (вымышленных, ложных) на пережитом субъектом опыте. Он же пытался проверить ее на практике. Другие исследователи, в том числе М. Штеллер и Г. Кенкен, пытались создать методики типа «Анализ качества высказываний» [5, 6, 14], позволяющие различить эти высказывания; потребность в подобном исследовании высока как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Судьям, принимающим решение о достоверности показаний, а также следователям полезно иметь знания и технологии, позволяющие оценить, содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности». Однако возможности дифференциации достоверных и недостоверных показаний, по мнению целого ряда исследователей, до сих пор не имеют экспериментального обос-

нования. А. Врай (Фрай), Г. Кенкен и другие психологи отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний, для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований; хотя точность дифференциации «пережитых», реальных и «не пережитых», вымышленных событий достигает 90 %, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера: решается не просто вопрос о вероятности вины и события, но и судьбе человека.

Можно отметить одно: ни одно решение судей не основано на 100 % доказанности событий, более того, в современном мире, и особенно в России, все больше случаев, когда для инкриминирования и осуждения достаточно только подозрения и (или) некоторой заинтересованности инкриминирующих субъектов в осуждении человека. На этом пути психологическая экспертиза могла бы сказать свое веское слово, но этому противятся и многие юристы, и многие психологи. Юристы не заинтересованы в трансформациях правоохранительной системы, ущемляющей их полномочия и трансформирующей законы, а психологи часто интересуются больше сиюминутными выигрышами и проигрышами своей деятельности, что позволяет им игнорировать задачи научного обоснования и доказательства полноценности создаваемых ими и используемых методик, технологий, концепций и, конечно, методологий.

Л и т е р а т у р а

1. Российская криминалистика : учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : Норма Инфра-М, 2000. – 990 с.
2. Арпентьева, М. Р. Профайлинг как технология профессиональной безопасности / М. Р. Арпентьева // Экология. Риск. Безопасность : материалы IV Общерос. науч.-практ. очно-заоч. конф. с Междунар. участием, 29–30 окт. 2015 г., Курган : сб. науч. тр. – Курган : Курган. гос. ун-т, 2016. – С. 27–28.
3. Арпентьева, М. Р. Психологические аспекты правоохранительной деятельности / М. Р. Арпентьева. – Калуга : КГУ, 2018. – 270 с.
4. Арпентьева, М. Р. Судебная и криминалистическая психологическая диагностика : методы профилирования, верификации и использования полиграфа / М. Р. Арпентьева, И. А. Макаренко. – Москва–Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, Акад. детекции лжи, 2018. – 260 с.
5. Аснис, А. Я. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Информ. письмо / А. Я. Аснис, Е. В. Васкэ, Е. Г. Дозорцева. – М. : НМС РФЦСЭ Минюста, 2016. – 17 с. – Режим доступа: <http://srccs.su/wp-content/uploads/2013/07/Minyust-protiv-dostovernosti.pdf>. – Дата доступа: 10.03.2018.
6. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства / В. Ф. Енгальчев [и др.]. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 328 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Юрайт-Издат, 2004. – 361 с.
8. Макаренко, И. А. Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого / И. А. Макаренко // Вестн. Башкир. ун-та. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 1115–1119.
9. Макаренко И. А. Технология контактной экспертной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе / И. А. Макаренко // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 2. – С. 333–339.
10. Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Верхов. суд Рос. Федерации. – 2012. – 3 апр. – С. 1–22.
11. Определение Верховного суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. по делу № 5-АПУ17-2 // Верхов. суд Рос. Федерации. – 2017. – 9 марта. – С. 1–15.
12. Питерцев, С. К. Тактические приемы допроса : учеб. пособие / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. – СПб., 2006. – 56 с.
13. Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение / отв. ред. М. Р. Арпентьева. – Калуга : Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, Эйдос, 2016. – 290 с.

14. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых / Ф. С. Сафуанов [и др.]. – М. : ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2016. – 28 с.

УДК 343.985

О НЕДОСТАТКАХ ПРОЦЕССА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ АЛГОРИТМИЗАЦИИ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ

Д. В. Бахтеев

*доцент кафедры криминалистики Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный юридический университет»,
кандидат юридических наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Криминалистическая деятельность по раскрытию и расследованию преступлений представляет собой одну из наиболее трудно поддающихся формализации и системному анализу форм человеческой деятельности в силу того, что основным источником для нее являются не строгие законодательно установленные нормы, а криминалистические рекомендации, носящие чаще всего ситуационно-обусловленный характер.

Р. С. Белкин подчеркивал, что «рядовой следователь без обширного профессионального опыта, в условиях дефицита времени и экстремальной ситуации не в состоянии воспроизвести в памяти десятки страниц «книжной методики» в качестве оперативного руководства к действиям». В качестве решения он предлагал разработку на основе научных разработок лаконичных, четких и ясных алгоритмов действий следователя, их вариантов для выбора в зависимости от следственных ситуаций [1, с. 127–128].

Е. П. Ищенко указывает, что «основу программы первоначального этапа расследования преступлений должны составлять методические предписания, свободные от «информационного шума» – полемики, объяснений, отступлений – и облеченные в форму кратких и конкретных алгоритмов, систематизированных так, чтобы потребовался минимум усилий на поиск необходимых сведений и осмысление связей между ними» [2, с. 39]. Он же определяет выбор алгоритмизированных действий как «...метод полной критериальной зависимости от следственной ситуации, которую с новой точки зрения – в аспекте криминалистической алгоритмизации – необходимо представлять как набор критериальных фактов» [3, с. 52]. Это позволяет, отсеив все компоненты информационного шума, увидеть наиболее существенное в следственной ситуации, что сделает ее более структурированной, четкой.

При всей очевидной полезности алгоритмизации следственной деятельности она обладает рядом недостатков. Во-первых, следует отметить определенный разрыв между наукой как источником криминалистических алгоритмов и практикой как их потребителем. Так, исследование, проведенное К. А. Нелюбиным, демонстрирует, что лишь 26 % процентов следователей при выдвижении версий о лице, совершившем убийство, пользуются криминалистическими методиками, остальные опираются на собственный профессиональный опыт, оперативные сведения, логику, фантазию и т. п. [4, с. 20].

Во-вторых, большое количество категорий и видов совершаемых преступлений, складывающихся ситуаций, моделей поведения участников процесса расследования создают определенные сложности в разработке прикладных алгоритмов деятельно-

сти следователя. Алгоритмические программы обладают свойством полной детерминированности, т. е. они однозначно определяют действия человека, обуславливают успешное достижение цели, кроме того, им присуще свойство массовости, т. е. пригодности для использования и понятности для неограниченного числа исполнителей. Однако индивидуальному конкретному следователю зачастую необходимы рекомендации по действиям не общего характера, а частные технологические решения, заблаговременно предусмотреть и сформулировать которые, как правило, невозможно. Алгоритм предполагает заблаговременное установление всех важных закономерностей следственной ситуации. «...В то же время некоторые связи не могут быть использованы при алгоритмизации расследования, ибо не являются закономерными, либо такие закономерности пока еще не выявлены. Примером может служить связь между характеристиками преступления и потерпевшего, с одной стороны, и признаками личности преступника, с другой. Некая связь здесь действительно присутствует, но она очень осложнена элементом случайности» [3, с. 52].

В-третьих, алгоритмизация деятельности следователя частично нивелирует самостоятельность в принятии решений, накопление как положительного, так и отрицательного личного опыта, и, как следствие, влечет замедление темпов повышения квалификации следственных кадров, что является одной из причин снижения качества расследования. Проведенный автором опрос следователей показал, что большинство опрошенных крайне положительно относятся к алгоритмизации следственной проверки и первоначального этапа расследования, поскольку это позволяет «разгрузить» ресурсы мышления и действовать «на автомате», что нельзя считать достойной характеристикой самостоятельно мыслящего субъекта.

Кроме того, идея применения теории алгоритмов в сложных системах, требующих вероятностной оценки доказательств и принятия категорических выводов (к которым, безусловно, стоит отнести и некоторые сложные ситуации процесса расследования), противоречит теоремам К. Геделя о неполноте, согласно которым «...не существует алгоритма, с помощью которого можно было во всех случаях проверить истинность или ложность доказательства».

Несмотря на вполне очевидную важность и значимость алгоритмизации деятельности следователя, необходимо также уделять внимание и фундаментальной основе такой деятельности – мышлению следователя, актуально предложение о необходимости криминалистического изучения которого было выдвинуто Н. П. Яблоковым [5, с. 116].

Именно характеристиками мышления во многом определяется как точность реализации криминалистических алгоритмов, так и общие эффективность и результативность расследования. Деятельность следователя, как и любого другого познающего субъекта, является производной от его мышления, при этом «криминалистическое мышление не сводится к простому реструктурированию имеющихся сведений, но позволяет воссоздать и предвосхитить будущий результат наступления того или иного события, определить дальнейший вектор в деятельности по расследованию преступлений» [6, с. 71].

Представляется, что криминалистическое мышление выступает отличительной характеристикой деятельности, изучаемой криминалистикой, позволяя своему субъекту предельно точно выявлять зачастую скрытые связи между разрозненными элементами картины преступления, критически оценивать полученную информацию, взаимодействовать с различными субъектами уголовного процесса, в том числе с лицами, совершившими преступления, устанавливая тем самым истину по уголовному делу.

Н. П. Яблоков в своей знаменитой статье абсолютно верно отмечает, что «...современный методический и информационный уровень и возможности криминалистического мышления значительно выше тех возможностей, которые были во времена Ганса Гросса. В настоящее время в этом мыслительном процессе могут использоваться не только данные логики, психологии, но и информатики, эвристики, теории игр, кибернетики и других современных наук» [7, с. 156–157]. Ратинов А. Р. указывает, что «...сложность изучения умственной деятельности связана с тем, что мыслительные процессы скрыты от внешнего наблюдения и с трудом поддаются осознанию. Тем не менее овладеть «тайной» собственного мышления должен стремиться каждый следователь, ибо неумение отдавать себе отчет в своих действиях, мыслить осознанно является одной из основных причин ошибочных суждений и выводов» [8, с. 207]. Однако с развитием теоретических положений криминалистики, равно как других областей знаний, изучающих различные когнитивные системы и методы, изучение феномена криминалистического мышления сегодня гораздо более доступно для исследования, поскольку опирается на широкую методологическую и эмпирическую базу.

Представляется, что криминалистическое мышление от иных типов мышления отличается следующая совокупность признаков:

1. Игровой характер: процесс расследования может с определенными оговорками быть представлен как процесс, в котором участие принимает ограниченное количество сторон (стороны обвинения и защиты), ведущие борьбу за реализацию своих противоположных интересов и использующих определенную стратегию, характеризующуюся правильностью и адекватностью для субъекта ее применения. Анализ поведения субъекта криминалистического познания (например, следователя) может быть произведен с позиций так называемого нормативного анализа в целях выявления оптимальной линии действий. При этом выявление такой линии невозможно без учета позиций и деятельности противоположной стороны. Это подтверждается как практическими примерами (например, практически любой план по ходу расследования подлежит динамической корректировке), так и математическими выкладками. Так, лауреат Нобелевской премии Джон Нэш доказал, что в любой рациональной системе с ограниченным набором участников всегда присутствует смешение стратегий, при котором ни один из участников не способен улучшить свое положение только за счет внесения изменений в собственную стратегию, без учета стратегий иных участников.

2. Творческий (или эвристический) характер.

С учетом изложенных позиций, определение криминалистического мышления может быть сформулировано следующим образом. *Криминалистическое мышление* – это совокупность личностных характеристик познающего субъекта и способов познавательной деятельности, позволяющих осуществлять воспринимать и обрабатывать фрагментированную, неполную информацию в целях выявления и объяснения нарушений причинно-следственных связей.

Исходя из такого определения, следует сделать вывод, что криминалистическое мышление не является отдельным методом познания и не сводится к конечному перечню методов, а представляет собой некий продукт базовых личностных качеств познающего субъекта, его знаний в сочетании с определенными методами. В какой-то мере криминалистическое мышление может быть охарактеризовано как метаметод криминалистической деятельности. Следует частично согласиться с мнением М. Б. Шавера, указывавшего, что «...никаких единых методов и способов, которые можно было бы применить при расследовании различных дел, нет» [9].

Литература

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы современной криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Норма Инфра-М ; НОРМА, 2001. – 240 с.
2. Ищенко, Е. П. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений / Е. П. Ищенко. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 167 с.
3. Водянова, Е. П. Алгоритмизация следственной деятельности : монография / Н. Б. Водянова, Е. П. Ищенко ; под ред. Е. П. Ищенко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
4. Нелюбин, К. А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / К. А. Нелюбин. – Екатеринбург, 2016. – 209 с.
5. Яблоков, Н. П. Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня / Н. П. Яблоков // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее : достижения и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 60-летию образования службы криминалистики, Москва, 16 октября 2014 г. – М. : Акад. Следств. ком. Рос. Федерации, 2014. – С. 116–120.
6. Соколов, А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание / А. Б. Соколов // Психопедагогика в правоохранит. органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 68–72.
7. Яблоков, Н. П. К вопросу о криминалистическом мышлении / Н. П. Яблоков // Правовые проблемы укрепления рос. государственности : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 156–159.
8. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
9. Шавер, М. Б. Об основных принципах частной методики расследования преступлений / М. Б. Шавер // Социалист. законность. – 1938. – № 1. – С. 42–56.

УДК 343.985

**ЦЕЛЕВЫЕ КИБЕРАТАКИ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ
ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ТЕХНИКИ****Н. Н. Беломытцев**

*адъюнкт научно-педагогического факультета
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», г. Минск*

Информационные технологии, компьютерная техника и многочисленные инновационные разработки стали своеобразной «средой обитания» для человечества. В связи с чем распространение получила киберпреступность, для которой нет расстояний и ограничений по времени, а преступники умело используют свои специальные знания и достижения научно-технического прогресса для совершения преступлений. Движимые корыстными целями, расхитители объединяются в устойчивые транснациональные преступные группы, жертвами которых становятся физические и юридические лица всех форм собственности, государственные органы, организации и учреждения.

Анализ состояния преступности в Республике Беларусь свидетельствует о том, что количество регистрируемых хищений с использованием компьютерной техники (ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь – УК РБ) имеет тенденцию к росту. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 2 069 таких преступлений, в 2016 – 1 844 преступлений, в 2017 – 2 330 преступлений. Наносимый материальный ущерб при этом из года в год значительно возрастает. По данным управления по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД Республики Беларусь, в 2017 г. общий уровень раскрываемости такого вида хищений составил 59,5 %. При этом в поле

зрения правоохранительных органов попадает 10–15 % таких преступлений, причем в результате их раскрытия в 2016, 2017 гг. из числа выявленных лиц к уголовной ответственности привлечены 80 % [1].

В этой связи усилия практических работников, ученых должны быть направлены на совершенствование методики расследования преступлений данного вида. Одним из важнейших элементов криминалистической методики является способ совершения преступления. Под ним принято понимать единый комплекс взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступления, осуществляемых в определенное время, в определенном месте и с использованием необходимых орудий и средств [2].

Как показывает практика, сущность хищения путем использования компьютерной техники такова, что дать исчерпывающий перечень способов его совершения вряд ли возможно. Несмотря на это, в нынешних реалиях целесообразно говорить и разрабатывать комплекс мер по профилактике, выявлению, пресечению, полному и всестороннему расследованию преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ, в результате совершения которых наносится ущерб пострадавшей стороне. Одним из способов совершения таких преступлений выступает сложная целевая кибератака, так называемая АРТ (англ. Advanced persistent threat) – «развитая устойчивая угроза» [3].

В настоящее время расхитители аккумулируют в своей деятельности не только знания и умения в информационно-коммуникационной сфере, всесторонне автоматизируя эту деятельность, распределяя вычислительную нагрузку среди других ЭВМ, но используют достижения в сфере психологии, социальной инженерии и т. д. Причем делают это тайно, быстро, высокоорганизованно и целенаправленно. Как правило, такой способ хищения имеет следующие стадии: подготовка к кибератаке, проникновение в информационную систему, распространение вредоносного программного обеспечения, достижение преступной цели. Рассмотрим каждую из этих стадий более подробно:

1. На стадии подготовки к кибератаке происходит установление конкретной цели (объекта нападения), получение необходимой информации о путях и паролях доступа к информационной системе организации. Осуществляется разработка стратегии нападения, а также приискание и (или) создание необходимого программного обеспечения для сбора, обработки, внедрения, распространения, хищения и сокрытия следов преступления, а также иницируются иные действия с информацией для успешной реализации атаки. Используются готовые программные продукты, создаются новые, уникальные, разработанные для конкретной информационной системы, с функциями самоуничтожения и уничтожения следов их присутствия. Для получения конфиденциальных данных используется социальная инженерия и всевозможные фишинговые ссылки.

2. На стадии проникновения в информационную систему происходит внедрение средств удаленного доступа, управления и администрирования (как легальных (официально используемых), так и вновь созданных (хакерских)). При этом может использоваться целевой фишинг, эксплойты (компьютерная программа, фрагмент программного кода или последовательность команд, использующие уязвимости в программном обеспечении и применяемые для проведения атаки на вычислительную систему). Используются знания инсайдеров, программы-шпионы, иные способы социальной инженерии, инвентаризация сети (получение сведений о состоянии системы в целом) и всевозможные комбинированные техники. При этом для скрытой деятельности могут использоваться «бестелесные» программы, которые работают только в оперативной памяти и уничтожаются после перезагрузки. При этом скрип-

ты на PowerShell, VBS, PHP помогают им обеспечивать закрепление в системе, а также автоматизировать некоторые этапы атаки. Злоумышленники используют скрытые каналы связи, зачастую используя для этого легитимные средства (Plink, AmmyAdmin и т. п.) [4].

3. На стадии распространения программного влияния и управления на информационную сеть объекта атаки происходит программное закрепление в системе, поиск ключевой информации и методов достижения преступной цели. Дальнейшее получение доступа к управлению данными, распространение RAT (средств удаленного администрирования), бэкдоров (дефект алгоритма, который намеренно встраивается в него злоумышленником, и позволяет получить несанкционированный доступ к данным или удаленному управлению операционной системой и компьютером в целом). После получения доступа к контроллеру домена и администраторских паролей атакующий проводит поиск в сети интересующих серверов и компьютеров. Прежде всего осуществляется поиск компьютера или сервера, с которого есть доступ в подсеть, где находятся банкоматы или иные сегменты сети, например, в сегмент процессинга платежных карт. На банкоматах устанавливается программное обеспечение, обеспечивающее выдачу денежных средств по дистанционной команде [5].

4. На заключительной стадии происходит реализация основной цели атаки – завладение и хищение денежных средств. При этом используются кейлоггеры (программное обеспечение или аппаратное устройство, регистрирующее различные действия пользователя – нажатие клавиш на клавиатуре компьютера, движения и нажатие клавиш мыши и т. д.), всевозможные программы-шпионы, перехват нужной информации и управления ключевой инфраструктурой, изменение данных, дальнейшие манипуляции с финансовыми процессами. Далее проводится ряд мероприятий по сокрытию следов хищения и своего присутствия [6]. В тех случаях когда кибератака была направлена на получения контроля над банкоматами, к процессу привлекаются соучастники («дропы», «мулы»), занимающиеся получением денежных средств в условленном месте и времени.

Ярким примером целевой кибератаки является хищение денежных средств из банкоматов ЗАО «Альфа-Банк». За несколько часов было похищено 527 000 долларов США, 67 500 евро и почти 109 000 белорусских рублей из 27 банкоматов, расположенных в г. Минске, г. Могилеве и г. Витебске [7]. Впоследствии, в ходе расследования уголовного дела, а также иных дел в других странах большинство участников, в том числе и лидера преступной группы «Cobalt», удалось задержать [8]. Вместе с тем даже после задержания многих участников атаки на финансовые учреждения продолжают [9].

В случае получения доступа к процессингу платежных карт привлекаются соучастники, занимающиеся оформлением на подставных лиц – «мулов» – платежных карточек атакованной организации. Они консолидируются в руках лиц, получающих денежные средства в банкоматах непосредственно после того, как балансы и лимиты карт будут повышены в системе процессинга [4].

В случае получения доступа к компьютерным средствам сегмента платежной системы или системы переводов SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications – международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей) производятся платежи на заранее подготовленные счета, с которых денежные средства далее переводятся и обналичиваются по стандартным для компьютерной преступности схемам (через индивидуальных предпринимателей, похищенные банковские пластиковые карточки, их реквизиты, покупки товаров в сети интернет и т. д.).

При кибератаке на клиентов кредитных организаций, использующих бухгалтерские системы, происходит автоматическая подмена платежных поручений на этапе их передачи из бухгалтерской системы в систему дистанционного банковского обслуживания (далее ДБО). Целью, как правило, является файл экспорта-импорта, генерируемый бухгалтерской системой для передачи платежных поручений в систему ДБО, содержащий реквизиты получателя, суммы и иную необходимую для переводов информацию.

Когда целью выступают платежные шлюзы (аппаратно-программный комплекс, который позволяет автоматизировать процесс приема платежей в сети Интернет), то атаке подвергаются не только банки, но и компании, управляющие платежными терминалами. После получения удаленного доступа в сеть банка на шлюзах запускается SOCKS-прокси (расположен между локальной сетью и интернет-каналом) на внутренних хостах для обеспечения связи с платежными шлюзами или используются другие средства удаленного доступа. Далее создается и запускается в локальной сети скрипт, который автоматически формирует тысячи транзакций на маленькие суммы пополнения карт и (или) балансов телефонов атакующих. Другой скрипт переводит деньги с телефонов на карточки, и далее запускается стандартная процедура «отмывания денег» [10].

Набирают популярность хищения денежных средств при проведении ICO (Initial coin offering, с англ. – «первичное предложение монет, первичное размещение монет» – форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалют, полученных разовой или ускоренной эмиссией [11]). В качестве инструментария при проведении такой кибератаки все чаще используются модифицированные трояны, которые применяются для хищений в финансовых учреждениях (банках и иных финансовых организациях). Среди своеобразных инструментов совершения преступления в основном выступают фишинг, дефейс (deface – подмена сайта во время ICO), социальная инженерия, DDoS-атаки (огромное количество запросов, генерируемые множеством ЭВМ, вызывающие отказ в обслуживании) с целью компрометации секретных ключей и получения контроля над банковскими счетами, а также используются уязвимости в самих смарт-контрактах, причем они могут сочетаться [12].

По нашему мнению, наилучшими решениями задач, связанных с профилактикой, выявлением, пресечением и расследованием данного вида преступлений, являются: подготовка специалистов и переподготовка имеющихся кадров для борьбы с киберпреступлениями; активное участие информационных регуляторов Республики Беларусь в сборе, обработке, аккумулировании поступающей информации о данных происшествиях, оказании технической помощи и участие в международном сотрудничестве с иностранными государствами в данной сфере; взаимодействие и постоянное сотрудничество трех групп специалистов: правоохранительных органов (оперативных работников, следователей, экспертов), сотрудников пострадавшей стороны (специалистов в области банковских, финансовых, блокчейн и иных инновационных технологий), специалистов в области защиты информации, и лиц (организаций), занятых в данной сфере какой-либо деятельностью (вычислительной, интеллектуальной и т. д.).

Литература

1. Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (Управление «К»), Статистические данные за 2017 год. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=3311>. – Дата доступа: 31.01.2018;
2. Зуйков, Г. Г. Поиск преступников по признакам способа совершения преступления / Г. Г. Зуйков. – М. : ВШ МВД СССР, 1970. – 191 с.
3. АРТ. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/АРТ#cite_ref_6ffe97e274898d9e_1-3. – Дата доступа: 15.04.2018.

4. Group-IB Hi-Tech Crime Trends 2017. – Режим доступа: https://www.pacifica.kz/upload/Group-IB_Hi-Tech_Crime_Trends_2017.pdf. – Дата доступа: 16.04.2018.
5. Отчет Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Главного управления безопасности и защиты информации Банка России. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/14435/FinCERT_survey.pdf. – Дата доступа: 17.04.2018.
6. Advanced Persistent Threat (APT). Таргетированные или целевые кибератаки «Развитая устойчивая угроза». – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:APT_%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B8. – Дата доступа: 17.04.2018.
7. Завершено расследование против мошенника, который участвовал в краже более 600 тысяч долларов у банков. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news585838.html>. – Дата доступа: 18.04.2018.
8. В Беларуси задержали двух участников синдиката Cobalt, укравшего миллиард евро. – Режим доступа: <https://42.tut.by/586581>. – Дата доступа: 18.04.2018.
9. Group-IB: несмотря на арест лидера, группа Cobalt продолжает атаки на банки. – Режим доступа: <https://www.group-ib.ru/media/gib-cobalt-activity/>. – Дата доступа: 19.04.2018.
10. Основные типы атак в кредитно-финансовой сфере в 2017 году. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/14435/gubzi_17.pdf. – Дата доступа: 18.04.2018.
11. ICO. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ICO_\(%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/ICO_(%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B)). – Дата доступа: 19.04.2018.
12. Group-IB: более 100 атак в среднем совершается в ходе каждого ICO. – Режим доступа: <https://www.group-ib.ru/media/ico-100/>. – Дата доступа: 19.04.2018.

УДК 343.98

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ДОКУМЕНТОВ, УДОСТОВЕРЯЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ, И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ИХ ПРОВЕРКИ

О. С. Бочарова

*доцент кафедры правовых дисциплин Российского государственного
социального университета, филиал в г. Минске,
ведущий специалист ООО «Регула», кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

Документом, удостоверяющим личность, является любой документ, который может использоваться для установления личности человека: национальные паспорта, национальные ID-карты, водительские удостоверения, биометрические виды на жительство (в том числе в виде ID-карты), документы лиц без гражданства и беженцев, документы на пребывание в стране в виде визовой марки, вклеиваемой в документ, военный билет, иные служебные документы. С каждым годом документы обновляются, становясь все более защищенными.

Первые машиносчитываемые паспорта появились в 80-е гг. прошлого века и были введены по требованию ИКАО для повышения скорости проверки документов. ИКАО установила стандарт, который регламентирует требования к удостоверениям личности. Несмотря на рекомендательный характер стандарта, во многих странах существуют внутренние законы, требующие использовать стандарты ИКАО там, где отсутствуют национальные стандарты. Стандартом ИКАО 9303 определяется машиносчитываемая зона паспорта (MRZ), которая расположена в нижней части страницы с идентификационной информацией. Она представляет собой две строчки симво-

лов для автоматического считывания, которые выполняются чернилами IR B900 Ink. Первая строка символов содержит в себе информацию о типе паспорта, стране, выдавшей паспорт, а также имя и фамилию владельца паспорта. Вторая строка содержит в себе номер паспорта, страну выдачи паспорта, дату рождения, пол владельца паспорта, срок окончания действия паспорта, а также идентификационный номер в форме, принятой в стране, выпустившей паспорт.

С апреля 2010 г. ряд государств начал выдавать только биометрические паспорта, содержащие цифровое фотографическое изображение лица, отпечатков пальцев и (или) изображение радужной оболочки глаза, хранящиеся на специальной RFID-карте. Появление биометрических паспортов связано с увеличением числа поддельных идентификационных документов, а также с необходимостью точной идентификации личности владельца документа [1]. В настоящее время для въезда в США необходим биометрический паспорт, для въезда в страны Шенгенского соглашения необходима виза с биометрическими данными (минимум фотоизображение и отпечатки пальцев). Сегодня около 60 стран выдают своим гражданам так называемые электронные паспорта.

В современном мире пересечение границ государств невозможно без документа, удостоверяющего личность, который подвергается тщательной проверке сотрудниками подразделений пограничного контроля в пункте пропуска, регламентированной в национальных нормативных правовых актах. В соответствии с определенным алгоритмом действий визуально и с использованием технических средств устанавливается: соответствие документов образцу; факт легальной выдачи документа; срок его действия и правильность заполнения; наличие либо отсутствие в документе частичных подделок (замены фотокарточки, подчистки, травления, дописки, допечатки и пр.), проводится перекрестное сопоставление видимых данных, данных MRZ, RFID-чипа, данных в визе с применением специальных считывающих устройств. Также проводится идентификация личности, проверяется, не состоит ли предъявитель на учете лиц, которым въезд в страну не разрешен, не проходит ли он по учетам документов, утерянных и объявленных недействительными. По окончании данных процедур, если лицо подлежит пропуску через государственную границу, в документе ему проставляется дата-штамп и, при необходимости, другие отметки. Данный алгоритм позволяет в полной мере решать задачи по обеспечению национальной безопасности путем проверки документов и идентификации личности. В то же время установление действительности документа определяется человеческим фактором, т. к. именно человек контролирует состояние документа и принимает решение о пропуске лица через границу.

Повышение уровня развития полиграфии, компьютерных технологий неизбежно приводит к увеличению количества и частоты появления различных фальсифицированных документов. В этих условиях особую актуальность приобретают и новые высокотехнологичные средства защиты документов и технические средства проверки документов – приборы и устройства, позволяющие с высокой степенью вероятности гарантировать выявление фальсифицированных (полностью или частично) документов. Среди таких технических средств можно выделить класс достаточно сложных многофункциональных устройств – видеоспектральных компараторов. Однако данные устройства предназначены в основном для специального экспертного исследования документов, в то время как для общей проверки, проводимой в пунктах пропуска, необходимы портативные или переносные устройства оперативного контроля подлинности документов.

Исследование документов, удостоверяющих личность, включает в себя: установление с помощью технических средств наличия или отсутствия совокупности

технологически сложных для воспроизведения элементов и средств защиты, характерных для подлинного документа, и принятие решения о подлинности проверяемого документа. При этом в зависимости от уровня защиты документа число средств защиты сводится к десяткам или даже сотням единичных элементов. Таковыми могут быть: различные люминесцирующие фрагменты; участки изображений с эффектом метамерности; фрагменты, выполненные красителями с ферромагнитными свойствами и обладающие остаточной намагниченностью; специальные способы печати (интаглио, конгревное золочение, высокая печать, ирисовый раскат, микропечать, скрытые изображения и пр.); многотонные водяные знаки; структура, клеевой состав и материал бумажного носителя, а также многие другие элементы повышенной технологической сложности воспроизведения. Современная индустрия производства элементов и средств защиты ежегодно выдает новые разработки.

Существующие элементы и средства защиты призваны обеспечить защиту документа от подделки и возможность их контроля как при общей проверке, так и на уровне экспертного исследования. В настоящее время в основном разрабатываются так называемые публичные защитные элементы визуального контроля, часть из которых являются машиночитаемыми. Современные документы, удостоверяющие личность, требуют наличия явных (и ярких) публичных признаков для быстрого контроля подлинности без специального исследования. Производители защищенных идентификационных документов ищут решения по разработке сбалансированного комплекса публичных и экспертных признаков с учетом международных стандартов, существующих в этой области. ID-документ должен приниматься во всем мире, быть совмещен со считывающей аппаратурой, которой оснащены терминалы в разных странах.

Особое внимание при проверке документа уделяется странице с установочными данными владельца. Защита персонализированной страницы паспорта – одна из насущных проблем, и, как правило, именно на ней делается акцент защитных технологий. Сегодня документы большей части стран содержат поликарбонатную персонализированную страницу, хотя и страница, покрытая ламинатом (нередко это голографический ламинат), не теряет своих позиций. Важным решением для защиты поликарбонатной страницы считается дублирование персонализированного изображения, которое может быть выполнено лазерной перфорацией, гравированием, печатным способом со свойствами люминесценции в различных областях спектра и пр. Примером может служить теневое изображение, выполненное лазерным гравированием и совмещенное с голограммой и цветопеременной краской (G&D, Германия), или второй портрет, наносимый невидимой краской, визуализируемой только в ИК области спектра (Япония), или элемент «Блик», представляющий собой сочетание полиграфического изображения и фольги, на которую лазером нанесен портрет (Гознак, РФ). Существует множество подобных элементов, систему защиты ID-документов определяет непосредственно само государство. Многие государства применяют все более совершенные средства для защиты персональных данных, увеличивают число элементов защиты против фальсификации [2]. Методы защиты документов, удостоверяющих личность, постоянно совершенствуются в попытках опередить методы подделки, однако документ все больше становится лишь носителем информации – идентификация личности проводится путем сравнения внешних данных с данными в документе.

Согласно «Дополнению к документу 9303: электронные паспорта» ICAO электронный паспорт должен содержать встроенную микросхему бесконтактной карты радиочастотной идентификации (Radio Frequency Identification, RFID. В RFID-карте хранится биометрическая информация в виде изображения лица в формате jpg или jpg2000. Данные дактилоскопических отпечатков пальцев или радужной оболочки глаза не обя-

зательны. Кроме того, в бесконтактную карту необходимо внести информацию о владельце документа, записанную в машиночитываемой зоне (MRZ – Machine Readable Zone). Оснащение идентификационного документа RFID-картой с микросхемой и антенной ставит производителей паспортов перед новой проблемой. Обычная бумага не предназначена для помещения в нее карты и ее защиты. Необходимы новые материалы и механизмы включения карт в паспорт. Существует два решения для помещения RFID-карты в ID-документ. Первое решение: в паспорте есть поликарбонатная страница с персональными данными и смонтированной бесконтактной картой. На RFID-карту (антенна, микросхема и подложка) наносится слой поликарбоната, а поверх – ламинирующее покрытие. Через это покрытие лазерной гравировкой записываются персональные данные. Второе решение: внедрение антенны и микросхемы в обложку паспорта (передний или задний форзацы) или в специально отведенные для этого более плотные страницы [3]. При этом внешний вид и буклет традиционного паспорта сохраняется. В качестве примера: поликарбонатная страница используется в паспортах России, Австрии, Дании, Финляндии, Германии, Норвегии, Швеции, новой Зеландии, Сингапура; RFID-чип внедрен в центральную страницу паспорта Австралии; в США, Великобритании, Бельгии, Голландии, Таиланда RFID-чип помещен в задний форзац документа, а Исландия использует вкладыш в обычный паспорт.

С появлением биометрических документов утверждение о том, что RFID-чип можно отнести к основному средству защиты, подвергается сомнению, несмотря на то что такое средство защиты считалось достаточно надежным. На практике же создать клон RFID-чипа нетрудно при наличии специального программного обеспечения и используя устройство для чтения RFID-чипов. Поэтому одним из путей защиты информации в RFID-чипе является ее шифрование, но вопрос о потенциальной возможности подделки электронных паспортов все равно остается открытым [4].

Несмотря на то что в случае подделки при автоматизированном чтении RFID-чипа устанавливается расхождение между данными визуальной зоны и данными в чипе [9], ICAO на своих конференциях устанавливает рекомендуемые дополнительные средства защиты биометрических документов, удостоверяющих личность. В настоящее время дискуссионным является вопрос о чипе как основном способе защиты документа, удостоверяющего личность, или же как одном из методов ускорения проверки документов в пункте пропуска. Большинство экспертов склоняется к мысли, что RFID-чип в современном документе, удостоверяющем личность, является одним из элементов его защиты и применяется в комплексе с другими элементами и средствами защиты (защитными признаками), что RFID-чип не является сам по себе документом, а лишь дополняет информацию в бланке паспорта или ID-карты.

Отдельным вопросом является защита персональных данных в чипе в документах, удостоверяющих личность, что требует отдельных разработок в сфере защиты информации для предотвращения взлома чипов и клонирования информации и внедрения в документы, удостоверяющие личность, новых защитных технологий для противостояния их подделке.

Технологии проверки подлинности документов (ТППД) – это технологии, которые помогают установить подлинность документов, представленных для целей проверки личности. Они не заменяют экспертов – они обеспечивают более высокий уровень проверки и быстроту ее проведения.

Существуют различные ТППД, но все они состоят из следующих частей:

– устройство для сканирования документа, удостоверяющего личность: к ним относятся специализированные считыватели паспортов и идентификационных карт; смартфоны; веб-камеры и планшетные сканеры, которые могут считывать скопированные документы;

– устройство для высококачественного сканирования документов, удостоверяющих личность, позволяет получать изображения страниц документа в видимом (отраженном, проходящем, скользящем) свете, в УФ и ИК (отраженный и проходящий) свете различных длин волн, в коаксиальном свете, проверять OVD, OVI и скрытые изображения, считывать все виды биометрических документов;

– программное обеспечение (ПО) и библиотека образцов документов, удостоверяющих личность: ПО проверяет средства защиты, имеющиеся в документе, и сравнивает изображение документа с образцом, хранящимся в библиотеке. Алгоритмы используются для объединения результатов проверок и оценки их, чтобы установить подлинность документа, удостоверяющего личность.

Отдельные считыватели имеют возможность проведения и дополнительных проверок: по базам данных, стоп-листам, по биометрическим данным, перекрестное сравнение информации из RFID-чипа, MRZ-зоны, бар-кодов и видимых данных, установление мест внесения изменений, поддельных, просроченных и несуществующих документов. Считыватели на смартфонах имеют возможности удаленной проверки – передавать изображения исследуемого документа из пункта пропуска в лабораторию судебному эксперту для получения консультаций по спорным моментам.

Считыватели обеспечивают более эффективную проверку документов, удостоверяющих личность, чем традиционные визуальные и приборные проверки в пунктах пропуска (требуется меньше времени на проверку, нет необходимости проведения специальной подготовки специалистов).

Литература

1. Бочарова, О. С. Биометрическая идентификация личности: вопросы теории и практики / О. С. Бочарова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2018. – С. 222–223.
2. Корнилов, Г. Охотники за признаками / Г. Корнилов // Водяной знак. – 2010. – № 6 (86). – С. 9–13.
3. Андреев, А. Электронный паспорт. Основные константы / А. Андреев // Электроника: Наука. Технология. Бизнес. – 2006. – № 8. – С. 82–89.
4. Е-паспорта откроют эру точечного террора?/. – Режим доступа: http://safe.cnews.ru/news/top/epasporta_otkroyut_eru_tochechnogo_terrora_. – Дата доступа: 16.05.2018.

УДК 343.9

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. В. Варавко

*начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования
управления анализа практики и методического обеспечения предварительного
расследования центрального аппарата Следственного комитета
Республики Беларусь, г. Минск*

В Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь с 1 декабря 2014 г. проводятся психофизиологические экспертизы в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних [1]. Результаты проведения данных экспертиз судами принимаются и оцениваются в качестве доказательств при постановлении обвинительных приговоров [2, 3].

Следует признать, что практика применения инструментального психофизиологического метода с использованием полиграфа в процессе доказывания, несмотря на целый ряд проблемных моментов, на которые обращают внимание как практики, так и ученые, расширяется и становится все более востребованной органами, осуществляющими уголовный процесс.

Не пытаясь в полной мере опровергнуть тезисы против использования инструментального психофизиологического метода в ходе расследования уголовных дел, рассмотрим отдельные аспекты данной проблемы, в том числе в разрезе общих тенденций развития предварительного следствия в Республике Беларусь.

В первую очередь необходимо отметить, что позиция абсолютного неприятия психофизиологической экспертизы базируется на традициях советских уголовного процесса и криминалистики, когда «научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того чтобы научной аргументацией опровергать использование приборных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на доказывании реакционности полиграфа» [4, с. 63]. При этом такая точка зрения не всегда носит взвешенный характер, и ее сторонники сегодня редко обращаются к реальной практике применения инструментального психофизиологического метода в процессе доказывания.

Доводами в пользу мнения о невозможности применения полиграфа в уголовном процессе являются ненаучность методики исследования, нарушение конституционных прав личности, подвергаемой психофизиологическому исследованию, и подмена экспертом субъекта оценки доказательств [4, 5].

Вопрос научной обоснованности методики полиграфического исследования требует отдельного описания, причем с привлечением специалистов-психологов, поскольку именно в этой области научного знания содержится значительный материал исследований, посвященных проблеме достоверности и научной обоснованности рассматриваемой процедуры.

Хотелось бы обратить внимание на высказывание белорусского ученого В. К. Кирвеля, который в своей статье, приводя аргументы против психофизиологической экспертизы, в то же время утверждает, что в ее основе лежат комплексные специальные знания «в области психологии, физиологии, криминалистики и судебно-экспертной деятельности» [6].

Обращаясь к вопросу нарушения конституционных прав личности, подвергаемой исследованию на полиграфе, следует отметить один, как представляется, чрезвычайно существенный момент. В практике производства психофизиологических экспертиз имеются примеры установления экспертами отсутствия скрываемой информации у лица, не причастного к совершению преступления (что косвенно подтверждается и другими материалами). В случае проявления настойчивости заявителями, как правило, решающими таким образом свои личные проблемы (например, спор о пользовании жилым помещением), заключение эксперта является существенным и крайне весомым аргументом для принятия уполномоченным лицом окончательного решения. Следовательно, наличие в материалах проверки или уголовного дела заключения эксперта позволяет исключить или сократить время нахождения лица в статусе подозреваемого (обвиняемого) и тем самым обеспечить дополнительную гарантию реализации его конституционного права на неприкосновенность личности.

Прежде чем рассмотреть вопрос о соотношении результатов психофизиологической экспертизы и процедуры оценки доказательств в виде показаний подозреваемого (обвиняемого), следует остановиться на таком способе аргументации против использования полиграфа в уголовном судопроизводстве, как ссылка на зарубежные опыт и правоприменительную практику.

В частности, в качестве аргумента приводятся решения Верховного суда Российской Федерации, из содержания которых следует, что заключение психофизиологической экспертизы не может являться источником доказательства (например, апелляционные определения Верховного суда РФ от 29.03.2017 № 59-АПУ 17-3consultantplus://offline/ref=CD93ED2DA20B74F644D2B803C89326409BD1F7D678255A92E5ED29CE6Di3qFL, от 10.01.2017 № 9-АПУ 16-16, от 26.07.2016 № 73-АПУ 16-10, от 16.11.2016 № 84 АПУ 16-11).

Должны ли мы воспринять безоговорочно судебную практику России и отказаться от применения полиграфа в уголовном процессе Республики Беларусь? Полагаем, использование зарубежного опыта, в том числе государства со сходной нашей правовой системой, без учета национальной специфики недопустимо.

Так, при принятии решения о внедрении в правоприменительную практику психофизиологического исследования в нашей стране, по результатам изучения зарубежного опыта, были предприняты попытки максимального исключения возможности вмешательства судебного эксперта в процесс оценки доказательств. В частности, была избрана узкая категория преступлений в рамках расследования уголовных дел, по которым будет применяться полиграф. Как правило, половые преступления против несовершеннолетних отличаются отсутствием материальных следов преступления и необходимостью использования в максимальной степени сведений, содержащихся в идеальных следах. В такой ситуации заключение психофизиологической экспертизы может быть принято во внимание субъектом доказывания при реализации уголовно-процессуальной функции по проверке показаний потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого).

Кроме того, при формировании методики экспертного исследования в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, экспертная задача определена более узко. Перед судебным экспертом ставится вопрос лишь о наличии у лица психофизиологических признаков поведения, направленного на сокрытие информации о расследуемом преступлении.

Соответственно, предметом психофизиологической экспертизы является не оценка достоверности показаний участника уголовного процесса, а психологическая оценка его поведения во время проведения исследования, сопряженного с применением технического средства. Полиграф при этом выступает лишь инструментом измерения физиологических процессов, а не «детектором лжи», как его ошибочно называют в популярной литературе.

Основания, по которым можно согласиться с решениями Верховного суда Российской Федерации, возникают при ознакомлении с содержанием заключений российских полиграфологов. Так, выводы о том, что С. располагает информацией о деталях убийства К. и, вероятно, данные сведения были им получены на момент случившегося вследствие отражения обстоятельств, связанных с удушением им К. по причине того, что та хотела продать дом, фактически лишают смысла проведение дальнейшего расследования уголовного дела и доказывания вины лица.

В то же время опасность применения рассматриваемого источника криминалистически значимой и доказательственной информации несет сложившееся у практиков чувство непогрешимости результатов работы судебного эксперта. Неадекватное восприятие правоприменителями одного из источников доказательств основывается на трудности и, возможно, нежелании проверки заключения эксперта. Примером из практики автора, подтверждающим данный факт, являются результаты тестирования сотрудников Следственного комитета, лидирующим среди неправильных ответов которых является утверждение о том, что заранее установленную доказательственную силу для следователя имеет заключение судебного эксперта.

Однако следует помнить, что при производстве любой экспертизы существует как вероятность ошибки судебного эксперта, так и вмешательства иного случайного фактора (например, халатности производителя оборудования). В том числе и в связи этим уголовно-процессуальный закон требует проверки всех доказательств путем их анализа, сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в материалах и уголовном деле, а также установления их источников, получения других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство [7].

Из изложенного выше можно сделать вывод, что разумное и обоснованное сомнение субъекта оценки доказательств в выводах судебного эксперта и, как следствие, элементарное выполнение требований уголовно-процессуального кодекса позволит избежать негативных последствий использования в ходе расследования уголовного дела результатов психофизиологической экспертизы.

Таким образом, опыт использования психофизиологической экспертизы в уголовном процессе Республики Беларусь дает все основания достаточно позитивно оценить перспективы ее существования и развития. При этом обязательным условием успешного продолжения практики применения полиграфа при расследовании уголовных дел является отход от скоропалительных, основанных нередко исключительно на теоретических выкладках ученых советского периода, выводов о ее природе и особенностях. Полагаем, что новации, внедряемые в практику расследования уголовных дел, не должны безоговорочно и полностью отрицаться. Более рациональным представляется совместный поиск как теоретиками, так и практиками, оптимального пути развития инструментального психофизиологического метода и адаптации его к требованиям существующей модели уголовного процесса.

Литература

1. Мун, Л. Е. Опыт производства судебно-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа / Л. Е. Мун // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2016. – № 1 (2). – С. 18–19.
2. Уголовное дело № 1–136. Архив суда Кобрин. р-на Брест. обл. за 2015 г.
3. Уголовное дело № 1-77/16. Архив суда Партизан. р-на г. Минска за 2016 г.
4. Прукс, П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи» / П. Прукс.– Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1992. – 200 с.
5. Белкин, А. Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Кирвель, В. К. Применение полиграфа в ходе предварительного расследования и судебного следствия в Республик Беларусь: правовая проблема / В. К. Кирвель // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 1. – С. 56–63.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2017 г. // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.985.7

МЕСТО И ВРЕМЯ КАК ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБСТАНОВКИ КРИМИНАЛЬНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

А. И. Гигевич

*адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск*

Под обстановкой, в широком смысле, понимается совокупность условий, обстоятельств, в которых происходит событие [1, с. 687]. В криминалистике обстанов-

ка совершения преступления рассматривается в качестве отражающей системы, которая включает систему объектов, природные условия, объект посягательства, сферу деятельности или быта, а также те или иные их комплексы. При этом в качестве отражаемой системы выступает преступная деятельность, которая объединяет субъект, способ, средства. Процесс взаимодействия двух систем протекает при определенных природно-климатических, социальных условиях, которые определяют, во-первых, вариационность возникновения следов преступления, во-вторых, закономерности изменения следов преступления во времени [2, с. 45].

Несмотря на то что климатические, демографические и территориальные особенности имеют существенное значение при расследовании фактов безвестного исчезновения граждан, основными элементами, составляющими обстановку криминального исчезновения граждан, являются место и время. Как верно заметил В. А. Образцов, не получив ответа на вопрос о времени и месте преступления, трудно, а зачастую просто невозможно установить другие обстоятельства содеянного и самого преступления [3, с. 91].

Изучение уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан, согласно криминалистической классификации, позволяет нам разделить места исчезновения граждан:

– согласно административно-территориальному делению на города, поселки городского типа и деревни. Проведенным исследованием установлено, что 76,39 % фактов безвестного исчезновения граждан приходится на города. Это объясняется относительно небольшим количеством населения, проживающего в сельской местности.

В городах чаще происходят убийства, сопряженные с безвестным исчезновением граждан (убийства, связанные с завладением жилья, автотранспорта). В сельской местности убийства, замаскированные под безвестное исчезновение, происходят реже, лица, планирующие совершить убийства с дальнейшим сокрытием трупа, понимают, что в условиях сельской местности с относительно небольшой плотностью населения односельчанам будет трудно объяснить внезапное исчезновение человека;

– открытые участки местности (лесной массив, парк, сквер, отдаленные пустыри) или помещения (жилые квартиры, офисы, складские помещения). В летний и осенний период при сборе ягод и грибов в лесах пропадают граждане, в зимний период при желании сократить путь к месту назначения люди проваливаются под лед водоемов.

Если рассматривать убийство, замаскированное под безвестное исчезновение граждан, то такие убийства, как правило, совершаются в жилище потерпевшего, его родственников или в жилище преступника. При таких убийствах тело жертвы либо расчленяется, либо вывозится целиком на автомашине при наступлении благоприятных условий. В абсолютном большинстве тело жертвы перевозится на значительное расстояние от места убийства, как правило, на расстояние не менее 40 километров.

В сельской местности, если убийство совершается в частном доме, хозяйственных постройках, бане и на строительных объектах, труп захоранивается при наступлении благоприятных условий на приусадебном участке, в хозяйственных постройках или в основание строящегося объекта. Данные действия обусловлены плохими дорожными условиями, отсутствием транспорта, сведением к минимуму риска быть замеченным кем-либо из соседей. Исследование уголовных дел по фактам убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан, показало, что следователя должна насторожить ситуация при исчезновении человека в сельской местности в доме, относительно отдаленном от других жилых домов, с наличием приусадебного участка, при наличии информации о частых ссорах, скандалах между жильцами дан-

ного дома или если хотя бы один из проживающих в доме злоупотребляет спиртными напитками.

В случае спланированного убийства с дальнейшим сокрытием трупа и умышленным приданием видимости безвестного исчезновения человека место и способ убийства имеют взаимосвязь. Данная взаимосвязь обусловлена наличием определенных условий, при которых преступник будет минимально рисковать быть замеченным посторонними лицами.

Так, в квартирах и частном секторе с плотной застройкой домов преступники используют холодное оружие, иные бытовые предметы (молоток, веревку или подушку для удушения), мускульную силу и отравляющие вещества. Характер действий преступника связан с нежеланием привлекать внимание соседей и посторонних лиц возможным шумом. Вдали от населенных пунктов (отдаленная дорога, лес и т. п.) преступник, при наличии огнестрельного оружия, как правило, использует его, т. к. не опасается быть замеченным.

Преступник также выбирает маршрут транспортировки тела убитого (отсутствие вблизи постов милиции, минимальное движение транспорта и пешеходов, возможность максимально близко подъехать на автотранспорте к месту сокрытия трупа). В 78,1 % анализируемых уголовных дел при совершении убийства с целью завладения жильем или автотранспортом тело убитого для сокрытия перемещалось на значительное расстояние (от 10 до 100 км).

Встречаются случаи, когда трупы погибших временно запрятываются (от одного дня до нескольких месяцев) и только при наступлении благоприятных условий перевозятся в более безопасное, по мнению преступника, место.

При обнаружении места захоронения потерпевшего анализ расположения могилы, а также характер захоронения (поспешность захоронения, глубина могилы, маскировка поверхностного грунта) могут указать на то, что преступник хорошо знает данную местность, ее особенности или наоборот поспешно осуществлял сокрытие трупа, опасаясь возможного появления посторонних лиц.

При наличии предположения о совершении в отношении без вести пропавшего преступления, а также района захоронения следователю необходимо использовать планы населенных пунктов, а также крупномасштабные карты местности, что способствует правильной организации проведения поисковых мероприятий, грамотной расстановке приданных сил.

Не менее значимым элементом обстановки безвестного исчезновения граждан является временной фактор. Время безвестного исчезновения тесно связано с местом исчезновения и личностью пропавшего, а при убийстве, сопряженном с безвестным исчезновением граждан, связано также и с личностью преступника. Определяя временные периоды, следователь может предположить последовательность событий, произошедших с без вести пропавшим лицом, начало и окончание событий, время наступления гибели пропавшего и т. д.

Время как исходный типичный элемент обстановки может отражать важные сведения в информационной модели безвестного исчезновения граждан, а именно:

- характерное время безвестного исчезновения граждан (время года, время суток);
- время или продолжительность времени для совершения определенных действий, наступления определенного результата.

Например, время транспортировки трупа, как правило, выбирается ночное или ранее утро. Для сжигания трупа взрослого человека требуется около 40–60 ч, заранее облитого керосином – 10–12 ч, трупа младенца – 2–3 ч [4, с. 348, 349].

Установление продолжительности осуществления каких-либо действий может определить саму возможность совершения преступления конкретным лицом (например, могла ли женщина за определенный период времени расчленить труп, мог ли предполагаемый преступник за определенное время доставить тело жертвы к месту сокрытия трупа).

По результатам изучения уголовных дел по фактам безвестного исчезновения граждан, нами установлена определенная взаимосвязь между временем и обстоятельствами исчезновения граждан.

Исчезновения граждан, носящие криминальный характер, в 69,7 % совершаются в вечернее время (с 18.00 до 23.30), в абсолютном большинстве это убийства, совершаемые в сфере семейно-бытовых отношений, при личных неприязненных отношениях, дружеских разногласиях. Значительное количество убийств совершается в отношении лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Также в вечернее время совершаются спланированные убийства с дальнейшей инсценировкой безвестного исчезновения граждан. В данном случае период времени обусловлен отсутствием свидетелей перемещения, сокрытия трупа, а также самого убийства. В вечернее и ночное время совершаются нападения на водителей-«дальнобойщиков», граждан, следующих транзитом по территории республики, заночевавших в личном автотранспорте, лиц, занимающихся частным извозом.

В дневное время совершаются убийства с целью завладения жилой площадью, здесь временной фактор обусловлен моментом заключения сделки по поводу недвижимости в нотариальной конторе.

По уголовным делам, возбужденным по факту безвестного исчезновения граждан, не связанных с криминальным характером исчезновения, временных закономерностей не выявлено. Исключение составляет вечернее время (с 18.00 по 23.30) пятницы и предпраздничные дни. Именно в эти дни граждане во время отдыха употребляют спиртные напитки, что приводит к ссорам, конфликтам либо желанию продолжить отдых в увеселительных заведениях с малознакомыми людьми. В эти же дни наблюдаются уходы из дома несовершеннолетних.

Преимущественно по пятницам и в предпраздничные дни совершаются убийства с последующим сокрытием трупа. Это обусловлено тем, что окружающие не сразу обращают внимание на исчезновение человека, а если и замечают отсутствие, то связывают его с отъездом за пределы населенного пункта или посещением друзей.

Изучение дел рассматриваемой категории показало, что именно в осенне-весенний (октябрь, ноябрь, март, апрель) период самовольно из дома, лечебных учреждений уходят лица, страдающие хроническими психическими заболеваниями. В осенне-весенний период обостряются такие заболевания, как депрессия, шизофрения, аффективные психозы, эпилепсия [5]. Неподдающиеся осмыслению действия и поведение лиц, покинувших медицинские учреждения, затрудняет их поиск, зачастую они становятся жертвами преступлений либо погибают от истощения, отрицательной температуры окружающей среды.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что любое исчезновение человека происходит в условиях определенного места и времени.

Под местом исчезновения необходимо понимать административно-территориальную единицу (город, район, поселок, деревня), а также конкретное место исчезновения (определенная местность, квартира, частный дом). Под временем исчезновения следует понимать конкретные год, пору года (сезонность), месяц, день, час. Имеет также значение день недели и конкретное время суток. При этом между местом, временем и обстоятельствами исчезновения граждан выявлена определенная взаимосвязь.

Сезонность исчезновения в совокупности с личностной характеристикой исчезнувшего может ориентировать о причинах исчезновения и поведении лица.

При криминальном исчезновении лица отмечается корреляционная связь между местом и временем исчезновения, способом и орудием преступления, местом захоронения трупа, обусловленная наличием условий, при которых преступник будет минимально рисковать быть замеченным. Установление времени и продолжительности осуществления определенных действий зачастую определяет саму возможность совершения преступления конкретным лицом.

Наличие информации о месте и времени исчезновения лица как элементах обстановки безвестного исчезновения граждан способствует быстрому и точному установлению обстоятельств исчезновения граждан, а при криминальном характере исчезновения позволяет сузить круг лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. – М. : Юристъ, 2000. – 784 с.
3. Образцов, В. А. Выявление и изобличение преступника : учеб. пособие / В. А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 336 с.
4. Хохлов, В. В. Судебная медицина : руководство / В. В. Хохлов, Л. Е. Кузнецов. – Смоленск, 1998. – 800 с.
5. Спирина, И. Д. Сезонность и атипичность при аффективных расстройствах: актуальные проблемы / И. Д. Спирина, А. В. Шорников // Здоров'я України // – Режим доступа: <http://health-ua.com/article/5635-sezonnost-i-atipichnost-priaffektivnyh-rasstrojstvah-aktualnye-problemy>. – Дата доступа: 13.04.2018.

УДК 343.9

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ

Г. В. Глинский

*заместитель начальника третьего следственного отделения
Гомельского городского отдела Следственного комитета Республики Беларусь,
подполковник юстиции*

В современном обществе платежная карта, являясь простым, удобным и надежным платежным инструментом, альтернативой наличным деньгам, устойчиво и прочно вошла в повседневную жизнь каждого человека. С использованием платежной карты можно приобрести товары на предприятиях торговли, оплатить всевозможные услуги, перевести денежные средства с одного счета на другой, получить наличные деньги, в том числе и в кредит. Описанные выше тенденции, с одной стороны, являются положительными и предоставляют гражданам Республики новые возможности, с другой – неизбежно ведут к появлению новых видов, способов преступной деятельности. С ростом количества эмитированных карточек возможностей, предоставляемых сферой безналичных платежей, увеличивается количество преступлений, связанных с хищением денежных средств, находящихся на соответствующих карт-счетах. Тенденцией сегодняшнего дня является совершение хищений с использованием компьютерной техники, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В связи с вышеизложенным особую актуальность приобретают вопросы, связанные с криминалистическим обеспечением расследования хищений, совершаемых с использованием платежных карточек. К сожалению, серьезные научные обобщения с позиций криминалистической науки по данной проблематике в Республике Беларусь представлены незначительным количеством исследований. В сегменте криминалистического обеспечения – расследование преступлений данной категории не рассматривались. Тогда как реалии современной криминалистической науки требуют более детального изучения и теоретического осмысления, например, абсолютно нового вида криминалистических следов – информационных (электронных) следов, оставляемых преступником при введении, изменении или обработки компьютерной информации, определения тактики производства новых следственных действий – осмотр компьютерной сети, сайта, электронного документа, носителя электронной (цифровой) информации и т. д.

Для разрешения сложившейся ситуации возникает необходимость разработки криминалистического обеспечения расследования хищений, совершаемых с использованием платежных карт путем разработки востребованных правоприменительной практикой рекомендаций на уровне технико-криминалистических и тактико-криминалистических средств, отвечающих современным требованиям.

Научные исследования российских и украинских ученых, исходя из стремительного развития компьютерных технологий, а следовательно, новых видов преступлений в информационной среде, в том числе с использованием новейших технологий, хоть и утрачивают свое прикладное значение, но имеют широкую теоретическую основу, использованную для обозначения новой криминалистической проблемы.

Судя по содержанию изученных работ, одна из современных тенденций развития криминалистики по данному направлению состоит в некотором объединении различных категорий преступлений по двум основным признакам – по объекту (предмету) уголовно-правовой охраны и по орудию (средству) совершения преступления. Вместе с этим криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием платежных карт и их реквизитов, будет отличаться от уже известных криминалистической науке и обладать исключительно своей определенной спецификой.

В. Б. Вехов указал, что под преступлением, совершенным с использованием платежной карты или ее реквизитов, с криминалистической точки зрения, следует понимать виновное совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным законом под угрозой наказания, посягающее на общественные отношения в сфере создания, оборота и защиты пластиковых карт [1]. Хилюта В. В. классифицировал деяния на группы, среди которых выделил преступления, в которых компьютеры и другие средства компьютерной техники используются в качестве средства совершения корыстного преступления и умысел виновного лица направлен на завладение чужим имуществом путем изменения информации либо путем введения в компьютерную систему ложной информации [2].

Вместе с этим, с криминалистической точки зрения, при определении способа совершения данного преступления основное значение имеют предметы и события, сохранившие на себе материальные или информационные следы. К таковым криминалистически значимым способам, на наш взгляд, относится введение ложной информации в компьютерную систему: банкомата; инфокиоска; электронного платежного терминала, расположенного на предприятии торговли или сервиса; путем производства оплаты за товары или услуги в Интернете.

Многие авторы сопоставляют хищение, совершенное с использованием компьютерной техники, с компьютерными преступлениями или преступлениями против информационной безопасности. Некоторые продолжают относить их к мошенничеству. Так, Г. А. Зорин указывает, что под компьютерным преступлением следует понимать предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния, совершенные с использованием средств электронно-вычислительной техники [3]. А. П. Леонов, описывая хищения, совершенные с использованием платежных карт, квалифицирует их как финансовые мошенничества с использованием пластиковых карт, опираясь на классификацию Международной Ассоциации по расследованиям преступлений с кредитными карточками, 11 способов мошенничества [4].

Данная классификация будет интересна с криминалистической точки зрения, т. к. перечисляет способы отражения следов на материальных носителях, последовательность слеодообразования, а в криминалистическом смысле крайне важно, чтобы злоумышленник оставил как можно больше следов, позволяющих сделать вывод о деталях его поведения и тех факторов, которые его обусловили.

По мнению Н. Ф. Ахраменка, сам компьютер не может быть рассмотрен как предмет преступлений против информационной безопасности, т. к. предметом посягательств при их совершении является отнюдь не техника как таковая, а информация, хранимая, обрабатываемая или передаваемая этой техникой [5]. Козлов В. Е. к компьютерным преступлениям относит как преступления в сфере компьютерной информации, так и преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий, выделяя криминалистически значимые элементы: способы совершения компьютерных преступлений, особенности предмета незаконного посягательства, особенности следовой информации, личностная характеристика правонарушителя, особенности обстановки совершения преступления [6].

Л. Б. Краснова вводит обобщающее понятие – компьютерный объект, и как многие ученые-криминалисты к наиболее распространенным компьютерным преступлениям относит преступления, связанные с кражей материальных средств путем внесения изменений в автоматизированные банки данных, содержащие информацию о праве собственности на данный вид имущества, и использования различных аппаратно-программных средств [7].

Количественный рост преступлений в рассматриваемом сегменте характерен для всех развитых стран, и их имущественные отношения охраняются от противоправных деяний, совершаемых с использованием компьютера, посредством выделения специальных составов преступлений. Так, в уголовном законодательстве США из основного закона о компьютерных преступлениях «О мошенничестве и злоупотреблениях, связанных с компьютерами 1986 г.», основные нормы, касающиеся компьютерного мошенничества, вошли в Свод законов США – Параграф 1030 (а), где мошенничество с использованием компьютера определяется как доступ, осуществляемый с мошенническими намерениями, и использование компьютера с целью получения чего бы то ни было ценного посредством мошенничества.

В Великобритании, несмотря на наличие уголовной ответственности за компьютерные преступления, предусмотренной статутами, принятыми Парламентом, а также Законами: «О злоупотреблениях компьютерами» (1990 г.), «О телекоммуникациях (обмане)» (1997 г.), «О защите данных» (1998 г.), «Об электронных коммуникациях» (2000 г.), нормы, предусматривающей ответственность за хищение чужого имущества с использованием компьютерной техники либо информационных сетей, не имеется. В Японии уголовно-правовые отношения в данной сфере регулируются

Уголовным кодексом и Законом «О несанкционированном проникновении в компьютерные сети» 2000 г.

Согласно § 263 А Уголовного кодекса ФРГ виновным в совершении компьютерного мошенничества является лицо, которое, «действуя с намерением получить для себя или третьего лица имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица, воздействуя на результат обработки данных путем неправильного создания программ, использования неправильных или неполных данных, путем неправомерного использования данных или иного неправомерного воздействия на процесс обработки данных». Аналогичные нормы содержатся в уголовном законодательстве Франции, Польши (ст. 287 УК), Украины (ст. 190 УК), Российской Федерации. Анализируя нормы права зарубежных стран, предусматривающих ответственность за совершение хищения с использованием платежных карт, следует отметить, что законом охраняется не собственность, а только компьютерная информация.

Таким образом, компьютерные преступления и преступления о хищениях, совершенных с использованием компьютерной техники, тесно связаны между собой. Вместе с этим, исходя из уголовно-правовой характеристики преступлений против информационной безопасности, компьютер и компьютерная информация, обрабатываемая, хранящаяся и передаваемая с его использованием, в этом случае будут являться объектом преступления, тогда как при совершении хищений с использованием компьютерной техники компьютер и информация, содержащаяся и обрабатываемая в нем, является предметом, инструментом преступного деяния, а непосредственным объектом посягательства выступают материальные ценности.

Литература

1. Вехов, В. Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов : монография / В. Б. Вехов. – Волгоград, 2005. – 276 с.
2. Хилюта, В. В. Преступления против собственности : практика правоприменения и проблемы квалификации : монография / В. В. Хилюта. – Гродно : ГГАУ, 2008. – 318 с.
3. Зорин, Г. А. Технологии расследования преступлений в сфере информационной безопасности : монография / Г. А. Зорин, Д. Н. Лабоцкий. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 222 с.
4. Леонов, А. П. К характеристике причинного комплекса компьютерной преступности / А. П. Леонов, Н. Е. Щербак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 1 (11). – 46 с.
5. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. И. Лукашова. – Минск : МВД Респ. Беларусь, 2003. – 37 с.
6. Козлов, В. Е. Компьютерные преступления: криминалистическая характеристика и осмотр места происшествия : монография / В. Е. Козлов. – Минск, 2001. – 120 с.
7. Краснова, Л. Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : учеб. пособие / Л. Б. Краснова. – Воронеж, 2006. – 145 с.

УДК 343.985

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ЭКСПЕРТНОЙ МЕТОДИКИ

В. Л. Григорович

*доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

Изучение юридических источников, в которых рассматривается вопрос о понятии и содержании экспертной методики, позволяет констатировать, что в науке о судебной экспертизе сложилось достаточно однообразное понимание ее методики как

системы методов (приемов, технических средств), применяемых при изучении представленных на исследование объектов в целях «установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы» [1], что экспертная методика – это «система научных методов, приемов и технических средств, используемых для решения поставленных вопросов» [2].

Различие в понимании этого вопроса состоит лишь в том, что одни из авторов под методикой судебной экспертизы понимают сам процесс «целенаправленного, системного использования совокупности приемов и методов, с наибольшей эффективностью приводящий к решению поставленных перед экспертом вопросов» [3], другие – не процесс, а его «детально разработанную программу, содержанием которой является применение в определенной последовательности разработанной для этой цели системы методов исследования» [4].

Сравнивая и сопоставляя приведенные определения экспертной методики, отметим лишь то, что любая из программ разрабатывается для определения правил, порядка и последовательности использования означенных в ней методов и средств, что программа, не рассчитанная на ее практическое применение, не подлежащая использованию в качестве руководства действиями эксперта при производстве тех или иных экспертиз, в качестве методики судебной экспертизы рассматриваться не может. Равным образом в этом качестве не могут рассматриваться и действия эксперта по использованию технических или иных средств и методов, если они не предусмотрены программой осуществляемого экспертного исследования.

Сам процесс экспертных исследований и их программа взаимосвязаны, взаимозависимы и по этой причине должны рассматриваться в качестве различных сторон одной и той же экспертной методики. А это означает, что под экспертной методикой следует понимать и осуществляемый при производстве экспертизы процесс исследования ее объектов, и заранее разработанную программу этого процесса.

Содержание и структура экспертной методики зависит от рода и вида планируемой судебной экспертизы, от ее предмета, объектов, от имеющихся в распоряжении эксперта технических и иных средств и методов, от характера решаемых задач. С учетом этих ориентиров экспертную методику подразделяют на общую, частную и специальную.

Общая методика – это система принципов и правил, на основании которых организуется и осуществляется вся экспертная деятельность. Теоретическую основу таких методик составляют положения теории познания и общей теории судебной экспертизы.

Частные методики – это система правил и предписаний, базирующихся на положениях частных криминалистических теорий, соответствующих отраслей специальных знаний и решаемых задач. К частным методикам можно отнести, например, методики производства судебных экспертиз.

Специальная экспертная методика – это «детально регламентированная программа изучения лицом, обладающим специальными знаниями, свойств определенных объектов для установления обстоятельств, имеющих доказательственное значение» [5 с. 41]. Содержанием этой методики является тактика и последовательность применения разработанных для этой цели средств и методов исследования.

Общие и частные методики – результат научного исследования, анализа экспертной практики, выявления ее положительных сторон и недостатков и на этой основе разработки методов и технических средств, повышающих эффективность. Являясь результатом обобщения практики, такие методики содержат правила и предписания, обязательные для ряда экспертиз, относящихся к той или иной классификационной

группе. Поэтому необходимость изменения их содержания возникает только в целях его приведения в соответствие с новыми достижениями экспертной науки.

Специальные же методики как программы исследования при производстве экспертиз по конкретным уголовным или гражданским делам, помимо правил и предписаний общих и частных методик, должны учитывать особенности дела, по которому экспертиза назначена, характер представленных на экспертизу объектов, содержание подлежащих выяснению вопросов и вытекающих из них экспертных задач. По этой причине такие методики для каждой из экспертиз индивидуальны. Учитывая, что эффективность таких методик во многом зависит от соответствия их содержания экспертным задачам, возникает вопрос о путях и методах обеспечения такого соответствия.

Представляется, что для этого, помимо общих, частных и иных методов познания, необходимы знания о научных подходах и методах решения подобных задач. «Подход к познанию в науке – это логико-гносиологическое и методологическое образование, предельно строго выражающее его направленность» [6]. Направленность исследования – одна из важнейших задач, встающих перед экспертом на его начальном этапе. Не решив ее, невозможно определить ни задачи, ни средства, ни методы исследования представленных на экспертизу объектов.

В свою очередь, направленность исследования не может быть определена без знания и учета составляющих экспертизу элементов – ее предмета, представленных на экспертизу объектов, вопросов назначившего экспертизу органа или лица, средств и методов их решения. Направленность исследования определяется на основании и с учетом каждого из образующих экспертизу элементов, правильный же выбор ее средств и методов невозможен без учета направленности экспертного исследования. Образую систему, под которой понимается упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, закономерно образующих единое целое, обладающее свойствами, отсутствующими у элементов его составляющих, и они за счет образования системного видения проблемы позволяют ответить на вопросы, ответа на которые ни один из элементов этой системы не содержит. К их числу относится и вопрос о содержании и структуре экспертной методики, о последовательности и тактике составляющих ее содержание экспертных действий. А это означает, что информация относительно предмета и задач предстоящей судебной экспертизы, ее других, означенных выше, элементов – обязательная составная часть экспертной методики, что системный анализ этой информации и учет его результатов – важнейшее условие разработки полноценных экспертных методик [5, с. 41–42].

Важным условием качественной разработки методик экспертиз по конкретным делам и на этом основании повышения их эффективности является знание тактики использования в экспертных исследованиях так называемого вероятностного метода научного познания. Применительно к судебной экспертизе сущность этого метода заключается в разработке экспертных версий, в их проверке и оценке полученных результатов, в использовании результатов их проверки при формулировании и обосновании выводов по итогам осуществленного исследования и ответов на поставленные перед экспертом вопросы.

Учитывая, что в соответствии со ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса ответы эксперта на поставленные вопросы должны быть обоснованы, что обоснованность – это доказанность не только их достоверности, но и несостоятельности других предположений по их содержанию, достоверность ответов не должна вызывать сомнений. Пока это не сделано, пока достоверность ответов на каждый из вопросов не доказана, в качестве источника доказательств заключение эксперта использовано быть не может.

Литература

1. Мирский, Д. Я. Понятие и структура методики экспертного исследования / Д. Я. Мирский // Проблемы теории судебной экспертизы : сб. науч. тр. / ВНИИСЭ. – М., 1980. – Вып. 44. – С. 25.
2. Семенюк, Э. Г. Общенаучные категории и подходы к познанию / Э. Г. Семенюк. – Львов : Вища школа, 1978. – С. 116.
3. Кравченко, Р. Г. Основы кибернетики / Р. Г. Кравченко, А. Г. Скрегитка. – М. : Энергия, 1974. – С. 21.
4. Растов, М. Н. Некоторые аспекты комплексности в судебной экспертизе / М. Н. Растов // Проблемы организации и проведения комплексных исследований : материалы всесоюз. науч. конф., Москва, 15 мая 1984 г. – М. : ВНИИСЭ, 1985. – С. 50–54.
5. Николайчик, Н. И. Судебная экспертиза как процессуальная форма использования специальных знаний в судопроизводстве : монография / Н. И. Николайчик ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 65 с.
6. Семенюк, Э. Г. Общенаучные категории и подходы к познанию / Э. Г. Семенюк. – Львов : Вища школа, 1978. – С. 316.

УДК 343.9

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ СИСТЕМ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

М. В. Губич

*старший преподаватель кафедры правовой информатики
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, г. Минск*

Раскрытие и расследование преступлений в сфере высоких технологий являются одними из наиболее сложных процессов в правоохранительной практике. При этом совершенствование средств и методов исследования и предотвращения данных преступлений является залогом эффективной деятельности правоохранительных органов.

Однако оперативно-розыскная деятельность, дознание, следствие и иные виды практической деятельности в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий осложнены рядом факторов, среди которых можно отметить высокую степень латентности данных преступлений, высокую квалификацию преступников, заранее продуманную систему маскировки преступных действий, оснащенность самыми современными техническими средствами совершения преступлений, организованность членов преступных групп, их территориальную разобщенность, затрудняющую противодействие их преступной активности, и т. д.

Складывающуюся ситуацию усугубляет то, что, по оценкам ряда экспертов, «индустрия безопасности отстает от злоумышленников» [1]. В девятом ежегодном отчете об исследовании взломов баз данных от Verizon анализируется более 100 000 инцидентов безопасности и 3 141 подтвержденная утечка баз данных за прошлый год. При составлении отчета исследователи опирались на реальные похищения данных, с которыми сталкивались либо Verizon, либо около 50-ти других организаций, в том числе Секретная служба США, Европейский центр киберпреступлений (ЕСЗ), Британская группа реагирования на киберугрозы (UK CERT) и Ирландская Служба кибербезопасности (IRISS CERT). Согласно отчету в более 99 % атак злоумышленники взламывали системы за несколько дней (четыре из пяти атак занимали минуты), и две трети атак, в ходе которых были похищены данные, длились несколько

дней (каждая пятая также длилась несколько минут). Указанное означает, что преступники успевают похитить все необходимое и скрыться прежде, чем кто-либо успеет среагировать. При этом среди всех атак лидирующее место занимают устаревшие угрозы, такие как фишинговые письма, слабые пароли и вредоносные программы [2].

Кроме того, преступники находят все новые и новые способы совершения преступлений, неизвестные ранее службам безопасности и правоохранительным органам. Например, 28 января текущего года один из многих стартапов в области контроля за использованием удобрений при выращивании овощей и фруктов, использующий в своей основе технологию блокчейн, оказался мошенничеством, в результате которого преступники завладели денежными средствами инвесторов на сумму более чем 6 млн долларов [3]. Уже через три дня после данного факта в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что хакеры похитили 1 млн долл. у инвесторов блокчейн-проекта VeeToken, при этом описывается уже другой способ совершения преступления: «Хакеры взломали список рассылки блокчейн платформы для краткосрочной аренды жилья VeeToken и украли у потенциальных инвесторов, желающих принять участие в данном проекте, около 1 млн долларов» [4].

С учетом ориентации Республики Беларусь в сторону развития и популяризации цифровой экономики, сопровождающейся увеличением количества устройств, осуществляющих финансовые транзакции, ростом числа пользователей всевозможных электронных платежных систем, развития интернет-торговли, а также увеличения разнообразия и доступности технических средств, в том числе различной бытовой техники с подключением к сети Интернет, можно прогнозировать, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах состояние криминогенной обстановки в сфере информационной безопасности будет осложняться. В этой связи для нашей страны является особенно актуальным совершенствование средств профилактики и противодействия преступлениям в рассматриваемой сфере.

Исходя из указанного, закономерным является суждение о том, что использование стандартного арсенала средств, направленных на профилактику и недопущение преступлений в сфере высоких технологий, является недостаточным для защиты национальных интересов. В этой связи создание базы знаний о методах, способах, косвенных признаках, указывающих на подготовку к совершению преступлений, а также выполненных и успешно реализованных мероприятиях, направленных на раскрытие и расследование преступлений в сфере высоких технологий и разработку на ее основе интеллектуальной системы (экспертной системы, системы поддержки принятия решений) на сегодняшний день является актуальным как никогда ранее.

Предпосылки к внедрению интеллектуальных систем в правоохранительную деятельность назрели уже в 60-х гг. прошлого столетия. Однако по различным причинам не были внедрены в практическую деятельность советских правоохранителей. В Республике Беларусь рассматриваемая нами проблема впервые на монографическом уровне была исследована Г. А. Зориным и В. Ф. Попуцевичем в монографии «Введение в экспертно-креативные системы». Следует отметить, что идеи, изложенные в указанной работе, были положительно восприняты одним из самых авторитетных криминалистов Р. С. Белкиным [5, с. 105]. Зорин Г. А. и Попуцевич свое исследование строили, основываясь на разработанной в теории и обширно используемой в практике технологии автоматизированных систем управления, обосновывая создание экспертно-креативной системы («КримЭКС») – обширного, многопрофильного и полифункционального программного обеспечения ЭВМ, которое может снимать множество вопросов, стоящих перед следователем и оперативным работником. Уче-

ные понимали, что такая экспертная система вполне обеспечивает эвристическое программирование традиционных форм решения стандартных следственных задач. Она формируется как «концентрат знаний справочного характера». Соответственно, следователю дается возможность вести с компьютером диалог – «советоваться», анализировать любую информацию. Но в такой системе нельзя построить принципиально новое тактическое решение проблемной следственной ситуации. Для разрешения данной проблемы авторами предлагалось наделение системы свойством креативности – это способность к творческому созиданию, это обратная связь с креативным раздражителем – следователем, это постоянный возврат в ситуацию, которая создала накопление креативных потенциалов [6].

С момента выхода монографии «Введение в экспертно-креативные системы» идеи, высказанные в ней, неоднократно были реализованы при построении экспертных систем прогнозирования преступлений (предназначены для определения зависимости между личностными качествами преступников и выбором места совершения преступления), выявления скрытых преступлений (выявления признаков краж на производстве, в строительной сфере и т. д.), поиска и установления личности преступника, предназначенные для генерирования типовых версий о личности подозреваемого по первичной информации с места преступления. Примерами тому могут служить экспертные системы «Блок» (система специализирована для установления способов совершения тайных хищений в ходе строительных работ и способна определять вероятные способы совершения краж, выдавать список признаков, соответствующих тому или иному способу совершения кражи), «Маньяк» (предназначена для поддержки принятия решений при раскрытии серийных убийств, совершенных по сексуальным мотивам, и специализирована для оказания помощи сотрудникам уголовного розыска и следователям прокуратуры при выдвижении наиболее вероятной версии о типе предполагаемого преступника), «Грабитель» (для расследования грабежей и разбоев) и др. Таким образом, использование в правоохранительных целях указанных и других информационных систем к настоящему времени доказало свою эффективность и состоятельность.

Следует отметить, что правоохранительными органами различных стран накоплен значительный объем знаний в рассматриваемой сфере, распространение которого стандартными средствами: обучение, обмен опытом на различных международных мероприятиях, путем двусторонних и многосторонних контактов – является весьма длительным процессом, что, с учетом высокого темпа сменяемости способов совершения преступлений в сфере высоких технологий, является фактором снижающим эффективность противодействия рассматриваемым преступлениям.

В этой связи перспективным видится дальнейшее развитие международного сотрудничества в рамках Национальных контактных пунктов (далее – НКП), посредством которых в настоящее время обеспечивается организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление (раскрытие) и пресечение трансграничных и международных преступлений, связанных с использованием компьютерной информации, а также оперативное взаимодействие правоохранительных органов государств, присоединившихся к международной сети НКП, по вопросам борьбы с преступлениями, связанными с использованием компьютерной информации.

Основываясь на изложенном материале и опыте внедрения достижений в области искусственного интеллекта в различных областях, представляется обоснованным вести речь о необходимости создания на базе международной сети НКП экспертных систем, содержащих базы знаний о методах, способах совершения, косвенных признаках,

указывающих на подготовку к совершению преступлений, а также выполненных и успешно реализованных мероприятиях, направленных на раскрытие и расследование преступлений в сфере высоких технологий. Создание и внедрение в практику такой системы позволит повысить скорость поиска наиболее оптимальных решений в «незнакомой» ситуации, предоставит возможность опережать преступников, располагая многовариантными моделями решения поставленной задачи.

Л и т е р а т у р а

1. Обзор. press. – Режим доступа: <https://obzor.press/press/23963-kiberprestupnost-myi-otstayom-ot-hakerov-na-milyu>. – Дата доступа: 04.02.2018.
2. «SecuriyLab». – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/news/481528.php>. – Дата доступа: 04.02.2018.
3. ИTPRAVDA. – Режим доступа: <http://itpravda.com/2018/01/31/ico-blockchain-scam/>. – Дата доступа: 05.02.2018.
4. NewsBY.org – Новости Беларуси. – Режим доступа: <http://www.newsby.org/novosti/2018/02/02/text8055.htm>. – Дата доступа: 05.02.2018.
5. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : Юристь, 2001. – Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – 468 с.
6. Зорин, Г. А. Введение в экспертно-креативные системы / Г. А. Зорин, В. Ф. Попуцевич. – Гродно : ГрГУ, 1995. – 82 с.

УДК 343.985.3

К ВОПРОСУ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СВОЙСТВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ

Л. Н. Евдохова

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
учреждения образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат технических наук, доцент*

На официальном сайте Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь указано, что объектом товароведческих экспертиз являются непродовольственные товары народного потребления, документы, упаковка и тара [1]. Однако в последнее время увеличился спрос на проведение товароведческих экспертиз продовольственных товаров.

Предметом товароведческих экспертиз продовольственных товаров являются фактические данные, устанавливаемые на основании специальных познаний в области товароведения при исследовании потребительских свойств объекта с целью установления его классификационной принадлежности, соответствия характеристик потребительских свойств базовым (нормативным) значениям, установления фактического состояния, причин изменения потребительских свойств и определения стоимости объекта.

Определение номенклатуры потребительских свойств и показателей качества конкретного товара осуществляют на основе развернутой номенклатуры потребительских свойств и показателей качества данной группы товаров путем проведения отбора наиболее важных для товара показателей, их конкретизации и обоснования. Номенклатура потребительских показателей качества товаров должна соответствовать номенклатуре его важнейших потребительских свойств (свойства назначения, свойства надежности, эргономические свойства, эстетические свойства, технологические свойства, экологические свойства и свойства безопасности).

Потребительские свойства продовольственных товаров специфичны и индивидуальны для каждого наименования товара.

Свойства назначения – способность товаров удовлетворять физиологические и социальные потребности, а также потребности в их систематизации. В зависимости от удовлетворяемых потребностей свойства назначения подразделяют на подгруппы: функционального, социального, классификационного и универсального назначения. Для пищевых продуктов свойствами функционального назначения являются энергетическая и биологическая ценность, органолептические и физико-химические показатели. Функциональные свойства могут быть охарактеризованы соответствующими показателями: энергетическая ценность выражается в ккал (Дж), а биологическая оценивается по количеству незаменимых аминокислот, жирных кислот, витаминов и минеральных веществ. Свойства социального назначения для пищевых продуктов могут характеризоваться показателями престижности и социальной адресности. Классификационными признаками пищевых продуктов могут служить многие показатели или свойства (химический состав, отдельные вещества и т. д.).

Свойства надежности – это способность товаров сохранять функциональное назначение в процессе хранения и потребления (эксплуатации) в течение заранее оговоренных сроков. Надежность постоянно изменяется вследствие процессов, происходящих с товарами на разных этапах товародвижения.

Для продовольственных товаров характерно свойство сохраняемости – способность поддерживать исходные количественные и качественные характеристики без значительных потерь в течение определенного срока при условии соблюдения оптимальных режимов хранения. Сохраняемость продовольственных товаров выражается в сроке хранения – период, в течение которого товар при соблюдении установленных условий хранения сохраняет все свои свойства, указанные в нормативном документе, устанавливающем требования к качеству товара, и (или) в договоре.

Что касается эргономических свойств, то эти свойства характеризуют удобство и комфорт эксплуатации товара в системах «человек – среда – изделие» или «человек – изделие». Для пищевых продуктов данное свойство характерно в основном только для упакованных продуктов, т. е. данное свойство может рассматриваться только непосредственно для упаковки товара.

Эстетические свойства характеризуют способность товара через чувственно воспринимаемые образы удовлетворять потребности человека и общества в эстетическом идеале. Эти свойства аналогично эргономическим характерны только для упакованных товаров, однако есть и исключения, например, торты и пирожные.

Технологическими свойствами обладают те товары, использование которых предусматривает некоторую технологию. Так, вязкость жидких продуктов питания (растительное масло, сгущенное молоко) влияет на удобство их разливания по емкостям. Параметры кулинарной обработки продуктов питания также относятся к показателям технологичности.

Безопасность пищевой продукции – состояние пищевой продукции, свидетельствующее об отсутствии недопустимого риска, связанного с вредным воздействием на человека и будущие поколения. Для продовольственных товаров характерны следующие разновидности безопасности: химическая, биологическая и радиационная безопасность [2].

Таким образом, экспертиза потребительских свойств и показателей качества конкретного наименования продовольственных товаров должна проводиться с учетом его классификационных особенностей на основе развернутой номенклатуры потребительских свойств конкретной группы пищевых продуктов.

Литература

1. Экспертизы и исследования / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://sudexpert.gov.by/ru/tovar.html>. – Дата доступа: 14.05.2018.
2. Евдохова, Л. Н. Теоретические основы товароведения : учеб. пособие / Л. Н. Евдохова, Ю. М. Пинчукова, А. Ю. Болотько. – Минск : Выш. шк., 2016. – 263 с.

УДК 343.985

**ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА
НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ****А. Г. Желобкович**

*адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск*

По мере развития рынка недвижимости широкое распространение получили мошеннические посягательства, направленные на завладение правом собственности, денежными средствами, полученными от сделок с жилой недвижимостью граждан. Преступления данного вида отличаются высокой степенью организованности, планирования, сопряжены с совершением должностных, насильственных противоправных деяний, вплоть до убийства собственников недвижимого имущества.

Одним из условий успешного противодействия мошенничеству на вторичном рынке жилой недвижимости является изучение обстановки совершения данного преступления. Анализ обстановки совершения преступления позволит сотрудникам правоохранительных органов получать информацию о возникшей криминальной ситуации, проконтролировать ее дальнейшее развитие. В юридической литературе не существует единого мнения по поводу содержания термина «обстановка совершения преступления».

В. А. Образцов, рассматривая понятие обстановки совершения преступления, включает в его содержание территориальную, климатическую, демографическую и иную специфику региона, в котором совершено преступление, обстоятельства, характеризующие непосредственно место, время, условия и другие особенности [1, с. 91].

М. Х. Валеев под обстановкой совершения преступления понимает совокупность пространственно-временных, природно-климатических, производственно-бытовых и поведенческо-психологических факторов, характеризующих место, время, объект и предмет совершения посягательства, состав соучастников и характер их взаимоотношений с потерпевшим и иными лицами, а также материальные элементы окружающей среды, которые влияют на способ и механизм совершения преступления [2, с. 21].

На наш взгляд, указанные определения обстановки совершения преступления вряд ли рационально использовать для характеристики мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости ввиду того, что климатические и демографические особенности местности только лишь формально можно назвать обстановкой совершения преступления, последние не играют какой-либо значимой роли для осуществления противодействия рассматриваемому преступлению.

В. В. Алешин относит к основным элементам обстановки совершения преступлений, связанных с отчуждением жилья, «некоторые особенности предмета посягательства (главным образом режим правового регулирования отчуждения жилья), особенности поведения не прямых участников преступного посягательства, а также временную характеристику определенных событий (дата, длительность)» [3, с. 68–69].

Н. В. Шувалов, рассматривая обстановку совершения, в частности, экономических преступлений, в числе ее элементов описывает социально-экономическую ситуацию в стране и состояние правового регулирования экономических отношений [4, с. 27].

Схожего мнения придерживается И. О. Антонов: «Для некоторых разновидностей мошенничества имеют значение не только такие составляющие данного элемента криминалистической характеристики, как время и место, но и социально-политические и социально-экономические условия, существующие на данный момент...» [5, с. 11].

Принимая во внимание вышеизложенные позиции авторов, а также специфические особенности рассматриваемого вида преступлений, в структуре обстановки совершения мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости целесообразно выделять сведения о месте и времени его совершения, режиме правового регулирования сделок с жильем граждан, социально-экономических условиях, в которых осуществляется преступная деятельность злоумышленников.

Описывая режим правового регулирования сделок на вторичном рынке жилой недвижимости, необходимо отметить, что порядок их заключения регламентируется широким перечнем законных и подзаконных нормативных правовых актов. Гражданским кодексом Республики Беларусь (ГК РБ) регулируется порядок заключения сделок по отчуждению жилой недвижимости, к которым относятся купля-продажа (ст. 424 ГК РБ), наследование (ст. 1031–1153 ГК РБ), дарение (ст. 545–552 ГК РБ), рента (ст. 554–576 ГК РБ), мена (ст. 538–542 ГК РБ), аренда (ст. 577–596 ГК РБ).

В 75 % изученных нами уголовных дел (всего изучено 170 уголовных дел) мошенничество совершалось при заключении договоров купли-продажи жилой недвижимости, в 19 % при аренде жилой недвижимости, в 2 % при наследовании имущества, в 2 % при осуществлении сделок дарения, в 1 % мены и 1 % ренты жилой недвижимости граждан. Фактически во всех рассмотренных случаях сделки заключались без нарушения их содержания и соответствовали требованиям законодательства, что использовалось преступниками для вуалирования противоправной деятельности под совершение внешне законных юридических действий.

Законом Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» от 22.07.2002 г., Законом Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» от 18.07.2004 г. регламентируются порядок нотариального удостоверения, регистрации сделок с жилой недвижимостью граждан, права и обязанности нотариусов и регистраторов, порядок их действий в случае установления противоправности совершаемой сделки.

Постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий» от 23.10.2006 г. подробно регулируется порядок нотариального удостоверения сделок купли-продажи, завещаний, ренты, согласий по распоряжению совместно нажитого имущества, доверенностей на право распоряжения жилой недвижимостью. Постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 08.08.2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке удостоверения регистратором документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом» от 08.08.2013 г. определяется порядок удостоверения документов, являющихся основанием для государственной регистрации сделки с недвижимым имуществом, проводимых регистраторами.

В 5 % изученных нами уголовных дел в состав преступной группы входил регистратор территориальной организации по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, который в ходе исполнения своих должностных обязанностей составлял, удостоверял, регистрировал, а также выдавал заведомо подложные документы о переходе права собственности на объекты недвижимости, обеспечивал сокрытие совершаемых преступлений. В 1 % случаев преступление совершалось нотариусом, удостоверяющим заведомо противозаконную сделку. Во

многих случаях нотариусами также допускались должностные проступки, выражающиеся в нарушениях правил удостоверения сделок с жилой недвижимостью, однако не подпадающих под квалификацию как уголовно наказуемые.

Указанные обстоятельства определяют необходимость изучения сотрудниками правоохранительных органов законодательных актов, определяющих правовой режим осуществления сделок с жилой недвижимостью, деятельность нотариусов и регистраторов с целью выявления во внешне законных гражданско-правовых сделках с жилой недвижимостью потерпевших следов противоправной деятельности, а также осуществления эффективного противодействия на всех этапах реализации преступного умысла злоумышленников.

Особенностью обстановки совершения мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости является то, что рассматриваемые преступления отличаются множеством мест совершения, а также осуществляются на протяжении продолжительного периода времени, что зачастую значительным образом затрудняет деятельность правоохранительных органов по предупреждению, документированию преступных действий мошенников.

Мошенничество на вторичном рынке жилой недвижимости совершается в дневное время, что обуславливается режимом работы нотариальных контор, агентств недвижимости, органов государственной регистрации, а также иных организаций, деятельность которых связана с оборотом недвижимости. В 80 % случаев преступники завладевали денежными средствами собственников при реализации их жилья, покупателей и арендаторов при продаже, сдаче в аренду жилой недвижимости, соответственно, в связи с чем места совершения мошенничества отличаются своим многообразием. В 70 % случаев преступники завладевали денежными средствами потерпевших-собственников имущества после совершения сделок по отчуждению принадлежащей им жилой недвижимости на улице, в транспортных средствах, объясняя это необходимостью приобретения для них иного жилья взамен реализованного. В остальных случаях местом передачи являлись нотариальные конторы, агентства недвижимости. При совершении мошенничества в отношении покупателей, арендаторов жилой недвижимости преступники завладевали денежными средствами чаще всего по месту нахождения реализуемого, сдаваемого в аренду жилого помещения.

При совершении мошенничества посредством завладения правом собственности на жилую недвижимость потерпевшего местом совершения преступления необходимо считать органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, т. к. после оформления права собственности на себя либо подставное лицо преступник получает возможность распоряжаться ею в полном объеме.

Рассматривая социально-экономические условия, в которых осуществляется преступная деятельность, следует заключить, что мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости совершаются по большей части в городах. Данная закономерность обусловлена прежде всего наличием следующих причин: 1) высокая стоимость жилой недвижимости в городах, по сравнению с сельской местностью; 2) высокий спрос и предложение на жилую недвижимость; 3) значительное сосредоточение финансовых потоков именно в городах; 4) централизованное расположение агентств недвижимости, нотариальных контор, органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Таким образом, обстановка совершения мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости представляет собой совокупность сведений о режиме правового регулирования сделок с жилой недвижимостью граждан, месте и времени совершения преступления, социально-экономических условиях, в которых осуществляет-

ся преступная деятельность злоумышленников. Знание обстановки совершения мошенничества на вторичном рынке жилой недвижимости способствует обнаружению признаков противоправной деятельности в формально законных гражданско-правовых сделках, осуществлению эффективного противодействия на всех этапах совершения рассматриваемого преступления.

Литература

1. Образцов, В. А. Выявление и изобличение преступников / В. А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 336 с.
2. Валеев, М. Х. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования вымогательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М. Х. Валеев. – Уфа, 1997. – 282 л.
3. Алешин, В. В. Преступления, связанные с отчуждением жилья граждан / В. В. Алешин. – М. : Экзамен, 2006. – 192 с.
4. Шувалов, Н. В. Расследование преступлений, совершаемых в сфере кредитования : учеб. пособие / Н. В. Шувалов. – Волгоград, 2013. – 88 с.
5. Антонов, И. О. Расследование мошенничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. О. Антонов. – Казань, 1999. – 23 с.

УДК 347.973

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. Г. Жук

*доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
учреждения образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Термин «криминалистическое обеспечение» активно используется в криминалистической литературе последних лет. Его появление было обусловлено назревшими потребностями практики борьбы с преступностью в комплексной разработке, внедрении и применении в практической деятельности криминалистических методов, приемов и средств выявления, собирания, исследования и использования значимой для раскрытия и расследования преступлений информации. Развитие криминалистического обеспечения расследования преступлений пришлось на 80-е гг. XX в. С этого времени научные дискуссии относительно понимания сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений не прекращаются, а в условиях инновационного развития приобретают еще большую актуальность.

Понятие «криминалистическое обеспечение» расследования преступлений впервые было введено в научный оборот В. Г. Коломацким в конце 70-х – начале 80-х гг. Криминалистическое обеспечение рассматривалось им исключительно как научная категория, способная укрепить криминалистическую науку и практику. По его мнению, под криминалистическим обеспечением деятельности органов внутренних дел понимается система внедрения в практическую деятельность криминалистических знаний, воплощенных в умении работников использовать научные, методические и технические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений [1, с. 62]. Он справедливо подчеркивал, что необходимость разработки

этого понятия и его внедрения в сферу научных исследований и учебный процесс была объективно обусловлена и продиктована рядом обстоятельств, в числе которых он указывает на отставание внедрения в повседневную практику раскрытия и расследования преступлений методов и средств криминалистической техники, а также методических и тактических рекомендаций криминалистической науки от потребностей борьбы с преступностью.

Достаточно весомый вклад в развитие теоретических знаний о криминалистическом обеспечении внес Р. С. Белкин. Под криминалистическим обеспечением расследования преступлений он понимал систему знаний, навыков и умений сотрудников органов внутренних дел, позволяющую использовать им свои знания, применять криминалистические средства, технологии, рекомендации и методы для предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений. Криминалистическое обеспечение было им представлено в виде трехэлементной системы: криминалистических знаний, криминалистической техники и криминалистического образования [1, с. 64]. Обозначенная система позволила показать взаимосвязь криминалистической науки и практики. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений В. Г. Коломацкий [2, с. 21] и Р. С. Белкин рассматривают как сложную динамическую систему, которая под воздействием научно-технического прогресса и интенсивного развития криминалистики может изменять свои качественные и количественные составляющие. В данном случае ими являются криминалистические знания. Как видим, существует разница во взглядах. Белкин Р. С. определяет «криминалистическое обеспечение» как систему криминалистических знаний, а В. Г. Коломацкий – в динамике как систему внедрения. Думается, что Р. С. Белкин не включил «внедрение» в содержание данного понятия, т. к. внедрение криминалистических знаний в практическую деятельность подразумевает непосредственное использование результатов науки. На наш взгляд, следует согласиться с позицией Р. С. Белкина. Необходимо отметить, что в криминалистической науке встречаются и другие мнения, и другие подходы к формированию этого понятия.

Криминалистические знания составляют содержание криминалистической науки. Они представляют собой результат познания ею закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и материализации этого результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений. Воплощены эти знания в двух формах: фундаментальных и прикладных знаниях. Фундаментальные криминалистические знания составляют содержание общей теории криминалистики и частных криминалистических теорий и учений. Прикладные криминалистические знания выступают в форме научных рекомендаций практике, криминалистических приемов, тактических комбинаций, технико-криминалистических операций и процедур, частных криминалистических методик расследования преступлений, технико-криминалистических средств и технологий. Представление новых криминалистических знаний требует соответствующего уровня подготовки сотрудников, которые способны профессионально использовать современные достижения криминалистики. Следовательно, речь должна идти о комплексном подходе к пониманию криминалистического обеспечения, его непосредственной связи со всеми разделами криминалистики. А. Ф. Волынский обоснованно утверждает, что «криминалистическое обеспечение расследования преступлений правомерно рассматривать как общеметодологическую категорию криминалистики» [3, с. 64]. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений представляет собой специфическую комплексную деятельность, которая соответствующим образом организуется, регламентируется законами и под-

законными правовыми актами, обеспечивается технически и методически. Она предполагает постоянную криминалистическую подготовку и переподготовку ее субъектов. При этом все эти виды и направления деятельности следует рассматривать в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности: наличие криминалистических рекомендаций не дает желаемого результата без соответствующей подготовки специалистов. Наличие того и другого мало что значит без правового обеспечения соответствующей деятельности, без оснащения субъектов раскрытия и расследования преступлений. Научные криминалистические знания становятся доступными для восприятия, когда они приобретают определенную информационную форму: монографии, диссертаций, статей, докладов и т. п. Особенность криминалистических знаний заключается в том, что их значительная часть реализуется в практике только с применением определенных технических средств. Именно поэтому третьим компонентом криминалистического обеспечения служит криминалистическая техника, технико-криминалистическое обеспечение этой деятельности. Средствами их внедрения в практику служат технико-криминалистические средства – овеществленное криминалистическое знание, различные практические руководства, наставления, инструкции, методические указания, учебники, информационно-справочные системы и т. п. Совокупность научной, научно-практической и учебной криминалистической литературы в сочетании с системами и комплексами технико-криминалистических средств составляет материализованный банк научных знаний, который криминалистическая наука предоставляет правоохранительным органам для использования в различных сферах их практической деятельности по охране общественного порядка и борьбы с преступностью.

Для того чтобы криминалистические знания стали орудием практики, они должны пройти стадию криминалистического образования, в результате чего криминалистические знания трансформируются в элемент профессиональных знаний и умений сотрудников правоохранительных органов. В частности, Р. С. Белкин отмечает, что «криминалистическое образование – это интегрированная в соответствии с социальными функциями и структурированная адекватно параметрам моделей подготавливаемых специалистов система обучения использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привития обучающимся необходимых для такого использования умений и навыков» [4. с. 125].

Криминалистическое образование представляет собой тот канал, по которому криминалистические знания внедряются в практику органов внутренних дел. Роль такого канала выполняет учебная дисциплина «криминалистика». Криминалистика в юриспруденции, как одна из составляющих блока обязательных юридических дисциплин, предусмотренных государственным образовательным стандартом, хотя и не имеет своих правовых норм, занимает свое определенное место в правоприменительной деятельности. Она играет важную роль в надлежащем осуществлении специфической правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства, обеспечивая правильное применение норм уголовного и уголовно-процессуального законов по каждому расследуемому и рассматриваемому судом уголовному делу. Правоохранительная практика показывает, что успешную борьбу с преступностью могут осуществлять лишь всесторонне и профессионально подготовленные сотрудники. Для успешного осуществления предупреждения, раскрытия и расследования преступлений большое значение имеют разрабатываемые в криминалистике соответствующие технические средства, тактические приемы и методы расследования преступлений. Следовательно, криминалистическое образование должно быть настолько фундаментальным, чтобы выработать способность к само-

обучению, и в то же время настолько прикладным, чтобы усвоенные знания и умения позволяли решить практические задачи раскрытия и расследования преступлений. При этом необходимо учитывать, что в условиях НТР содержание науки полностью обновляется за 7–10 лет, что обуславливает динамичность и непрерывность криминалистического образования. Процесс формирования знаний, навыков и умений работников правоохранительных органов должен в максимальной степени исходить из потребностей практической деятельности. Соответственно, криминалистическое обучение необходимо рассматривать как процесс и результат подготовки высококвалифицированных кадров, вооруженных знаниями, умениями и навыками применения криминалистических рекомендаций, в которых отражены новейшие достижения в различных отраслях науки и техники, изучен и обобщен передовой опыт раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в условиях инновационного развития может быть определено как особая организационно-функциональная система, направленная на постоянное формирование и поддержание на определенном уровне подготовки работников правоохранительных органов через систему криминалистических знаний, систематическое использование в практической деятельности новых технико-криминалистических средств и реализованная через систему криминалистического образования.

Л и т е р а т у р а

1. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. – М., 1997. – 400 с.
2. Коломацкий, В. Г. К истории криминалистического обеспечения расследования преступлений / В. Г. Коломацкий // Криминалистическое обеспечение борьбы с преступностью : материалы криминалист. чтений. – М., 2001. – № 13. – С. 21.
3. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Вольнского. – М., 2000. – 615 с.
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин. – М., 1997. – Т. 1. : Общая теория криминалистики. – 521 с.

УДК 393.985.7

ПОИСКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Е. И. Климова

*заведующий кафедрой правовых дисциплин филиала
Российского государственного социального университета
в г. Минске, кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Д. А. Климов

*старший преподаватель цикла уголовно-правовых дисциплин
Центра повышения квалификации руководящих работников и сотрудников
Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск*

Категория «признак» исследуется на современном этапе практически во всех работах, на страницах которых идет речь о методике выявления и расследования отдельных видов и групп преступлений. Признаки конкретных преступлений в сфере экономики исследовали А. А. Вишневский [1], А. Е. Ступницкий [2], Р. И. Верченко [3], П. И. Иванов, А. Е. Булдин [4], И. Н. Соловьев [5], В. Н. Коробейников [6] и др.

Понятие хищения путем злоупотребления служебными полномочиями включает в себя признаки функционального характера, подлежащие установлению в соответствии со сложившейся следственной и судебной практикой. Это наличие причинной связи между совершаемыми виновным лицом действиями с использованием служебных полномочий, противоправным безвозмездным завладением имуществом и последствиями в виде причинения имущественного ущерба (вреда); обусловленность совершаемых виновным лицом действий по завладению имуществом либо приобретению права на него с преступным умыслом и корыстной целью, осознание их противоправности; отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу в виде причинения имущественного ущерба как результата естественного риска при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности.

В качестве поисковых признаков хищения путем злоупотребления служебными полномочиями целесообразно рассматривать следующие:

1) время, место и обстановку (порядок):

– формирования преступных умысла и связей между соучастниками хищения, совершаемого группой лиц, в том числе по предварительному сговору, организованной группой или в составе преступной организации;

– фактического начала уголовно наказуемой предварительной преступной деятельности – стадии приготовления к преступлению, включая время совершения конкретных действий, ее составляющих;

– перехода приготовления в стадию покушения на хищение – начала активных действий, непосредственно направленных на реализацию преступного умысла, корыстных цели и побуждений;

– реализации решений, совершения действий, включая время оформления, использования и отражения в системе бухгалтерского учета ложных документов, сопутствующих хищению и составляющих способ его совершения;

– составления и отражения в системе учета и контроля подлинных бухгалтерских документов, обеспечивающих и сопровождающих финансово-хозяйственную деятельность, в рамках которой совершается хищение;

– составления соучастниками хищения неофициальных учетно-контрольных документов, отражающих динамику, характер и результаты противоправной преступной деятельности (теневой бухгалтерии);

– непосредственного изъятия похищаемого имущества и отражения изменения права собственности (владения, управления и распоряжения им) в системах учета и контроля, статистической отчетности;

– завладения имуществом, приобретения права собственности на него и получения виновным лицом реальной возможности распоряжаться им по своему усмотрению – время окончания преступления;

– получения виновным лицом служебных властно-распорядительных полномочий – время приобретения им статуса должностного лица в сфере управления, распоряжения имуществом – предметом завладения;

– исполнения виновным лицом своих служебных полномочий и использования их для непосредственного завладения имуществом либо приобретения права на него в пределах служебной компетенции;

2) способ хищения при осуществлении разрешенной экономической деятельности, структурно соответствующий времени, месту и обстановке его совершения, включающий:

– выполнение действий, характеризующих оформление противоправного умысла и направленных на установление информационных, функциональных, межличностных преступных связей и отношений между соучастниками;

- осуществление преднамеренной деятельности по формированию схемы хищения, средств его исполнения, созданию условий для формально «законного» безвозмездного завладения имуществом, реализации корыстных цели и мотива;
  - начало подготовленной деятельности, непосредственно направленной на реализацию преступного умысла, определенной схемы хищения, его цели и мотива;
  - принятие властно-распорядительных решений и совершение действий по созданию (изготовлению) и использованию ложных организационно-распорядительных и бухгалтерских документов для исполнения хищения;
  - использование служебных полномочий виновным лицом для устранения несоответствия между фактически выполненными финансово-хозяйственными операциями при хищении и достоверностью системы учета и контроля;
  - поддержание и коррекция системы мер, обеспечивающих легализацию ложных в качестве достоверных первичных бухгалтерских документов либо их замену или сокрытие;
  - обеспечение маскировки хищения и его последствий в виде причинения имущественного вреда посредством совершения системы действий и приемов сокрытия ничтожного характера совершаемых гражданско-правовых сделок;
  - последовательность использования служебных полномочий, средств и приемов для непосредственного изъятия имущества либо приобретения права на него и отражения изменения права собственности в системе учета и контроля;
  - организацию и выполнение действий, направленных на непосредственную реализацию корыстной цели, посредством формирования условий для получения изъятых имущества в полное свое распоряжение;
  - динамику и характер ролевых преступных связей и отношений, структурно, функционально обусловленных, проявляющихся на всех стадиях приготовления, непосредственного совершения и окончания преступления;
- 3) виновность обвиняемого в совершении преступления, характеризующаяся:
- продуманной преднамеренностью, осознаваемой противоправностью своих намерений, цели, мотива, характера и содержания предполагаемых умышленных действий, неизбежности общественно опасных последствий;
  - целенаправленно организованной и выполняемой системой действий по подготовке, совершению преступления, влекущего причинение имущественного вреда и получением за счет этого безвозмездной имущественной выгоды;
  - совокупностью признаков специального субъекта, использующего свои служебные властно-распорядительные полномочия для непосредственного совершения хищения, проявляющихся в способе его реализации;
- 4) характер, размер вреда и последствия хищения определяются:
- принадлежностью имущества – государственной или частной собственностью, – находящегося в правомерном владении физического или юридического лица и фиксируемого системой бухгалтерского учета и контроля;
  - нормами уголовного права в предусмотренном законом порядке и размерах для конкретных составов преступления, исходя из экономической ценности имущества, его характера и назначения;
  - причинением реального вреда противоправным безвозмездным изъятием имущества (завладением), изменением права собственности и последствиями в виде упущенной имущественной выгоды;
- 5) иные обстоятельства, подтверждающие факт совершения преступления в сфере экономики (хищения путем злоупотребления служебными полномочиями):
- динамика проявления его структурных элементов, характеризующаяся рядом причинных и не причинных зависимостей (системных, функциональных, целевых, корреляционных, обратных);

– установление, поддержание и корректировка межличностных внеслужебных связей и отношений между соучастниками, имеющих противоправную направленность, определяемую преступным умыслом;

– обусловленность причинения имущественного вреда умышленными действиями должностного лица, выступающего в качестве исполнителя преступления, с использованием им своих служебных полномочий;

– нарушение полноты и объективности бухгалтерского учета (финансового, управленческого, налогового) вследствие отражения в нем ложных документов либо сокрытия фактически выполняемых финансово-хозяйственных операций.

Уголовно-процессуальные признаки обладают менее высокой степенью обобщения в сравнении с признаками уголовно-правового характера. Тем не менее они предполагают конкретизацию их содержания и информации об отражении в реальных условиях совершения преступлений, определение источников криминалистически значимой, доказательственной информации.

Литература

1. Вишневский, А. А. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел по признакам выманивания кредита и дотаций / А. А. Вишневский // Актуальные вопросы охраны правопорядка и борьбы с преступностью : сб. науч. тр. преподавателей, адъюнктов и соискателей / под ред. канд. юрид. наук Л. В. Саленика. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – С. 33–35.
2. Ступницкий, А. Е. Особенности выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства / А. Е. Ступницкий // Вестн. Востоčno-Сибир. ин-та М-ва внутр. дел России. – 2015. – № 2 (73). – С. 13–23.
3. Верченко, Н. И. К вопросу определения признаков коррупционного преступления / Н. И. Верченко // Вестн. Новосибир. гос. ун-та экономики и управления. – 2014. – № 2. – С. 364–370.
4. Иванов, П. И. Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем / П. И. Иванов, А. Е. Булдин // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 84–91.
5. Соловьев, И. Н. Оперативно-розыскная деятельность в сфере экономики и налогообложения / И. Н. Соловьев. – М. : Проспект, 2012. – 208 с.
6. Коробейников, В. Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с вымогательством : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. Н. Коробейников. – Ижевск, 2001. – 156 л.

УДК 343.985

ОКАЗАНИЕ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЮ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д. В. Костюкевич

*адъюнкт научно-педагогического факультета
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», г. Минск*

Выполнение следователем задач уголовного судопроизводства в части быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных в значи-

тельной мере обеспечивается правильным использованием сил и средств оперативных подразделений органов внутренних дел. Одной из процессуальных форм взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений, наравне с дачей поручения о производстве следственных и других процессуальных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий, является оказание содействия при производстве следственных и иных процессуальных действий. В соответствии с ч. 7 ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) следователь по расследуемому им уголовному делу, а также при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении вправе требовать от органов, уполномоченных законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

О необходимости оказания содействия следователю со стороны полиции писал еще Ганс Гросс: «...При содействии можно предупредить многочисленные затруднения, неприятности и этим, конечно, выиграть время» [1, с. 155]. В отечественной правовой науке вопросом о необходимости оказания содействия следователю со стороны подразделений органов внутренних дел впервые заинтересовался В. И. Громов, который указывал, что следственные органы могут пользоваться содействием органов дознания вне зависимости от их ведомственной подчиненности, при этом следователю отводится ведущая роль при осуществлении взаимодействия, а органам внутренних дел – вспомогательная [2, с. 33].

Рассматриваемая форма взаимодействия может иметь место как во время проведения доследственной проверки по заявлениям и сообщениям о преступлениях, так и на стадии возбуждения уголовного дела и последующего его расследования.

Как считает А. М. Ларин, потребность в содействии возникает, когда следователь один физически не может эффективно осуществить следственное действие, а также тогда, когда в связи со следственным действием возникает необходимость осуществления функций, специфически присущих органам дознания [3, с. 119]. Таким образом, главным отличием оказания содействия оперативных подразделений органов внутренних дел следователю от дачи поручения следователем заключается в том, что при оказании содействия следователь все следственные и процессуальные действия выполняет самостоятельно при помощи оперативных подразделений, а при даче поручения оперативные подразделения при выполнении следственных и процессуальных действий работают автономно.

Однако в отличие от поручения, которое дается в письменном виде, уголовно-процессуальный закон не указывает форму требования об оказании содействия, а также не называет перечень тех следственных и процессуальных действий, по которым могут быть привлечены сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел для оказания содействия. Определенную неоднозначность добавляет также то обстоятельство, что уголовно-процессуальный закон закрепляет за следователем право требовать содействия, однако корреспондирующая такому праву обязанность, как уголовно-процессуальный закон, так и оперативно-розыскное законодательство, у органов, уполномоченных законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, не устанавливает. Зачастую это способствует возникновению спорных ситуаций, когда следователь обращается с требованием к оперативным подразделениям об оказании содействия, а решение об удовлетворении такого требования всецело зависит от оперативных подразделений, которые находятся в иной ведомственной подчиненности.

Следует согласиться с А. П. Кругликовым, который считает, что требование об оказании содействия целесообразно излагать в виде письменного поручения органу

дознания с просьбой выделить определенное количество сотрудников оперативных служб для участия в конкретном следственном или процессуальном действии [4, с. 35]. Данное предложение, по нашему мнению, вполне коррелируется с ч. 7 ст. 36 УПК РФ, а обращенное к органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, требование следователя фактически выступает в качестве поручения, которое обязательно к исполнению. Однако в некоторых случаях, когда необходимо оперативное оказание содействия следователю, данное требование может быть выражено в устной форме, и если оно соответствует закону, то обязательно к исполнению оперативными подразделениями органов внутренних дел. К таким случаям следует отнести совместные выбытия в составе следственно-оперативной группы на место происшествия по заявлениям и сообщениям о преступлениях, когда малейшее промедление в осуществлении совместных действий следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел будет способствовать утрате доказательственной информации.

Поручение-требование об оказании содействия при производстве следственных и иных процессуальных действий в письменной форме направляется на имя начальника территориального органа внутренних дел. При этом в поручении-требовании следует указывать краткую фабулу совершенного преступления и номер уголовного дела, а также какое именно содействие и в какой форме требуется от оперативных подразделений, время и место проведения того или иного следственного и процессуального действия, количество сотрудников, их цели, задачи и оснащенность специальными и научно-техническими средствами.

Выбор форм содействия зависит от характера тех следственных и процессуальных действий, при производстве которых требуется участие сотрудников оперативного подразделения органов внутренних дел.

Исходя из практического опыта, оказание содействия следователю в проведении следственных и иных процессуальных действий происходит, в основном, в двух формах:

1. Непосредственное участие сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел совместно со следователем в проведении какого-либо следственного либо процессуального действия. Например, при оказании содействия при обыске сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел могут самостоятельно или параллельно со следователем проводить поисковые мероприятия, направленные на обнаружение искомых объектов или предметов.

2. Участие в подготовке следственных и процессуальных действий, оказание сторонней помощи при проведении и фиксации результатов следственного и процессуального действия. Например, при подготовке опознания сотрудники оперативных подразделений могут подыскивать статистов со схожей, как у опознаваемого, внешностью; при проведении следственного эксперимента сотрудники оперативных подразделений могут оказывать помощь следователю при производстве измерений, изъятии и упаковке вещественных доказательств. Представляется, что осуществление конвоирования задержанного, подозреваемого или обвиняемого не относится к формам оказания содействия со стороны сотрудников оперативных подразделений. Так как это является совсем другого рода деятельностью и должно осуществляться сотрудниками специальных конвойных подразделений либо согласно штатному расписанию сотрудниками территориального органа внутренних дел.

Таким образом, рассмотренная процессуальная форма взаимодействия заключается в участии сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел в подготовке и проведении наиболее трудоемких и сложных следственных и процессуальных действий, состоящей в непосредственной практической помощи организационно-тактического и процессуального характера, оказываемой следователю.

Литература

1. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
2. Громов, В. И. Дознание и предварительное следствие: Теория и техника расследования преступлений. Руководство для органов дознания и народных следователей / В. И. Громов ; под ред. и с предисл. Н. В. Крыленко. – 3-е изд. перераб., испр. и доп. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, гос. тип. им. Евг. Соколовой, 1928. – 364 с.
3. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: Планирование, организация / А. М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1970. – 223 с.
4. Кругликов, А. П. Правовое положение органов и лиц, производящих дознание, в советском уголовном процессе : учеб. пособие / А. П. Кругликов. – Волгоград, 1986. – 43 с.

УДК 343.98

**ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ПРЕОДОЛЕНИИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Д. С. Кудрявцев

*адъюнкт научно-педагогического факультета
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», магистр юридических наук, г. Минск*

Учение о преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений стало предметом диссертационных исследований в начале 90-х гг. прошлого столетия. Данную концепцию впервые обосновал В. Н. Карагодин, отмечая, что система знаний, относящихся к преодолению противодействия предварительному расследованию, обладает всеми свойствами частной научной теории и образует самостоятельное криминалистическое учение. В дальнейшем эта позиция трансформировалась в теорию преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Анализ специальной литературы показывает, что среди российских ученых сформировались различные точки зрения относительно периодизации данной теории. Например, Э. У. Бабаева выделяет в ее становлении четыре этапа (1-й – до 1992 г., 2-й – с 1992 по 1994 г., 3-й – с 1995 по 2001 г., 4-й – с 2002 г. по настоящее время). О. В. Маслов, И. В. Тишутина и другие ученые ограничиваются тремя (1-й – с 60-х до конца 80-х гг. XX в., 2-й – 90-е гг. XX в., 3-й – с 2001 г. по настоящее время).

По нашему мнению, не без связи с предложениями российских ученых, развитие учения о преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь целесообразно рассматривать в виде следующих этапов:

- 1 этап – с 60-х до конца 80-х гг. XX в.;
- 2 этап – конец 80-х гг. XX в. – 1998 г.;
- 3 этап – 1999 г. – по настоящее время.

На 1-м этапе намечаются пути разрешения конфликтных ситуаций, исследуются отдельные способы сокрытия преступлений, изучается их связь со способами совершения уголовно наказуемых деяний. Научная дискуссия относительно наличия взаимосвязи между способом совершения и сокрытия преступлений выразилась в виде трех точек зрения, представители первой из которых (Г. Г. Зуйков, С. С. Кукулянский, Н. А. Сенчик и др.) считали, что действия по сокрытию включаются в содержание способа преступления [1]. Другая группа ученых (А. Н. Колесниченко, В. П. Колмыков, В. А. Овечкин и др.) поддерживала тезис о том, что способы совершения и сокрытия преступлений могут существовать и раздельно [2]. Представители

третьего направления (М. С. Уткин, Р. С. Белкин и др.) утверждали, что самостоятельность действий по сокрытию преступления обусловлена их нахождением за пределами единого умысла со способом совершения преступления [3].

Следует согласиться с большинством ученых-криминалистов, которые полагают, что посредством сокрытия преступления и противодействия расследованию преследуется одна и та же цель – избежание преступником уголовной ответственности (наказания). При этом необходимо иметь в виду, что сокрытие предполагает достижение и более локальной цели – недопущение поступления информации о совершенном уголовно наказуемом деянии в правоохранительные органы. По этому поводу В. Ф. Ермолович отмечает, что «после достижения преступного результата у субъекта общественно опасного деяния конечной целью является уклонение от уголовной ответственности и наказания» [4, с. 252].

На данном этапе формируется подход, согласно которому сокрытие преступления есть один из трех элементов его полноструктурного способа. Однако на практике все чаще стали проявляться ситуации, когда сокрытие выступало в виде самостоятельной системы действий, осуществляемых с разрывом во времени, направленных на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений.

2-й этап характеризуется отсутствием в белорусской юридической науке специальных исследований о преодолении противодействия расследованию преступлений и представлен, в первую очередь, работами российских ученых-криминалистов. Тем не менее белорусские ученые все же обращали внимание на отдельные аспекты противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Например, Н. И. Порубов, изучая тактику допроса на предварительном следствии, говорит о тактических приемах избличения подозреваемого (обвиняемого) во лжи [5]. Ермолович В. Ф. касается вопросов противодействия расследованию в контексте учения о способах и механизме преступления [6].

Позднее теоретические взгляды на феномен противодействия раскрытию и расследованию преступлений частично нашли свое отражение в кандидатских диссертациях и монографиях, посвященных методике расследования определенных видов и групп преступлений.

К этому же этапу относится генезис взглядов и в уголовно-правовом аспекте. Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК РБ) в редакции 1960 г. предусматривал ряд составов, описывающих действия, фактически выступающие способами противодействия в современном понимании (заведомо ложное показание, угроза по отношению к судье или народному заседателю и др.), однако термин, содержательно объединяющий весь комплекс таких действий, отсутствовал. Понятие «противодействии» появилось лишь в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК РБ), принятом в 1999 г., хотя разъяснения ему не давалось.

В гл. 34 УК РБ («Преступления против правосудия») содержится ряд статей, предусматривающих ответственность за действия, так или иначе препятствующие расследованию. При этом законодатель использует термин «воспрепятствование», по сути тождественный термину «противодействие». В этой связи некоторые ученые отстаивают позицию, что противодействие следует понимать не только как умышленную, но и противоправную деятельность.

Третий этап в развитии теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений нами обозначен с 1999 г., когда в Республике Беларусь вступили в силу новые уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. Новый УПК Беларуси по сравнению с УПК в редакции 1960 г. значительно расширил и изменил отдельные положения, определяющие задачи, принципы уголовного процесса, основания и виды уголовного преследования, перечень мер процессуального принужде-

ния, состав и правовое положение участников процесса и т. п. В нем впервые были закреплены нормы, содержащие меры по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства.

Появление данных нормативно-правовых актов стало результатом проведения судебной реформы, потребность в которой возникла еще в 1991 г. с обретением Республикой Беларусь независимости. С принятием в 1994 г. Конституции страны, разработкой в 1995 г. Модельного УПК для государств-участников СНГ стала очевидной необходимость обновления уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Анализ специальной литературы показывает, что развитие учения о преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь проходило с учетом исследований в этом направлении российских ученых, но с особенностями, характерными для отечественного законодательства. Вопрос периодизации теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений наряду с изучением иных аспектов имеет важное теоретическое значение, поскольку позволяет более основательно подойти к анализу понятия противодействия, его особенностей и способов осуществления.

Литература

1. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. Г. Зуйков. – М., 1970. – 31 с.
2. Васильев, А. Н. Планирование расследования преступлений / А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович ; под ред. А. С. Голунского. – М. : Госюриздат, 1957. – 199 с.
3. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р. С. Белкин – М. : Юристъ, 1997. – Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – 480 с.
4. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая сущность противодействия правосудию / В. Ф. Ермолович // Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 18–19 мая 2012 г. / редкол.: А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – С. 249–253.
5. Порубов, Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии : учеб. пособие / Н. И. Порубов. – М. : Изд-во БЕК, 1998. – 208 с.
6. Ермолович, В. Ф. Способы и механизм преступления / В. Ф. Ермолович // под ред. проф. И. И. Басецкого. – Минск, 2000. – 107 с.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «МЕТОД РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

Д. Н. Лозовский

профессор кафедры криминалистики и правовой информатики

Кубанского государственного университета,

доктор юридических наук, доцент, г. Краснодар, Российская Федерация

Расследование преступлений, как и иная сложная деятельность, имеет свои средства, способы, методы достижения искомого результата. Чем богаче у следователя этот арсенал, тем меньше он допускает ошибок, лучше качество расследования, выше раскрываемость преступлений, надежнее защита прав и свобод человека. Поэтому совершенствование известных методов расследования и поиск новых всегда являлись важнейшими задачами криминалистической науки.

Совокупность методов криминалистики является определенной системой, состоящей из всеобщего, общенаучных и специальных методов. Ни один из этих методов нельзя абсолютизировать, поскольку они реализуются в науке и в практической

деятельности во взаимосвязи. Только их обоснованная совокупность может обеспечить достижение целей криминалистического познания [1, с. 121].

Несмотря на то, что термин «метод расследования» используется в огромном количестве работ по криминалистике, определение соответствующего понятия авторами практически не дается. Даже в работах, посвященных методам познания в криминалистической науке и практической деятельности, авторы либо вообще обходят вопрос об определении понятия метода расследования, либо ограничиваются понятием «метод криминалистики».

Так, Н. А. Подольный и Ю. В. Шляпников пишут, что метод в криминалистике – это обобщенное понятие, объединяющее и метод науки криминалистики, и метод расследования. По мнению авторов, такое понимание метода в криминалистике делает его более доступным для практических работников правоохранительных органов, что может позволить перенести дискуссии о методе из чисто теоретической плоскости в практическую и тем самым придать проблемам метода прикладной характер [2, с. 36].

На наш взгляд, такой подход носит чисто декларативный характер. Кроме того, представляется нецелесообразным придавать теоретическим проблемам метода криминалистики прикладной характер. Вопрос о понятии метода (независимо от того, идет ли речь о науке или следственной деятельности) является теоретическим, и решить его должны ученые-криминалисты. Практических работников могут интересовать только конкретные, подтвердившие свою эффективность методы расследования преступлений, в первую очередь, не возникающие стихийно, а специально разработанные, оформленные в виде соответствующих рекомендаций или предписаний и доступные для освоения.

Определение же понятия «метод расследования» позволит установить, какова должна быть сущность предлагаемых и содержащихся в предписаниях способов деятельности, чтобы их можно было назвать методами расследования.

подавляющее большинство работ по криминалистике, посвященных методам, содержат лишь определения понятия метода «вообще», в широком смысле слова, и указание на то, что методы науки следует отличать от методов практической деятельности. Таким образом, авторы опять уходят от понятия метода расследования.

Современный уровень развития криминалистики требует четкой формулировки определения понятия метода расследования преступлений, описания его признаков, критериев, которым должен отвечать рекомендуемый способ деятельности, чтобы считаться методом расследования.

Одним из немногих на сегодняшний день остается понятие метода расследования, сформулированное Г. А. Густовым. По его определению, метод расследования – это обусловленные закономерностями объектов (систем, участников преступления и расследования, отдельных предметов, процессов, явлений), оказавшихся в орбите расследования, правила и основанные на них способы, средства, приемы, технологии деятельности по уголовному делу, надлежащее исполнение которых при соблюдении требований закона в определенной мере гарантирует получение новых знаний и решение задач предварительного следствия [3, с. 141].

Данное определение, безусловно, содержит ряд положительных моментов, с которыми нельзя не согласиться. Во-первых, в данном определении содержится указание на обусловленность метода закономерностями объектов, оказавшихся в орбите расследования. На наш взгляд, в первую очередь, речь должна идти о закономерностях преступлений, для расследования которых предназначен метод. Во-вторых, есть указание на цель и задачи применения методов расследования. В-третьих, метод расследования в некотором роде определяется через способ деятельности, что, на наш взгляд, является наиболее логичным из возможных подходов к этому вопросу, по-

скольку, по нашему мнению, именно понятие способа является родовым по отношению к понятию метода.

В то же время представляется, что рассматриваемое определение содержит и некоторые недостатки. Так, Г. А. Густов определяет понятие метода расследования путем указания на явления, лежащие в разных плоскостях. Автор говорит о том, что метод расследования – это правила и основанные на них способы, средства, приемы, технологии деятельности.

Правила не существуют как объект или процесс материального мира – это описание, данное в какой-либо форме, того, как должно поступать. Правила – это не сама деятельность, а описание деятельности. Способы, средства, приемы, технологии лежат в плоскости реальных явлений. Если Г. А. Густов считает, что метод – это правило (что следует из сформулированного им понятия), то автор противоречит сам себе, употребляя в той же работе указанные термины в ином контексте. Например, в той же работе абзацем выше встречается следующая фраза: «Правила применения метода, как известно, дают возможность повысить эффективность деятельности». Из данной фразы видно, что правила – это, как описывается, а метод – это то, что описывается и что реально применяется. Если метод и есть правила, то не может быть правил применения метода.

Реальные явления, названия которых Г. А. Густов использует в определении, перечисляя их в одном ряду, также носят весьма разноплановый характер. Например, средства и способ. Под средствами, как правило, понимают различные материальные образования – предметы, приборы, вещества и т. п., которые используются в процессе определенной деятельности. Способ – характеристика самой деятельности, которая может включать в себя и использование различных средств. Средства, на наш взгляд, дают возможность субъекту деятельности (в данном случае – субъекту расследования) решить такие задачи, которые он не может решить, используя только свои собственные качества – физические и умственные. То есть применение различных средств увеличивает собственные возможности субъекта.

Прием, на наш взгляд, является разновидностью способа, поэтому включать его в определение путем перечисления также нецелесообразно. Отличие методов от технологий, алгоритмов, программ было нами рассмотрено во втором параграфе настоящей главы, из чего следует, что определять через них понятие метода неправильно.

Мы считаем, что при определении понятия метода расследования необходимо опираться на два понятия – метода в общенаучном смысле и процесса расследования преступлений.

Под методом познавательной или практической деятельности мы предлагали рассматривать специально разработанный, наиболее эффективный способ упорядочения данной деятельности, направленный на решение определенных задач и (или) достижение определенной цели.

Под расследованием преступлений мы понимаем соответствующую требованиями закона, обусловленную закономерностями преступления и иными объективными и субъективными факторами сложную, структурированную деятельность следователя и других уполномоченных лиц, целью которой является доказывание обстоятельств расследуемого преступления и решение иных возложенных на предварительное следствие задач.

Исходя из этого, можно сформулировать определение понятия метода расследования в широком смысле, т. е. применительно ко всей деятельности, направленной на доказывание обстоятельств преступления и решения любых задач расследования независимо от их уровня, сложности и т. п.

Таким образом, метод расследования преступлений в широком смысле – это специально разработанный, наиболее эффективный способ упорядочения деятельности следователя и других уполномоченных лиц, направленной на доказывание обстоятельств расследуемого преступления и решение иных возложенных на предварительное следствие задач.

Литература

1. Виноградов, А. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений – метод расследования / А. А. Виноградов // Вестн. Казан. юрид. ин-та. – 2017. – № 7. – С. 121–125.
2. Подольный, Н. А. Метод в криминалистике и его значение для практики расследования преступлений / Н. А. Подольный, Ю. В. Шляпников // Следователь. Федер. изд. – 2005. – № 12.
3. Густов, Г. А. Метод расследования: понятие, структура, виды / Г. А. Густов // Проблемы расследования преступлений в условиях формирования правового пространства СНГ и развития международного сотрудничества : сб. ст. / Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – СПб., 1994.

УДК 343.98

АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ

А. Ф. Мотолько

*начальник Главного управления процессуального контроля
центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, г. Минск*

На сегодняшний день одним из наиболее характерных для современного общества процессов стала информатизация, в условиях которой общество познает новые способы создания и распространения информации, что неминуемо влечет за собой возрастающую потребность в обработке все большего ее количества. В этой ситуации наиболее актуальной становится проблема возможности оперативного отслеживания, обработки и анализа информационных потоков больших данных. Успешным решением данного вопроса в последнее время все чаще становится грамотно организованная информационно-аналитическая деятельность, которая является особым видом человеческой деятельности, призванная обеспечить информационные потребности общества с помощью аналитических технологий.

Сущность информационно-аналитической деятельности можно свести к процессу производства нового знания на основе осмысления и качественно-содержательного преобразования имеющейся информации в целях оптимизации принятия решений.

Информационно-аналитическая работа – это самостоятельный вид мыслительной организационно-управленческой деятельности индивида по поиску, сбору, хранению, систематизации, анализу и оценке информации, а также информационно-технологическому обеспечению указанных процессов, направленных на удовлетворение потребностей самого индивида, лица, принимающего решение, и в целом органа (организации, ведомства и т. д.).

Выделяют следующие основные этапы информационно-аналитической работы: 1) общее знакомство с проблемой; 2) определение используемых терминов и понятий; 3) сбор фактов; 4) истолкование фактов; 5) построение гипотез; 6) подготовка выводов; 7) изложение и составление итогового документа [1].

Следует отметить, что информационно-аналитическая работа весьма схожа с работой следователя по осуществлению расследования преступления. Одной из особенностей процесса расследования преступлений является сложность получения ин-

формации об обстоятельствах уголовного правонарушения: отыскание данной информации, фиксация, изъятие, сохранение, анализ, оценка и использование в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Расследование преступления представляет собой информационно-познавательную деятельность, а собираемая и используемая информация в ходе данного расследования исполняет роль как поисковой функции, так и познавательной [2].

Предварительное следствие в информационном плане есть процесс устранения информационной неполноты, возникающей при изучении познаваемого преступного деяния. Устраняется она, прежде всего, в ходе поисковой деятельности следователя в рамках уголовного процесса, которая заключается в установлении и розыске лиц, совершивших преступление, поиске и собирании доказательств совершения ими преступления.

Как указывает Р. С. Белкин, розыск «есть функция органов дознания и предварительного следствия». Под объектами розыска понимаются такие объекты, которые «находятся вне пределов досягаемости следователя и суда, а доказывание и процессуальная процедура требует реального (физического и психического) взаимодействия с ними» [3].

Событие преступления по отношению к познающему его субъекту – это всегда событие прошлого. Но любая противоправная деятельность непременно находит отражение во внешней среде либо в форме материально фиксированных следов, либо в форме образов в сознании людей. При этом и то, и другое содержит информацию о событии преступления и преступнике, выявление, анализ, оценка и использование которой составляет основу поисковой деятельности следователя [4].

Соответственно, поиск носителей информации о событии преступления и составляющих его элементах, последующая обработка и анализ полученных сведений являются ключевыми составляющими в деятельности следователя и определяют сущность его информационно-аналитической работы для достижения целей расследования.

Можно выделить следующие три стадии информационно-аналитической работы следователя: 1) поиск и собирание информации, представляющей интерес; 2) обработка и анализ полученной информации; 3) отнесение информации к криминалистически значимой.

Именно имеющая отношение к раскрытию и расследованию преступления информация в юридической литературе называется криминалистически значимой информацией. Так, Е. Н. Паршина определяет криминалистически значимую информацию как информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующую получению таковой, также любую информацию, имеющую значение для достижения целей уголовного судопроизводства [5]. И как отмечает А. Н. Григорьев: «вся информация, используемая в ходе расследования преступлений, может быть определена как криминалистически значимая» [6].

Криминалистически значимая информация подразделяется на доказательственную информацию, содержащуюся в доказательствах, и ориентирующую – полученную из непроцессуальных источников и не имеющую доказательственного значения. Последняя может быть использована для выдвижения версий, определения направлений расследования, планирования следственных действий, прогнозирования возможной линии поведения участников расследования и т. п. Соблюдение требований уголовно-процессуального закона при получении фактических данных, имеющих значение для дела, и соблюдение при этом порядка, условий и последовательности соответствующих следственных действий – основной признак для разграничения доказательственной и ориентирующей информации.

Доказательственная информация с точки зрения уголовного процесса используется в контексте доказательств – фактических данных, полученных в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Каждое доказательство должно быть оценено следователем с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве.

Таким образом, можно дать следующее определение информационно-аналитической работе следователя в ходе производства по уголовному делу – это единый процесс, включающий решение следующих задач: изучение обстоятельств события преступления, построение криминалистических версий, поиск и обнаружение носителей информации, определение их как источников сведений, относящихся к событию преступления, извлечение, передача, обработка, систематизация и анализ, процессуальное оформление полученных данных в доказательства, оценка полученных доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – с точки зрения достаточности.

Литература

1. Кузнецов, И. Н. Информация: сбор, защита, анализ : учеб. по информ.-аналит. работе / И. Н. Кузнецов. – М. : Яуза, 2001. – 320 с.
2. Степура, Ю. И. Информационно-аналитическая работа следователя в предупреждении преступлений / Ю. И. Степура // Адм. и муницип. право. – 2011. – № 2. – С. 56–61.
3. Белкин, Р. С. Очерки криминалистической тактики : учеб. пособие / Р. С. Белкин. – Волгоград : Высш. следств. шк. МВД Рос. Федерации, 1993. – 200 с.
4. Ишин, А. М. Информационное обеспечение предварительного расследования преступлений: некоторые современные аспекты / А. М. Ишин // Вестн. Балт. федер. ун-та. – 2016. – № 4. – С. 21–28.
5. Паршина, Е. Н. Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Н. Паршина ; Нижегород. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 24 с.
6. Григорьев, А. Н. Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Григорьев ; Калинингр. юрид. ин-т МВД России. – Калининград, 2002. – 23 с.

УДК 343.9

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

А. Э. Набатова

*доцент кафедры политологии и социологии учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

В настоящее время продолжается активный переход от индустриального общества к цифровому. Республика Беларусь занимает активную позицию по внедрению цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства. Не исключением в заявленном контексте является и криминалистическая наука. Как представляется, есть все основания для устранения разрыва между высоким уровнем

имеющихся научных разработок в IT-сфере и объемом их использования в криминалистической науке для целей эффективного расследования преступлений.

Следует отметить, что учеными разных стран разработан и используется обширный инструментарий в области раскрытия и расследования преступлений, идет активная интеграция современных разработок в обеспечение общественной безопасности. Обзор последних достижений показал следующее. Группа инженеров из Швейцарской Высшей технической школы г. Цюриха разработала устройство, предназначенное для обнаружения человека по запаху, – «электронный нос». Прибор представляет собой массив из пяти датчиков веществ-маркеров, которые люди выделяют через кожу или при дыхании. Три датчика, сконструированные инженерами, могут выявлять ацетон, выделяемый при липолизе, изопрен, образующийся при выработке холестерина, и аммиак, получающийся в результате белкового обмена веществ. Также в устройстве используются два датчика углекислого газа и влажности.

Особый интерес вызывают разработки, направленные на идентификацию людей по признакам внешности. В данном случае следует обратить внимание на разработки исследователей из Индии и Великобритании. Они представили алгоритм распознавания лиц, способный с высокой точностью идентифицировать частично закрытое лицо человека. Разработанный учеными алгоритм распознает человека по 14 точкам на его лице (уголки глаз, бровей, губ и т. д.), необходимым для успешного распознавания компьютером. Затем точки, отмеченные на фотографии с замаскированным лицом, сравниваются с точками на фотографиях с полностью открытыми лицами, которые содержатся в отдельной базе данных. Точность идентификации – 78,4 %.

Российской компанией NtechLab также создан эффективный алгоритм распознавания лиц, способный найти человека среди 1 млрд за полсекунды. Например, он позволяет находить профили людей в социальной сети «ВКонтакте» по их фотографиям.

Инженеры из Корейского института передовых технологий (KAIST) разработали компактное устройство для распознавания лиц с точностью до 97 %, которое отличается низким энергопотреблением. Система, получившая название K-Eye, работает на основе сверхточной нейросети и состоит из специального аналогового процессора, который получает изображение с фотосенсора и мгновенно анализирует его, отделяя фон от фрагмента, на котором есть лицо. Затем этот фрагмент передается на также разработанный в KAIST цифровой процессор CNPP, который распознает лицо [1].

В Дубае функционирует первый в мире автоматизированный «умный» полицейский участок. Его посетители могут воспользоваться 60 видами операций круглосуточно, включая подачу заявления о правонарушении или дорожно-транспортном происшествии, оплату штрафов. При этом общение с полицейскими происходит посредством видеосвязи. На улицах Дубая можно встретить робота-полицейского. Он способен общаться на шести языках, включая арабский и английский, а также может распознавать жесты и взмахи рук на расстоянии до полутора метров. Кроме того, он распознает эмоции и выражение лица человека, подстраивая под них свою интонацию при общении. В ходе патрулирования робот может вести прямую трансляцию, а встроенное программное обеспечение позволяет ему распознавать подозреваемых по лицу, и размещенный на его «груди» сенсорный дисплей позволяет гражданам получить доступ к электронным полицейским сервисам по оплате штрафов.

Сингапурский стартап Otsaw Digital представил автономного робота, предназначенного для патрулирования территории и оснащенного беспилотным летательным аппаратом. Робомобиль располагает лидаром, GPS, камерой, способной распознавать людей, различные объекты и препятствия и т. д. Благодаря встроенному программному обеспечению, O-R3 способен отличать обычных людей от нарушителей, при обнаружении которых в воздух автоматически поднимется беспилотный летательный ап-

парат, расположенный в заднем отсеке робомобиля. Дрон отслеживает перемещение подозреваемого, удаляясь на расстояние до 100 м от О-РЗ. Кроме того, робот может поднять тревогу в случае обнаружения сумки, остающейся бесхозной в течение пяти минут. Данные с роботов поступают в единый центр, операторы которого могут следить за работой патрульных и при необходимости брать управление ими на себя [2].

Серьезное внимание и интерес вызывает опыт внедрения информационных технологий в расследование преступлений наших ближайших соседей. В России защищены диссертации и написаны монографии, посвященные рассматриваемой проблематике (О. А. Белов, С. И. Захарин, С. В. Зуев, А. М. Иншин, Р. О. Никитин, Т. А. Овчинникова, Е. Н. Прашина, Я. А. Посков, А. Ф. Родин и др.).

В органах предварительного следствия внедрена и активно используется автоматизированная специализированная территориально-распределительная автоматизированная система органов предварительного следствия (СТАРС ОПС). Она включает четыре уровня управления: федеральный, региональный, абонентский, автономные рабочие места (АРМ). Абонентский уровень – это совокупность программно-технических комплексов, состоящих из АРМ следователей «Расследование уголовного дела» и руководителей следственных подразделений «Контроль за расследованием уголовного дела». Программно-технический комплекс позволяет оптимизировать расследование уголовных дел и облегчить контроль со стороны руководителя [3, с. 118–119].

Для оптимизации проведения следственных действий в следственные подразделения Следственного комитета Российской Федерации внедрена специализированная программа «Конструктор места происшествия». Она размещается на планшетном компьютере и используется при осмотрах мест происшествий по резонансным сложным уголовным делам [4, с. 36–37].

В Грузии функционирует локальная сеть «Электронное уголовное дело», которая позволила перевести в электронную форму расследование уголовных дел [5, с. 67–73]. С 2017 г. Казахстан перешел на электронное уголовное дело [6]. Эстония осуществляет уголовное судопроизводство в цифровом формате. Электронный формат рассмотрения уголовных дел сокращает сроки расследования, финансовые затраты, минимизирует риски фальсификации материалов, предоставляет доступ к материалам в режиме реального времени, упрощает процедуру сбора доказательств и составления процессуальных документов.

В Республике Беларусь вопросам внедрения информационных технологий посвящены научные исследования, публикации в научной печати (Н. С. Бушкевич, В. Б. Вехов, В. А. Гайдученок, Р. Т. Жакупов, В. Н. Карагодин, А. Э. Набатова, Г. А. Павловец, Е. Ю. Пасовец и др.). В рамках диссертаций разработаны специализированные компьютерные программы по оптимизации: расследования преступлений отдельных видов [7]; изготовления фототаблиц при проведении следственных действий [8]. В Университете гражданской защиты МЧС Республики Беларусь используется обучающий комплекс по тактике осмотра места происшествия «FireQuestRassledovania» [9].

Следственным комитетом Республики Беларусь сформировано техническое задание на разработку единой автоматизированной информационной системы, которая позволит в ближайшей перспективе перейти на электронный формат расследования уголовных дел [10].

Таким образом, можно утверждать следующее:

1. В настоящее время созданы все необходимые предпосылки для уточнения предмета криминалистики в формате использования информационных технологий для целей раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

2. В распоряжении криминалистической науки есть необходимый инструментальный, разработанный в сферах IT-технологий, технических наук, который может быть успешно интегрирован в криминалистическую, уголовно-процессуальную деятельность и существенно усовершенствовать ее.

3. Есть все основания для расширения формата использования специализированных программных продуктов, аппаратно-программных комплексов, созданных с учетом передовых научных разработок в области идентификации человека, робототехники для нужд правоохранительной деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Наука // Новости высоких технологий. – 2018. – Режим доступа: <https://hitech.newsru.com/>. – Дата доступа: 21.05.2018.
2. Роботы // Новости высоких технологий. – 2018. – Режим доступа: <https://hitech.newsru.com/>. – Дата доступа: 21.05.2018.
3. Ковалев, С. А. Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений / С. А. Ковалев, Б. П. Смагоринский // Юрид. наука и правоохран. практика. – 2013. – № 4 (26). – С. 111–123.
4. Скобелин, С. Ю. Инновационные способы фиксации осмотра места происшествия с использованием высоких технологий / С. Ю. Скобелин, В. В. Кузнецов // Рос. следователь. – 2018. – № 1. – С. 35–38.
5. Гридюшко, П. В. Об электронной форме ведения уголовного процесса / П. В. Гридюшко, Н. С. Бушкевич // Вестн. Акад. МВД. – 2017. – № 2. – С. 67–73.
6. В соответствии с обновленным УПК в Казахстане впервые рассмотрено «электронное уголовное дело» / Верхов. суд Респ. Казахстан. – 2018. – Режим доступа: <http://sud.gov.kz/rus/news/v-sootvetstvii-s-obnovlennym-upk-v-kazahstane-vpervye-rassmotreno-elektronnoe-ugolovnoe-delo>. – Дата доступа: 21.05.2018.
7. Набатова, А. Э. Криминалистическая алгоритмизация и программирование: понятие, значение, использование (на примере расследования разбоев) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Э. Набатова ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 260 с.
8. Павловец, Г. А. Фиксация доказательственной информации с помощью цифровых средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г. А. Павловец ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 24 с.
9. Набатова, А. Э. К вопросу о программных и научно-технических средствах реагирования на преступления: инновационные подходы и разработки / А. Э. Набатова, Е. Ю. Пасовец // Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно, 2017. – Ч. 2. – С. 95–99.
10. Дело принимает электронный оборот // Совет. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/delo-prinimaet-elektronnyu-oborot.html>. – Дата доступа: 21.05.2018.

УДК 343.98

ОШИБКИ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ НА СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ВОЛОКНИСТЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДЕЛИЙ ИЗ НИХ

Д. Н. Панченя

*заместитель начальника отдела исследования микробиологических объектов управления
физико-химических и взрывотехнических экспертиз Главного управления
специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь, г. Минск*

В этом году исполнилось пять лет со дня образования в Республике Беларусь единой экспертной службы – Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (Государственного комитета). Уже сейчас можно с уверенностью

заклучить, что проведенная в 2013 г. уникальная реформа судебно-экспертной системы явилась основанием для дальнейшего совершенствования судебно-экспертной деятельности, позволяющим вывести ее на более качественный современный уровень [1]. При этом одними из основных задач, поставленных перед вновь образовавшимся государственным органом, явились реализация единой политики в сфере судебно-экспертной деятельности, включая ее научно-методическое обеспечение, определение и реализация основных направлений совершенствования судебно-экспертной деятельности [2]. Решение указанных задач было бы невозможно без эффективного применения имеющегося комплекса специальных знаний, передового опыта, высоконаучных технических средств, а также использования современных технологий и методик, основанных на достижениях практической деятельности и результатах последних научных разработок.

Отмечая важность использования специальных знаний в досудебном уголовном процессе, следует отметить тот факт, что на современном этапе практически невозможно представить процесс расследования уголовного дела без участия сотрудников Государственного комитета. В качестве специалистов они привлекаются для участия в различных процессуальных действиях, целью которых является собирание необходимых сведений о событии расследуемого преступления, установление иных фактов, имеющих важное значение для дела, обнаружение и изъятие следов преступления и предметов, которые впоследствии могут быть отнесены к вещественным доказательствам. Посредством проведения экспертиз обнаруживают новые факты, ранее по делу неизвестные, достоверно устанавливают предполагаемые или неточные фактические данные, имеющие значение для дела.

В настоящее время, несмотря на имеющийся обширный учебно-методический материал по вопросам эффективного использования экспертных знаний, в следственной практике существуют определенные недостатки, касающиеся порядка назначения экспертиз. Они оказывают существенное влияние на целесообразность проведения экспертиз, правильность и достоверность выводов, их доказательственное значение. В данной статье, основываясь на деятельности отдела исследования микрообъектов центрального аппарата Государственного комитета за 2013–2017 гг., указан ряд типичных ошибок, систематически допускаемых следователями при назначении *судебной экспертизы волокнистых материалов и изделий из них* (далее – *волоконведческая экспертиза*). Причиной их возникновения является наличие у следователей определенных трудностей, обусловленных незнанием возможностей данного вида экспертиз, сложностями в работе по обнаружению, фиксации, изъятию и упаковке наиболее распространенных ее объектов – микрочастиц текстильных волокон. Хочется также отметить сложившийся ложный стереотип о преимущественной доказательственной роли традиционных криминалистических экспертиз и отнесение волоконведческой экспертизы к числу второстепенных.

Обобщая материалы, поступившие в отдел исследования микрообъектов за указанный период, можно выделить ряд ошибок, относящихся к организации и планированию следственных действий, тактике и методике обнаружения, фиксации и изъятия объектов волокнистой природы, их упаковке и хранению, отбору образцов для сравнительного исследования, порядку оформления постановления о назначении экспертизы, взаимодействию следователя и специалиста (эксперта-волоконведа):

1. *Избирательность поисковой активности при различных следственных действиях.* Для поиска микрочастиц текстильных волокон предпочтение отдается в основном осмотру места происшествия (ОМП) и выемке, наряду с которыми при проведении иных следственных действий (обыск, проверка показаний на месте, следственный экс-

перимент, освидетельствование и др.) нельзя исключать возможность обнаружения и изъятия объектов волокнистой природы и их дальнейшее использование в процессе расследования.

2. *Неоправданное сужение границ места происшествия*, при котором поисковые действия осуществляются непосредственно на месте совершения преступления. В то же время территория, прилегающая к месту происшествия или расположенная вне его границ, зачастую не изучается.

3. *Отсутствие поисковых действий при наличии сведений о контакте или явных признаков контакта с объектами-носителями*. Так, в случае выявления с помощью дактилоскопических порошков следов матерчатых перчаток они подлежат фиксации и изъятию. Однако в дальнейшем попытки поиска в указанных местах микрочастиц текстильных волокон не предпринимаются, хотя факт контакта перчаток с поверхностью в данных случаях очевиден.

4. *Выборочный осмотр объектов, предметов*. В ходе ОМП не в полной мере изучаются предметы, находящиеся при потерпевшем (подозреваемом), при их осмотре не уделяется должное внимание выступающим элементам изделий: пряжкам, заклепкам, крючкам. С целью обнаружения текстильных волокон в единичных случаях изымаются объекты преступного посягательства или предметы (инструменты), оставленные преступником на месте преступления. Практически отсутствуют факты изъятия микрочастиц текстильных волокон с поверхности тел трупов, а также обнаруженного при осмотре тела потерпевшего и подозреваемого их подногтевого содержания в случаях расследования насильственных преступлений.

5. *Несоблюдение требований методических указаний по изъятию текстильных волокон* [3]. В ходе ОМП нередко происходит изъятие микрочастиц текстильных волокон на дактилоскопические пленки, предназначенные, прежде всего, для работы с окрашенными следами папиллярных узоров рук. Также одной из наиболее распространенных ошибок является использование минимального количества специализированных адгезионных пленочных материалов (липких пленок) в ходе обработки поверхности чехлов и обивки сидений транспортных средств и изъятия волоконнаслоений. При этом изъятые текстильные волокна фиксируются на 1–2 отрезках пленок незначительных размеров. В данных случаях не происходит изъятия достаточного объема искомых текстильных волокон, а полнота обработки всей поверхности объектов-носителей ставится под сомнение.

6. *Несоблюдение правил упаковки*. В указанных случаях несколько изымаемых текстильных изделий помещаются в одну упаковку. При наличии подобных фактов решение вопроса о локализации текстильных волокон с последующим установлением картины распределения волокон на предоставленных объектах не представляется возможным. Также неединичны случаи упаковки объектов во влажном состоянии, что впоследствии при их хранении и транспортировке неизбежно ведет к возникновению плесени и уничтожению первичной следовой картины.

7. *Изложение в постановлении о назначении экспертизы минимального объема информации* об обстоятельствах уголовного дела, особенностях обнаружения, фиксации и изъятия объектов экспертизы, иных необходимых для дачи заключения сведений.

8. *Нарушения рекомендуемой последовательности назначения экспертиз*, при которых назначение волоконведческой экспертизы происходит уже после проведения иных видов судебных экспертиз (биологической, дактилоскопической, трасологической и т. д.). В таких случаях в ходе проведенного исследования происходит непреднамеренное изменение или уничтожение экспертами указанных специальностей имеющейся следовой картины на объектах.

9. *Нецелесообразность проведения сравнительного исследования* текстильных изделий (предметов одежды, домашнего обихода), принадлежащих совместно проживающим лицам или лицам, которые продолжительное время контактировали друг с другом.

10. *«Шаблонность» поставленных перед экспертом вопросов и их некорректные формулировки*, при которых следователями не учитываются обстоятельства конкретного уголовного дела.

11. *Неназначение дополнительных сравнительных экспертиз при наличии вновь открывшихся обстоятельств*. При установлении причастных к совершению преступления лиц и изъятии принадлежащих им предметов одежды в случае проведения первичной волоконведческой экспертизы на определение природы изъятых в ходе ОМП микрочастиц текстильных волокон дополнительная сравнительная экспертиза назначается лишь в 5–8 % случаев.

12. *Предоставление образцов текстильных материалов, не пригодных для проведения сравнительного исследования*. При наличии микрочастиц текстильных волокон, изъятых в ходе ОМП, для сравнительного исследования поступают не образцы текстильных материалов, а липкие пленки, которыми они обрабатывались.

Перечень указанных ошибок, допускаемых следователями в ходе назначения волоконведческой экспертизы, не является исчерпывающим и зависит от ряда объективных и субъективных причин. Их своевременное предупреждение и выявление в следственной практике является залогом эффективной работы судебных экспертов при производстве волоконведческой экспертизы, а также успешности расследования и раскрытия преступления в целом. Одними из наиболее эффективных способов исключения фактов допущения ошибок является контроль со стороны руководителей за уровнем теоретической и практической подготовки следователей, выборочный контроль качества проведения осмотров мест происшествий и иных следственных действий. Немаловажную роль в профессиональной подготовке следователей играет отработка практических навыков в рамках занятий по специальной подготовке, участие в конференциях и семинарах, направление на курсы повышения квалификации. Значительные результаты может принести предварительная консультация на стадии назначения экспертизы с экспертами-волоконоведами Государственного комитета.

Литература

1. Швед, А. И. О новых формах организации судебно-экспертной деятельности в контексте совершенствования мер по противодействию преступности, рационализации досудебного производства и повышения качества правосудия / А. И. Швед // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений : тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 262–269.
2. О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-3 / Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 23.07.2015. – 2/2997.
3. Методические рекомендации по обнаружению, изъятию и фиксации объектов волокнистой природы при проведении осмотра места происшествия и иных следственных действий, а также назначению экспертизы волокнистых материалов и изделий из них / И. А. Синькевич [и др.] // Информ. бюл. Гос. ком. суд. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2017. – Вып. 1. – С. 232–254.

УДК 340.631.1

ИМИТАЦИЯ ДУШЕВНОГО РАССТРОЙСТВА В РАМКАХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В. И. Петров

*доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», кандидат медицинских наук, доцент, Республика Беларусь*

В. И. Мурзич

*старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», Республика Беларусь*

Проблема психического здоровья населения сегодня актуальна как никогда. Число психически больных на земном шаре в разных странах составляет от 17 до 100 случаев на 1 000 населения и достигает приблизительно 150 млн человек. В настоящее время этот контингент занимает почти 50,0 % всех больничных коек в мире [1]. В отдельных случаях «под маской» психического расстройства может скрываться симулянт, пытающийся уклониться от правовой ответственности в связи с совершенным преступлением.

В ходе предварительного расследования уголовных дел важно своевременно выявить основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы (СПЭ) и, что не менее важно, провести тщательный анализ всех имеющихся данных, ибо наличие оснований для СПЭ в виде странностей в поведении еще не означает наличия психического расстройства (ПР) у подэкспертного.

В практике судебно-психиатрических исследований демонстрация несуществующего ПР встречается в среднем в 2,0–3,0 % случаев от всех проводимых в год экспертиз по поводу различных правонарушений. Основная цель симуляции нарушений психики – избежать уголовного наказания как максимум, а как минимум – затянуть расследование уголовного дела, создать себе улучшенные условия содержания, добиться назначения психотропных средств и др.

Симуляция психического расстройства – это сознательное притворное поведение, заключающееся в изображении несуществующих признаков ПР подозреваемым (обвиняемым) лицом в надежде избежать наказания. С точки зрения хронологии симуляция ПР может возникнуть до совершения преступления (цель – доказать психическую несостоятельность до общественно опасного деяния); в момент преступления (цель – доказать наличие невменяемости в момент криминального события) и после совершения преступления (цель – уйти от ответственности).

Что должно насторожить следователя и специалистов СПЭ в плане возможной имитации ПР подозреваемым (обвиняемым) в ходе предварительного расследования? Можно выделить несколько блоков рассматриваемых признаков:

- анамнестические данные (история жизни и болезни);
- особенности коммуникации с медперсоналом в ходе стационарной экспертизы;
- межличностные отношения с пациентами экспертного стационара;
- особенности индивидуального поведения в ходе предварительного следствия вне межличностной коммуникации;
- преднамеренное придание общественно-опасному деянию признаков странности, нелогичности, отсутствия мотива, чрезмерной жестокости и др.

1. Предварительный анализ и объективизация только анамнестических данных может исключить необоснованное назначение СПЭ, либо ускорить ее назначение. Что сразу вызывает подозрение в изложении анамнеза? Следует обращать внимание на:

– утверждение о лечении в условиях психиатрической больницы без четкого знания времени года, выставленного диагноза, паспортных данных лечащего врача и названий примененных медикаментов, динамики состояния, рекомендаций при выписке и др.;

– указание о нахождении на диспансерном учете в психоневрологическом диспансере без знания его территориального расположения, периодичности осмотров, применяемых психотропных средствах, времени постановки на учет и т. п.;

– сообщение об инвалидности без предъявления подтверждающих документов (заключения психиатрической МРЭК, удостоверения инвалида и др.);

– информацию о негодности к военной службе по состоянию психического здоровья при отсутствии подтверждающих сведений из военкомата;

– утверждение об обучении в школе для умственно отсталых детей без соответствующего аттестата;

– сообщения о странностях в поведении, аутоагрессивных тенденциях, членовредительстве при отсутствии о них сведений в представленных характеристиках, результатах опросов социального окружения, справках из психиатрических и других учреждений;

– отсутствие документального подтверждения сообщаемых субъектом уголовного преследования сведений о перенесенных в прошлом заболеваниях с поражением головного мозга и его оболочек (энцефалит, менингит, ЧМТ), которые якобы сопровождалось психическими нарушениями, ухудшением успеваемости, снижением трудоспособности и т. д.;

– ссылки на общественные организации, прежние места работы, другие учреждения, где якобы имели место эпизоды расстройной психики, которые не вытекают из их ответов на официальные запросы;

– «нестыковку» показаний свидетелей общественно-опасных деяний с обстоятельствами преступления, излагаемыми подозреваемым (обвиняемым);

– искажение самим виновным лицом, его родственниками психической отягощенности среди родственников, проявлений имеющихся нарушений психики, преувеличение их последствий («симуляция анамнеза»).

2. Общение симулянта с медперсоналом экспертного стационара имеет следующие особенности [2]:

– появление признаков болезни в присутствии медперсонала;

– в предъявляемом «творчестве» симулянтов всегда обнаруживается связь с его прошлым личностным опытом, интересами, прочитанной литературой.

– спокойное выражение лица симулянта с отсутствием характерных жестов и мимики, свойственных истинно галлюцинирующим больным;

– нетипичность, полиморфность, противоречивость (несовместимость имитации слабоумия с интеллектуальными по своему содержанию письмами родственникам) симптоматики, «лоскутность», изолированность отдельных выявленных симптомов, их несовместимость, отсутствие целостной картины психического заболевания и его характерной динамики развития;

– искусственность жалоб, заметная напряженность, раздражительность и злоба пациента во время беседы с дотошным психиатром;

– «заштампованность» высказываний, однообразие поведения и реагирования;

– назойливость в предъявлении болезненных симптомов, неумение развить их;

- быстрое психологическое истощение симулянта, в том числе его речевой продукции;
- при расспросе о «голосах» или «видениях» часто заметно смущение, нерешительность, стремление закончить разговор, избегание прямого ответа симулянта;
- симулятивные «бредовые» идеи часто преподносятся в стереотипной форме в виде заранее подготовленных формул;
- симулянт не может уточнить многих деталей и подробностей изображаемого явления;
- мимика симулянта выражает живой и напряженный аффект, тревожное ожидание и страх наказания;
- изменение манеры поведения при ощущении сомнений судебных психиатров-экспертов в наличии ПР в сторону отягощения психических нарушений;
- симулянт всегда следит за производимым на медперсонал впечатлением.

3. Особенности общения симулянта с пациентами экспертного стационара следующие: поведение (манера, высказывания) подэкспертного с пациентами экспертного стационара часто диаметрально противоположно отношениям с медперсоналом; нередко эмоции (аффективный фон) совершенно не соответствуют изображаемому явлению (например, бредовые идеи величия «не вяжутся» с подавленным настроением симулянта; характерны попытки уточнить признаки ПР у больных со схожими формами психических нарушений; стремление иметь доступ к специальной психиатрической литературе; желание узнать о характере содержания в психиатрической больнице специального типа при признании подэкспертного невменяемым).

4. Индивидуальные особенности поведения лица, симулирующего ПР, также характерны: навязчивость в изображении болезненных признаков кому-либо; диссонанс между демонстрацией снижения психической функции и элементами поведения, подтверждающими ее сохранность (изображает нарушения памяти, но вслух читает длинные стихотворения, указывает на низкий интеллект, но глубоко изучает правовую нормативную базу по уголовному делу, и др.); схожесть индивидуального поведения во время предшествующей и настоящей СПЭ без признаков стереотипной динамики патологических процессов; нежелание лечиться психотропными препаратами, особенно инъекционными.

5. Общественно опасное деяние, совершенное психически здоровым человеком, может умышленно сопровождаться элементами агрессии, не характерной для здорового человека: сокрытие истинного мотива преступления; нанесение чрезмерных телесных повреждений; отрезание частей тела, половых органов, вырезание внутренностей и т. п.; использование крови для нанесения циничных или непонятных надписей вблизи места совершения преступления; применение нестандартных орудий агрессии, способов нанесения повреждений и др.

Следует знать, что симуляция ПР может возникать как у психически здоровых лиц, так и на патологической (болезненной) почве, что затрудняет выявление симулянтов, создает проблемы с оценкой глубины (степени) нарушений психических функций. Но во всех случаях симуляции всегда присутствует сознательность, преднамеренность и целеустремленность [3].

С точки зрения судебно-психиатрической науки и практики проблема симуляции сложна и практически не всегда легко разрешима. Психические расстройства и симуляция могут сосуществовать, в отдельных случаях из симуляции нарушений психики может возникнуть и истинное ПР.

Таким образом, основные методы распознавания симуляции сводятся к анализу анамнестических данных, использованию клинических и экспериментально-

психологических методов исследования, наблюдению за подэкспертным в условиях коммуникации с медицинским персоналом и вне ее, применению некоторых параклинических методов, изучению деталей совершенного преступления и мотивации поведения подэкспертного к произведению тех или иных действий, что в итоге позволяет установить истину и отличить преступника от душевнобольного.

Литература

1. Судебная психиатрия : учеб. пособие / Т. Б. Дмитриева [и др.]. – М. : Мед. информ. агентство, 2008. – 752 с.
2. Петров, В. И. Симуляция психических расстройств в судебно-психиатрической практике / В. И. Петров, В. И. Мурзич // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 27 февр. 2014 г. – Могилев, 2014. – С. 53–55.
3. Судебная психиатрия : учебник / Н. М. Жариков [и др.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма Инфра-М, 2011. – 624 с.

УДК 343.9

ХИЩЕНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ

В. И. Резюк

*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
учреждения образования «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина», Республика Беларусь*

Частная криминалистическая методика, охватывающая применяемую при расследовании определенных видов преступлений совокупность методов, приемов и способов, является одним из самых динамично-развивающихся институтов криминалистики.

Особую актуальность в последние годы приобрели вопросы повышения эффективности противодействия хищениям бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями – это обуславливает интерес и к соответствующей криминалистической методике расследования.

Передовым, связанным с выделенной проблемой, является совместное исследование В. П. Шиенка и Ю. Ф. Каменецкого «Расследование хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере», в котором соответствующая криминалистическая методика рассматривается как комплексное научно-практическое решение задач предварительного расследования, характеризующихся спецификой преступлений [1, с. 45–63], а также предметное диссертационное исследование Ю. Ф. Каменецкого «Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере», в котором наряду с иным акцентировано внимание на индивидуально-личностных и социально-психологических свойствах личности расхитителя, способах подготовки к совершению хищений, а также способах, применяемых на стадиях совершения преступления и сокрытия их следов [2, с. 90–101]. Кроме того, при расследовании хищений бюджетных средств путем злоупотреблений служебными полномочиями практические работники могут руководствоваться результатами научно-практических исследований В. Ф. Ермоловича (о механизме преступления и способах хищений), И. О. Грунтова (об уголовно-правовых мерах противодействия хище-

ниям и другим экономическим и коррупционным преступлениям), а также о частных криминалистических методиках расследования хищений денежных средств билетными кассирами на транспорте В. М. Ряшева и Н. М. Сологуба, расследования хищений денежных средств при производстве строительных работ А. В. Сергунова и др.

Хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, как и другие коррупционные преступления, характеризуются постоянным совершенствованием способов совершения преступлений, подготовки к ним и сокрытия их следов, что может выливаться в формирование отдельных разновидностей преступной деятельности, характеризующихся спецификой, не рассматриваемой в рамках той или иной частной криминалистической методики расследования.

По мнению С. Ю. Косарева, одним из основных направлений развития криминалистических методик является разработка новых частных методик, в том числе особенных для отдельных групп преступлений [3, с. 10].

Представляется, что основными критериями необходимости разработки новой частной криминалистической методики являются несоответствие отдельных положений разработанных частных и групповых методик некоторым обстоятельствам и признакам расследуемых преступлений, а также недостаточность имеющегося материала, проявляемая при расследовании отдельных видов преступлений. Указанные признаки просматриваются при оценке методов, приемов, средств, применяемых при расследовании хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Так, является непроработанной основа частной методики расследования – криминалистическая характеристика хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, включающая, в частности, оценку способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений, личности лица, совершающего преступление.

Анализ правоприменительной практики показывает, что, например, в отличие от хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в отношении всех (не только бюджетных средств) предметов, а также преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь, совершаемых в бюджетной сфере, которые в целом свойственны мужчинам, хищения бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями указанным свойством не характеризуются [4]. Данная особенность отчасти коррелирует с положениями методики расследования экономических преступлений (о заметной доле женщин-преступниц), однако в рамках этой методики (как и любой другой из обособленных) не выделяются возможные и характерные способы совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями именно бюджетных средств.

Необходимость разработки частной криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, таким образом, обуславливается и актуализируется следующими факторами:

- 1) наличием практической потребности органов предварительного расследования в предметных разработках по методике расследования данных преступлений;
- 2) общественной опасностью подобных преступлений;
- 3) положительной динамикой выделенного вида хищения (особенно важно в условиях противоположной динамики общей преступности в Республике Беларусь [4]).

В результате разработки частной криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями должны быть выделены типичные способы совершения преступлений, доследственные и следственные ситуации, уточнены обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также разработаны иные рекомендации, направленные на совершенствование так-

тики отдельных следственных действий, повышение эффективности выдвижения версий и планирования первоначального и последующего этапов расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

На первоначальном этапе основными направлениями деятельности по разработке частной криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями представляются следующие:

1. Обособление методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

Выделение методики в отдельную структурную единицу позволит обозначить степень проработанности данного вопроса, выявить недостатки и пробелы, рационализировать последующие исследования и иные виды деятельности. В целом высокое качество понятийной определенности является условием эффективного применения.

2. Осуществление комплексных криминологических исследований хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

3. Для разработки качественной частной криминалистической методики особое значение приобретают криминологические исследования с целью получения актуальных данных о состоянии и структуре преступности, личности лица, совершающего хищение бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями, а также причинах совершения ими преступлений и условиях, способствующих этому, определения эффективных мер противодействия. Результаты даже отдельных фрагментарных исследований показывают особую специфику хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями.

После осуществления указанных первоочередных шагов дальнейшими направлениями деятельности по разработке положений частной криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями должны стать изучение и анализ соответствующей процессуальной деятельности, связанной с возбуждением и расследованием данной категории уголовных дел, с целью оптимизации ее содержания.

Актуальность частной криминалистической методики расследования хищений бюджетных средств путем злоупотребления служебными полномочиями становится не просто декларируемым тезисом, а положением, обозначающим реальные направления развития криминалистической методики как раздела криминалистики и соответствующей научно-практической деятельности.

Литература

1. Каменецкий, Ю. Ф. Расследование хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : монография : в 2 ч. / Ю. Ф. Каменецкий, В. П. Шиенок. – Минск : СтройМедиаПроект, 2017. – Ч. 1: Теоретические основы и информационное обеспечение. – 248 с.
2. Каменецкий, Ю. Ф. Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Ю. Ф. Каменецкий. – Минск, 2016 – 196 с.
3. Косарев, С. Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С. Ю. Косарев. – СПб., 2005. – 401 с.
4. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений // Един. гос. банк дан. о правонарушениях / Информ. центр МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. В. Руденко

*заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент, г. Краснодар, Российская Федерация*

Причинная связь давно привлекает внимание представителей уголовно-правовой и процессуальной наук, криминологии и криминалистики.

Как известно, наличие причинной связи между действиями или поведением субъекта и наступившим общественно-опасным последствием является необходимым условием уголовной ответственности. Уголовно-правовой аспект проблемы причинности заключается в исследовании связей между доказательствами и предметом доказывания, т. е. в исследовании связей между фактами вообще и в доказательственных рядах, в частности. Причинно-следственная связь имеет фундаментальное значение для криминологии, непосредственно включающей в свой предмет причины преступности, обстоятельства, способствующие совершению преступления. Предметом криминологии является не столько поведение отдельного правонарушителя, сколько состояние и причины преступности в целом. Однако преступность как социальное явление складывается из отдельных преступлений (хотя ее закономерности и не сводятся к свойствам единичных деяний), где «индивидуальное преступное поведение – это первичная «клеточка» преступности, и раскрытие внутренней структуры такого поведения дает возможность глубже понять причины преступности в целом» – отмечает В. Н. Кудрявцев [1, с. 56].

Значение исследований проблем причинности в юридических науках уголовно-правового цикла методологически связано с тем, что использование категории причинности способствует получению достоверных знаний о причинах исследуемых явлений, событий и процессов, позволяет прогнозировать их поэтапное развитие, следовательно, планировать деятельность правоприменителя и принятие им правильных правовых решений. На протяжении всего существования криминалистической науки проблемы причинности были объектом исследования криминалистов, ибо само представление о процессе расследования и раскрытия преступлений предполагает установление причинно-следственных связей, требует разработки средств и методов их познания, обуславливает внимание к проблемам причинности как в научном, так и в практических аспектах.

Однако следует согласиться с мнениями И. М. Комарова, И. Я. Ян, что современных исследований, где методологическое значение причинности как инструмента научного познания преступления раскрывалось бы в полной мере, недостаточно [2, с. 130].

Криминалистическая причинность ставит своей целью установление причинно-следственных связей при отражении события преступления в окружающей внешней среде. Такое отражение Р. С. Белкин именовал «отпечатком события» [3, с. 69].

Прежде всего, Р. С. Белкин отмечает, что какой-то «особой криминалистической причинности» не существует и существовать не может. В основе теории криминалистической причинности лежат общефилософские положения принципа причинности: причина – это всегда действие, нереализованная причина – это возможность, реализованная – действительность. В результате действия причины наступает следствие, при этом между причиной и следствием всегда должна про-

сма­три­ваться причинная связь; важное значение имеют условия, в которых действует причина. Понятия закономерности, случайности, необходимости, достаточности, детерминации как философских категорий причинности также должны найти отражение в криминалистической теории причинности.

Как отмечают Ю. Г. Корухов, Е. А. Холина, философское содержание причинности должно быть, стать основой криминалистической теории причинности. Однако сложность заключается в том, что хотя философское представление о причинности должно по замыслам материалистической диалектики являться частью содержания любой науки, так называемая философская ее часть, сама философия не учит приспособлению этой части к интересам конкретной науки. Это всегда забота ученых – представителей данной науки [4, с. 26].

Причинность входит в предмет криминалистики в лице частной криминалистической теории причинности. Принято считать, что объектом криминалистической теории причинности является механизм преступления и содержательная сторона процесса его установления [5, с. 401].

Причинная связь характеризуется несколькими признаками, в совокупности присущими только этому виду взаимосвязи явлений. Будучи разновидностью закономерной связи, причинность обладает такими чертами, как объективность, всеобщность, необратимость, пространственная и временная непрерывность. Нет явлений, которые не имели бы своих причин, как нет явлений, которые не порождали бы своих следствий. Перенос движения происходит от причины к следствию, от данного следствия, которое, в свою очередь, становится причиной к другому следствию и т. д., образуя так называемые цепи причинения. Эти цепи причинения характеризуются пространственной и временной непрерывностью.

Причинность – одна из важнейших форм взаимосвязи явлений и процессов бытия, выражающая такую генетическую связь между ними, при которой одно явление, называемое причиной, вызывает другое явление, называемое следствием [6, с. 355].

Рассматривая причинно-следственную цепочку, мы берем только те причины, следствия и условия, которые нас интересуют. При исследовании преступления с точки зрения причинности мы искусственно выделяем из этой цепочки причину и следствие и рассматриваем их по отношению друг к другу. Очевидно, что познание сложной системы процесса расследования не может замыкаться на отдельных звеньях причинных связей, поэтому оно должно слагаться из последовательного перехода от одного звена к другому с тем, чтобы раскрылась цепочка связей данного процесса и их сложные переплетения. «Единичные факты, сведениями о которых располагает следователь в самом начале расследования, еще не позволяют категорически утверждать наличие объективной связи между ними и преступлением. Вначале эта связь только предполагается. Вероятность прогрессивно возрастает и, наконец, сменяется достоверностью по мере накопления новых доказательств» [7, с. 204].

Причина во времени предшествует следствию и вызывает его. Но это не значит, что всякое предшествующее явление находится в причинной связи с последующим. Простого наблюдения последовательности явлений во времени недостаточно для установления причинно-следственной связи.

Криминалистическая теория причинности способствует разработке практических рекомендаций установления механизма события в процессе доказывания. Эти рекомендации опираются на определенные познавательные операции, к числу которых относятся:

- 1) операция вычленения из всеобщей взаимосвязи системы, компоненты которой связаны между собой отношениями активного взаимодействия;
- 2) операция структурно-функционального анализа выделенной системы в целях выявления активно действующих компонентов внутри системы, которые могут соотноситься между собой как причина, следствие и условия действия причины;
- 3) формально-логические операции установления причинной связи;
- 4) определение корреляционного воздействия компонентов системы на реализацию причины;
- 5) отождествление информативного содержания следствия с информативным содержанием причины с целью признания за последней ее качества.

В криминалистических исследованиях причинно-следственных связей преступного события отмечается, что их основной вектор направлен на изучение ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющий проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения – «отпечатка» исследуемого явления от отражаемого объекта – преступления со всеми его внутренними и внешними связями, имеющими значение для процесса доказывания.

Таким образом, следует согласиться с мнением М. Е. Игнатьева о том, что развитие криминалистических положений теории причинности в аспекте их практической реализации может оказать существенную помощь в практике предварительного расследования преступлений и судебному разбирательству уголовных дел о них [8, с. 99].

Развитие криминалистической теории причинности находит себя в учении об объективных связях доказательств, содержательной логике доказывания. Бесспорно то, что причинно-следственная связь является одной из важнейших форм всеобщей связи. Однако неверно считать ее единственной формой связи доказательств. Связи причинности, обусловленности, корреляции, локальные, хронологические, посидентные и другие связи устанавливаются с учетом их типизации на связи однозначные и многозначные, необходимые и случайные, прямого и обратного направления, вертикальные и горизонтальные [7].

Суждения о наличии объективной связи в форме категорического, гипотетического или дизъюнктивного суждения составляют структурный логический элемент криминалистических версий. Достижение содержательно-достоверного вывода по делу обеспечивается, прежде всего, интегративными качествами системы доказательств, правильным установлением объективных связей доказательств как с предметом доказывания, так и между собой [9].

Литература

1. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии / В. Н. Кудрявцев. – М. : Проспект, 2007. – 176 с.
2. Комаров, И. М. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы / И. М. Комаров, И. Я. Ян // Проблемы правоохран. деятельности. – 2017. – № 1. – С. 21.
3. Белкин, Р. С. Курс криминалистики / Р. С. Белкин. – М. : Закон и право, 2001. – 837 с.
4. Корухов, Ю. Г. Значение трудов Р. С. Белкина в создании криминалистической теории причинности / Ю. Г. Корухов, Е. А. Холина // Теория и практика судеб. экспертизы. – 2010. – № 4. – С. 26.
5. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М. : Норма, 2005. – 528 с.
6. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2011. – Т. 3. – 692 с.
7. Хмыров, А. А. Косвенные доказательства в уголовных делах : монография / А. А. Хмыров. – СПб. : Пресс, 2005. – 250 с.

8. Игнатъев, М. Е. Генезис возникновения и формирования теории причинности в криминалистике и отечественном уголовном судопроизводстве / М. Е. Игнатъев // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2017. – Т. 39, № 3 (252). – С. 96–100.
9. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания : монография / А. В. Руденко. – М. : Проспект, 2017. – 279 с.

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СПОСОБОВ СОКРЫТИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

В. А. Талалаев

*начальник кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск
учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

В Республике Беларусь ведется последовательная борьба с различными криминальными проявлениями, в том числе и с преступлениями обозначенного вида. Нарушения уставных правил взаимоотношений (НУПВ) между военнослужащими негативно отражаются на боеготовности и боеспособности подразделений, качестве решения задач воинским коллективом, подрывают авторитет военной службы, принцип единоначалия и др.

Крайне негативное отношение общества к неуставным взаимоотношениям в воинской среде подтверждают многочисленные информационные материалы, публикуемые в средствах массовой информации после относительно недавнего резонансного происшествия.

На современном этапе с учетом принципиальной позиции командования о неотвратимости наказания за любые проявления неуставных взаимоотношений эффективность противодействия им во многом определяется системой деятельности командования, офицеров идеологической, социально-психологической, юридической служб. После принятых мер сейчас отсутствуют организованные неформальные группы военнослужащих, насаждающих негативные традиции, субкультуру, основанную на принципах разделения по сроку службы.

Следует отметить, что нарушения уставных правил взаимоотношений не считаются новым явлением в армейской среде. Отдельные литературные источники позволяют утверждать, что отношения между военнослужащими, выходящие за установленные рамки, существовали в Древней Греции, Древнем Египте и др. Вместе с тем специальная норма, предусматривавшая ответственность за рассматриваемые деяния, появилась в 90-х гг. прошлого столетия. Этим самым была установлена степень их общественной опасности и в целом определены основные направления противодействия им.

Содержание уставного порядка прохождения военной службы характеризуется надлежащим исполнением всеми военнослужащими как общих, так и специальных обязанностей. Отношения, возникающие между лицами, на которых распространяется статус военнослужащего, в целом определены ст. 57 Конституции Республики Беларусь. Далее указанные правоотношения детализируются другими актами законодательства.

Призыв граждан Республики Беларусь на срочную военную службу и увольнения в запас военнослужащих осуществляются, как правило, дважды в течение года:

в феврале–мае, августе–ноябре. По указанному временному критерию каждый призыв по отношению к другим выступает в качестве старшего или младшего. Таким образом, целесообразно выделять этапы военной службы, образующие в своей совокупности цикл от призыва до увольнения в запас. На основе разработанных рекомендаций данный подход с учетом особенностей личности преступника из числа военнослужащих отдельных категорий предоставляет возможность выявлять и систематизировать способы совершения НУПВ, характерные как для одного этапа прохождения военной службы по призыву, так и для нескольких из них.

На основе разработанных принципиальных теоретических положений о способе совершения преступления в качестве классификаторов способов совершения рассматриваемых нарушений целесообразно избрать этапы прохождения военной службы по призыву. Каждый из указанных этапов характеризуется относительно ограниченным кругом лиц.

По временному критерию способы совершения рассматриваемых преступлений могут быть обозначены в качестве: традиционных (физические упражнения: отжимания, приседания, подтягивание и др.; подъем военнослужащих младшего призыва в ночное время и опрос их на предмет знания положений устава, поборы различных видов и т. п.); образовавшихся в военной среде относительно недавно (лишение курения на определенный период времени, запрет просмотра видеофильмов, посещения буфета, поручение проведения отдельных сделок военнослужащим младшего призыва (продажа какого-либо имущества (планшета, ноутбука, сотового телефона и др.) и приобретение нового, оплата счетов операторов сотовой связи и т. п.).

На современном этапе наиболее разработанной является классификация способов совершения преступления в зависимости от входящих в их содержание видов действий. Определенная сложность расследования НУПВ между военнослужащими обусловлена многообразием способов совершения этого преступления. Для них характерны как полноструктурные (подготовка, совершение и сокрытие), так и менее квалифицированные (совершение и сокрытие) способы совершения.

Анализ практики свидетельствует, что в большинстве случаев скрываются следы НУПВ. В целях сокрытия преступники из числа военнослужащих стремятся избрать способы, препятствующие возникновению и обнаружению указанных следов. Данные способы целесообразно классифицировать на простые и сложные.

Первые из указанных включают в себя несколько приемов в рамках единого замысла и ориентированы на решение одной частной задачи. Так, издевательство в отношении военнослужащих младших призывов может быть замаскировано предлогом повышения уровня личной физической или боевой подготовки, подразделения в целом (взвод, рота и др.). Здесь также преследуется промежуточная цель устрашения указанных лиц. Сокрытие сбора денег маскируется приобретением предметов хозяйственно-бытового назначения. В последующем данные предметы могут не использоваться и предъявляться несколько раз при проверках.

При установлении в процессе расследования НУПВ простых способов сокрытия следует учесть, что они могут выступать в качестве составной части сложного способа, либо через определенный период времени быть в него преобразованы с учетом существующих между ними связей.

Относительно самостоятельные способы сокрытия повторяются в разных формах НУПВ. Особо следует отметить, что повторяемость рассматриваемых способов присуща соединениям и воинским частям различных видов государственных воинских формирований, отличающихся своим непосредственным предназначением, структурой, спецификой решаемых задач и др.

Действия по сокрытию осуществлялись практически во всех изученных нами случаях (в том числе отдельными заинтересованными лицами из числа офицерского состава) с промежуточной целью закрыть прохождение информации по фактам нарушения рассматриваемых взаимоотношений от солдата к должностным лицам.

При сокрытии НУПВ его субъекты рассчитывают на: отсутствие необходимых расследованию сведений на протяжении определенного периода времени, по истечении которого они будут уволены в запас или переведены к другому месту службы; получение резерва времени для сокрытия следов в период проведения мероприятий проверочного характера; отказ от дачи или неполноту свидетельских показаний сослуживцев против них; запугивание отдельными военнослужащими свидетелей и дачу ими на этой основе ложных сведений; содействие заинтересованных офицеров, по поручению которых в отношении младшего призыва выполнялись действия криминального характера, и др.

При сокрытии сопряженных с насилием НУПВ и решении других задач, связанных одновременно с достижением преступного результата и уклонением лиц указанной категории от уголовной ответственности, типичных и присущих именно этому виду преступлений избирались способы сокрытия, ориентированные на уклонение от участия в мероприятиях распорядка дня и отвлечение внимания командования в ходе выполнении отдельных задач подразделением. Во времени обозначенные действия, как по отдельности, так и в их совокупности, продолжаются до утраты внешних следов НУПВ их носителем.

Таким образом, способы сокрытия рассматриваемых преступлений детерминированы особенностями межличностных взаимоотношений военнослужащих и их групп на основе специфики конкретного этапа прохождения ими военной службы, которые выступают в качестве их классификатора. Данные способы специфичны для определенной группы преступников из числа военнослужащих. При этом комплекс преступных действий в способе совершения неуставных взаимоотношений отражается в индивидуальных объектах-носителях следовой информации для каждой категории военнослужащих.

УДК 343.98

ПЕРСПЕКТИВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЪЕКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

А. Н. Хох

научный сотрудник лаборатории исследования материалов, веществ и изделий

научного отдела технических и специальных исследований

государственного учреждения «Научно-практический центр

Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», г. Минск

На современном этапе развития автоматизация стала неотъемлемой частью судебно-экспертной деятельности [1], поскольку уровень доступных обществу технологий устанавливает определенные критерии, без соблюдения которых ни один вид судебной экспертизы не будет считаться эффективным. Не являются исключением и судебно-экспертные исследования объектов растительного происхождения (СЭИ ОРП), необходимость в проведении которых возникает при расследовании самых разнообразных правонарушений уголовного и административного характера, так как в своей жизне-

деятельности человек непрерывно соприкасается с собственно растениями, а также продуктами и изделиями из растительного сырья.

Для расширения технических возможностей СЭИ ОРП, оптимизации отдельных стадий экспертного исследования и, таким образом, уменьшения субъективности при проведении экспертиз необходимо совершенствовать работу в области криминалистики и судебной экспертизы, используя различные программные продукты.

Необходимо отметить, что одними из перспективных методов, которые могут эффективно применяться при исследовании объектов растительного происхождения, являются дендрохронологический и спорово-пыльцевой (палинологический) анализ. Данные методы отличаются повышенной трудоемкостью и требуют значительных временных затрат, а потому как никакие другие требуют серьезного информационного обеспечения. Экспертам приходится предварительно перерабатывать большие объемы исходных данных, кроме того, они зачастую решают типовые задачи с использованием определенных алгоритмов. Автоматизация в таких случаях позволит освободить эксперта от рутинной работы, обеспечит полное и всестороннее решение конкретной экспертной задачи, упростит подготовку самого экспертного заключения.

Одно из наиболее актуальных направлений в области автоматизации дендрохронологических экспертных исследований – создание специализированных программ или аппаратно-программных средств для измерения параметров радиального прироста и анализа древесно-кольцевых хронологий. Это обусловлено тем, что существующие автоматизированные средства [2] являются закрытыми и дорогостоящими, дальнейший анализ полученных результатов часто бывает весьма затруднительным, поскольку находящиеся в свободном доступе программные продукты (COFECHA, ARSTAN) часто не позволяют получать надежные данные, выявлять особенности пространственного распределения характеристик прироста и визуализировать полученные результаты. Также большие сложности при анализе дендрохронологической информации создает тот факт, что на сегодняшний день не существует единого автоматизированного комплекса, с помощью которого можно было бы провести исследование от начала и до конца. В зависимости от характера работ на разных этапах следует использовать различные классы программного обеспечения. Известны попытки объединения различных программных инструментов в интегрированную систему, но до последнего времени такой системы не существовало. Поэтому в 2016 г. сотрудниками государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» (НПЦ ГКСЭ) был разработан опытный образец автоматизированного рабочего места (АРМ) «DendroExp» [3], благодаря которому была создана единая система измерения и обработки дендрохронологических параметров.

Стоит отметить, что созданный АРМ имеет свои особенности и кардинально отличается от существующих программных продуктов, поскольку сфера его применения обусловлена спецификой судебно-экспертной деятельности. Последняя определяет пределы и возможности его использования.

АРМ «DendroExp» работает с цифровыми изображениями древесных образцов, которые могут вноситься с любого носителя информации либо экспортироваться непосредственно со сканера. В АРМе спроектирован графический интерфейс для проведения сравнительных исследований фрагментов древесины с целью установления их принадлежности единому целому. Реализованы алгоритмы, позволившие добиться полной автоматизации измерений параметров радиального прироста. На данный момент времени АРМ является основным инструментом проведения дендрохронологических судебно-экспертных исследований. С его помощью эксперт получает

возможность провести полное изучение образца древесины в единственной программе, а результаты, полученные в ходе исследования, могут быть легко перенесены в текст заключения. Следует подчеркнуть, что АРМ «DendroExp» – не просто совокупность перечисленных программных комплексов, поскольку он предполагает их тесную взаимосвязь в целях обмена информацией и обеспечения вызова одних модулей из других.

При проведении палинологических экспертных исследований в Республике Беларусь перед экспертами всегда «остро» встает проблема, связанная с доступностью справочных материалов.

Своеобразие палинологических экспертных исследований в немалой степени проявляется в многочисленности и крайнем разнообразии объектов исследования, что делает особенно актуальным формирование электронного информационного фонда, который бы содержал справочники по различным разделам палинологии, наглядный иллюстративный материал, в том числе атласы, определители и эталонные коллекции, на основе которых эксперт смог бы определить таксономическую принадлежность пыльцы и спор к определенным семействам, родам и видам.

Учитывая вышеизложенное, в 2018–2019 гг. в НПЦ ГКСЭ в рамках выполнения задания 3.2.01 «Разработка новых подходов к исследованию объектов растительного происхождения при проведении судебно-экспертных исследований» по Государственной программе научных исследований «Информатика, космос и безопасность» на 2016–2020 гг. (подпрограмма «Научное обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций и судебно-экспертной деятельности») запланировано создание двух справочных информационно-поисковых систем (СИПС):

1. Пыльца древесных и кустарниковых растений, произрастающих на территории Республики Беларусь.
2. Пыльца травянистых растений, произрастающих на территории Республики Беларусь.

Подготовленные системы будут включать в себя ключ для определения криминалистически значимых таксонов, оптические микрофотографии, детально характеризующие и рельефно выделяющие особенности пыльцевых зерен и спор высших растений, а также другую техническую информацию. Пользовательский интерфейс СИПС позволит осуществлять поиск по нескольким основным критериям, вносить таксономические, морфологические, иллюстративные и другие материалы. В настоящее время нами определен перечень специализированных средств, необходимых для работы СИПС, и функциональные требования к ним. Разработана обобщенная функциональная структура и основные алгоритмы функционирования. Использование СИПС при проведении экспертных исследований позволит значительно повысить оперативность доступа к палинологической информации: все данные об объектах, включая результаты исследований, будут доступны эксперту с рабочего места в реальном времени.

Отметим, что вышеперечисленные разработки НПЦ ГКСЭ с успехом применяются или будут применяться при проведении конкретных экспертных исследований объектов растительного происхождения, освобождая эксперта от трудоемкой, рутинной работы и нивелируя так называемый субъективный момент.

В целом, рассматривая основные направления автоматизации СЭИ ОРП, можно видеть, что их роль во многом зависит от особенностей исследуемых объектов, специфики решаемых экспертных задач, комплекса применяемых методов исследования. Так, при решении задач дендрохронологических экспертных исследований требуются в той или иной мере сбор и обработка экспериментальных данных,

последующий их анализ; палинологические экспертные исследования в большей степени нуждаются в справочно-информационном сопровождении.

Таким образом, основное значение автоматизации СЭИ ОРП определяется тем, что на ее основе обеспечиваются единообразие, иллюстративность и высокое качество, повышается производительность труда эксперта, существенно сокращаются сроки проведения экспертиз.

Л и т е р а т у р а

1. Дубровин, И. С. Информационно-поисковые системы отечественных, зарубежных и международных служб правоохранительных органов в борьбе с преступностью: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. С. Дубровин. – М., 2007. – 192 с.
2. Методы и алгоритмы восстановления климатозоологической информации на основе дендрохроноиндикаторов : монография / И. А. Ботыгин [и др.] ; Том. политехн. ун-т. – Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2015. – 185 с.
3. Хох, А. Н. Автоматизированное рабочее место «DendroExp» как инструмент для рационализации проведения дендрохронологических экспертных исследований / А. Н. Хох, Д. Е. Кузменков // Криміналістичний вісник : наук.-практ. зб. / ДНДЕКЦ МВС України, НАВС ; гол. ред. В. В. Черней. – К. : Типографія від «А» до «Я», 2017. – № 1 (27). – С. 133–140.

УДК 343.985.7

О СООТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А. Н. Чаплинский

*адъюнкт научно-педагогического факультета
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», г. Минск*

С развитием информационных технологий появляются новые способы, объекты и средства совершения преступлений. Все чаще компьютерные и иные цифровые электронные устройства становятся средством совершения преступлений. В связи с этим особую актуальность приобретают эффективное противодействие возникающим угрозам, выработка методик по раскрытию, расследованию и предупреждению компьютерных преступлений.

Вышеуказанными причинами обусловлен интерес науки криминалистики к исследованию природы происхождения следов, образующихся при использовании электронных вычислительных средств.

Понятие следа – одно из центральных в криминалистике. Проблемам изучения следов уделено внимание в работах А. Н. Василевского, Г. Л. Грановского, И. Ф. Крылова, Л. К. Литвиненко, С. М. Потапова, Д. А. Турчина, Б. И. Шевченко, И. Н. Якимова. Вопросам классификации следов посвящено большое количество работ и специальных исследований. В первую очередь, необходимо отметить публикации А. Р. Белкина, Г. Л. Грановского, Б. М. Комаринца, В. Е. Корноухова, Г. А. Матусовского, В. А. Образцова, И. Н. Пророкова, В. И. Попова и др.

Деление следов преступлений на материальные и идеальные показало свою значимость и эффективность при расследовании практически всех видов преступлений и не вызывает серьезных дискуссий в научном мире. Внимание ученых-криминалистов к проблеме следообразования в компьютерной системе обусловлено интенсификацией происходящих информационных процессов, ростом числа проти-

воправных посягательств. В связи с этим все чаще высказываются мнения о том, что следы, образующиеся в ходе функционирования компьютерных систем, не могут быть отнесены ни к материальным, ни к идеальным следам. Вместе с тем отечественными учеными-криминалистами не в полной мере исследована природа происхождения указанных следов, не произведено их теоретическое обоснование. Не отрицая факта наличия особенностей в механизме образования следов, они все-таки рассматривались в контексте изучения отдельных аспектов расследования преступлений в сфере компьютерной информации, специфики следственных действий и экспертных исследований компьютерной техники.

В настоящее время учеными-криминалистами и процессуалистами активно ведутся дискуссии о механизме их образования, классификации, а также приданию им статуса электронных доказательств в существующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Справедливо отмечая электромагнитную природу происхождения следов, оставаемых в компьютерной системе, учеными предлагаются разнообразные наименования данной категории следов: компьютерные, виртуальные, электронно-цифровые, информационные, компьютерно-технические, бинарные.

Придерживаясь мнения о том, что вопрос о названии вышеописанных следов имеет второстепенное значение по отношению к их содержанию, тем не менее, полагаем целесообразным использовать термин «электронно-цифровые следы», предложенный Е. А. Лушиным, понимая под ним наличие любой криминалистически значимой компьютерной информации. В обоснование данного названия Е. А. Лушиным приводится тезис о том, что следы в компьютерных системах образуются в результате движения электронов и хранятся в памяти электронных устройств в виде двоичного кода [1, с. 161–163].

По нашему мнению, данное определение электронно-цифровых следов максимально полно отображает их содержание, так как предлагаемые учеными-криминалистами определения электронно-цифровых следов освещают лишь отдельные аспекты данного явления. Вместе с тем попытки исследователей дать свои определения указанным следам на основе компиляции уже имеющихся определений, описывающих механизм следообразования с целью дать максимально детализированное определение, представляются весьма затруднительными. Обилие технических терминов неизбежно приведет к сложностям в правоприменительной практике.

Следует отметить, что одной из проблем современных исследований в области использования компьютерной информации является излишнее внимание к техническим и технологическим сторонам функционирования электронных устройств без какой-либо видимой значимости данной информации для процессуального права. Данное несоответствие приводит к тому, что в настоящее время имеется довольно большое количество криминалистических рекомендаций по исследованию электронных устройств, в то время как серьезный анализ процессуальной правомерности данного рода предложений не проводится. Значительное число публикаций на тему использования компьютерной информации в рамках уголовного судопроизводства носит не столько теоретический, сколько описательный характер, сводится к комментариям законодательных новелл в данной области и практически не касается вопроса о правовой природе электронных доказательств.

Вместе с тем одной из фундаментальных проблем в области использования электронных данных в уголовном процессе, которая так и остается нерешенной, является правовая природа «электронных доказательств».

Примечателен в этой части опыт США по признанию электронных доказательств как особого правового явления. В отличие от отечественной уголовно-

процессуальной науки, не уделяющей значительного внимания проблемам сбора компьютерной информации при проведении следственных действий, юридическая доктрина США активно исследует электронные доказательства как особое правовое явление, где ведущую роль в формировании понятия «электронные доказательства» сыграл судебный прецедент. В то же время, если отечественные исследователи, разрешая вопрос о выделении компьютерной информации как отдельного вида доказательств, опираются на технические аспекты работы цифровых устройств, то их западные коллеги обращают больше внимания на юридически значимые особенности компьютерной информации.

Электронные доказательства определяются американскими правоведами как сведения, которые обрабатываются, хранятся или передаются любым искусственным устройством, компьютером или компьютерной системой, и которые представляют то или иное обстоятельство, имеющее значение для дела, как более или менее вероятное.

Полагаем, что разрабатываемые для правоприменительной практики рекомендации должны быть научно обоснованными криминалистикой, при этом действующий уголовно-процессуальный закон должен позволять полностью применять разрабатываемые криминалистикой рекомендации. Введение особой группы «виртуальных» следов в криминалистике, а также электронных доказательств в уголовный процесс как особого вида доказательств следует признать лишь как перспективное направление развития данных наук, требующих дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Лушин, Е. А. О термине «Электронно-цифровые следы» / Е. А. Лушин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 4 (18). – С. 161–163.

УДК 343.982.4

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

В. А. Чванкин

доцент кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

А. Л. Поскребка

старший преподаватель кафедры судебных криминалистических и технических экспертиз государственного учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», г. Минск

С каждым годом растет количество зарегистрированной и защищаемой в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» интеллектуальной собственности. Она присутствует практически в любом изделии. То ли это патент технологии или конструкции, дизайн упаковки того или иного товара, который может выражаться в наличии определенных красочных изображений, применяемых материалах и конструкциях, либо музыка, кино, телепередачи, либо программное обеспечение для различных электронных и электронно-бытовых устройств.

К сожалению, имеют место и преступные посягательства на использование чужой интеллектуальной собственности, которые проявляются в незаконном изготовлении, распространении и использовании изделий, ее содержащих, (далее – изделия интеллектуальной собственности) без согласия лиц, которым принадлежат авторское право или смежные права на нее. Такие изделия называют контрафактными.

Кроме юридического аспекта, например, отсутствия разрешительных документов на использование интеллектуальной собственности, такие изделия в большинстве случаев отличаются по тем или иным качествам от лицензионных, т. е. изготавливаемых, распространяемых и используемых с разрешения авторов и (при наличии) владельцев смежных прав.

В связи с этим эффективность расследования данных преступлений зависит от взаимодействия всех органов правоохранительной системы государства, в которой особая роль отводится проведению соответствующих судебных экспертиз и исследований.

С необходимостью в проведении криминалистического исследования изделий интеллектуальной собственности в нашей стране столкнулись в 2001 г. В МВД Республики Беларусь было принято решение о реализации необходимых мероприятий для обеспечения возможности проведения экспертиз аудио-, видеокассет, оптических дисков типа CD, DVD и других носителей, содержащих фонограммы, видеофонограммы и программное обеспечение.

При содействии Представительства Международной федерации производителей фонограмм по России и странам СНГ поставленная задача была успешно выполнена, и с 2002 г. такие экспертизы начали проводить в Государственном экспертно-криминалистическом центре МВД Республики Беларусь, Экспертно-криминалистических центрах ГУВД Мингорисполкома, УВД облисполкомов и на транспорте, а впоследствии – и в экспертно-криминалистических подразделениях РУ-, РОВД крупных городов нашей страны. Затем – в государственном учреждении «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» и экспертных лабораториях таможенных органов.

За прошедшие годы опубликован ряд научных работ и практических пособий по данной тематике, среди которых хотелось бы выделить исследования российских ученых и практиков: В. А. Галанова, О. Б. Дроновой, Н. С. Кудиновой, Н. А. Курковой, В. А. Максименко, Д. В. Сердюковой и других авторов, а также ряда белорусских исследователей: О. С. Бочаровой, Н. В. Ефременко, А. Л. Поскребка, А. С. Рубиса, В. А. Чванкина и др. Так, в 2010 г. была разработана и внедрена в практику уникальная, не имеющая аналогов в мировой практике методика технико-криминалистического исследования магнитных и оптических носителей информации, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в целях установления технических признаков контрафактности (далее – методика) [1]. В 2013 г. опубликовано практическое пособие по использованию и применению методики, начиная с осмотра места происшествия и изъятия вещественных доказательств, заканчивая составлением заключения эксперта [2], в котором рассмотрены все возможные варианты исследования различных объектов, изложен процесс исследования и его описание в заключении эксперта, унифицированы описания различных видов изделий и их упаковки, приведены необходимые эксперту термины и понятия, перечислены возможные для выявления технические признаки контрафактности и др.

В настоящее время исследования по данной методике проводятся в органах Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, а также в лабораториях таможенных органов.

Если обращаться к статистике, то количество назначаемых экспертиз и исследований, а также исследуемых объектов изменялось таким образом, как показано на рис. 1 и 2.

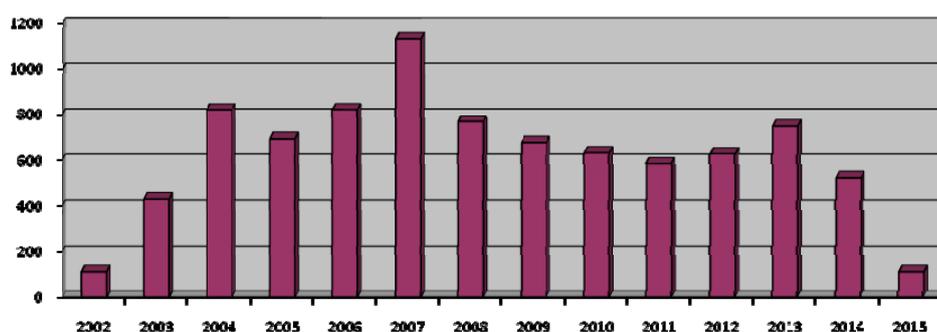

Рис. 1. Количество экспертиз и исследований

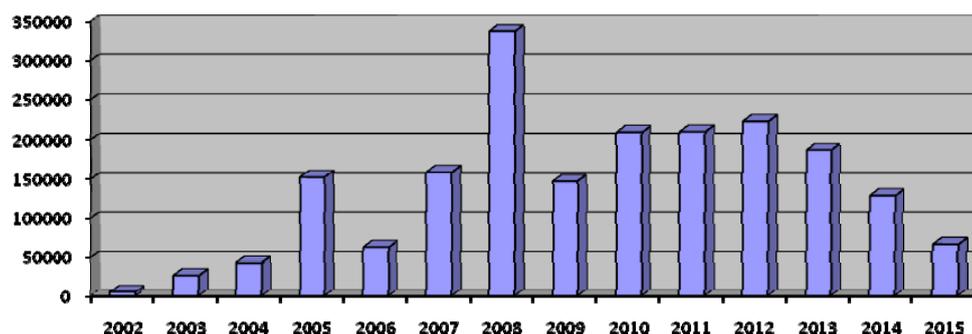

Рис. 2. Количество поступивших на исследование изделий

Конечно же, несмотря на то, что в настоящее время многое из музыки и кино, а также различного рода программного обеспечения распространяется через Интернет, а не на физических носителях информации, криминалистическое исследование по указанной методике с использованием изданных практических и методических пособий, информационных писем и т. д., остается по-прежнему актуальным и значимым.

Во-первых, потому что с утверждением методики появилась возможность официального использования термина «технические признаки контрафактности». Причем он может быть применен ко всем изделиям интеллектуальной собственности, а сама методика и предложенная в ней концепция проведения судебной экспертизы может стать базовой (типовой) для разработки частных методик по исследованию любых других видов изделий интеллектуальной собственности (кофе, парфюмерия, текстиль, сигареты, алкоголь, медицинские препараты и т. д.).

Во-вторых, всем, без исключения, экспертам известно, что для проведения сравнительного исследования необходимо наличие образца чего-либо (изделия, вещества, следа), сопоставимого с исследуемым объектом по определенным свойствам и параметрам. Данная же методика позволяет в определенных случаях (например,

основываясь на положениях нормативных правовых актов и технических нормативных правовых актов) выявлять технические признаки контрафактности и приходиться к выводу об их наличии или отсутствии, даже если эксперт не располагает образцом изделия соответствующего вида и наименования.

В-третьих, в 2016–2018 гг. произошло значительное снижение объемов направляемой на исследование продукции, содержащей интеллектуальную собственность (проведено немногим более 10 экспертиз и исследований по 2 000 объектам), а это может являться не столько последствием распространения интеллектуальной собственности через Интернет, а свидетельством эффективной работы всей системы правоохранительных и иных государственных органов по профилактике и пресечению преступных проявлений в сфере авторского права и смежных прав.

Все это позволяет «смотреть» в завтрашний день с уверенностью в том, что экспертная деятельность в указанном направлении может оказать значительную помощь в борьбе и профилактике негативных проявлений жизни общества, связанных с нарушениями в сфере изготовления, распространения и использования интеллектуальной собственности. Это, в свою очередь, является одной из составляющих экономической безопасности государства, а также одним из критериев оценки мировым сообществом соблюдения законности в Республике Беларусь.

Литература

1. Методика технико-криминалистического исследования магнитных и оптических носителей информации, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в целях установления технических признаков контрафактности / И. К. Лобач [и др.] // Утв. Межведомствен. науч.-метод. советом в области судеб. экспертизы при Межведомствен. комис. по вопр. судебно-экспертной деятельности при Совете Безопасности Респ. Беларусь (протокол № 8 от 26 мая 2010 г.). – Минск : Полиграф. центр МВД, 2010. – 29 с.
2. Бочарова, О. С. Исследование магнитных и оптических носителей информации, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в целях установления технических признаков контрафактности / О. С. Бочарова, А. Л. Поскребка, В. А. Чванкин ; ГУ «ЦСЭиК М-ва юстиции Респ. Беларусь», ГЭКЦ МВД Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2013. – 94 с.

УДК 343.985

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

М. П. Шруб

*начальник кафедры криминалистики учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

Современное общество все более и более подвержено внедрению информационных технологий во все сферы его деятельности. На научных форумах и в средствах массовой информации много говорится о всепоглощающей информатизации, глубоко пронизавшей современную преступную деятельность, и, как следствие, реактивную деятельность правоохранительных органов. Несомненно, данное обстоятельство не ставится под сомнение. Вместе с тем настолько очевидно и то, что современные информационные технологии ни в коей мере не являются неотъемлемым атрибутом значимой части противоправных проявлений. Уличные грабежи, квартирные кражи, хулиганства, убийства успешно совершаются без применения ком-

пьютеров и инновационных программных продуктов. Расследование их, успешно обходившееся многие десятилетия и даже столетия без компьютеров, принтеров и Интернета, и на сегодняшний день вполне возможно без этих, несомненно, полезных порождений цивилизации. Конечно, компьютеры и соответствующие технологии используются для совершения в том числе и указанных традиционных преступлений, но выступая лишь в качестве средств либо орудий. Соответствующим образом изменяются и способы совершения преступлений. Очевидно, в этом случае и расследование будет опираться на указанные технические средства и технологии. Но в любом случае суть рассматриваемых преступлений, посягающих на имущество, общественный порядок, жизнь и здоровье человека, остается неизменной, как и отношение потерпевших к их последствиям. К числу таких преступлений, отличающихся значительной общественной опасностью и вместе с тем остающихся неизменными по своей сущности на протяжении тысячелетий и принципиальным образом не зависящих от развития современных технических средств и технологий, относятся преступления, связанные с применением сексуального насилия. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что способы их совершения, как и иных видов криминальных деяний, со временем изменяются в современных условиях.

В действующем уголовном кодексе Республики Беларусь содержится целый ряд статей, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с применением сексуального насилия. К их числу могут быть отнесены ст. 166 «Изнасилование», ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера», ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 169 «Развратные действия», ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 182 «Похищение человека», ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» и др.

С учетом реализации нескольких государственных программ и консолидации усилий правоохранительных органов и неправительственных организаций, практиков и ученых рост преступлений, связанных с торговлей людьми, неуклонно продолжавшийся с 2000 по 2004 г. (со 149 до 555 преступлений), удалось переломить, постепенно существенно снизив их число до 107 в 2017 г. Вместе с тем, по данным МВД Республики Беларусь, общее число преступлений по линии Главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми за последние пять лет возросло в четыре раза – с 384 преступлений в 2012 г. до 1 578 в 2017 г. [1]!

Так, серьезную обеспокоенность вызывает рост преступлений, связанных с порнографией, в том числе детской (с 253 до 865 преступлений за указанный период); педофилией (с 38 до 606 преступлений).

При этом, если проблема торговли людьми в белорусской криминалистике всесторонне проработана на монографическом уровне [2]–[4], имеются исследования по противодействию детской порнографии [5], то проблема педофилии в отечественной криминалистической науке фактически не исследовалась. Кроме того, несмотря на наличие в учебной литературе по криминалистике сведений о методике расследования изнасилований, исследование данной и других смежных проблем (например, насильственных действий сексуального характера) на современном этапе в нашей стране остается без внимания ученых. То же самое можно сказать и о проблеме эксплуатации проституции третьими лицами.

Приведенный тезис ярко подтверждает контент-анализ дипломных работ, выполняемых по кафедре криминалистики Академии МВД Республики Беларусь. Так, практически все криминалистические работы по тематике, связанной с сексуальным насилием (независимо от темы), основываются либо на трудах белорусских ученых по проблеме торговли людьми, либо на российских публикациях (чаще по уголовному праву) не самых последних лет.

Вместе с тем преступность в указанной сфере активно развивается [1]. Так, по данным МВД, если в начале 2000-х гг. с целью распространения порнопродукции в основном тиражировались диски, привезенные из-за рубежа, то в настоящее время открытая продажа порнографической продукции на материальных носителях фактически отсутствует. В основном распространителями порно копируется и тиражируется продукция из Интернета. Наиболее высоким спросом пользуется порнопродукция, ранее не имевшаяся в данной сети. В этой связи с 2007–2008 гг. в Беларуси начали выявляться случаи изготовления порнографической видеопродукции в подпольных студиях с привлечением белорусских «актеров», в том числе несовершеннолетних, с последующим распространением такой продукции на специализированных платных сайтах.

В штат таких студий входят фотографы, парикмахеры, визажисты, художники, программисты. Актеры подбираются путем размещения объявлений в рекламных изданиях с приглашением на высокооплачиваемую «работу в модельном или рекламном бизнесе» либо по объявлениям на сайтах знакомств, а в некоторых случаях – среди действующих проституток, предлагающих услуги в Интернете. За небольшое вознаграждение подобранные лица занимаются поиском других «моделей» (знакомых, однокурсников и т. п.). Наиболее ценятся актеры в возрасте 14–18 лет. Преступники обещают, что запретные изображения на территории Беларуси никто не увидит, они будут размещены либо на платных сайтах, либо в базах данных модельных агентств, что в дальнейшем может поспособствовать карьере «модели». На самом деле за небольшую плату (10–50 долларов США за час съемок) создается множество снимков либо сюжетов с изображением девушки, которые размещаются в Интернете и приносят преступникам прибыль, в десятки и сотни раз превосходящую затраты.

Способы педофилии также постоянно видоизменяются. На современном этапе следует отметить все более активное использование педофилами возможностей Интернета для подыскания потенциальных жертв. Слабо ограниченный доступ детей к сайтам знакомств и социальным сетям, как и в случае с детской порнографией, а также определенная скрытность подростков дают возможность педофилам беспрепятственно общаться с объектами их сексуального интереса, воздействовать на их сознание с целью облегчения своих последующих противоправных действий.

Активно трансформируются способы совершения преступлений, связанных с эксплуатацией проституции третьими лицами. При вовлечении в занятие проституцией, организации и использовании занятия проституцией, создании условий для занятия ей преступники также все чаще используют современные технические возможности и коммуникации, меняют тактику своей деятельности в целях уйти от ответственности и сохранить криминальный бизнес.

Наряду с вышеизложенным анализ правоприменительной практики – материалов уголовных дел, мнений сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов – показывает, что при расследовании указанной группы преступлений нередко допускаются ошибки тактического характера, отсутствует единый подход с точки зрения криминалистической методики. Данные обстоятельства порой влекут недостаточную полноту реализации принципа всесторонности, полноты

и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, что, в свою очередь, негативно сказывается на реализации принципа неотвратимости наказания, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств в целом.

Анализ научных публикаций по обозначенной проблеме на современном этапе (начиная с 2000 г.) показал, что различные аспекты проблемы сексуального насилия с позиций уголовного права и криминологии на монографическом уровне рассматривались такими российскими учеными, как Ю. М. Антонян, А. А. Бимбинов, Д. А. Гнилицкая, М. А. Горбачев, Л. В. Готчина, О. Н. Гусева, Г. А. Егошина, Н. А. Исаев, Е. А. Котельникова, Е. Н. Курилова, Л. В. Логинова, А. М. Мартиросьян, В. А. Мишота, М. И. Могачев, Ю. А. Островецкая, Е. В. Поддубная, В. Г. Романов, А. М. Смирнов, В. С. Соловьев, Н. Н. Сяткин, Н. В. Тыдыкова, В. В. Чепуров, А. Е. Шалагин и др.

Среди украинских криминологов (социологов) и специалистов в области уголовного права данная проблема на уровне кандидатских диссертаций исследовалась такими учеными, как Г. М. Андрусак, И. О. Бандурка, В. И. Дьордяй, М. О. Ларченко, Т. Д. Лисько, Д. П. Москаль, О. С. Рябчук, О. В. Синекий, О. В. Швед и др.

В Беларуси данная проблема в рамках указанной специальности исследовалась лишь на уровне отдельных публикаций такими исследователями, как А. А. Ананенко, О. В. Катушонок, Р. Н. Ключко, Ю. Н. Макейчик, А. М. Маханько, Т. А. Прудникова и др.

С учетом комплексности проблемы сексуального насилия и междисциплинарности ее содержания, очевидно, что она не оставалась без внимания и ученых в области судебной медицины, судебной психиатрии, юридической психологии. Так, отдельные ее аспекты в указанных областях научного знания исследовались в работах таких ученых, как Я. Г. Анапреенко, Е. В. Васкэ, Л. А. Волкова, Гамиля Мухамед Насер Ахмед, Г. Б. Дерягин, Т. Л. Доморацкая, Ю. В. Кухарьков, Г. Ф. Пучков, А. А. Стреленко, И. С. Тепляшина, Б. Д. Цыганков, Д. Ю. Шигашов, В. В. Шпак и др.

С позиций криминалистики отдельные аспекты проблемы сексуального насилия на современном этапе нашли отражения в работах таких ученых, как А. В. Агафонов, Н. Х. Айнетдинова, А. М. Багмет, А. А. Барыгина, В. В. Бычков, Г. Б. Дерягин, И. В. Усанов (Россия); О. Н. Турлыбаев (Казахстан); П. Л. Боровик; О. Г. Каразей, А. Э. Набатова, С. Ю. Ревтова (Беларусь) и др.

Вместе с тем, исходя из содержания двуединого объекта криминалистики (преступной деятельности и деятельности по расследованию), проблема сексуального насилия комплексного и всестороннего исследования, включающего глубокую проработку ее теоретических основ и разностороннее изучение эмпирических данных, ни в Беларуси, ни в других странах постсоветского пространства не получила.

Подводя итог изложенному выше, можно констатировать, что в условиях активного роста преступлений, связанных с сексуальным насилием, вовлечения в эту сферу несовершеннолетних, совершенствования способов совершения указанных криминальных деяний и имеющихся сложностей в правоприменительной практике, комплексные научные исследования проблемы сексуального насилия в современной отечественной криминалистике отсутствуют. Представляется, что приведенные аргументы свидетельствуют о назревшей необходимости проведения такого исследования, объектом которого стало бы сексуальное насилие как собирательное понятие, объединяющее целую группу преступлений, характеризующихся значительной общественной опасностью. В рамках такого исследования целесообразно осветить современное состояние криминалистической теории и правоприменительной практики в обозначенной области, сформировать классификацию указанных преступлений, разработать их криминалистическую характеристику, сформулировать комплекс системно-структурных и адресно-функциональных рекомендаций по их расследованию.

Литература

1. Противодействие торговле людьми в Республике Беларусь // М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2121>. – Дата доступа: 03.05.2018.
2. Шруб, М. П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М. П. Шруб ; под ред. И. И. Басецкого. – Минск : Друк-С, 2007. – 130 с.
3. Шруб, М. П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М. П. Шруб ; под ред. В. М. Логвина. – Минск : Тесей, 2009. – 176 с.
4. Шруб, М. П. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций : монография / М. П. Шруб, Л. Н. Истомова ; под общ. ред. М. П. Шруба. – Брест, 2013. – 176 с.
5. Боровик, П. Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П. Л. Боровик ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – 212 л.

УДК 343.98

DOES TRACE EVIDENCE STILL HAVE A PLACE IN MODERN FORENSIC SCIENCE?**V. Causin**

*associate professor of Forensic Sciences at the Department of Chemical Sciences
“The University of Padova”, Padova, Italy*

While forensic science has a long and rich history, it is just recently that the field received proper attention. The advent of new technologies such as DNA typing, the weight of scientific evidence in criminal trials of widespread publicity, and the proliferation of fictional and non-fictional works in popular media have contributed to making forensic science well known, although not well understood by the general public. One of the consequences of this popularization of forensic science was a sharp change in the attitude of investigators, who increasingly tend to delegate to scientists the amount of information necessary to identify the perpetrator of the crime.

However, the special focus on the search of biological traces or fingerprints, due to their high potential for the personal identification of the individuals present on the crime scene, somehow faded the interest towards other kinds of evidence, such as trace evidence.

This kind of evidence is in fact perceived by judges and lawyers as less informative, because they think that “all plastic items are the same”, i. e. that it is impossible to discriminate among mass produced items.

The purpose of this communication is to stress two aspects: one is the need for sound methods in order to interpret evidence; another is the necessity for deepening the level of characterization of traces to improve the ability to discriminate among apparently similar materials.

The interpretation of evidence

The evidential value of all traces is critically dependent on the context. The Bayesian approach is a very efficient way to manage the issue of interpretation and contextualization of evidence.

Given two competing propositions (H_1 and H_2 , which for the sake of simplicity can be summarised as the “explanation of the prosecution” and the “explanation of the defence”), formally, Bayes' theorem can be stated as:

$$\frac{P(H_1 | E)}{P(H_2 | E)} = \underbrace{\frac{P(H_1)}{P(H_2)}}_{\text{prior odds}} \cdot \underbrace{\frac{P(E | H_1)}{P(E | H_2)}}_{LR}$$

where E represents the new information coming from forensic analyses; $P(H_i)$ indicates the probability of the proposition H_i and $P(y|x)$ is the probability of the event y , given x is true. This formula means that the ratio of the final probabilities is equal to the product of the two ratios: prior odds and Likelihood Ratio (LR). Prior odds are updated by the LR to give posterior odds which are conditioned to E .

In other words, the LR gives the right weight to the forensic results.

As may be seen in the equation above, the LR is composed by a numerator and a denominator. The numerator represents the probability of the evidence E , given the hypothesis H_1 favourable to the prosecution. The denominator is the probability of the same evidence E , but under the proposition H_2 developed on the basis of the explanation proposed by the defence. In other words, the LR says how much more likely it is that evidence E is on the crime scene because of explanation H_1 , rather than on the basis of reconstruction H_2 .

The case presented in this paper regards a stabbing case, in which DNA or fingerprints were not available, since such traces were carefully cancelled. The alleged weapon was a knife. On its blade, three groups of fibres positively compared with those of the polyester wadding of the victim's jacket.

H_1 , i. e. the reconstruction of the events made by the prosecution, was: “the knife was used for stabbing the victim”.

The defense negated that that knife was used for stabbing the victim (version H_2).

LR was formalised as follows (1):

$$LR = \frac{b_0 t^3 + \binom{3}{2} t^2 (1-t) b_1 f + \binom{3}{1} t (1-t)^2 b_2 f^2 + b_3 f^3 (1-t)^3}{b_3 f^3},$$

where t is the probability that a group of fibres comparable to that of the case has been transferred from the clothes of the victim on the blade of the knife, has persisted and has been recovered; f is the frequency of the fibres with the same characteristics as those recovered on the knife; b_n is the background probability of the presence, by chance, of n groups composed of extraneous fibres on the blade of a knife.

Estimating a conservative frequency for fibres such as those involved in the case of 0.01, considering that the likelihood of transfer of fibres to a knife from the clothes of a victim of stabbing is high, and that the likelihood of finding many groups of extraneous fibres on a knife is low, a LR of the order of magnitude of 10 can be estimated. In other words, it is over one billion times more likely that the fibres found on the knife were there because it had been used for the stabbing, rather than by chance. It is a likelihood comparable to those encountered in fingerprint or DNA cases: when properly interpreted, trace evidence can give very significant information for solving cases.

The importance of a thorough characterisation

In the previous section, it was shown that polymeric traces can yield information with a very high evidential value. However, a prerequisite to fully exploit this potential is that the items found on the crime scene are characterised at a level as deep as possible. Polymers, as other traces, are class evidence, and as such they acquire evidential value only if they can be placed in as small a class as possible. Detailed analytical procedures are there-

fore necessary to achieve this aim and in order to do so familiarity with polymer science is a must.

Among many examples, adhesive tapes are particularly significant. These items are composed by a backing on which an adhesive resin is deposited. The composition of adhesive tapes is quite variable, and as such, by visual examination and infrared spectroscopy, a good screening of apparently similar samples can be done. Even so, in examining a collection of duct tapes made by different manufacturers, it was not possible to discriminate all the sample by the above mentioned, simple approach. It was necessary to increase the discrimination potential of the analytical protocol, i. e. the ability of the protocol to distinguish between different samples.

The molecular weight distribution of the adhesive resin was found to be a very effective parameter, useful for further discriminating samples which were included in the same group, even though they were produced by different manufacturers.

Since they consist of several simultaneous reactions, polymerisation processes are impossible to control in every single detail. The net result is that the product of polymerisation is not a set of perfectly equal species, but rather a polydisperse distribution of molecules which share the same chemical nature and differ by number of repeat units that they contain. This complexity is a source of information available to the forensic scientist to properly individualise items from the crime scene, and in particular to identify their source, reducing the probability of random matches. Gel Permeation Chromatography (GPC) is a technique which, exploiting a porous stationary phase, allows to separate a mixture according to the size of its molecules. This way, the distribution of molecular weights of a polymer can be readily obtained, and thus differentiation between apparently similar samples can be attained.

In this report, four samples of duct tape, indistinguishable by IR spectrum, by visual examination and morphological parameters (thickness, width, etc.), were examined. The adhesive resin was solubilised with THF. An Agilent 1260 Infinity GPC/SEC System was used, equipped with styrene-divinylbenzene Phenogel 10^4 – 10^5 columns. A flux of 1ml/min of THF was used as a mobile phase, at a temperature of 35 °C. A refractive index detector was employed.

The results are summarised in Fig. 1.

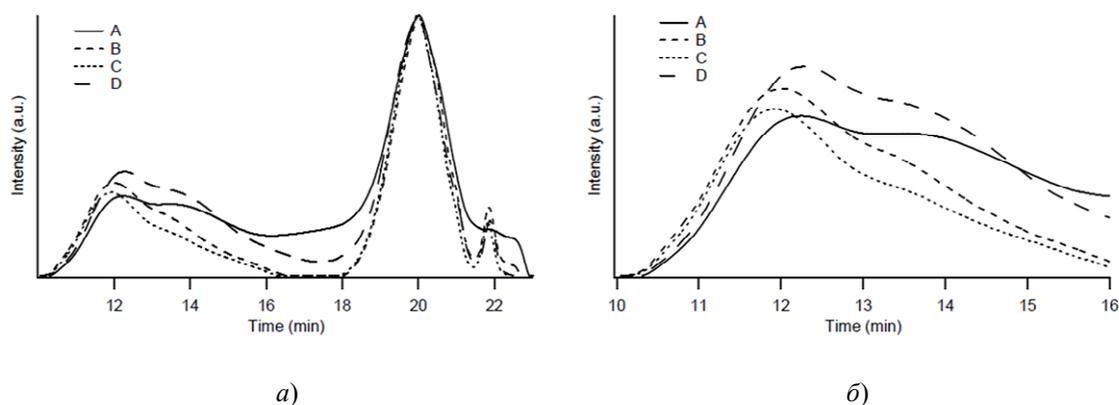

Fig. 1. GPC chromatograms of four samples of duct tape, indistinguishable by IR spectrum, by visual examination and morphological parameters: *a* – full time range; *b* – magnification of the high molecular weight region (10–16 min)

The chromatograms are bimodal, signifying that the adhesives are composed by two fractions, one with a larger molecular weight (retention time comprised between 10 and 16 min), and one with a lower molecular weight, yielding the peak at about 20 min. The high molecular weight fraction (Fig. 1, *b*) is, in turn, quite heterogeneous because it does not form a sharp peak, but rather a broad and wide signal, whose maximum is located around 12 min, but is different for the 4 analysed samples. This is indicative of the fact that, even though the adhesives of these four samples of tape were of the same composition, their molecular weight was different and was following this order $C (11.9 \text{ min}) > B (12.0 \text{ min}) > A (12.2 \text{ min}) > D (12.3 \text{ min})$. Samples *A* and *D* display also a second broad peak at about 14 min, further differentiating themselves from the other materials.

In addition to these qualitative differences, it was possible also to discriminate quantitatively the samples at disposal. In Fig. 1, *a*, the differences in the relative areas between the two fractions are evident: the amount of low molecular weight material is more abundant in sample *D* (larger area of the peaks between 10 and 16 min) than in sample *C* (sharper and less intense peak between 10 and 16 min).

These data show that, by applying a deep and thorough characterisation of traces, it is possible to obtain a very highly discriminating protocol, which in turn increases the evidential value of the analytical information.

In conclusion, the two above examples show how material evidence and traces can be of great help in obtaining a great deal of details on the dynamics of crimes and also on the identity of the perpetrator, provided that the analytical procedure is well devised and that interpretation is properly put in the context of the events.

Literature

1. Causin, V. *Polymers on the Crime Scene – Forensic Analysis of Polymeric Trace Evidence* / V. Causin. – New York : Springer, 2015.

УДК 343.98

“HOW OLD IS SHE”? THE MOCK WITNESS PARADIGM IN POLISH EXPERT WITNESS OPINIONS

J. Wójcikiewicz

*head of the Department of Criminalistics at the Jagiellonian University in Krakow,
professor, Poland*

I. Białek

Polish Forensic Association, Krakow, doctor, Poland

The mock witness paradigm was invented by Canadian psychologists, N. Anthony Doob and Hershi M. Kirshenbaum in 1973, in the case of Regina v. Shatford [1]. Shatford was accused of being one of two men who robbed a department store of \$ 7,000. The cashier reported that the robbers were “rather good looking”. She picked the accused out of a lineup consisting of the accused and eleven foils. The lineup was, however, biased. The expert witnesses, using a copy of the picture of the lineup, asked twenty female subjects to rate each of the parade participants according to their “handsomeness” on an eleven point scale: 1 – extremely good looking; 7 – about average; 11 – definitely not good looking. It turned out that Shatford was rated the most attractive (5.95 versus 7.20 to 9.40). The second part of the opinion involved a new set of twenty-one female subjects who were asked to pick out of the lineup photo of a man who was “rather good looking”. As many as

eleven women picked the suspect, and additional four indicated that he was their second choice ($p < 0.001$). The expert witnesses in their opinion scientifically proved that the lineup was biased. Even if Shatford had been convicted, he would have gone to prison as a scientifically proved handsome man!

Also in the American judicial proceedings the mock witness paradigm was sometimes utilized, especially in the case of a robbery of the bank in Louisville, Kentucky, in 1981, in the case of *U. S. v. Harris* [2]. The cashiers described the robber as a 6'3" tall, slender black male, with short, curly hair and a goatee. The defendant was identified by them 26 months later. The expert witness asked 65 mock witnesses to pick the most relevant man out of a five-person parade. The chance expectancy of any one being chosen was 13. However, the actual identifications were: 3, 47, 0, 14, 1. The defendant was second in the line, so 72 percent of the mock witnesses identified him as best fitting the initial description of the perpetrator! Despite the fact that the functional size was $65/47 = 1.38$, far from the nominal size of five, the jury found Harris guilty and the judge sentenced him to 20 years in prison.

The importance of the mock witness paradigm was appreciated by a special issue of the journal *Applied Cognitive Psychology* in 1999, vol. 13. So far, some measures of lineup fairness have been invented: lineup size measures are for instance effective size [3], and Tredoux's [4], and lineup bias measures are for example functional size [5] and suspect bias [6]. However, all these lineup fairness measures have to be refined [7].

It seems that only two Polish forensic science institutions: the Institute of Forensic Research in Kraków, and the Department of Criminalistics at the Law and Administration Faculty of the Jagiellonian University provide expert witness opinions using the mock witness paradigm [8, 9].

The first Polish use of such a paradigm, in a 1988 case, involved the comparison between the perpetrator's description provided by the twelve-year old rape victim and the actual appearance of the accused (photographed as a godfather). The girl described the rapist as being 40–50 years old (the accused was 28) and having a "rat like" face. For the expert witness opinion of 1989 as many as 138 children were consulted as well as 30 adults. It was confirmed that children had a tendency to perceive adults as being much older than in reality: 20 percent of children rated the accused as being 40 and more. The adults rated the accused's age almost perfectly. To the expert witness' surprise, the majority of the children perceived the face shape of the man as egg-like, contrary to 10 percent of adults who (rightly) perceived the suspect's face as "ratty" or "mousy". The accused was sentenced in March 1991 to three years and a half of imprisonment.

Another example is the case of Adam Kauczor [10]. The future killer was observed by three female witnesses while driving a car. They described him as a young (20–25) dark-haired, handsome, suntanned man. A photo array with 18 photos and a four-person lineup were conducted a few months after the homicide and the suspect was recognized. 72 out of 90 mock witnesses pointed to the photo of the accused. The probability that it could be by chance is $5,7 \times 10^{-75}$! The second part of the opinion replicated the Shatford one. The accused was rated according to a nine point scale as the most handsome out of four lineup participants. He received 3.625 and the others 7.975, 7.700, and 4.900, respectively. It is interesting that all lineup participants obtained less favourable ratings from women than from men. The opinion proved that the recognitions were the result of biases both of the array and the identification parade. The accused was acquitted after lengthy trials and having spent in arrest seven years, ten months and three days.

The paper title refers to the expert witness opinion provided by the authors in 2016 in the Warsaw case of a man accused of an intercourse with the person under 15 years old,

which is penalised by Art. 200 § 1 of the Criminal Code with 2 to 12 years of imprisonment. The core problem was whether the “victim”, who had a consensual intercourse with the accused, could be perceived by him as being over fifteen years of age.

The “victim”, from the anthropological point of view, could be regarded as being fourteen to sixteen years old considering her height, breasts’ size and hips. However, the experts asked also 122 students of the Law and Administration Faculty of the Jagiellonian University (68 female, 54 male, average age 21.5) for help. Three photographs of fourteen-year-old similar girls were presented, among them the photo of the “victim”. The mock witnesses’ task was to evaluate the age of each girl.

The age of the “victim” was rated as 16,0 by the female students (minimum 12, maximum 23) and as 16,6 by the male ones (minimum 10, maximum 26). The age of other girls was evaluated as being 14,7 (female) and 14,9 (male), and 19,7 (female), and 21,2 (male). The accused was acquitted and the public prosecutor did not even appeal!

The methodology was repeated, purely for scientific reasons, using 95 other students, including 54 women and 41 men. The results were similar: the “victim” was rated as being 16,9 and 17,5 accordingly, and other girls as 15,1/15,5 and 21,0/22,5.

What is worth noting is extensive discrepancies between the answers and the fact that all girls were regarded as older by the male mock witnesses comparing to the female ones.

Conclusions

1. The mock witness paradigm in the Polish expert witness opinions was often used in the context of a complex opinion (Art. 193 § 3 of the Code of Criminal Procedure) that is when one opinion is provided by experts in different specialties, usually anthropology and criminalistics.

2. The mock witness paradigm can be utilized not only to evaluate the reliability of a lineup.

3. The mock witness paradigm substantially supplements other methods and can be a preventive measure to avoid miscarriages of justice.

Literature

1. Doob, A. N. Bias in Police Lineups-Partial Remembering / A. N. Doob, H. M. Kirshenbaum // *Journal of Police Science and Administration*. – 1973. – Vol. 1, № 3. – P. 287–293.
2. Reed, T. E. Eyewitness Identifications of an Armed Robber Within a Biased police Lineup / T. E. Reed // *Journal of Police Science and Administration*. – 1984. – Vol. 12, № 3. – P. 310–314.
3. Malpass, R. S. Effective Size and Defendant Bias in Eyewitness Identification Lineups / R. S. Malpass // *Law and Human Behavior*. – 1981. – Vol. 5, № 4. – P. 299–309.
4. Tredoux, C. G. Statistical Inference on Measures of Lineup Fairness / C. G. Tredoux // *Law and Human Behavior*. – 1998. – Vol. 22, № 2. – P. 217–237.
5. Wells, G. L. Guidelines for Empirically Assessing the Fairness of a Lineup / G. L. Wells, M. R. Leippe, T. M. Ostrom // *Law and Human Behavior*. – 1979. – Vol. 3, № 4. – P. 285–293.
6. See supra 1.
7. Mansour, J. K. Evaluating Lineup Fairness: Variations across Methods and Measures / J. K. Mansour [et al.] // *Law and Human Behavior*. – 2017. – Vol. 41, № 1. – P. 103–115.
8. Wójcikiewicz, J. Statistical Interpretation of Eyewitness Testimony Using the Mock Witness Paradigm: A Case Study / J. Wójcikiewicz // *Expert Evidence*. – 1999. – Vol. 7, № 3. – P. 175–186.
9. Wójcikiewicz, J. Statystyczna analiza zeznań świadków / J. Wójcikiewicz // *Z zagadnień kryminalistyki*. – 1991. – Vol. XXIV–XXV. – P. 124–130.
10. Wójcikiewicz, J. Sprawa Kauczor v. Poland: cena błędów procesowych i kryminalistycznych [in:], *Co nowego w kryminalistyce – przegląd zagadnień z zakresu zwalczania przestępczości* / J. Wójcikiewicz, V. Kwiatkowska-Wójcikiewicz ; E. Gruza, M. Goc, T. Tomaszewski (eds) // *Stowarzyszenie Absolwentów Wydziału Prawa i Administracji UW*. – Warszawa, 2010. – P. 409–415.

СЕКЦИЯ VI ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 343.829

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. В. Бородич

*доцент кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции
учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

Важным условием и одновременно одним из основных направлений в обеспечении задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему, является активное внедрение и комплексное правомерное использование разнообразных специальных технических средств и технологий. Оснащение пенитенциарных учреждений современными инженерно-техническими средствами охраны, связи и сигнализации, аппаратурой дистанционного наблюдения и контроля, оперативной и поисково-досмотровой техникой, средствами индивидуальной защиты, активной обороны позволяет надежно предотвращать и эффективно пресекать многие виды правонарушений, совершаемых содержащимися в них лицами. Более того, техническое оснащение исправительных учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь существенно влияет на формы и методы функционирования мест лишения свободы, как в обычных, так и в особых условиях.

Это позволяет, по нашему мнению, сделать обоснованный вывод о том, что активное внедрение и широкое использование специальных технических средств является одним из стратегических направлений деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению должного правопорядка и нуждается в надлежащем правовом регулировании.

Уместно отметить, что в действующем уголовно-исполнительном законодательстве отдельные направления использования некоторых видов технических средств получили нормативное закрепление. В частности, использование технических средств надзора и контроля закреплено в ст. 74, а применение специальных средств различных мер безопасности регулируется в ст. 77, 79 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [1]. Однако практическая реализация научно-технической политики в деятельности учреждений и органов Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь еще не нашла отражения в концентрированном виде в форме соответствующих принципов права.

Исходя из сущности процесса технического оснащения учреждений уголовно-исполнительной системы, использования специальных технических средств, требований нормативных предписаний отечественных и ряда международных актов, в частности, Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными

лицами по поддержанию правопорядка, представляется возможным сформулировать такие отраслевые принципы, как «широкое использование достижений научно-технического прогресса», а также «адекватное применение сил и средств» [2, 3].

Вышеизложенное обуславливает целесообразность дополнения соответствующих статей уголовно-исполнительного законодательства, устанавливающих принципы исполнения и отбывания уголовного наказания, путем включения в их перечень упомянутых выше принципов права, аккумулирующих применение в практике пенитенциарных учреждений разнообразных видов и комплексов специальных технических средств.

Нормативное закрепление в отраслевых принципах применения специальной техники позволит существенно повысить уровень использования технического арсенала исправительных учреждений в обеспечении правопорядка и законности, в борьбе с различного рода правонарушениями, в том числе и в предотвращении и пресечении чрезвычайных происшествий в местах лишения свободы.

Для мер, направленных на внедрение и применение научно-технических средств в практике уголовно-исполнительной системы, по нашему мнению, необходимо разработать Программу совершенствования инженерно-технического обеспечения служебной деятельности Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. В которой должны найти отражение идеи, раскрывающие концепцию технического оснащения уголовно-исполнительной системы, должны быть установлены порядок, сроки и условия ее реализации, источники финансирования и объемы планируемых затрат, определены система контроля за ее исполнением и другие важные положения. Реализация этих положений, являющихся организационной основой технического оснащения учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, способствовала бы единообразному внедрению и применению специальных технических средств в местах лишения свободы.

До настоящего времени остаются нормативно не урегулированными такие важные области реализации научно-технической политики в деятельности пенитенциарных учреждений, как оснащение объектов уголовно-исполнительной системы различными образцами и видами специальной техники оперативно-розыскного назначения и ряд др.

На законодательном и ведомственном уровне существует проблема регламентации применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях. Так, в ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь говорится, что администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля, а их перечень и порядок использования устанавливается законодательством Республики Беларусь [1]. В ч. 8 ст. 19 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, может использовать средства негласного получения (фиксации) информации, базы данных (учеты), информационные системы и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью граждан и не причиняющие вреда окружающей среде [4]. Какие иные средства имеются в виду, можно только догадываться, т. к. дальнейшего нормативного развития данное положение не получило.

Также следует отметить, что действовавшая с 1979 г. Инструкция по применению технических средств в ОРД ОВД была отменена в 2005 г. Вопрос о введении аналогичного нормативного правового акта в новой редакции остается открытым и по сегодняшний день. Следовательно, в настоящее время отсутствуют ведомствен-

ные нормативные правовые документы, регламентирующие использование специальных технических средств при осуществлении оперативно-розыскной деятельности как в учреждениях уголовно-исполнительной системы, так и в органах внутренних дел Республики Беларусь.

Представляется, что закрепление указанных выше положений и требований к техническому оснащению учреждений Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь в ведомственных нормативных правовых актах позволит повысить роль и значение специальных технических средств и технологий для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания, а также получения необходимой информации о поведении осужденных.

Литература

1. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : принят 11 янв. 2000 г., № 365-З // Эталон. банк дан. правовой информ. Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=НК0000365>. – Дата доступа: 16.03.2018.
2. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка : принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 дек. 1979 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. – Минск, 2009. – Т. 1. – С. 485–489.
3. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка : приняты 8-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 авг.–7 сент. 1990 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. – Минск, 2009. – Т. 1. – С. 490–493.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // Эталон. банк дан. правовой информ. Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=Н19900289>. – Дата доступа: 16.03.2018.

УДК 343.985

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. М. Веремеенко

доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

В. В. Кравец

курсант 3 «В» курса факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск

Успешная борьба с преступностью немислима без вынужденного вмешательства органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в частную жизнь человека. Такое вторжение неминуемо влечет за собой ограничение тех или иных прав и свобод индивида, однако делается это во благо государства и народа. Конституция Республики Беларусь допускает некоторые ограничения прав и свобод личности, но только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23) [1, с. 7].

Такой подход соответствует положениям Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах.

В этой связи закон, регулирующий отношения между органами власти и населением в этой области, должен содержать как минимум полный перечень предоставленных властям полномочий и мер защиты граждан от незаконного вмешательства в частную жизнь. На пути решения этой проблемы возникает немало сложностей. Одной из наиболее существенных является правильное соотнесение профессиональных интересов органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с интересами общества. Они не всегда адекватны друг другу. Для первых главным является решение задач оперативно-розыскной деятельности, для вторых – соблюдение прав и свобод человека. Если профессиональный интерес становится преобладающим, то он вступает в противоречие с общественным интересом, и тогда оперативно-розыскные структуры рассматриваются обществом не как защитники, а как чуждые ему органы, использующие недопустимые средства и методы деятельности.

Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон Об ОРД) определяет оперативно-розыскную деятельность как деятельность, осуществляемую в соответствии с Законом Об ОРД государственными органами с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) гласно и негласно, направленную на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства [2].

В соответствии с указанным законом на органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ОРД), возлагаются следующие задачи, закрепленные в ст. 3: сбор сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь; предупреждение, выявление, пресечение преступлений, а также выявление граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших; розыск обвиняемых, скрывшихся от органа уголовного преследования или суда, и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, граждан, без вести пропавших (безвестно исчезнувших), а также осужденных к наказанию в случаях, установленных законодательными актами; установление персональных данных граждан, которые погибли (умерли); установление персональных данных граждан, которые в силу состояния здоровья или возраста не могут сообщить о себе сведения; установление имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе; обеспечение безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и их близких, а также сохранности их имущества от преступных посягательств, обеспечение безопасности иных граждан в соответствии с законодательными актами; сбор сведений для принятия решений о допуске граждан к государственным секретам, к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья граждан и окружающей среды, к участию в оперативно-розыскной деятельности, к содействию на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; защита государственных секретов [2].

В процессе выполнения указанных задач оперативным подразделениям дано право на проведение ОРМ, указанных в ст. 18 Закона об ОРД. Основывается ОРД на таких конституционных принципах, как законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина и других принципах, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств.

Осуществление ОРД возложено на оперативные подразделения государственных органов. Не допускается осуществление данными органами деятельности для решения целей и задач, не предусмотренных Законом Об ОРД.

Лицо, считающее, что действия органов, осуществляющих ОРД, незаконны и нарушают его права и свободы, вправе подать жалобу в суд в порядке, предусмотренном Законом Республики Беларусь «Об обращении граждан». Граждане Республики Беларусь имеют право на обращение в организации путем подачи письменных, электронных или устных обращений, а также к индивидуальным предпринимателям путем внесения замечаний и (или) предложений в «Книгу замечаний и предложений».

Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, т. е. в отношении него прекращено производство по уголовному делу в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления, и у которого есть достоверные подкрепленные доказательствами факты, что в отношении него проводились ОРМ, прямо или косвенно нарушившие его права, может подать жалобу в суд.

Однако остается открытой проблема негласного проведения ОРМ. Как правило, гражданин, в отношении которого проводится ОРМ, не знает об этом, что создает проблему по определению пределов предоставления сведений о результатах негласных ОРМ [2]. По нашему мнению, данный вопрос должен разрешаться по частичной аналогии с нормами уголовно-процессуального законодательства, предусмотренными в ст. 178¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ), согласно которым орган уголовного преследования обязан предъявить для ознакомления материалы проверки по заявлению или сообщению о преступлении непосредственно заявителю или лицу, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении проверки. Материалы, содержащие сведения, составляющие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, указанным лицам не предъявляются (ч. 2 ст. 178¹ УПК РБ).

Указанная процессуальная норма свидетельствует о возможности ознакомления с материалами проверки по заявлению или сообщению о преступлении, касающимися конкретно только заявителя или лица, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Иные сведения (протоколы опросов других лиц; сведения, полученные по запросам, в том числе и санкционируемым прокурором в отношении не указанных в ч. 1 ст. 178¹ УПК РБ лиц и т. д.) содержат охраняемую законом тайну (информацию о частной жизни лица, а также сведения о личной жизни) и не подлежат предъявлению. Какие конкретно сведения относятся к охраняемой законом тайне, определяет самостоятельно должностное лицо органа уголовного преследования, исходя из содержания заявления и материала проверки. Таким образом, в оперативно-розыском законодательстве следует предусмотреть подобную правовую норму, которая бы определила порядок и объемы предоставления сведений гражданам по результатам ОРМ, проведенным в отношении них. В заключение следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность на данном этапе своего развития требует тщательного и углубленного изучения, выявления проблем и поиска их скорейшего решения.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2016. – 39 с.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр». Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.985.2

**ИЗЪЯТИЕ ДОКУМЕНТОВ КАК ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СЛЕДСТВЕННЫМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И МЕРЫ ПО ЕЕ УСТРАНЕНИЮ**

В. П. Зайцев

*адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск*

Говоря о взаимодействии подразделений по борьбе с экономическими преступлениями МВД Республики Беларусь (далее – БЭП) со следственными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь (далее – СК), сложно оставить без внимания проблемные аспекты, которые безусловно существуют.

Причин возникновения проблем взаимодействия достаточно много. К ним, по нашему мнению, можно отнести несовершенство законодательства (коллизии правовых норм), недостаточный уровень профессионализма сотрудников взаимодействующих сторон, организационно-штатные ограничения возможностей правоохранителей, наличие несколько различных профессиональных интересов сторон в разных стадиях уголовного процесса, взаимное сдерживание, разница в подходах к исполнению требований законодательства и др. В некоторых случаях взаимодействие сводится к стремлению отдельных сотрудников БЭП «переложить» свою работу или ее часть на сотрудников СК и, наоборот.

Отдельной и достаточно острой проблемой взаимодействия является вопрос изъятия документов. Постановлением МВД Республики Беларусь от 16 апреля 2004 г. № 88 «Об утверждении инструкции о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел» (далее – постановление МВД) утвержден порядок изъятия документов, необходимых для полной, объективной и всесторонней проверки по материалам, разрешаемым в порядке, предусмотренном ст. 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ). Вышеуказанным постановлением не предусмотрено обязательное опечатывание изъятых документов, что не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства. Согласно ч. 3 ст. 204 УПК РБ изъятые в ходе осмотра объекты упаковываются, опечатываются за подписью следователя, лица, производящего дознание, и лиц, участвующих в осмотре. Не являются исключением случаи предъявления требований сотрудников СК в части обязательной упаковки и опечатывания изымаемых сотрудниками БЭП документов при сборе материалов доследственной проверки, настаивая на осуществлении изъятия путем проведения именно осмотра. Важно отметить, что специфика тактики и методики работы подразделений БЭП предполагает систематическое использование изъятых документов для подготовки и проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, что исключает реальную возможность нахождения изъятых документов в упакованном и опечатанном виде до момента передачи материалов доследственной проверки в СК для принятия решения в порядке ст. 174 УПК РБ. Так, опросы лиц, обладающих необходимой информацией, в процессе выявления экономических преступлений против интересов службы (ст. 424–433 УПК РБ) зачастую связаны с оперативным использованием изъятых документов (товарно-транспортные накладные,

приказы субъектов хозяйствования, материальные отчеты, сличительные ведомости, акты сверки взаимных расчетов и др.) при их изучении, предъявлении опрашиваемым, назначении экспертиз. В свою очередь, вышеуказанные требования сотрудников СК направлены на соблюдение порядка фиксации следов предполагаемой преступной деятельности, предусмотренного УПК РБ, без учета положений иных нормативных правовых актов, а также сложностей, с которыми сталкиваются сотрудники БЭП. Причиной затронутой проблемы видится существование для сотрудников подразделений БЭП альтернативы в действиях по изъятию документов, предусмотренных как УПК РБ, так и постановлением МВД, что не в полной мере соответствует сложившейся практике служебной деятельности следователей. В поисках компромисса с «правоохранителями-экономистами» следователи условно разделились на две категории: «согласные» и «несогласные» с предоставлением специалистам органов внутренних дел выбора способа изъятия документов. Первые не делают ничего большего, чем признание установленного Постановлением МВД и УПК РБ двойного стандарта правил изъятия документов сотрудниками органов внутренних дел. При этом компенсируют «шаг навстречу», в их субъективном понимании, «манипулированием» сотрудниками БЭП в иных вопросах взаимодействия при движении к принятию решения о возбуждении уголовного дела. Вторые – полностью отрицают порядок изъятия документов, установленный ведомством внутренних дел, ссылаясь на его несоответствие требованиям УПК РБ.

Несмотря на общность исторических предпосылок формирования, функционирования, задач и назначения подразделений БЭП и следственных подразделений СК, неразрешенными остаются проблемы их взаимодействия, включая вышеобозначенную, в связи с чем актуальной является работа, направленная не только на ее изучение, но и на недопущение ее возникновения.

Представляется, что мерами разрешения описанной проблемы взаимодействия могут стать: 1) скорейшее внесение изменений в Инструкцию о порядке изъятия (ис- требования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел, утвержденную постановлением МВД. Так, из п. 1 гл. 1 Инструкции следует исключить **«материалам, разрешаемым в порядке, предусмотренном ст. 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь»** с одновременным приведением в соответствие дальнейшего текста Инструкции с учетом внесенного изменения. Предложенная мера позволит устранить существующий в настоящее время двойной порядок изъятия документов и (или) их копий в рамках проводимых доследственных проверок. Преимуществом данной меры является практическая возможность ее реализации на уровне МВД Республики Беларусь; 2) внесение изменений в ч. 3 ст. 204 УПК РБ «Порядок проведения осмотра». Так, действующую редакцию указанной правовой нормы: *«Изъятию подлежат только те объекты, которые могут иметь отношение к уголовному делу или материалам. Изъятые объекты упаковываются, опечатываются за подписью следователя, лица, производящего дознание, и лиц, участвующих в осмотре. В случае громоздкости изымаемых объектов, исключающей возможность их упаковки и опечатывания, изымаемые объекты должны быть детально описаны в протоколе следственного действия с указанием индивидуальных признаков, позволяющих их идентифицировать, и зафиксированы с применением технических средств фиксации хода и результатов производства следственного действия на месте обнаружения»* следует заменить на **«изъятию подлежат только те объекты (документы и (или) их копии), которые могут иметь отношение к уголовному делу или материалам. Изымаемые объекты (документы и (или) их копии) должны быть детально описаны в протоколе осмотра**

с указанием индивидуальных признаков, позволяющих их идентифицировать, а также могут быть упакованы и опечатаны. Осмотр производится с обязательным применением технических средств фиксации хода и результатов его производства». Все это позволит скорректировать интересы подразделений БЭП и следственных подразделений СК, а также позитивно скажется на эффективности деятельности органов уголовного преследования в целом.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Об утверждении инструкции о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел : постановление МВД Респ. Беларусь, 16 апр. 2004 г., № 88 // Эталон. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.985

КРАЖА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК ВИД СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Э. П. Костюкович

доцент кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

С первых дней своего существования страхование транспортных средств стало объектом живого интереса различного рода мошенников. Основными способами совершения подобных преступлений являются: инсценировка дорожно-транспортного происшествия; инсценировка кражи транспортного средства [1–5].

Анализ практики деятельности правоохранительных органов свидетельствует, что наиболее сложным направлением в данном сегменте борьбы с преступностью является раскрытие и расследование инсценировки кражи застрахованного транспортного средства. Это обстоятельство актуализирует проблему разработки и внедрения в практику правоохранительных органов современных методик раскрытия и расследования этих преступлений [6, с. 268].

Для завладения мошенническим путем денежными средствами страховой организации преступнику необходимо инсценировать кражу транспортного средства (искусственно создать страховой случай), сообщить о преступлении в органы внутренних дел и страховую организацию, осуществить «информационную поддержку» своего заявления на этапах проверки и предварительного расследования.

Специфической чертой данного деяния является то обстоятельство, что преступная цель достигается путем инсценировки события преступления самим «потерпевшим» либо с его участием в составе преступной группы. Данное обстоятельство накладывает отпечаток на весь процесс раскрытия и расследования, для которого свойственно противостояние двух исключających друг друга версий, одна из которых принадлежит заявителю (о краже), другая – оперативному сотруднику и следователю (о мошенничестве).

Действия лица, инсценирующего преступление, можно разделить на три стадии: разработка мысленной модели инсценировки; создание фиктивной обстановки;

подготовка аргументации. Причем все эти стадии объединены единой целью – создать обстоятельства, препятствующие установлению истинного события.

Процесс возникновения признаков инсценировки события преступления обусловлен:

– на первой стадии – с неправильным представлением о характере инсценируемого события, с незнанием закономерностей следообразования (взаимосвязи способа совершения преступления и образующихся при этом следов);

– на второй стадии – с неточностями при реализации замысла на месте происшествия;

– на третьей стадии – с ошибками, характерными для первой и второй стадий, и несоответствиями подготовленных объяснений и аргументации обстановки, созданной на месте инсценируемого события.

Дополнительными признаками могут выступать психические проявления. Например, так называемые «улики поведения», которые проявляются в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий на первоначальном этапе расследования, и которые могут свидетельствовать о причастности субъекта (заявителя) к расследуемому событию.

В этой связи представляется целесообразным выделить основные факторы, способствующие образованию признаков инсценировки. К факторам объективного характера можно отнести: отсутствие у преступника достоверного знания об особенностях и деталях обстановки инсценируемого события; влияние климатических и иных факторов, в результате которых признаки инсценировки полностью или частично уничтожаются; случайные помехи, мешающие преступнику реализовать свой замысел и довести инсценировку до логического конца.

В качестве факторов субъективного характера отметим: отсутствие опыта и навыков в создании инсценировки; возбужденное состояние преступника после совершения преступления, в результате чего нарушается самоконтроль и допускаются ошибки в реализации замысла инсценировки; невозможность уничтожения всех признаков преступления, изобличающих преступника, и наоборот, невозможность искусственного создания ряда признаков или следов в соответствии с замыслом преступника; невозможность достичь соответствия (по объективным причинам) между искусственно созданными следами и существующими признаками преступления.

Отдельную группу преступлений данного вида составляют кражи транспортных средств, находящихся на территории республики в режиме временного ввоза. Выдвижение версии об инсценировке хищения автомобиля обусловлено наличием следующих признаков: преступление совершено в условиях неочевидности; автомобиль застрахован по схеме авто-КАСКО; потерпевший не является собственником автомобиля (заключен договор проката, лизинга, кредита и т. п.); отсутствие фактов, подтверждающих наличие обоснованной цели краткосрочного визита заявителя в Беларусь; срок эксплуатации транспортного средства – не более 3 лет, оценочная стоимость на момент хищения – не менее 20 тыс. долл. США; истребование заявителем справок, подтверждающих факт обращения в правоохранительные органы, и возбуждение уголовного дела по факту хищения автомобиля; требования о возврате ключей и учетно-регистрационных документов на автомашину; незамедлительный отъезд «потерпевшего» с территории республики после обращения в правоохранительные органы по факту хищения [7, с. 58].

В случае обнаружения разыскиваемого автомобиля версия об инсценировке его кражи основывается на следующих фактах: на замке зажигания отсутствуют следы воздействия на него посторонних предметов; на транспортном средстве обнаружены следы, оставленные только потерпевшим; транспортное средство разукomплектовано, узлы и детали демонтированы аккуратно, без излишних повреждений; ценные

детали, имеющие скрытые дефекты, о чем мог знать только владелец данного транспортного средства, оставлены.

Установление перечисленных выше обстоятельств обуславливает необходимость проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по проверке версии о страховом мошенничестве и возбуждении уголовного дела по ст. 209 и 400 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Л и т е р а т у р а

1. Зиберова, О. С. Некоторые способы совершения мошенничеств в страховании транспортных средств / О. С. Зиберова // Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2013. – № 1 (31). – С. 32–35.
2. Воробьев, Д. В. Основные направления криминального автобизнеса / Д. В. Воробьев. – Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/основные-направления-криминального-автобизнеса/>. – Дата доступа: 18.03.2018.
3. Страховое мошенничество: 36 фигурантов, многочисленные инсценировки ДТП и ущерб в крупном размере. – Режим доступа: <https://auto.tut.by/news/toad/563019.html>. – Дата доступа: 18.03.2018.
4. Инсценировали аварии ради страховых выплат: пятерых минчан подозревают в автомобильном мошенничестве. – Режим доступа: <https://auto.onliner.by/2018/01/11/minsk-1195>. – Дата доступа: 19.03.2018.
5. Виктор Калина задержан по подозрению в мошенничестве. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/80151.html>. – Дата доступа: 19.03.2018.
6. Малахов, А. В. О необходимости совершенствования правовой основы регламентирующей деятельность ОВД по отдельным направлениям противодействия криминальному автобизнесу / А. В. Малахов // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Яскевич [и др]. – Минск, 2017. – С. 267–268.
7. Костюкович, Э. П. Инсценировка хищения транспортных средств с целью получения страхового возмещения: проблемные вопросы первоначального этапа раскрытия преступления / Э. П. Костюкович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки, Минск, 4 апр. 2012 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: В. Б. Шабанов [и др]. – Минск, 2012. – С. 57–58.

УДК 343.985

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТОРОНЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ К КОНФИДЕНЦИАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

А. Н. Тукало

*начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
учреждения образования «Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск*

С. В. Король

*курсант 3 «В» курса факультета милиции
учреждения образования «Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», г. Минск*

Повышение эффективности работы с лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ОРД), на конфиденциальной основе (далее – конфидененты), предусматривает не только изучение нормативно-

правовой базы, организации и тактических приемов, но и изучение социально-психологической структуры ОРД. Данная структура состоит из следующих элементов:

- нормативность;
- властные полномочия сотрудников;
- конфиденциальность отношений и конспиративность общения ее субъектов;
- разнообразие их ролевого поведения;
- экстремальный характер деятельности;
- творческий характер деятельности субъектов ОРД;
- самостоятельность, персональная ответственность сотрудников за результаты труда, судьбу конфиденентов;
- состязательность и противодействие проверяемых [1, с. 249].

Нормативность деятельности участников ОРД подразумевает свойство морали и права, которое позволяет регулировать поведение участников ОРД. При этом отметим, что объекты регулирования во многом схожи. С этой точки зрения можно утверждать, что мораль и право при ОРД находятся в постоянном взаимодействии, взаимосвязи. В данном случае право не должно противоречить морали, оно должно оказывать воздействие на формирование нравственных воззрений и нравственных норм.

Значение нормативности деятельности участников ОРД заключается в том, что она:

- 1) положительно влияет на психологию оперативников и конфиденентов;
- 2) формирует и развивает их правосознание, социально ориентированную мотивацию, нормативность поведения.

Компетенция оперативных сотрудников очень отличается от компетенции других категорий граждан (продавцов, работников ЖЭСа и т. д.). Именно поэтому наличие у оперативника властных полномочий определенным образом влияет на их личность и поведение. Использование властных полномочий оперативными сотрудниками предполагает затрагивание интересов и прав граждан, организаций, юридических лиц, что требует от сотрудников знания психологии личности, в отношении которой применяются те или иные меры правового характера, профессиональной этики, умения прогнозировать оперативно-тактические ситуации и поведение субъектов, эмоциональной уравновешенности [2].

Конфиденциальность отношений, конспиративность общения участников ОРД предполагает «скрытость» участников ОРД от внешнего мира. Межличностное общение между сотрудниками может проходить по средствам вербального и невербального общения. Ими могут использоваться видоизмененные слова, символы, жесты и т. д. Конфиденциальность и конспирация участников ОРД – важный психологический элемент структуры ОРД, основанием которого служат принципы ОРД.

Такой элемент рассматриваемой структуры оперативно-розыскной деятельности оказывает серьезное влияние на индивидуально-психологические характеристики оперативников и конфиденентов, а именно: повышает уровень тревожности, эмоциональной напряженности, активности психических познавательных процессов, вызывает психическую и физическую утомляемость, негативные состояния стресса, подавленности, депрессии, фрустрации и т. д., детерминирует специфику социально-психологического содержания ОРД (установление психологических контактов и доверительных отношений, распределение вымышленных и открытых социальных ролей, статусной иерархии и т. д.) [3, с. 250].

Разнообразие ролевого поведения участников ОРД предполагает частую смену оперативниками и конфиденентами открытых и вымышленных социальных ролей, изменение межличностных коммуникаций, тактик взаимодействия с окружающими. Необходимость сочетания открытых и вымышленных социальных ролей накладывает определенный от-

печаток на психическую сферу субъектов, требует развития у них умений и навыков вхождения в роль (часто криминальной направленности), перевоплощения, пластичности познавательных психических процессов и других психологических качеств [3, с. 260].

Однако стоит отметить, что разнообразие ролевого поведения приводит к достаточно серьезным негативным последствиям для участников ОРД. Участники ОРД подвергаются очень частой смене социальных ролей, а также моделей поведения, что в обязательном порядке должно сопровождаться психокоррекцией, направленной на предупреждение и снятие негативных психических и стрессовых состояний, преодоление раскола личности, устранение «мании преследования», психически неуравновешенных и параноидальных состояний личности, а также направленной на коррекцию психоневрологического состояния участников ОРД.

Экстремальный, эмоционально насыщенный характер ОРД определяется факторами, ее сопровождающими. Наиболее распространенными из них являются:

- большой объем специфических действий при остром дефиците информации и времени;
- профессиональный риск, связанный с выполнением оперативных заданий;
- активное противодействие преступников;
- частое изменение условий труда, сопровождающееся нарушением суточной физиологической активности организма;
- высокий эмоциональный фон межличностного общения субъектов ОРД с лицами, представляющими оперативный интерес, и др. [3, с. 250].

Вышеперечисленные факторы оказывают немаловажное влияние на содержание психологических характеристик участников ОРД. Они способствуют развитию и обострению негативных психических состояний, которые чаще всего носят устойчивый характер. У участников ОРД появляются невротические реакции, психические и психопатические расстройства, которые требуют незамедлительной психологической коррекции.

Творческий характер деятельности участников ОРД характеризуется различными ситуациями, которые возникают или могут возникать в процессе осуществления ОРД. К сожалению, предусмотреть все варианты развития ситуации часто не только очень сложно, но и практически невозможно, что обусловлено рядом постоянно меняющихся факторов. Именно поэтому участники ОРД разрабатывают тактику поведения сразу в нескольких направлениях. Отметим, что это требует не только высокой психической уравновешенности оперативников и конфиденентов, но и навыков прогнозного мышления. Необходимо иметь в виду, что творческая составляющая ОРД чаще всего сказывается на ее участниках положительно, однако существуют психологические моменты, например, боязнь допустить ошибку, переживание за варианты исхода событий, которые были недостаточно продуманы и т. д. В данном случае в такие моменты психическое состояние участников ОРД наиболее уязвимо: они могут быть несдержанными, несобранными, что, в свою очередь, может негативно отразиться на эффективности их работы.

Самостоятельность, персональная ответственность оперативников за результаты труда, судьбу конфиденентов – один из важнейших элементов психологической структуры ОРД. Самостоятельность и ответственность – два понятия, неразрывно связанные между собой в психологическом понимании оперативно-розыскной деятельности. Многим из нас хочется принимать самостоятельные решения, без чьей-либо помощи. Однако все мы должны понимать, что за каждое самостоятельно принятое решение и за каждый самостоятельно сделанный поступок мы несем ответственность. Именно в связке двух понятий «ответственность» и «самостоятельность» заключается особенность психологического подхода к участникам ОРД. Законодательство Республики Беларусь наделило конфиденентов достаточно широкими правами в области принятия ими самостоятельных решений, однако не стоит забывать и о

том, что ответственность за них полностью ложится на оперативного сотрудника. Поведение оперативников в этом направлении формируется в соответствии с рекомендациями профессиональной этики, учетом психологических характеристик конфиденентов, их личностных свойств и качеств.

Состязательность и противодействие проверяемых – особый режим в ОРД. Состязательность предполагает умение «переиграть» преступников, документировать их поведение и преодолеть психологическое воздействие. Противодействие – это осуществление проверяемыми различных специальных мероприятий, провокаций в отношении оперативников и конфиденентов с целью обеспечения безопасности лица, определения вымышленных социальных ролей конфиденентов, уличения их в сотрудничестве с правоохранительными органами [4].

Отметим, что противодействие может нанести серьезный вред жизни и здоровью участников ОРД, что повышает степень их профессионального риска. В данном случае необходимо говорить о возможном появлении у оперативника или конфиденента психических проблем, таких как стресс, неуравновешенность, нежелание (боязнь) брать на себя ответственность и выполнять поставленные перед ним задачи и т. д. Поэтому необходимо уделять значительное внимание формированию у оперативников и конфиденентов волевых качеств, психологической готовности к выполнению оперативных заданий, артистизма при исполнении вымышленных криминальных ролей.

Стоит иметь в виду, что вышеперечисленные элементы социально-психологической характеристики ОРД являются взаимозависимыми, а это означает, что изменение содержания хотя бы одного из них окажет влияние на поведение участников ОРД, а также на изменение их психологических характеристик, что, в свою очередь, может привести как к положительным, так и к негативным последствиям, которые будут требовать обязательной корректировки.

Литература

1. Социально-психологические особенности участников оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскная деятельность. – Режим доступа: <https://textbook.news/rozyisknaya-deyatelnost-operativno/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-115137.html>. – Дата доступа: 28.05.2018.
2. Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Оперативно-розыскная психология // Психология и право. – Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/xrest/2/12.htm>. – Дата доступа: 28.05.2018.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М. : Инфра-М, 2006. – 832 с.
4. Романов, В. В. Юридическая психология / В. В. Романов. – М. : Юрист, 1998. – 488 с.

УДК 342.951

ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕСЕКАТЕЛЬНЫХ МЕР СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Е. И. Усова

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Республика Беларусь*

Задаваясь вопросом о применении пресекательных мер сотрудниками правоохранительных органов, необходимо ответить на два весьма важных вопроса: во-первых, какие государственные органы относятся к правоохранительным, а во-вторых – что понимают под пресекательными мерами.

В самом широком смысле слова правоохранительные органы «охраняют право», и к ним можно отнести абсолютное большинство государственных органов, а именно: органы законодательной, исполнительной и судебной власти, которые должны принимать все возможные меры для поддержания законности и правопорядка в государстве. Строго соблюдая законы, обеспечивая реализацию гражданами своих прав, отстаивая государственные и общественные интересы, все государственные органы прямо или косвенно участвуют в правоохранительной деятельности.

Однако, по мнению автора, следует обозначить некоторые признаки, которые позволяют охранять право некоторым особым способом, отличным от возможной охраны всеми остальными органами. И к числу таких признаков следует отнести возможность использовать и применять специальные средства при предупреждении, выявлении, пресечении и привлечении к ответственности виновных субъектов.

Этой деятельностью непосредственно занимаются правоохранительные органы, а точнее, их сотрудники. Правоохранительная деятельность является одной из важных функций государства. Она характеризуется постоянством и многообразием форм своего проявления, начиная от розыска преступников и заканчивая надзором за освобожденными из мест лишения свободы лицами.

В таком контексте к правоохранительным органам Республики Беларусь относятся суд, прокуратура, органы юстиции, органы внутренних дел, органы государственного контроля, органы государственной безопасности, Следственный комитет, налоговые и таможенные органы и т. д. При этом не все перечисленные государственные органы обладают правом применять специальные средства.

Под специальными средствами несмертельного действия (в некоторых источниках – специальные средства нелетального действия, спецсредства) принято понимать комплекс механических, химических, электрических и светозвуковых устройств, используемых правоохранительными органами и спецслужбами для психофизического, травматического и удерживающего действия на правонарушителя, временного вывода его из строя, а также армейским спецназом для захвата противника живым.

Как правило, спецсредства используются правоохранительными органами для задержания правонарушителей, пресечения с их стороны активного сопротивления, освобождения заложников, пресечения и ликвидации групповых хулиганских проявлений и массовых беспорядков. По характеру воздействия на правонарушителя спецсредства делятся следующим образом.

Спецсредства травматического действия: палки резиновые (ПР-53, ПР-73, ПР-73М, ПР-89, ПР-90); карабины специальные (КС-23); пистолеты, предназначенные для отстрела патронов травматического действия; светозвуковые гранаты с резиновой шрапнелью (ГСЗ-Ш).

Спецсредства слезоточивого и раздражающего действия: аэрозольные упаковки со слезоточивым газом («Черемуха-10», «Черемуха-110М», «Терен-4» и др.); аэрозольный распылитель с раздражающим составом («Сирень-10»); аэрозольные распылители («Контроль-М», «Контроль-МК», «Контроль-ММ», «Резеда-10», «Резеда-10М», «Зверобой-10», «Зверобой-10М»).

Спецсредства психофизиологического действия (светозвуковые гранаты «Заря-2», ГСЗ-Т, ГСЗ-Ш, «Взлет-М», «Факел», «Факел-С», «Пламя», «Пламя-М» («Пламя-М2»); системы генерации охранного дыма стационарного или мобильного типа).

Спецсредства электрошокового действия: электрошоковые устройства (ZEUS II, Фантом ДК.111, ЭШУ-100, ЭШУ-200, ЭШУ-300, Тазер); электрошоковые устройства автономные искровые разрядники («АИР-107», «АИР-107У»).

Спецсредства удерживающего действия: браслеты наручные (наручники) БР-58, БР-С, БКС-1, БОС.

Особым видом спецсредств являются *водяные пушки*.

Несмотря на то, что по характеру воздействия на правонарушителя (противника) специальные средства имеют что-то общее с оружием, следует кардинальным образом различать эти два понятия. В первую очередь, спецсредства отличаются от оружия по преследуемым целям (желаемому результату), интенсивности применения и размеру причиненного вреда.

Если основной целью применения оружия является физическое уничтожение противника либо причинение ему такого вреда, который на длительное время выведет его из строя (чем создаст нагрузку на тыловые подразделения), то применение спецсредств преследует цель кратковременного выведения противника из строя без причинения серьезного вреда с обязательным сохранением жизни [1]. Как мы видим, специальные средства весьма разнообразны и они являются лишь малой частью того, что принято называть пресекательными средствами, которые направлены на прекращение противоправной деятельности. Само название говорит об особенных субъектах применения и о широком круге объектов, в отношении которых они потенциально используются.

На основе анализа ряда законов Республики Беларусь можно прийти к выводу о том, что правом применять (использовать) специальные средства наделяются сотрудники органов пограничной службы и военнослужащие, проходящие срочную военную службу в органах пограничной службы, работники органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, сотрудники органов государственной безопасности, работники исправительных учреждений, имеющие специальные звания, и военнослужащие, осуществляющие охрану осужденных и надзор за ними, должностные лица таможенных органов, сотрудники Следственного комитета, работники службы инкассации, работники органов финансовых расследований, сотрудники органов внутренних дел (в частности, сотрудники органов государственной охраны, военнослужащие внутренних войск МВД), сотрудники государственной фельдъегерской службы. В законах идет речь о применении и использовании некоторых видов специальных пресекательных мер: применение физической силы, специальных средств, боевой техники, применение и использование оружия.

Особое внимание уделяется условиям и пределам их применения. Так, в Законе Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» в редакции от 19.07.2016 г. указано, что можно применять (использовать) пресекательные меры при осуществлении полномочий Следственного комитета, если иными способами их осуществление не представляется возможным. Сотрудник обязан стремиться причинить наименьший вред жизни и здоровью [2, ст. 22–25]. В Законе Республики Беларусь «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» 2012 г. указано, что применять физическую силу, спецсредства и боевую и спецтехнику, оружие сотрудниками можно только при выполнении возложенных на органы государственной безопасности задач [3, ст. 19–23].

В Законе Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» в редакции от 19.07.2016 г. указано, что спецсредства (в том числе служебных животных) применяют в случае отражения нападения на сотрудников, освобождения заложников, отражения нападения на здания, пресечения неповиновения или сопротивления, задержания и доставления в органы внутренних дел, пресечения массовых беспорядков, остановки транспортного средства и в иных случаях [4, ст. 26–30].

Таким образом, можно прийти к выводу, что пресекательные меры представляют собой чрезвычайно разнообразную совокупность приемов и способов, направленных на прекращение противоправной деятельности, которая применяется специально уполномоченными субъектами – государственными органами (как правило, милитаризованными служащими) в отношении широкого круга субъектов.

Л и т е р а т у р а

1. Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://wikipedia.org>. – Дата доступа: 18.06.2018.
2. О Следственном комитете Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 403-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 403-3 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-3 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Об органах внутренних дел Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 408-3 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.575

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО НАРКОКОНТРОЛЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

И. А. Шаматульский

*старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности
факультета милиции учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, г. Минск*

Е. В. Костючук

*курсант 3 курса факультета милиции учреждения образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск*

Проблема наркомании является весьма актуальной. Об этом широко извещают в средствах массовой информации, размещают такого рода информацию в сети Интернет. Антинаркотическая работа ведется везде и почти во всех возрастных группах. Но она, к сожалению, не всегда эффективна.

Республика Беларусь является «удобной платформой» с точки зрения географического расположения для транзитного перемещения наркотических средств и психотропных веществ в страны Европы. Их распространенность наблюдается и на территории Республики Беларусь. Ситуация с потреблением наркотиков населением нашего государства продолжает оставаться катастрофической. Особенно угрожающие масштабы приобретает наркомания среди детей и юношества. За последние 8 лет число школьников и студентов, употребляющих наркотики, возросло почти в 8 раз. Получили распространение «семейная» наркомания и даже приобщение родителями малолетних детей к наркотикам. Число смертных случаев от употребления наркотиков за последние 10 лет увеличилось среди населения Беларуси в 12 раз, а

среди несовершеннолетних – в 42 раза. Все большее пристрастие к наркотикам проявляют женщины, в том числе матери-одиночки. В связи с этим наше общество утрачивает функцию воспроизводства здорового населения и развития свободной гармоничной личности, так как мало кто из наркоманов переживает тридцатилетний рубеж [1, с. 23].

Рост наркомании резко обостряет проблему СПИДа и иных венерологических заболеваний. Число зарегистрированных в Беларуси ВИЧ-инфицированных ежегодно удваивается. Среди них 80 % – наркоманы. Есть также прямая связь роста наркомании и распространения в обществе разных видов гепатитов, в частности, В и С – самых тяжелых и практически неизлечимых форм этой болезни. Число лиц, эпизодически употребляющих наркотические средства, насчитывает 8 297 человек, средний возраст которых составляет 20–22 года. По последним экспертным оценкам, каждый наркоман вовлекает в употребление наркотиков 13–15 человек. По данным Министерства здравоохранения, средний возраст лиц, вовлекаемых в употребление наркотиков, составляет 13–17 лет, однако участились случаи первичного употребления наркотиков не в медицинских целях детьми 9–13 лет. Вследствие этого происходит духовная и физическая деградация личности, снижение интеллектуального уровня нации в целом [2].

За эти годы в стране была создана отвечающая современным требованиям национальная законодательная база в этой сфере, сформировался и спектр стоящих перед оперативниками задач. В Законе «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» в настоящее время закреплено понятие «аналоги» (вещества с новыми формулами, изобретательно изменяемыми изготовителями наркотиков во избежание ответственности), уточнен термин «базовая структура» [3]. Кроме того, введенный упрощенный механизм установления государственного контроля над вновь появляющимися наркотиками позволяет автоматически запретить оборот до 98 % возможных новых видов психоактивных веществ. Снизилась доля синтетических психотропов, что заставило потребителей возвращаться к традиционным опиоидам и марихуане, которые в меньшей степени оказывают разрушающее воздействие на организм. В январе 2017 г. Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Беларуси, дополнен 46 новыми веществами [4]. Однако эти изменения списка носят упреждающий характер, в обороте на территории страны до настоящего времени такие вещества не появлялись.

Действующее законодательство предусматривает разграничение ответственности за действия в отношении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в зависимости от объема и степени опасности. Ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, дифференцирована и позволяет в полной мере реализовывать принцип уголовной ответственности как в части неотвратимости наказания, так и его справедливости.

В последние годы основным ресурсом для распространения запрещенных веществ является Интернет. Стремительное развитие Глобальной компьютерной сети стало основной причиной массового вовлечения молодежи в потребление наркотиков и их распространение. В развитии компьютерных технологий, которые активно используют распространители наркотиков, кроется, пожалуй, основная сложность борьбы с этим злом. В настоящее время подавляющее количество сделок осуществляется именно в Сети, где сбыт происходит бесконтактным способом посредством популярных сервисов, оплата – с помощью систем электронных денег, получение товара – в условленном месте.

В связи с этим оправдали ожидания созданные в 2014 г. в подразделениях по наркоконтролю и противодействию торговле людьми страны группы аналитической разведки, деятельность которых направлена на выявление интернет-ресурсов, используемых для незаконного оборота наркотиков, а также проведение оперативно-розыскных мероприятий по пресечению преступной деятельности в сфере незаконного наркооборота.

Так, в 2017 г. сотрудниками подразделений аналитической разведки установлено 11 интернет-сайтов, на базе которых функционировали 47 виртуальных магазинов, занимающихся распространением психоактивных веществ. В Министерство информации направлены уведомления о необходимости ограничения доступа к 11 сайтам, содержащим сообщения или материалы, касающиеся незаконного оборота наркотиков. Возбуждено 404 уголовных дела, заблокированы транзакции по 630 электронным кошелькам.

Сегодня важен комплексный подход и выстроенная многоуровневая система профилактики наркомании, направленная, во-первых, на подростков и молодежь, чтобы снизить риск вовлечения их в эти сети, во-вторых – на родителей, которые смогли бы разглядеть и предотвратить проблему в семье, в-третьих – на формирование у граждан активной позиции неприятия наркотиков.

Активно осуществляется взаимодействие с общественными организациями и гражданским обществом для осознания проблемы и причины наркомании, выработки методов и наиболее эффективных способов оказания помощи наркозависимым и созависимым, которые также нуждаются в психологической и иной поддержке.

Проводится работа по повышению эффективности профилактики с целью вывести ее на новый уровень, поставить на профессиональную и постоянную основу. Для этого задействуются ресурсы министерств образования и здравоохранения.

Одной из последних задумок, которая уже начала реализовываться, является создание интерактивного информационного ресурса, направленного на оказание помощи наркозависимым и профилактику наркомании среди подростков. Инициировалось внесение изменений в учебные программы учреждений среднего специального и профессионально-технического образования. Теперь вопросы антинаркотической тематики включены в дисциплину «Основы права». Существуют предпосылки задействовать такие площадки Министерства здравоохранения, как, например, центры, дружественные подросткам, существующие на базе детских поликлиник. Для массового вовлечения детей и молодежи в занятия физической культурой не обойтись без помощи Министерства спорта и туризма.

Нельзя обозначить какое-либо из проводимых профилактических мероприятий как наиболее эффективное, поскольку добиться осознания обществом явления наркомании как реальной угрозы безопасности нации возможно лишь в результате комплексного подхода.

Белорусский опыт в этих сферах на международной арене признан эффективным и востребован в других государствах. Кроме того, наша страна занимает лидирующие позиции в мире по безопасности в целом. Такая оценка дана международными экспертами, в том числе в рамках Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, состоявшейся в Минске в июле прошлого года.

Отечественное законодательство в сфере противодействия наркомании стало основой для трех резолюций, инициированных Беларусью и принятых Комиссией ООН по наркотическим средствам, а также Межпарламентской Ассамблеей ОБСЕ.

Республика активно сотрудничает как с отдельными государствами, так и с международными организациями, занимающимися этой проблемой, в том числе с Управлением ООН по наркотикам и преступности в указанной сфере.

С 2016 г. наша страна участвует в работе Комиссии Организации Объединенных Наций по наркотикам в качестве полноправного члена.

В связи с получением республикой в 2015 г. статуса наблюдателя при Центральном азиатском региональном информационном координационном центре по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров МВД обеспечивает белорусское представительство на организуемых по линии центра мероприятиях. Налажено и активно развивается взаимодействие с Группой Совета Европы по сотрудничеству в борьбе со злоупотреблением наркотиками и их незаконным оборотом.

Литература

1. Бабаян, Э. А. Учебное пособие по наркологии / Э. А. Бабаян, М. Х. Гогопольский. – М. : Медицина, 1981. – 304 с.
2. Преступность в Республике Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – 1998–2017. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 04.05.2018.
3. О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах : Закон Респ. Беларусь от 13.07.2012 г. № 408-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Об утверждении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 28 мая 2003 г., № 26 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Ситуация требует новых и креативных подходов. – М-во внутр. дел Респ. Беларусь. – 2010–2018. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/main.aspx?guid=238363>. – Дата доступа: 04.05.2018.

УДК 343.985.7

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

С. И. Якубель

начальник Управления уголовного розыска

*Главного управления внутренних дел Мингорисполкома, подполковник милиции,
г. Минск, Республика Беларусь*

В практической работе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, довольно часто используется понятие «раскрытие преступления». Вместе с тем анализ норм закона об оперативно-розыскной деятельности, уголовно-процессуального, уголовного кодексов выявляет отсутствие в указанных правовых актах нормативного определения упомянутой категории. В этой связи представляется интересным проанализировать содержание данного понятия с целью выявления характерных признаков рассматриваемого правового явления.

Анализ норм действующего законодательства позволяет обнаружить нормативное упоминание о категории «раскрытие преступления» в Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства, утвержденной совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД и других правоохранительных органов Республики Беларусь № 338 от 26 декабря 2016 г. Согласно п. 2.2 указанной Инструкции, под раскрытием (выявлением) преступления понимается «проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий, производство следственных и иных процессуальных действий для уста-

новления признаков преступления, лиц, его совершивших, и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [1]. Указанное определение нельзя признать удачным, так как оно не позволяет четко определить момент, с которого преступление следует считать раскрытым, а лишь называет способы работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в процессе осуществления которых происходит выявление и раскрытие преступлений. Кроме того, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, не исчерпывается деятельностью по раскрытию преступления, а осуществляется согласно ч. 1 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК РБ) при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела [2]. Таким образом, закрепленное в законе определение недостаточно четко отражает сущность определяемого явления.

В научной литературе также нет единого подхода к содержанию понятия «раскрытие преступления». Если обобщить имеющиеся точки зрения, то высказываемые мнения можно представить в виде нескольких позиций. Сущность первой сводится к тому, что под раскрытием преступления понимается установление органами, ведущими уголовный процесс, полной и исчерпывающей картины уголовно-наказуемого деяния. Процессуальным моментом, фиксирующим завершение раскрытия, в этом аспекте является вступивший в законную силу приговор суда [3, с. 13; 4, с. 51].

Вторая точка зрения состоит в том, что раскрытие преступления трактуется как достоверное установление в результате законченного расследования всех входящих в предмет доказывания обстоятельств. Процессуальным моментом, фиксирующим завершение раскрытия преступления, признается окончание предварительного расследования [5, с. 46–49].

По существу оба мнения – это разные варианты одного подхода к решению вопроса. Они объединяются тем, что раскрытие преступления толкуется как установление всех входящих в предмет доказывания обстоятельств. При таком подходе происходит отождествление понятий «расследование» и «раскрытие» преступления. Но есть ли необходимость употреблять различные термины для обозначения одного и того же понятия? Полагаем, что нет.

Представляется заслуживающей внимание высказанная рядом авторов третья точка зрения [6, с. 25]. По их мнению, раскрытие преступления представляет собой решение одной из главных задач расследования – установление лица, совершившего преступление. При таком подходе понятие «раскрытие преступления» несет собственную смысловую нагрузку, имеет специфическое содержание, отличающее его от понятия «расследования». Сторонники описываемой позиции полагают, что она отражает объективно существующую закономерность: в одних случаях к началу расследования в распоряжении лица, ведущего предварительное расследование по делу, имеется исходная информация, содержащая сведения, прямо указывающие на личность субъекта, причастного к совершению преступления, в связи с чем задача его установления не возникает, в других – такие сведения отсутствуют и необходимо установить лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, т. е. раскрыть преступление. Данная позиция вызывает определенные критические замечания в связи с тем, что относит деятельность по раскрытию преступления в сферу полномочий лица, ведущего предварительное расследование, а не органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Обосновывая свою позицию, приверженцы третьей точки зрения указывают, что в оперативно-розыском смысле раскрытым преступление считается тогда, когда лицо, совершившее преступление, т. е. его личность установлена, подтверждена

и он задержан. Разделяя в целом указанный подход, полагаем, что понятие раскрытия преступления не целесообразно связывать с задержанием лица, потому что в ряде случаев в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий личность лица, совершившего преступление, может быть установлена, но в силу тех или иных обстоятельств данное лицо задержать пока не представляется возможным. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 107 УПК РБ задержание состоит в фактическом задержании, доставлении субъекта в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании его под стражей в местах и условиях, определенных законом [2]. Таким образом, факт задержания обеспечивает лишь физическое присутствие лица в определенном месте, не подтверждая и не опровергая его причастность к совершенному общественно опасному деянию. Следует также отметить, что задержание может быть применено не ко всем лицам, подозреваемым в совершении преступления, а только к тем, которые подозреваются в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы или ареста.

Таким образом, представляется, что под раскрытием преступления следует понимать деятельность органов уголовного преследования, направленную на установление лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, и результат этой деятельности, выраженный в полученных фактических данных о личности такого субъекта и о его причастности к совершению конкретного противоправного деяния.

Литература

1. Инструкция о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, М-ва по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь, М-ва обороны Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь, Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь, Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 от 26 дек. 2016 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. (с изм. и доп. в ред. закона от 08.01.2018 г. № 53-3 // КонсультантПлюс : Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Дата доступа: 20.05.2018.
3. Сидоров, В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика / В. Е. Сидоров. – М. : Рос. право, 1992. – 176 с.
4. Панченко, С. И. Критерии оценки раскрытия преступлений / С. И. Панченко, С. В. Остроумов // Соц. законность. – 1976. – № 9. – С. 49–53.
5. Гавло, В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В. К. Гавло. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 333 с.
6. Гаврилов, А. К. Раскрытие преступлений / А. К. Гаврилов. – Волгоград : Высш. следств. шк. МВД СССР, 1976. – 112 с.

**СЕКЦИЯ VII
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ
ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА**

УДК 378.147

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО
КОМИТЕТА**

В. А. Брилёва

*доцент кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент,
Республика Беларусь*

Повышение качества образовательного процесса подготовки кадров для Следственного комитета осуществляется через совокупность мер, способов, методов и действий, направленных на создание условий, прямо и опосредованно влияющих на подготовку высококвалифицированных специалистов.

Первоначально работа обеспечивается за счет создания комплексного учебно-методического обеспечения образовательного процесса по дисциплинам уголовно-правового цикла, наличия собственных творческих методических разработок, инновационных методов проведения учебных занятий.

Высокое качество знаний обеспечивается, в первую очередь, посредством контроля знаний студентов. Качество подготовки должно контролироваться на всех этапах обучения студентов. Кафедрой уголовного права и процесса юридического факультета должны быть внедрены в практику следующие элементы системы контроля качества знаний студентов: использование тестов, вопросов; проведение текущего контроля знаний и навыков студентов в период изучения дисциплины; проведение межсессионной и текущей аттестаций, а также привлечение студентов к участию в ежегодных научных и научно-практических конференциях. Результаты, получаемые по всем видам контроля качества знаний студентов, должны регулярно анализироваться, обобщаться и обсуждаться на заседаниях кафедр.

Качество знаний студентов обеспечивается, в частности, формированием преподавателями контрольных заданий, тематики рефератов, курсовых и дипломных работ. В то же время необходимо интенсифицировать образовательный процесс, активизировать самостоятельную работу студентов в течение всего семестра, более четко фиксировать требования, предъявляемые к студентам в ходе изучения правовых дисциплин и снижать вероятность необоснованных оценок.

Одним из важных путей повышения качества знаний студентов является совершенствование методик преподавания. Преподаватель должен уметь увлекать и вовлекать студентов в образовательный процесс. Например, путем включения в лекционный материал по определенной дисциплине интересных, занимательных фактов из СМИ, фактов из судебной практики, применения раздаточного материала, ис-

пользования мультимедийных презентаций и диафильмов. Также преподаватель должен чаще обращаться к такой форме преподавания, как диалог.

Сегодня в современном образовании имеется возможность преподавателям выбирать и конструировать образовательный процесс. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость ориентироваться в широком спектре современных инновационных образовательных технологий.

Применение инновационных технологий зависит от многих факторов и условий, традиций, статуса учебного заведения, потребностей специальности. Тем не менее можно выделить следующие наиболее характерные инновационные технологии, прямо и опосредованно влияющие на подготовку высококвалифицированных специалистов:

1. Информатизация обучения. Использование компьютерных программ при изучении правовых дисциплин (в частности, *правовые базы: КонсультантПлюс, Эталон, Бизнес-инфо* и др.).

2. Внедрение в образовательный процесс слайд-презентаций (*при подготовке рефератов, тематических сообщений, защите курсовых, дипломных проектов, отчетов по практике*).

3. При совершенствовании образовательного процесса должно уделяться больше внимания компьютерному тестированию.

Формы инновационных образовательных технологий, применяемые преподавателями, должны обеспечить возможность самореализации личности. Поэтому одной из форм организации обучения должна быть парная и групповая форма. На занятиях студенты стараются работать группами, советоваться друг с другом. Это объясняется потребностью в общении, а также обусловлено требованиями к подготовке в высшей школе по соответствующей специальности и специализации.

Наиболее четко проявляется активность студентов при реализации метода дидактической игры.

Кооперированно-групповую форму работы следует использовать в ходе преподавания курса криминалистики. При изучении криминалистической фотографии студенты должны производить фотографирование объектов, используя методы обзорной, измерительной, опознавательной и других видов съемки. Обработывают их в группе и сдают преподавателю на проверку на электронном носителе.

Применяется использование формы организации образовательной работы студентов, при которой разные группы выполняют отдельные части общего задания. Благодаря этому, студенты с заданием справляются быстрее, чем при фронтальной работе. Такую организацию работы следует применять при повторении или изучении учебного материала, имеющего большой объем для выведения соответствующих закономерностей. Здесь оправдывает себя такая организация работы, при которой студенты, разбившись на группы, совместно выполняют работу.

Кооперированно-групповая форма учебной работы создает благоприятные условия для применения частично-поисковых или исследовательских методов обучения, содействующих повышению научности обучения. Студент в процессе образовательной деятельности поставлен в активную позицию. Каждый превращается в исследователя. Эффективность познавательной деятельности возрастает благодаря сотрудничеству. Студенты непосредственно контактируют друг с другом. Один затрудняется, другой приходит на помощь. Однако каждый мыслит, действует индивидуально, внося свой вклад в общее дело. При обсуждении результатов работы предоставляется возможность каждому сообщить полученные данные, высказаться.

Метод интегральной технологии обучения следует использовать на практических занятиях при изучении уголовного права. В процессе использования указанного

метода часть студентов временно объединяется в группы для решения задач за ограниченное, заранее заданное время, по истечении которого группы отчитываются о выполненной работе либо всей группе, либо преподавателю.

Увеличение умственной нагрузки на занятиях заставляет задуматься над тем, как поддержать у студентов интерес к изучаемому материалу, их активность на протяжении всего занятия. В таких обстоятельствах необходимы поиски новых эффективных методов обучения и таких методических приемов, которые активизировали бы мысль студентов, стимулировали бы их к самостоятельному изучению материала [1].

В современном белорусском образовании начался процесс перехода к субъект-субъектному взаимодействию студентов, преподавателя и студентов в процессе обучения. Среди наиболее значимых для высшей школы является кейс-метод.

Суть технологии состоит в том, что в основе его используются описания конкретных ситуаций или случая (от английского «case» – случай). Используемый для анализа случай должен желательно отражать реальную жизненную ситуацию. Во-вторых, в описании должна присутствовать проблема или ряд прямых или косвенных затруднений, противоречий, скрытых задач для решения исследователем. В третьих, требуется овладение предварительным комплексом теоретических знаний для преломления их в практическую плоскость решения конкретной проблемы или ряда проблем. В процессе работы над кейсом требуется часто дополнительная информационная подпитка самих участников работы над анализом ситуации. В конечном итоге студенты находят собственные выводы, решения из проблемной ситуации и часто – в виде неоднозначных множественных решений.

Успешное выполнение УСР (управляемой самостоятельной работы) зависит от заинтересованности студента и преподавателя в достижении определенных результатов. Новые педагогические технологии и системы как раз и способствуют повышению заинтересованности студентов в успешной самостоятельной творческой работе.

Целесообразно в процессе организации и проведения УСР применять следующие виды кейсов:

1. *Практические кейсы*, которые как можно реальнее должны отражать вводную ситуацию или случай и вырабатывать практические навыки и умения. Это исторический источник, реальный документ, статистика в динамике данных, даже вещественный артефакт или комплекс приведенных источников-компонентов кейса;

2. *Обучающие кейсы*, основной задачей которых становится обучение. Однако степень реальности более сводится к типичным образовательным ситуациям, в которых отрабатывается автоматизм умений и способов поиска решений;

3. *Научно-исследовательские кейсы*, ориентированные на включение студента в исследовательскую деятельность. Например, на основе изучения всей доступной информации и работ ряда авторов, реконструкции события, ситуации в комплексе, разработки тематического проекта локального, регионального типа [2].

Таким образом, внедрение инновационных педагогических технологий нацелено на будущую эффективную профессиональную деятельность специалистов Следственного комитета.

Литература

1. Использование инновационных технологий в учебно-воспитательном процессе – залог успешной воспитательной работы // Соц. сеть работников образования. – 2015. – Режим доступа: [http:// nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/2015/06/14/](http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/2015/06/14/). – Дата доступа: 11.05.2018.

2. Кейс-метод как инструмент формирования компетентностей // Соц. сеть работников образования. – 2015. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2017/03/15/>. – Дата доступа: 11.05.2018.

УДК 37.035.6:373.57

РОЛЬ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ИНТЕРЕСОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

А. Л. Гулис

*начальник управления кадров и идеологической работы
управления Следственного комитета по Гомельской области,
полковник юстиции, Республика Беларусь*

На одном из постоянно действующих семинаров руководящих работников республики и местных государственных органов по вопросам совершенствования идеологической работы Глава государства А. Г. Лукашенко совершенно справедливо отметил, что «общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей, норм, объединяющих всех граждан... Если мы хотим видеть Беларусь сильной, процветающей державой, то должны, прежде всего, думать об идеологическом фундаменте белорусского общества». В последние годы в связи с происходящими экономическими, социальными и политическими изменениями многие идеалы и ценностные ориентиры в стране и обществе оказались размытыми. Появились новые представления о морали, путях и способах достижения жизненного успеха и благополучия. Разрушающей коррозии социального равнодушия и бездуховности подверглись, в первую очередь, самые святые для белорусского народа принципы и понятия: патриотизм, верное служение Отечеству, уважение к историческому прошлому и национальному наследию, традициям и обычаям старшего поколения. И, конечно, наиболее незащищенной от воздействия нравственной, идеологической ржавчины оказалась молодежь.

Бесспорна истина: молодежь – это будущее нации. Каждый народ издревле учил своих детей на примерах подвигов служения Отечеству, подвигов ради любви к женщине, друзьям, своему роду, на примерах воспитания великого уважения к старшим поколениям.

Важнейшие составляющие этой работы:

- воспитание глубокого уважения к национальному наследию, традициям, обычаям, культуре народа Беларуси;
- разъяснение Конституции республики, создающей условия для главенства в обществе демократии, достижения гражданского согласия, свободного и достойного развития личности;
- воспитание уважения к символам государства (Государственному флагу, гербу, гимну), законодательству страны;
- утверждение в сознании и чувствах молодежи патриотических ценностей, взглядов, идеалов, уважения к историческому прошлому своего народа.

В реализации этих важнейших для будущего нашего государства задач активно участвует управление Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области (далее – УСК), прежде всего, через создание и развитие профильных юридических классов в общеобразовательных школах [1].

Основная задача таких классов – отбор на ранней стадии молодежи, профессионально ориентированной для последующего поступления на учебу в Академию МВД Республики Беларусь и другие учреждения образования, осуществляющие подготовку по специальности «Правоведение», с последующим оформлением на службу в Следственный комитет. В таких классах наряду с общеобразовательными предметами учащиеся изучают на углубленном уровне учебные дисциплины, представленные на вступительных испытаниях в высшие учебные заведения.

Основными направлениями работы УСК, кроме оказания целенаправленной, системной помощи учащимся 10-го класса гимназии № 56 и 9-го допрофильного класса средней школы № 44, являются:

1) *формирование у школьников государственного мировоззрения и законопослушного поведения.* Это обеспечивается изучением в течение двух лет обязательного спецкурса «Основы права Республики Беларусь», где ребята знакомятся с основными положениями важнейших отраслей законодательства: конституционного, административного, трудового, гражданского, уголовного, брачно-семейного, жилищного; проведением с учащимися классов специальных бесед о значении важнейших государственных символов: флага, герба, гимна и т. д.;

2) *воспитание у учащихся чувства патриотизма, любви к родному краю, уважения к историческому прошлому Родины (в том числе к истории органов следствия).* Учащиеся этих классов будут собирать материалы об истории своего края, истории Гомельского городского, районных отделов Следственного комитета Республики Беларусь (ГО-РОСК), заслуженных земляках, в том числе сотрудников следствия;

3) *формирование активной жизненной позиции и пропаганда здорового образа жизни.* Все учащиеся классов – это члены БРСМ, активисты органов школьного самоуправления, которые выступают в своих школах с беседами на правовые темы перед сверстниками и учащимися младших классов, будут охранять правопорядок на общешкольных мероприятиях, вечерах и праздниках;

4) *развивать и укреплять связи молодежи с местными ГО-РОСК.* Учащиеся юридических классов принимают активное участие в мероприятиях, проводимых управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области, местными ГО-РОСК: Дне образования Следственного комитета Республики Беларусь, вечерах-портретах лучших сотрудников, чествованиях династий следователей, передовиков службы, встречах с ветеранами СК и иных социо-культурных, гражданско-патриотических мероприятиях.

В таких классах кроме занятий по спецкурсам проводятся занятия по строевой подготовке, запланированы занятия по основам самообороны, стрелковому делу с привлечением представителей БФСО «Динамо». Это позволит сформировать у молодых людей положительный имидж работника Следственного комитета, сознание того, что следователь – прежде всего, советчик, старший товарищ, профессионал своего дела.

Профильные (допрофильные) юридические классы помогут восполнить правовой вакуум, в котором пребывает сегодня большинство молодежи, со школьной скамьи привить молодым людям уважение к праву, закону, нетерпимость ко всякому злу и несправедливости.

Подобные формы работы УСК со школьниками, их развитие и совершенствование позволят более эффективно формировать у молодых людей высокие морально-волевые и нравственные качества, воспитывать из них настоящих патриотов, осуществлять отбор наиболее подготовленной и образованной молодежи, профес-

сионально ориентированной для последующего поступления на учебу в Академию МВД и другие учреждения образования, осуществляющие подготовку по специальности «Правоведение».

Для обучающихся в профильных классах разработана и утверждена униформа – рубашка синего цвета, галстук с символикой СК, нарукавный шеврон.

Помимо УСК в работе с профильными классами принимают активное участие Гомельская областная общественная организация «Союз следователей», учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», учреждение образования «Гомельский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный институт трудовых и социальных отношений», с которыми подписаны соглашения о сотрудничестве, созданы филиалы кафедр уголовного права и процесса на базе УСК.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З (в ред. Законов Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. № 325-З ; от 26.05.2012 г. № 376-З ; от 04.01.2014 г. № 126-З ; от 18.07.2016 г. № 404-З).

УДК 343.9.01

ОТНОШЕНИЕ К КОРРУПЦИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКО-СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

А. А. Злотников

*заместитель декана юридического факультета учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат социологических наук, доцент, Республика Беларусь*

Современное общество многие исследователи, например, такие, как У. Бек, Э. Гидденс и другие относят к обществу риска. «Перед лицом огромного множества перемен и неопределенностей в окружающем мире мы все заняты непрерывным управлением рисками. Преступление – это один из наиболее очевидных рисков...» [1, с. 195]. В свою очередь, в структуре преступности, несмотря на не самый большой вес, но учитывая социальную опасность, особое место занимает коррупционная преступность. Так, еще в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. (НСУР–2020) отмечалось, что с точки зрения нормальной работы всей системы государственного управления коррупционная преступность является самым опасным явлением, т. к. разрушает изнутри систему управления государством и обществом [2, с. 20].

Вместе с тем положительная динамика, которая достигнута в последние годы в Республике Беларусь в сфере противодействия коррупции, нашла свое отражение в авторитетных международных экспертных оценках. Так, исследования, проводимые организацией Transparency International, демонстрируют, что по индексу восприятия коррупции (ИВК) Республика Беларусь в последние годы значительно улучшила свои результаты. По итогам 2017 г., Беларусь находится на 68-м (рекордно высоком) месте из 180 государств, опережая практически все страны бывшего СССР, кроме Эстонии, занявшей 21 место, Литвы – 38 место, Латвии – 40 место и Грузии – 46 место [3]. Такое положение дел позволяет констатировать, что достигнуты определенные успехи, но вместе с тем это не должно вести к самоуспокоению. Поскольку при-

чины коррупции глубоко укоренены не только в структуре общества, но и во многом обусловлены природой человека [4, с. 22], то следует предположить, что противодействие коррупции еще долгое время будет на повестке дня.

По мнению Г. А. Василевича, три фактора влияют на степень коррупции: кадры, законодательство, неотвратимость наказания. И поэтому, в первую очередь, очень важна роль правоохранительных органов [5]. Это, по нашему мнению, актуализирует роль правоохранителей в противодействии коррупции. Как известно, в соответствии со ст. 6–9. Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности при координирующей роли прокуратуры [6]. Поэтому в перспективе большое значение приобретает профессиональная подготовка и установки сегодняшних студентов, а завтра – будущих правоохранителей по противодействию коррупции.

Поэтому мы решили провести социологический опрос на данную тему. Объектом исследования были студенты юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины. Перед собой мы поставили следующие задачи – изучить мнение будущих правоведов: во-первых, об эффективности борьбы с коррупцией; во-вторых – о причинах усиления борьбы с коррупцией; в-третьих – о возможных мерах по усилению противодействия коррупции. И по каждой из этих задач провести сравнительный анализ распределения ответов студентов специализации «Судебно-прокурорско-следственная деятельность» (СПСД) и других специализаций. С этой целью нами были опрошены 146 человек – студентов юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины, из них 24 % (35 человек) – студенты специализации «Судебно-прокурорско-следственная деятельность». Учитывая это, результаты нашего опроса сложно экстраполировать на мнение всех студентов в целом, но для будущих правоведов университета он является репрезентативным. Поэтому некоторые данные представляют несомненный интерес. Следует отметить, что большинство респондентов уверены в том, что в последнее время борьба с коррупцией в стране усиливается. Об этом говорят 66,2 % опрошенных в целом и 82 % – студентов специализации СПСД. Следует отметить, что в целом в выборке 56,9 % респондентов считают это проявление тренда на усиление борьбы со всеми видами преступлений, а среди студентов специализации СПСД так считают почти три четвертых (73,5 %); 19,6 % думают, что главной причиной усиления борьбы является рост недовольства людей. Та группа респондентов, которая считает, что усиления борьбы с коррупцией не происходит (16,9 % от общего числа), скептически настроена, прежде всего, из-за политических причин. Так, по мнению большинства *«вся власть коррумпирована»* (так думает почти каждый второй из этой категории людей), а также из-за того, что *«власти не хватает воли в борьбе с коррупцией»*. Что касается мнения респондентов специализации СПСД, то незначительное число среди тех, кто считает, что усиления борьбы с коррупцией не происходит, думают, что главная причина этого: *«коррупционеров не наказывают по настоящему»*. Таким образом, можно предположить, что такой разброс в оценках связан с тем, что студенты других специализаций (кроме СПСД) оценивают усиление/не усиление борьбы с коррупцией более поверхностно и эмоционально окрашено, а в меньшей степени аналитически.

Если рассматривать оценки правовых основ противодействия коррупции всей выборки, то незначительная часть считает, что *«нет нужных антикоррупционных законов»* (15,4 %) и что *«не хватает компетентности и квалификации правоохранительным органам»* (7,7 %). Следует отметить, что такие мнения «скептиков» коррелируют с отрицательными оценками политического и экономического положения в стране, о чем говорят подавляющее большинство из них: 74 и 79,2 %, соответст-

венно. Среди студентов специализации СПСД более распространены мнения о необходимости «наделения правоохранительных органов дополнительными полномочиями» и «ужесточения антикоррупционного законодательства», о чем говорят 64,8 и 52,8 %, соответственно. Рассуждая о мерах по противодействию и минимизации коррупции, можно выделить три наиболее популярных блока мер: условно говоря, «принудительно-правовой», «административно-контрольный» и «социально-экономический». Первый – «принудительно-правовой» сводится к ужесточению антикоррупционного законодательства в целом и ответственности, в частности. Это проявляется в таких мнениях, как «*ввести более строгую ответственность за коррупцию, усилить борьбу с коррупцией в целом*» (55,8 % от общего числа опрошенных); «*ужесточить антикоррупционное законодательство*» (22,1 %); «*ввести смертную казнь для тех, кто уличен в коррупции*» (7,8 %). Второй – «административно-контрольный» состоит в увеличении проверок деятельности должностных лиц «*усилить контроль над чиновниками, строже проверять их деятельность*» (61 %); «*сократить штат чиновников, уменьшить их функции*» (15,6 %); «*допускать во власть только честных, порядочных людей*» (18,2 %). И третий блок мер, который заключается в сочетании социально-экономических воздействий. Так, 39 % респондентов считают, что необходимо улучшить жизнь людей в целом; 18,2 % настаивают на «*повышении сознательности людей*», что должно снизить мотивацию к коррупционным проявлениям. Следуют отметить, что среди студентов специализации СПСД преобладают мнения, которые позволяют отнести их к сторонникам «принудительно-правового» комплекса мер по противодействию коррупции.

Литература

1. Гидденс, Э. Социология / пер. с англ. / Э. Гидденс ; при участии К. Бердсолл. – изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Минск, 2004. – 184 с.
3. Режим доступа: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017.
4. Шиенок, В. П. Коррупция: методология проблемы, причины, ранняя диагностика / В. П. Шиенок // Предварительное расследование. – 2017. – № 1. – С. 19–24.
5. Василевич, Г. А. Коррупция как угроза экономической стабильности / Г. А. Василевич // Мировой финансовый кризис и его влияние на экономику страны : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 марта 2009 г. / Междунар. ин-т труд. и соц. отношений. – Минск, 2009. – С. 5–8.
6. О борьбе с коррупцией : Закон Респ. Беларусь, 15 июл. 2015 г., № 305-3. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500305&p1=1>.

УДК 378.147.091.33-057.86:343.102

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОБЛЕМНО-РАЗВИВАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

Е. М. Караваява

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Республика Беларусь*

В Республике Беларусь Следственный комитет образован в целях совершенствования деятельности органов предварительного следствия, усиления защиты прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве. Это предполагает необходимым осуществлять подготовку кадров для него, используя специаль-

ные методики и технологии, обеспечивающие возможность формирования необходимых навыков, умений, профессиональных и личностных компетенций у будущих специалистов: умение устанавливать контакт, быть уравновешенным, стрессоустойчивым, способным к регуляции своего поведения, самостоятельно принимать решения, проявлять креативность, организаторские способности.

На наш взгляд, наиболее эффективным методом обучения в преподавании юридических дисциплин при подготовке кадров для Следственного комитета является применение проблемно-развивающих технологий. Данные технологии сочетают репродуктивные и продуктивные методы обучения и переноса известных знаний и способов деятельности в новые ситуации: приемы формирования творческого мышления, задания на применение знаний в нетиповых ситуациях, перенос способов деятельности в новые условия, сравнение и систематизация; анализ и обобщение.

Отметим, что проблемное обучение – это тип обучения, при котором преподаватель, систематически создавая проблемные ситуации и организуя деятельность обучающихся по решению таких ситуаций, обеспечивает оптимальное сочетание их самостоятельной поисковой деятельности с усвоением готовых выводов науки.

Использование традиционной системы обучения преподавателями не позволяет в полной мере сформировать требуемые качества у будущих специалистов. Аудиторная самостоятельная работа носит на занятиях репродуктивный характер, традиционные формы ее организации – задания, упражнения, работа с учебником, конспектирование не требуют от студента высокого умственного и творческого напряжения.

Главное отличие проблемного обучения от традиционного объяснительно иллюстративного обучения проявляется в том, что оно направлено на формирование познавательной самостоятельности обучаемых, развитие их логического, рационального, критического и творческого мышления и познавательных способностей. Данные качества, безусловно, необходимы работникам Следственного комитета.

Принципиально важен тот факт, что новая информация представляется не для ознакомления и усвоения, а для решения проблемы. При традиционной педагогической стратегии «от знаний к проблеме» студенты не могут выработать умений и навыков самостоятельного научного поиска, поскольку им даются для усвоения его готовые результаты. Восприятие готовых достижений науки не может сформировать в сознании студентов модель будущей реальной деятельности. Авторы проблемного метода придают исключительно важное значение замене стратегии «от знаний к проблеме» на стратегию «от проблемы к знаниям» [1].

Вместо того чтобы «транслировать» обучающимся факты и их взаимосвязь, можно предложить им проанализировать ситуацию (проблему) и осуществить поиск путей совершенствования законодательства Республики Беларусь, устранение имеющегося в регулировании конкретных правоотношений пробела, поскольку в нормативном регулировании различных сфер деятельности остаются нерешенными многие задачи. Именно в процессе рассмотрения таких задач студенты учатся толковать и применять законы и подзаконные правовые акты, принимать правовые решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом.

Если в традиционной лекции используются преимущественно разъяснение, иллюстрация, описание, приведение примеров, то в проблемной – обозначение студентам проблемной ситуации на базе имеющихся нормативных источников, и постановка проблемы, разрешение которой необходимо вынести на практическое занятие, где и осуществляется всесторонний анализ ситуации, научный поиск истины.

Проблемная лекция опирается на логику последовательно моделируемых проблемных ситуаций путем постановки проблемных вопросов или предъявления проблемных задач. Проблемная ситуация – это сложная противоречивая обстановка, создаваемая за занятиях путем постановки проблемных вопросов (вводных), требующая активной познавательной деятельности обучающихся для ее правильной оценки и разрешения [2].

Подготовленность обучающихся, изучаемая тема предполагают выбор уровня сложности и характера конкретной проблемы.

Как отмечает И. В. Злобина, цель проблемного обучения – активизация познавательной деятельности студентов. Создание проблемной ситуации в этом случае выступает в качестве способа достижения названной цели. В результате в ходе познавательной деятельности студент наталкивается, часто совсем неожиданно, на что-то непонятное и неизвестное. В таком случае процесс мышления начинается с анализа проблемной ситуации (возникшей трудности), из которого рождается формулирование учебной проблемы (задачи), подлежащей разрешению. Ее осознание означает, что удалось предварительно отделить известное от неизвестного. Установление связей, отношений между ними позволяет искать и находить пути решения учебной проблемы [3, с. 297].

Проблемное обучение предполагает строго продуманную систему проблемных ситуаций, соответствующих познавательным возможностям студентов, и предусматривает создание различных уровней проблемности на занятиях:

- первый уровень характеризуется самостоятельным анализом ситуации преподавателем, самовыявлением проблемы, формулированием задачи. После этого осуществляется направление студентов на самостоятельный поиск путей решения;

- на втором уровне преподаватель вместе со студентами анализирует ситуацию и подводит их к проблеме, а они самостоятельно формулируют проблемную задачу и решают ее;

- на третьем уровне до обучающихся доводится проблемная ситуация, а ее анализ, выявление проблемы, формулировка задачи и выбор оптимального решения курсантами и слушателями осуществляются самостоятельно [3, с. 298].

На практическом занятии преподаватель осуществляет решение проблемных задач и дает ответ на проблемные вопросы, прибегая к помощи слушателей, организуя обмен мнениями.

Для достижения максимального результата проблемы лучше предлагать поиск решения группам из 4–6 человек.

В ходе решения проблемы обучающиеся углубляют свои знания по конкретному вопросу, развивают умения решать проблемы, применяя теоретические знания, а также социальные и коммуникативные умения.

Деятельность групп по решению проблем охватывает следующие этапы: выяснение содержания/значения понятий и терминов; определение проблемы; анализ проблемы и ее последствий, т. е. разделение ее на составные элементы или задачи; ранжирование по важности выделенных элементов/задач и установление связи между ними; формулирование задачи; поиск дополнительной информации; отчет перед группой с описанием выбранного метода решения и его обоснование.

Поскольку методика проблемного обучения является групповой, то это еще более усиливает ее эффективность, т. к. по материалам научных исследований групповые формы являются наиболее результативными.

Таким образом, на лекции проблемного характера слушатели находятся в постоянном процессе «совместного мышления» с лектором и в конечном итоге стано-

вятся соавторами в решении проблемных задач на практическом занятии. Все это приводит к хорошим результатам, т. к. во-первых, знания, усвоенные таким образом, становятся достоянием слушателей, т. е. в какой-то степени знаниями, в которых они убеждены; во-вторых – усвоенные активно, они глубже запоминаются и легко актуализируются (обучающий эффект), более гибки и обладают свойством переноса в другие ситуации (эффект развития творческого мышления); в-третьих – решение проблемных задач выступает своеобразным тренажером в развитии интеллекта (развивающий эффект); в-четвертых – подобного рода лекция повышает интерес к содержанию и усиливает профессиональную подготовку (эффект психологической подготовки к будущей деятельности).

Отметим, что умение решать проблемы является важнейшей ключевой компетенцией, необходимой человеку в любой сфере его деятельности и повседневной жизни. Особенно это необходимо при осуществлении деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов граждан, к которой относится деятельность Следственного комитета.

Таким образом, основная роль преподавателя в области формирования качеств, необходимых для работы в Следственном комитете, таких как познавательная самостоятельность, логическое, рациональное, критическое и творческое мышление, познавательные способности, – научить студентов решать проблемы, чему способствует использование проблемно-развивающих технологий на лекционных и практических занятиях.

Литература

1. Проблемное обучение в вузе : учеб. пособие / под. ред. М. В. Булановой-Топорковой. – Режим доступа: http://www.p-lib.ru/pedagogika/pedagogika_vyshey_shkoly/bulanova_toporkova65.html. – Дата доступа: 12.06.2018.
2. Нетрадиционные виды подачи лекционного материала, особенности их организации и проведения. – Режим доступа: <https://xn--80ahc0abogjs.com/psihologiya-pedagogika-voennaya/netraditsionnyie-vidyi-podachi-lektsionnogo.html>. – Дата доступа: 12.06.2018.
3. Злобина, И. В. Некоторые аспекты организации и проведения семинарских занятий по дисциплинам кафедры гражданского права и гражданского процесса Краснодарского университета МВД России / И. В. Злобина // Общество и право. – 2010. – № 4 (31). – С. 297–298.

УДК 378.147-057.86:343.102

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

Е. А. Ковалёва

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Становление и развитие человека как личности требует постоянного и непрерывного его совершенствования, в том числе и посредством образования. В соответствии со ст. 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. одним из основных направлений государственной политики в сфере образования является обеспечение преемственности и непрерывности уровней основного образования, его ступеней.

Преемственность и непрерывность системы образования обеспечивается, в том числе путем приобретения практических умений и навыков по специальности после

изучения теоретических курсов. Частично такие умения формируются у студентов на практических и лабораторных занятиях в рамках университета. Одним из основных условий эффективного функционирования и развития образовательной системы, становления студента в качестве специалиста является прохождение им различных видов практик непосредственно в организациях, а после окончания университета – продолжение обучения в магистратуре.

Образовательным стандартом по специальностям высшего образования первой степени предусмотрены следующие требования к профессиональным компетенциям, которыми должны обладать выпускники для работы в органах Следственного комитета: защищать права и свободы личности, интересы общества путем быстрого и полного расследования преступлений; собирать, проверять и оценивать доказательства, необходимые для всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела; возбуждать уголовные дела; осуществлять следственные действия; привлекать лицо в качестве обвиняемого; принимать меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса; применять меры уголовно-процессуального принуждения; организовывать проведение необходимых оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, предупреждать и пресекать преступления [1].

Образовательным стандартом для приобретения практических навыков предусмотрены производственные и преддипломная практики по специальности 1-24 01 02 «Правоведение» специализации 1-24 01 02 03 «Судебно-прокурорско-следственная деятельность». Юридические практики являются частью образовательного процесса подготовки специалистов, продолжением учебного процесса в органах законодательной, исполнительной и судебной властей, органах прокуратуры и Следственного комитета, адвокатуре, нотариате, юридических отделах организаций, правовых информационных центрах различных отраслей.

Практики направлены на закрепление в условиях правоприменительной деятельности знаний и умений, полученных в процессе обучения в учреждении образования, овладение навыками решения социально-профессиональных задач, проверку возможностей самостоятельной работы будущего специалиста в условиях производства. Так, специалист должен быть подготовлен к решению следующих профессиональных задач:

- обеспечение правотворческой и правоприменительной практики;
- составление юридических документов;
- анализ правовых норм и правовых отношений, событий и действий, имеющих юридическое значение и выступающих в качестве объектов профессиональной деятельности;
- оказание консультационной помощи, дача заключений (разъяснений) по направлениям профессиональной деятельности;
- обеспечение законности и правопорядка;
- участие в аналитическом обобщении результатов практической деятельности;
- разрешение других правовых вопросов в сферах профессиональной деятельности;
- расследование преступлений (следственная деятельность).

Производственные практики на юридическом факультете делятся на ознакомительную и практику по специализации (судебно-прокурорскую). Ознакомительная практика проводится в местных исполнительных и распорядительных органах, местных Советах депутатов, министерствах, других республиканских органах государственного управления, учреждениях юстиции, в суде, прокуратуре, адвокатуре, нотариате, юридическом отделе субъекта хозяйствования, правовых аналитических

центрах. Во время ее прохождения студенты знакомятся со структурой базы практики, основными направлениями правовой работы, правилами внутреннего распорядка, выявляют основные направления деятельности вышеназванных органов, что способствует закреплению полученных теоретических знаний и приобретению первичных навыков практической работы.

Судебно-прокурорская практика также проводится в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, органах прокуратуры, адвокатуры, юридическом отделе субъекта хозяйствования, правовых аналитических центрах, но в целях закрепления и расширения знаний студентов в области основных правовых дисциплин, ознакомления со структурой и деятельностью общих судов, следственных органов и органов прокуратуры, приобретения и развития навыков практической работы.

Важное место в формировании профессиональных качеств специалиста-правоведа занимает производственная практика. Преддипломная практика проводится по месту будущей либо предполагаемой работы специалиста в органах суда, прокуратуры, адвокатуры, других правоприменительных и правоохранительных органах, юридических отделах субъектов хозяйствования, правовых аналитических центрах в целях освоения и закрепления знаний, умений и навыков, полученных на протяжении всего обучения, проверки возможностей самостоятельной работы будущего специалиста в условиях конкретного ведомства, составления соответствующих юридических документов, сборе фактической правовой информации для выполнения конкретного индивидуального задания, связанного со специальностью и подготовкой дипломной работы.

Несмотря на надлежащую организацию прохождения практики, мы сталкиваемся с рядом проблем. Это, прежде всего, отсутствие должного желания должностных лиц организаций работать с практикантами. Возможно, это связано с низкой оплатой такой работы, зачастую нежеланием самих студентов работать надлежащим образом, не всегда высоким образовательным уровнем.

Активное включение Республики Беларусь в процесс формирования Единого европейского образовательного пространства вызвало необходимость корректировки и законодательства в сфере образования и самого содержания образования. Так, в соответствии со ст. 202 Кодекса Республики Беларусь об образовании высшее образование подразделяется на две ступени. На второй ступени (магистратура) обеспечиваются углубленная подготовка специалиста, формирование знаний, умений и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы с присвоением степени магистра. Подготовку высококвалифицированных кадров для Следственного комитета целесообразно осуществлять в практико-ориентированной магистратуре по специальности 1-24 81 04 «Прокурорско-следственная деятельность».

Образовательным стандартом Республики Беларусь (Высшее образование. Вторая ступень (магистратура) по специальности 1-24 81 04 «Прокурорско-следственная деятельность») предусмотрено изучение следующих дисциплин государственного компонента: «Доказывание и доказательства в уголовном процессе»; «Актуальные проблемы уголовного права».

При изучении курса «Доказывание и доказательства в уголовном процессе» магистранты знакомятся с обстоятельствами и пределами доказывания по уголовному делу; соотношением предмета и пределов доказывания; понятием, классификацией доказательств и требованиями, предъявляемыми к ним; процессом доказывания, его понятием, целью и структурой; способами собирания (обнаружения и закрепления) и проверки доказательств; понятием и значением оценки доказа-

тельств, ее принципами; презумпцией и преюдицией и их значением в доказывании; особенностями доказывания на отдельных стадиях уголовного процесса и по отдельным категориям уголовных дел.

В результате изучения дисциплины магистрант должен овладеть следующими умениями и навыками: основными приемами собирания, проверки и оценки доказательств; навыками анализа и применения нормы доказательственного права; приемами, позволяющими готовить заключения по вопросам доказывания; навыками прогнозирования тенденций развития доказательственного права.

При изучении дисциплины «Актуальные проблемы уголовного права» магистранты ознакамливаются с понятием, признаками и системой наказаний, проблемами их назначения; освобождением от уголовной ответственности и наказания; теоретическими проблемами квалификации преступлений, особенностями квалификации отдельных видов преступлений: против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, коррупционных преступлений; общей характеристикой коррупции как социального явления, криминологической характеристикой коррупционной преступности.

В результате изучения дисциплины магистрант должен овладеть: приемами, позволяющими анализировать, толковать и применять уголовно-правовые нормы; методиками квалификации преступлений, определения наказания виновному либо применения иных меры уголовной ответственности, установления наличия оснований и условий освобождения лица от уголовной ответственности или наказания; приемами, позволяющими готовить квалифицированные заключения по вопросам применения уголовного законодательства [2].

Важным аспектом качественного обучения является наличие комплексного методического обеспечения дисциплин, включающего в себя курсы лекций, в том числе и в электронном виде, задания для практических занятий, вопросы и тесты для самоподготовки и самоконтроля, темы для написания рефератов.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что такой практико-ориентированный подход к образовательному процессу может способствовать разностороннему совершенствованию и развитию личности, формированию профессионального мировоззрения, юридического мышления, навыков оформления различного рода документов правового характера, общения в профессиональной среде, общей культуры и как следствие – обеспечивать подготовку высококвалифицированных юристов, обладающих глубокими знаниями в области расследования преступлений.

Литература

1. ОСРБ 1-24 01 02–2008. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-24 01 02 «Правоведение» // Электрон. копия эталон. банка дан. правовой информ. с информационно-поисковой системой «Эталон»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. ОСРБ 1-24 81 04–2014. Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Вторая ступень. Специальность 1-24 81 04 «Прокурорско-следственная деятельность» // Электрон. копия эталон. банка данных правовой информ. с информац.-поисковой системой «Эталон»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 378.147

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Н. В. Копыткова

*заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Расследованием преступлений в нашей стране до недавнего времени занимались различные органы правоохранительной системы. В сентябре 2011 г. был создан Следственный комитет Республики Беларусь как самостоятельный орган государственной власти. Любые изменения, происходящие в структуре правоохранительной системы, обуславливают необходимость адекватного изменения условий подготовки кадров для соответствующих подразделений и служб, входящих в ее состав. Проблема подготовки высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов является высоко значимой на протяжении многих десятилетий.

В условиях реформирования системы образования Республики Беларусь особое внимание должно уделяться качеству практической подготовки студентов. Наряду с теоретическими знаниями по достаточно большому числу учебных дисциплин студент должен овладеть еще определенным количеством профессиональных навыков, что должно стать вторым слагаемым, необходимым для профессионального успеха. Компетентный следователь – это тот, кто не только знает теоретические основы права, отраслевое законодательство, но и может осуществлять профессиональную деятельность.

Несмотря на многообразие сфер профессиональной юридической деятельности, каждая из которых имеет свою специфику, любой юрист должен обладать минимально необходимыми для выполнения профессиональных функций навыками, такими, как:

- выбор верного с позиций профессиональной этики варианта поведения в различных ситуациях, часто связанных с различного рода юридическими конфликтами;
- коммуникативный навык, необходимый для установления контакта с лицом, обратившимся за правовой помощью, получения от него юридически значимой информации,
- выработка позиции по делу в интересах лица, обратившегося к юристу за правовой помощью, либо в публичных интересах, если юрист представляет органы публичной власти;
- составление разного рода юридических документов (нормативных, учредительных, процессуальных и т. д.)
- навык публичного выступления, который включает в себя как стадию подготовки, так и само выступление [1].

Отечественная высшая школа (в том числе и юридическая) исторически сложилась таким образом, что в ней всегда была первична теоретическая подготовка студентов. Студент юридического вуза обязан одинаково хорошо ориентироваться во всех предлагаемых ему в вузе учебных дисциплинах и отраслях права. В зарубежных системах образования (в частности, в системах образования Великобритании и США) студенты овладевают совокупностью не только знаний, но и профессиональных навыков, которые позволяют им, выйдя из стен вуза, сразу квалифицированно выполнять работу в определенных сферах правового регулирования по конкретным категориям дел на определенных стадиях судопроизводства.

Дидактика высшего образования обогатилась инновационными формами и методами обучения, среди которых – интерактивные методы, информатизация обучения, различные игровые и творческие методы обучения. Одним из важных направлений такого поиска является разработка практико-ориентированных методов обучения, позволяющих повысить эффективность профессиональной подготовки в вузах, в том числе и специалистов для следственных органов.

Следует признать, что отечественное юридическое образование «недодает» выпускнику вуза самого главного – умения работать в профессиональной среде и реально осуществлять профессиональную деятельность в той или иной сфере. Особый упор должен делаться на специализированных кафедрах в сторону практической основы преподаваемых дисциплин. Кроме этого, на кафедрах должны проводиться занятия с участием действующих работников, имеющих большой практический опыт. Весьма примечательным является опыт подготовки следователей и полицейских в ФРГ, где в качестве преподавателей специальных дисциплин работают опытные практические работники. Они принимаются в академию на конкурсной основе, работают в ней от трех до пяти лет, после чего направляются с повышением в должности в правоохранительные органы. В ходе проведения занятий такие преподаватели стремятся не только преподнести учебный материал в соответствии со стандартами образования, но и передать свой личный практический опыт, полученный в ходе прохождения службы в различных подразделениях правоохранительных органов.

Чтобы дать возможность будущим специалистам развить практические профессиональные навыки, увидеть своими глазами будущую профессию, а иногда – выбрать работодателя и рабочее место по своим предпочтениям и интересам, во время учебы в университете организуется практика. Однако необходимо осознать тот факт, что студенческая практика должна стать двусторонне выгодным процессом как для вуза, так и для тех организаций и учреждений, где студент проходит практику. Всем нужны надежные, высококвалифицированные специалисты. Готовых квалифицированных молодых специалистов, которые нужны правоохранительным органам и хозяйствующим субъектам, на рынке найти трудно. Поэтому мы должны объединить усилия и дать будущим специалистам полноценное всестороннее юридическое образование.

Существуют как объективные, так и субъективные причины невысокого качества результатов студенческой практики. На мой взгляд, первая причина – в самих студентах, а точнее – в их халатном отношении к своей будущей профессии. Нередки случаи, когда студент появляется на практике два раза: первый раз – для того, чтобы получить документы, необходимые для отчета, второй раз – для получения необходимых подписей и печатей. Тот, кто хочет «вырасти» за счет практики как специалист и тот, кто хочет устроиться на работу после окончания учебы, реально трудится на практике «от звонка до звонка».

Вторая причина недостаточно высокого качества результатов практики – формальность со стороны принимающей стороны. Когда добросовестный и ответственный студент приходит на практику в первый раз, то он полагает, что ему все покажут, загрузят полезной для него работой, которая позволит закрепить теоретические знания, и в итоге он получит бесценный практический опыт. Нередко студента ждет «холодный прием», ему не поручают тех заданий, которые реально бы позволили получить навыки практической деятельности и которые бы пригодились в будущем.

Неспособность студента применять усвоенные теоретические правовые знания в юридической деятельности можно объяснить отсутствием у него возможности участвовать в конкретной юридической деятельности при прохождении учебной и производственной практик. Зачастую руководители практики – практикующие юри-

сты, следователи не доверяют практикантам выполнение конкретных юридических заданий. Студенты-практиканты получают возможность лишь наблюдать демонстрацию профессиональных навыков и умений у руководителя практики, что не может привести их к успешному усвоению наиболее значимых практических навыков и умений.

Такую «холодность» можно объяснить загруженностью руководителей практики непосредственно должностными функциями и отсутствием материальной заинтересованности. Это абсолютно понятные причины и мы не вправе требовать от них выполнения дополнительной нагрузки за столь низкую оплату труда. К сожалению, руководители практики от вуза не имеют возможности повлиять на повышение качества прохождения практики, их работа ограничивается выдачей задания и проверкой отчетов по результатам прохождения практики.

Законодательство Республики Беларусь в области образования уделяет большое внимание практико-ориентированному образованию. Так, Положение о практике студентов, курсантов, слушателей, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь в 2010 г., гласит: «Практика является обязательным компонентом высшего образования, организуется и проводится учреждениями высшего образования в тесном взаимодействии с государственными органами и иными организациями, для которых осуществляется подготовка. Основные цели практики – овладение студентами практическими навыками, умениями и их подготовка к самостоятельной профессиональной деятельности по получаемой специальности» [2]. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.03.2016 г. № 250 была утверждена Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2016–2020 годы». Данная программа включает 11 подпрограмм. Подпрограмма 5 «Развитие системы высшего образования» направлена на решение нескольких задач, первая из которых – повышение качества подготовки специалистов, эффективности практико-ориентированной подготовки и углубление связей с организациями – заказчиками кадров. Глава 5 «Основные риски, механизмы по управлению рисками и меры по их минимизации» указывает: «Перспективы развития системы образования в предстоящем пятилетии будут зависеть от степени интенсивности экономического развития страны в целом, возможности изыскать дополнительные ресурсы для обеспечения качественного роста национальной системы образования» [3].

Таким образом, все опять упирается в денежный вопрос. Остается надеяться на рост экономических показателей в стране и на дополнительные финансовые источники от спонсоров.

Литература

1. Профессиональные навыки юриста : учеб. и практикум для прикладного бакалавриата / М. В. Немытина [и др.] ; под ред. М. В. Немытиной. – М. : Юрайт, 2015. – 211 с.
2. Положение о практике студентов, курсантов, слушателей : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 03.06.2010 г. № 860. – Режим доступа <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C210>. – Дата доступа: 20.05.2018.
3. Государственная программа «Образование и молодежная политика на 2016–2020 годы» : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28.03.2016 г. № 25. – Режим доступа www.government.by/upload. – Дата доступа: 20.05.2018.

УДК 378.1

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л. А. Краснобаева

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

Проблема совершенствования подготовки кадров Следственного Комитета, в частности, и для правоохранительных органов в целом многопланова. Одна из главных проблем – это использование кадрового потенциала в совершенствовании деятельности указанных органов. Она заключается в том, что кадры должны рассматриваться как решающее условие достижения стратегических целей правоохранительной системы государства. Поэтому первостепенное значение в современных условиях приобретает научная организация работы с кадрами, начиная с их отбора, подготовки и заканчивая повышением их квалификации. Также следует обратить внимание и на формирование системы непрерывного образования.

Формирование высокопрофессионального кадрового состава государственной службы является приоритетным направлением государственной кадровой политики [1, с. 172]. Как указывал С. Я. Аземша, заместитель Председателя Следственного комитета Республики Беларусь: «Совершенствование подготовки высокопрофессиональных юридических кадров для Следственного комитета Республики Беларусь является одним из актуальных вопросов не только для деятельности органов предварительного следствия, но и для обеспечения в ходе досудебного производства национальной безопасности государства в целом» [2].

В настоящее время в Республике Беларусь сложилась определенная система подготовки сотрудников, которая включает обучение в образовательных учреждениях, обучение на рабочем месте и краткосрочное повышение квалификации. Если обратиться к зарубежному опыту, то подготовка кадров для правоохранительных органов основывается на многоуровневом обучении, в ходе которого изучаются как специальные предметы, так и предметы социальной направленности [3].

Для примера обратимся к деятельности Международной Европейской полицейской академии (ЕПА), известной как CEPOL, которая была создана решением Совета Европейского Союза 20 сентября 2005 г. ЕПА функционирует как сеть национальных образовательных учреждений, к задачам которых относятся подготовка и повышение квалификации руководящего состава полиции высокого ранга. Основная задача CEPOL – создание общих универсальных стандартов по работе полиции в обществе. Принципиальная позиция ЕПА состоит в том, что полицейский менеджмент должен отвечать стандартам качества общего социального и государственного управления, чтобы, например, менеджеры полиции при согласовании межведомственных вопросов могли на равных общаться с менеджерами других государственных структур. Национальные образовательные учреждения работают для этой цели в тесном сотрудничестве.

Таким образом, образовательный и научный процесс происходит через национальные полицейские академии стран членов Евросоюза. Дополнительным направлением деятельности CEPOL являются языковые курсы и семинары по совершенствованию языковой подготовки работников полиции по 4 языкам: английскому, немецкому, французскому, испанскому. Ежегодно в сфере своей деятельности

СЕРОL организует примерно от 80 до 100 курсов, семинаров и конференций по ключевым вопросам, относящимся к компетенции полиции в Европе. Курсы, семинары и конференции длительностью от 3 до 20 дней проводятся в национальных колледжах и академиях по подготовке сотрудников полиции в странах – членах Евросоюза. Основная масса семинаров – это краткосрочные семинары (от 3 до 5 дней). Как правило, они проводятся для практических работников полиции высшего и среднего звена и сотрудников СЕРОL (от 15 до 30 участников). Ряд наиболее актуальных тем может повторяться из года в год. Кроме того, тематический план дополняется новыми курсами и семинарами [4].

В настоящее время в целях повышения профессионального уровня следователей на постоянной основе Следственным комитетом страны организуются занятия по специальной подготовке с участием специалистов Государственного комитета судебных экспертиз, которые разъясняют особенности назначения различных видов экспертиз, необходимых следователям в работе. Подписано 25 апреля 2013 г. Соглашение о сотрудничестве между Следственным комитетом Республики Беларусь и Следственным комитетом Российской Федерации. Данный международный договор предусматривает новые формы взаимодействия, такие, как содействие в подготовке и повышении квалификации кадров, в том числе путем направления в научные и образовательные учреждения; содействие в проведении доследственных проверок; обмен опытом работы и различной информацией; организация рабочих встреч и консультаций по актуальным вопросам; проведение совместных научных исследований, научно-практических семинаров и конференций и др.

Таким образом, если учитывать международный опыт, возникает необходимость перехода на многоступенчатую систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации юридических кадров для Следственного комитета, также проявляется проблема определения места и роли в ней всех образовательных учреждений МВД и Министерства образования Республики Беларусь, специфики и особенностей их работы в новых условиях, а также возникает необходимость создания сети национальных образовательных учреждений в рамках СНГ или Союзного государства.

Подготовка кадров должна идти в тесном сотрудничестве Следственного Комитета с образовательными учреждениями страны. Также возможно создание Академии Следственного комитета Республики Беларусь по примеру Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (образована в 2016 г.), на базе которой для повышения качества кадров ведомства создан ряд структур, которые являются основой непрерывного воспитания и обучения работников Следственного комитета.

К элементам системы непрерывного воспитания и обучения следует отнести, во-первых, предподготовку (организация в ряде школ профильных классов (с 9 по 11) юных следователей, дополнительно изучающих специально разработанные для них предметы («Основы права», «Основы национальной безопасности», «Основы правового воспитания»)), во-вторых – собственно «подготовка», которая может реализовываться в кадетских корпусах и учебных заведения Следственного комитета Республики Беларусь. Одним из условий совершенствования системы образования на первом этапе может стать создание научно-исследовательской лаборатории профессиональной подготовки и использования кадров Следственного комитета при юридических факультетах. Основная задача лаборатории заключалась бы в разработке методического обеспечения профессиональной предподготовки, подготовки, доподготовки, переподготовки, повышения квалификации работников данного ведомства.

Литература

1. Крымов, А. А. Профессиональная подготовка резерва управленческих кадров в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года / А. А. Крымов // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сб. докл. участников междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 22–23 нояб. 2012 г. : в 4 т. – Рязань, 2013. – Т. 1: Доклады пленарного заседания. – С. 172–179.
2. Аземша, С. Я. О формировании высокопрофессиональных юридических кадров для Следственного комитета Республики Беларусь / А. Я. Аземша // Актуальные проблемы юридического образования : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – 388 с.
3. Колесникова, Н. Е. Использование зарубежного опыта подготовки кадров служб пробации для обучения специалистов уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России / Н. Е. Колесникова // Психопедагогика в правоохранит. органах. – 2017. – № 2 (69). – С. 69–73.
4. Международный и зарубежный опыт подготовки кадров для правоохранительных органов: обзорная информация // Зарубеж. опыт. – М. : ГИАЦ МВД России, 2009. – Вып. 2. – С. 3–5.

УДК 378.048.2

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МАГИСТЕРСКИХ
ДИССЕРТАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВТОРОЙ СТУПЕНИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РАБОТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ**

Д. И. Михайлов

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»,
кандидат юридических наук, доцент, Республика Беларусь*

В сложившейся системе высшего и послевузовского образования Республики Беларусь и многих других постсоветских государств магистерское диссертационное исследование является промежуточным звеном в структуре из четырех ступеней аттестации в сфере научного творчества: дипломный проект, магистерская, кандидатская и докторская диссертации. При этом в рамках Болонской конвенциональной образовательной системы степень бакалавра не предполагает обязательной аттестации в области научных исследований, в результате чего в рамках данной системы возможны две аттестационные ступени в рассматриваемой сфере – магистерская и докторская научные работы. Советская образовательная система предусматривала три ступени аттестации в сфере научных исследований: дипломное проектирование, подготовка и защита кандидатской и докторской диссертаций.

В условиях сформировавшейся в настоящее время системы магистерская диссертация должна подтверждать несколько больший уровень научных знаний и навыков, чем тот, который позволяет сопоставлять и модернизировать существующие категории, тезисы и выводы, что является достаточным при подготовке дипломного проекта. В то же время к магистерскому диссертационному исследованию не могут быть предъявлены требования о наличии достаточной степени научной новизны, т. е. выводов о ранее неизвестных соответствующей области научных категориях, идеях, концепциях в рамках существующих научных направлений, что свойственно кандидатским диссертационным исследованиям.

С формальной точки зрения магистерскую диссертацию следует рассматривать как работу, подтверждающую минимальные способности соискателя к научным ис-

следованиям посредством выводов, основанных на результатах сопоставления известных научных категорий, и минимальном их уточнении или дополнении (первоначальном модифицировании), т. е. как аналог дипломной работы в советской образовательной системе. Однако в рамках такого подхода будет необходимо понизить требования к дипломной работе, защищаемой для присвоения базовой квалификации в той или иной области знаний (степени бакалавра). По этой причине формальный подход представляется неприемлемым в силу следующих причин:

– понижение требований к тому или иному аттестационному (квалификационному) процессу – задача, противоречащая устоявшимся тенденциям, предполагающим поэтапное повышение требований;

– базовое высшее образование в рамках сложившейся (гибридной) системы не следует отождествлять с бакалавриатом, рассматриваемым в рамках Болонской образовательной системы лишь как первоначальный, своего рода подготовительный этап;

– снижение требований к дипломному проекту в силу ряда факторов может повлечь понижение требований к иным элементам базовой системы образования, что негативно.

В настоящее время очевидна тенденция сближения требований к качеству дипломной и магистерской работ. В качестве различия называются главным образом, более высокая чем в дипломном проекте степень подчиненности разделов (глав) магистерской диссертации цели исследования и большие требования к методам научного исследования и отражению теоретической или практической значимости результатов. Однако даже эти различия носят оценочно-количественный, но никак не концептуально-качественный характер. При этом требования к сущности самих результатов исследовательской работы первой и второй ступеней высшего образования не имеют существенных отличий, что влечет за собой неизбежную трансформацию магистерской диссертации в «повторную дипломную работу», научное качество которой в среднем будет несколько выше, но не за счет установления высокой аттестационной планки, а за счет приобретения магистрантами дополнительных умений и навыков в результате большей продолжительности обучения, обретения жизненного и исследовательского опыта.

Однако такая тенденция не только не способствует повышению эффективности второй ступени высшего образования, но и может повлечь понижение ее эффективности, в сравнении с первой ступенью, в силу такого субъективного (психологического) фактора, как рост самоуверенности в результате завершения первоначального этапа обучения. Студент выпускного курса, не имеющий опыта проведения научных исследований, характеризуется, как правило, неуверенностью в своих способностях, навыках и умениях. Магистрант, благодаря обретению минимального опыта в области научных исследований, характеризуется уже не отсутствием уверенности в своих силах, а самоуверенностью, особенно в том случае, когда данный эмпирический опыт был особенно успешным при защите дипломной работы. При этом магистрант не усматривает существенных качественных различий в сущности результатов дипломного и магистерского исследований. Необходимость лишь повторения накопленного минимального опыта с незначительным изменением вектора его направленности и есть главный фактор формирования самоуверенности. Именно это психологическое состояние является основным деструктивным фактором при подготовке магистерской диссертации, влияние которого может быть снижено главным образом посредством предъявления к результатам магистерской диссертации качественно иных требований, чем к дипломному проекту. По этой и ряду других причин повышение требова-

ний к магистерским диссертационным исследованиям очевидно. Значительно сложнее выработать универсальные или хотя бы отраслевые критерии оценки качества таких исследований, которые отвечали бы следующим условиям: а) повышали бы уровень результатов таких исследований на качественно более высокий уровень и вместе с тем не предусматривали обязательность научной новизны результатов исследования; б) были бы понятны и просты с точки зрения оценки качества конкретной работы с их помощью.

Общеизвестно, что степень качества научного исследования определяется двумя критериями: уровнем всесторонности и полноты научной работы. На наш взгляд, применительно к магистерским диссертациям в области права критерий полноты должен быть воплощен в следующих требованиях:

1. *Обязательность наличия системного анализа той или иной научной проблемы.* Следует отметить, что в рамках юридической науки системный метод является необходимым частно-научным методом любых исследовательских работ в области права. Тем не менее, в отсутствие соответствующего требования достаточно большое количество как дипломных, так и магистерских исследований в области права носят не системный, а системно-фрагментарный характер. Это означает, что в научной работе проблемная правовая норма рассматривается в системе права лишь посредством указания ее места и роли в рамках той или иной группы правовых норм (субинститута, правового института, подотрасли и отрасли права). Сущность проблемы в данной норме (правового пробела, неточности, противоречия и т. п.) рассматривается как бы вне системы, вследствие чего выводы автора не могут раскрыть степень влияния проблемной нормы на смежные с ней правила или на любые другие нормы. По этой причине представляется целесообразным установление системного анализа в качестве обязательного требования к магистерским диссертациям в области права, так как это позволит несколько повысить требования к их качеству.

2. *Обязательность наличия сравнительного анализа отличных мнений по поводу той или иной проблемы, в том числе оценка сильных и слабых сторон способов их разрешения, предлагаемых разными специалистами.* Применительно к юридической науке такое требование должно означать обязательность наличия в магистерской диссертации сравнительной оценки предлагаемых вариантов толкования проблемной нормы права и (или) предлагаемых вариантов ее дополнения (уточнения). Возможен сравнительный анализ также возможных (гипотетических) последствий предлагаемых разными специалистами путей совершенствования проблемной нормы.

На базе критерия всесторонности применительно к магистерским диссертациям следует рекомендовать выполнение требования об обязательном сопоставлении научных проблем со смежными областями знаний в рамках одной науки или ее ветви. Применительно к магистерским исследованиям в области права такое требование может быть сформулировано в виде следующих альтернатив:

- проведение сравнительного анализа выявленной правовой проблемы с аналогичными проблемами в смежных отраслях права, имеющих сходные предмет и метод правового регулирования;
- проведение сравнительного анализа проблемной нормы с ее аналогами в правовых системах иностранных государств;
- проведение сравнительного анализа проблемной правовой нормы с ее историческими аналогами, утратившими силу.

Таким образом, повышение требований к качеству магистерских диссертационных исследований представляется возможным посредством конкретизации таких общенаучных категорий, как полнота и всесторонность, в частности, посредством

установления обязательного соответствия таких научных работ рассмотренным требованиям в области системного анализа, сравнительного анализа и учета смежных областей знаний в рамках определенной науки или ее разделов.

УДК 614.84:004.45

FIREQUESTRASSLEDOVANIA

Е. Ю. Пасовец

доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения государственного учреждения образования «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск

В. Н. Пасовец

доцент кафедры промышленной безопасности государственного учреждения образования «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», кандидат технических наук, доцент, г. Минск

Подготовка высококвалифицированных кадров в области осмотра места пожара является приоритетным направлением в профессиональном образовании Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, на основании чего непрерывно совершенствуются педагогические технологии обучения и квалификация профессорско-преподавательского состава.

Не секрет, что за последние десятилетия наблюдается тенденция информатизации общества. С малолетнего возраста человек сталкивается с информационными технологиями. Очевидно, что информатизация образовательного процесса сегодня – объективное условие его успешности и эффективности. С одной стороны, наполнение учебной деятельности различными информационными технологиями вызовет интерес к обучению, с другой – позволит совершенствовать педагогические способности преподавателей.

Для повышения эффективности процесса подготовки специалистов в области расследования преступлений, связанных с пожарами, работниками Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь было разработано программное обеспечение «FireQuestRassledovania». Оно позволяет проводить осмотр места пожара, не выходя из учебной аудитории. Очевидно, осмотр места пожара является наиболее важным следственным действием при установлении истины по делам о пожарах. Характеризуется он своей повышенной сложностью. В связи с этим именно осмотру места пожара было уделено внимание при разработке информационных педагогических технологий.

В программное обеспечение «FireQuestRassledovania» внесены изображения реальных пожаров. При этом имеется возможность пополнения данного продукта новыми изображениями, полученными при помощи фотосъемки на осмотрах мест происшествий.

Программное обеспечение «FireQuestRassledovania» имеет два функциональных режима, отображенных в главном окне: режим администратора и режим обучения. Режим обучения может функционировать в формате обучающем, ознакомительном, ограничительном и контрольном (рис. 1).

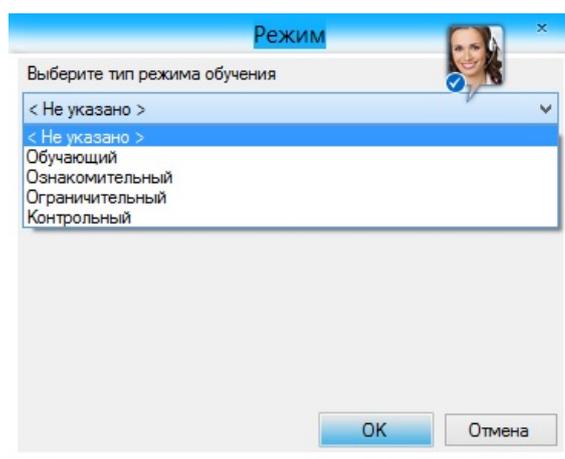

Рис. 1. Меню режимов функционирования

Интерфейс программного обеспечения эргономичен, интуитивно понятен. Навигация осуществляется при помощи мыши. За счет набора панорамных фотоснимков, снятых из одной точки реального пространства, формируется иллюзия трехмерного изображения на мониторе. При наведении мыши на другие точки виртуального пространства и клике левой кнопкой мыши происходит переход в новую точку снимка другой панорамы (рис. 2).

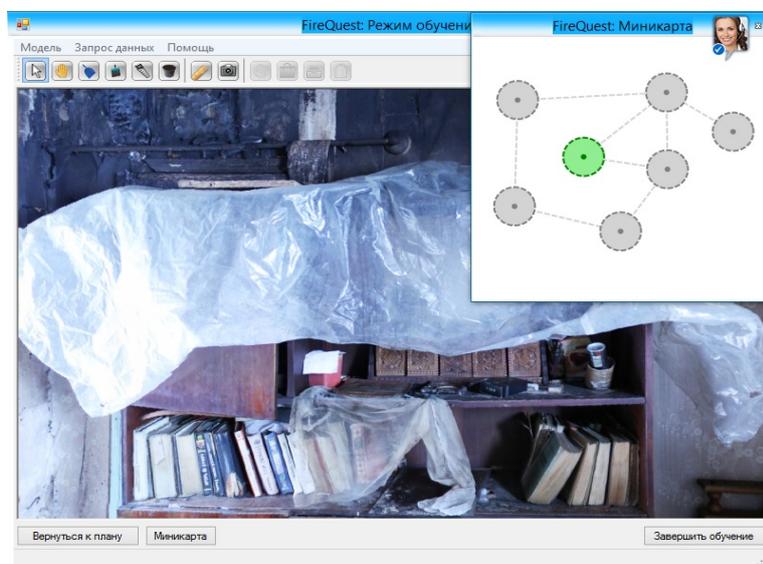

Рис. 2. Режим функционирования программного обеспечения

Помимо внешнего и детального осмотра программное обеспечение позволяет пользователю осуществлять фотосъемку в необходимых режимах. Имеется возможность просмотра сделанных фотоснимков. Можно осуществлять изъятие некоторых вещественных доказательств в ходе осмотра места происшествия. Кроме того, возможно виртуально измерить любое интересующее расстояние. Пользователь в ходе проведения процессуальных действий на виртуальном объекте также имеет возможность заполнения соответствующих документов, которые по команде пользователя экспортируются в Word (рис. 3).

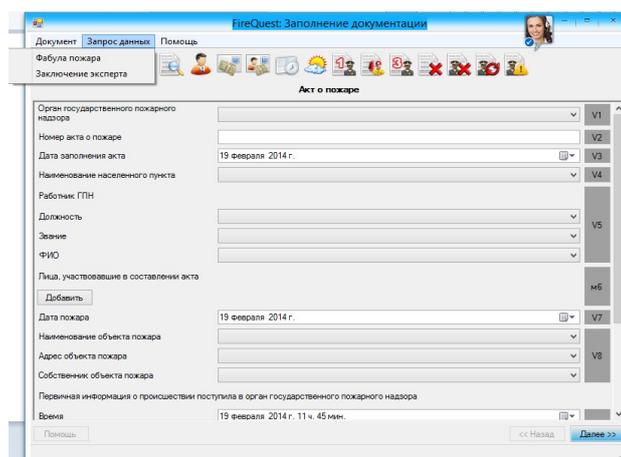

Рис. 3. Режим функционирования программного обеспечения

Результаты работы пользователя оцениваются программным обеспечением путем начисления баллов (1 балл – за неправильно выполненное действие с выставлением оценки по 10-балльной системе). Отметим, что программное обеспечение совместимо с операционными системами типа Windows, а именно: Windows XP, Windows Vista, Windows 7, разработано для установки на персональный компьютер с платформой не ниже Pent.

Использование программного обеспечения «FireQuestRassledovania» в образовательном процессе позволило повысить уровень успеваемости обучающихся за счет выработки умений и навыков в области осмотра места пожара, а также активизировать мотивацию обучающихся на получение этих навыков за счет интерактивной среды обучения.

УДК 378.147:343.98:378.4(476.2)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ «ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ)

Е. В. Степаненко

заведующий лабораторией кафедры уголовного права и процесса учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Республика Беларусь

Юридический факультет учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в текущем 2018 г. осуществляет 20-й юбилейный выпуск специалистов-юристов. За два десятилетия профессорско-преподавательским составом факультета накоплен значительный опыт по подготовке кадров для всех сфер деятельности профессиональных юристов.

На факультете представлен широкий спектр юридических специализаций, а именно: «Организация и деятельность государственных органов», «Правовое обеспечение бизнеса», «Налоги и банки», «Адвокатура и нотариат», «Судебно-прокурорско-следственная деятельность».

Как показывает практика, такая специализация, как «Судебно-прокурорско-следственная деятельность» у студентов неизменно вызывает наибольший интерес, однако о работе сотрудников правоохранительных структур на первых порах они судят лишь по эффективным телевизионным сериалам, в которых, конечно, художественный вымысел превалирует над реальностью. Практически никто из них точно не представляет, какому уровню требований им предстоит соответствовать, придя на службу, и какие нагрузки, возможно, придется преодолевать. С первых занятий студентам дается понять, что за профессиональным успехом, карьерным ростом, красивой униформой, «золотыми звездами» на погонах и весомыми социальными гарантиями стоит каждодневный кропотливый напряженный труд, высокий уровень профессиональной ответственности и стойкое противостояние тяготам и лишениям. Только студенты с достаточно сильной мотивацией и твердым желанием связать свою трудовую деятельность со службой в правоохранительной системе при отсутствии медицинских противопоказаний и прочих препятствий имеют высокий шанс стать практическими работниками прокуратуры, следствия, суда, органов внутренних дел. К подготовке таких кадров всегда был и остается особый подход, а с момента коренной реформы белорусской правоохранительной системы перед образованием вообще и юридическим образованием, в частности, встала серьезная и ответственная задача – вывести подготовку кадров для правоохранительных ведомств на качественно новый уровень.

Президентом нашей страны Александром Лукашенко на II Съезде ученых Беларуси были обозначены ориентиры совершенствования национальной системы высшего образования. Все усилия по подготовке кадров должны быть нацелены на завтрашний день. Время потребовало свежих решений, более активных действий в данном вопросе, а в связи с переходом на 4-летнее обучение – действовать необходимо максимально эффективно и в сжатые сроки.

Преподаватели юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины всегда ощущали искреннюю заинтересованность правоохранителей в качественном кадровом подборе. В новых условиях функционирования правоохранительных структур существует востребованность среди силовых ведомств в высококвалифицированных специалистах – выпускниках нашего факультета.

Желая соответствовать высоким требованиям в вопросах подготовки юридических кадров сегодня и в перспективе, необходимо, во-первых, предоставить каждому студенту возможность разобраться в своих намерениях на дальнейшую трудовую деятельность, а, во-вторых – наделить твердо убежденных и целеустремленных студентов необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками. Все это позволит не допустить в силовые структуры случайных людей.

Решая задачу по подготовке стабильно сильного кадрового состава для правоохранительных ведомств, на нашем факультете было намечено усилить акцент на практическую составляющую криминалистического образования. Мы убеждены, и это проверено временем, что без полноценных криминалистических знаний нет и не может быть грамотного следователя, прокурора, оперативного работника, судьи, нацеленного на поддержание законности в стране, охрану правопорядка, противодействие преступности, предотвращение, пресечение и расследование преступлений.

Криминалистику как межотраслевую учебную дисциплину «Криминалистику» студенты юридического факультета всех специализаций изучают на протяжении двух семестров. В первом семестре по программе изучаются предметы «Общая теория криминалистики» и «Криминалистическая техника». В этот период для проведения лабораторных занятий активно используются возможности кабинета криминалистики, ко-

торый был создан на факультете в 2000 г. по инициативе преподавателей и при весомой поддержке сотрудников правоохранительных структур г. Гомеля тех лет. Оснащение кабинета соответствует современным образовательным стандартам. Студентам предоставляется в пользование научно-технические и технико-криминалистические средства, приборы и приспособления, учебно-методические и информационные материалы, макеты и экспонаты. Кабинет компьютеризирован и оснащен мультимедийным оборудованием. Всеми возможностями кабинета активно пользуются студенты при проведении практических и лабораторных занятий, семинаров по криминалистике и другим предметам уголовно-правового блока. На базе кабинета эксперты-криминалисты Управления Государственного комитета судебных экспертиз по Гомельской области проводят мастер-классы по различным тематикам, например, «Работа с вещественными доказательствами».

Лабораторные занятия по криминалистике подкрепляются рядом дополнительных мероприятий, расширяющих познания. Так, при изучении темы «Криминалистическое оружиеведение» сложилась практика посещать ЧУП «Гомельский стрелково-спортивный тир» Республиканского государственного общественного объединения «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь». В тире опытный инструктор по стрельбе знакомит наших студентов с тактико-техническими характеристиками пистолета Марголина калибра 5,60 мм и спортивной винтовки Урал 6-1 с диоптрическим прицелом. Под руководством инструктора студенты осваивают полную разборку и сборку данных видов оружия, закрепляют свои знания о внешней и внутренней баллистике, изучают правила ведения прицельного огня, получают практические навыки пулевой стрельбы. В тире студенты имеют возможность наблюдать, как проводят учебные занятия по пулевой стрельбе отдельные подразделения силовых структур города, как действующие сотрудники выполняют команды на линии огня, ведут прицельный огонь по мишеням из пистолета Макарова и автомата Калашникова. Данное мероприятие имеет не только большое познавательное значение, оно дисциплинирует студентов, кому-то помогает побороть страх. Получаемые студентами впечатления – немаловажный фактор в пропаганде привлекательности профессии защитников правопорядка.

Следующий значимый проект стал возможен при содействии Управления Государственного комитета судебных экспертиз по Гомельской области – это посещение студентами Бюро судебных медицинских экспертиз. Как известно, в своей профессиональной деятельности сотрудники следственных подразделений и органов дознания сталкиваются с вопросами обязательного назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы, например, когда необходимо установить причину смерти или характер и степень тяжести телесных повреждений. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь закреплено, что следователь, лицо, производящее дознание, вправе присутствовать при проведении экспертизы. Для расширения практической направленности обучения криминалистике и приобретения опыта в таких вопросах, как основания назначения экспертизы, порядок и методика проведения судебно-медицинской экспертизы по факту смерти человека студенты посещают Бюро судебных медицинских экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Таким образом, они получают наглядное представление о практической работе судмедэксперта, о механизме исследования объектов в целях решения медико-биологических вопросов, возникающих в ходе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства.

Все вышеизложенные мероприятия позволяют студентам с определенным запасом криминалистических знаний в летний период времени приступить к прохожде-

нию судебно-прокурорско-следственной практики, в ходе которой они активно взаимодействуют с практическими работниками следствия, прокуратуры, суда. Приобретенные на практике опыт и навыки обуславливают более успешное изучение следующих разделов криминалистики: «Криминалистическая тактика» и «Криминалистическая методика». На этом этапе в образовательном процессе активно используются возможности криминалистического полигона, который несколько лет назад был организован и оборудован на факультете при поддержке Управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

На полигоне обучающиеся практикуются в обнаружении, изъятии и упаковке вещественных доказательств, в отработке тактических приемов отдельных следственных действий, в проведении деловых игр по предложенной фабуле, когда отрабатывается весь процесс расследования – от поступления заявления о преступлении до установления лица, виновного в его совершении.

Криминалистический полигон имеет два помещения, разделенных на зоны, где оборудованы зона жилища, зона исторического музея, зона совещательной комнаты, зона рабочего места следователя. Полигон многофункционален и мобилен, он легко моделируется под конкретную изучаемую тематику, максимально приближен к повседневной служебной обстановке и дает широкое поле деятельности для студентов, их активности и самостоятельности. Здесь собраны все необходимые атрибуты, но работа по насыщению полигона всевозможными экспонатами продолжается, в чем активно участвуют студенты и преподаватели вуза, действующие сотрудники и ветераны служб.

Неотъемлемой частью практико-ориентированного образовательного процесса на факультете также является привлечение действующих работников прокуратуры Гомельской области и Следственного комитета по Гомельской области к проведению практических и семинарских занятий с одной стороны, а с другой – привлечение правоохранителями студентов юридического факультета в качестве общественных помощников к выполнению поручений, к участию в проведении отдельных следственных действий по реальным делам. Огромное познавательное и воспитательное значение имеют учебно-методические сборы и другие мероприятия, проводимые Управлением Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области, в которых принимают участие наиболее мотивированные студенты юридического факультета.

Компетентность, устойчивый, основанный на неформальном подходе и взаимном интересе механизм взаимодействия практических работников и преподавательского состава вуза по формированию у студентов полноценных знаний и практических навыков в области криминалистики позволят соответствовать высоким стандартам в вопросах подготовки кадров для органов уголовной юстиции. Только совместными усилиями с заинтересованными работодателями можно добиться желаемого результата. Прикладная направленность образовательного процесса в области криминалистики – это основа политики юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины в вопросах подготовки кадров для силовых структур.

Научное издание

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Материалы

I Международной научно-практической конференции,
посвященной Дню образования Следственного комитета
Республики Беларусь

Гомель, 20–21 сентября 2018 года

Ответственный за выпуск *Н. Г. Мансурова*

Редакторы: *А. В. Власов, Т. Н. Мисюрова*

Компьютерная верстка: *М. В. Кравцова, И. П. Минина*

Подписано в печать 12.09.18.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Ризография. Усл. печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 26,61.

Тираж 150 экз. Заказ № 562/33.

Издатель и полиграфическое исполнение
Гомельский государственный
технический университет имени П. О. Сухого.
Свидетельство о гос. регистрации в качестве издателя
печатных изданий за № 1/273 от 04.04.2014 г.
пр. Октября, 48, 246746, г. Гомель